

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
Российской академии наук

ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
Серия Е: Проблемы новейшей истории Китая

Выпуск 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ
В ЖИЗНИ КИТАЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы Всероссийской научной конференции
Центра изучения новейшей истории Китая
и его отношений с Россией
(Москва, 3–4 апреля 2013 г.)

Москва
ИДВ РАН
2013

В сборник вошли материалы Всероссийской научной конференции «Исторические события в жизни Китая и современность», состоявшейся 3–4 апреля 2013 г. в Москве в Институте Дальнего Востока РАН.

В конференции участвовали специалисты, молодые ученые, аспиранты, студенты из научных учреждений и учебных заведений Москвы, Санкт-Петербурга, Тамбова, Владивостока, Благовещенска, Читы, Риги и др. В докладах были затронуты актуальные проблемы новой и новейшей истории Китая. Значительное внимание уделено также проблемам современного Китая, представленным, как правило, в исторической ретроспективе. Тематика докладов выходит за рамки политической истории и охватывает широкий спектр исследований, включая проблемы идеологии, права, экономики, экологии.

Редакционная коллегия

д.и.н. *Мамаева Н.Л.* (отв. редактор), к.и.н. *Смирнов Д.А.*, к.и.н.
Сотникова И.Н., с.н.с. *Верченко А.Л.*,
с.н.с. *Герасимова Т.Г.* (отв. секретарь)

Ответственный за выпуск:
руководитель ЦНИД д.и.н. *С.А. Горбунова*

ISBN 978-5-8381-0254-6

© ИДВ РАН, оформление, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РАН АКАДЕМИКА М.Л. ТИТАРЕНКО 7

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ И ОПЫТ ИСТОРИИ

Мамаева Н.Л.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОЛИТИКИ
КОМПАРТИИ КИТАЯ И НОВЫЕ АКЦЕНТЫ 11

Смирнов Д.А.

XVIII СЪЕЗД КПК: ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ 25

Стабурова Е.Ю.

СУН ЦЗЯОЖЭНЬ ВЫХОДИТ ИЗ ТЕНИ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЗАПРОС НА СУН ЦЗЯОЖЭНЯ В 2013 Г. 42

Трощинский П.В.

ПРАВО И ТРАДИЦИЯ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ 50

Анисимцев Н.В.

XVIII СЪЕЗД КПК О «ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ
СОЦИАЛИЗМА С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ» 64

Ершов А.В.

РЕФОРМА СИСТЕМЫ КАДРОВ НЕПРОИЗВОДСТВЕННЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ КНР: ОПЫТ, ПРАКТИКА, ПЕРСПЕКТИВЫ 76

Шитов А.В.

СПЕЦИФИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
И АДМИНИСТРАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ КНР 87

Горбунова С.А.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННЫЕ
ПЕРСПЕКТИВЫ: ПРОТЕСТАНТИЗМ В КНР 105

Ожогина А.Н.

АНАЛИЗ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ КИТАЙЦЕВ
ПО ТАЙВАНЬСКОМУ ВОПРОСУ 114

ИСТОРИЯ КНР

<i>Герасимова Т.Г.</i> МА ГУЙФАНЬ О ПРОБЛЕМЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ КПК, НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ И ИСТОРИИ КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СОВЕТСКОЙ/РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	121
<i>Кузнецов В.С.</i> ТИБЕТСКОЕ ВОССТАНИЕ 1959 г. И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА КИТАЙСКО-ИНДИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ	128
<i>Рябченко Н.П.</i> СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЙ РАСКОЛ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ	132
<i>Степанова Е.Н.</i> ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЖЕНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В КНР	143
ИСТОРИЯ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ПЕРИОДА (1912–1949 гг.)	
<i>Романова Г.Н.</i> ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИОГРАФИИ КНР О ТОРГОВЫХ СВЯЗЯХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ (XIX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX в.)	157
<i>Верченко А.Л.</i> ВЛИЯНИЕ СИНЬХАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ТАЙВАНЬ	167
<i>Сотникова И.Н.</i> К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г.Н. ВОЙТИНСКОГО	179
<i>Каретина Г.С.</i> РОЛЬ МУЗЕЯ «РЕЗИДЕНЦИЯ МАРШАЛОВ РОДА ЧЖАН» В ИЗУЧЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЖАН ЦЗОЛИНЯ И ЧЖАН СЮЭЛЯНА	189
<i>Хохлов А.Н.</i> КРИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА КВЖД В 1933 Г.	198
<i>Пожилов И.Е.</i> ОБ ИСТОЧНИКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ КИТАЙСКОГО ОФИЦЕРА РЕСПУБЛИКАНСКОГО ПЕРИОДА	216

Мельникова Н.И.	
ГУН ЛЯНБИН ОБ ОБСТАНОВКЕ В ЧУНЦИНЕ ПОСЛЕ РОСПУСКА КОМИНТЕРНА	229
КИТАЙ В ПЕРИОД ЦИНСКОЙ ДИНАСТИИ	
Неглинская М.А.	
КОЛЛЕКЦИИ КИТАЙСКОГО ЭКСПОРТНОГО ИСКУССТВА XVII–XVIII СТОЛЕТИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МУЗЕЯХ И ИХ ИЗУЧЕНИЕ	235
Саркисова Г.И.	
ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ И ЗАКЛЮЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО АКТА О ПОРЯДКЕ РУССКО- КИТАЙСКОЙ ТОРГОВЛИ ЧЕРЕЗ КЯХТУ И ПОГРАНИЧНОМ РЕЖИМЕ (8 февраля 1792 г.)	246
Залеская О.В.	
ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ПРИСУТСТВИЯ КИТАЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ЭКСПОЗИЦИЯХ ХЭЙХЭСКОГО МУЗЕЯ КИТАЙСКИХ МИГРАНТОВ В РОССИИ	256
Элоян М.Р.	
КИТАЙСКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1894–1895 гг. И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННУЮ ИСТОРИЮ	262
Забровская Л.В.	
РОЛЬ РОССИИ В ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЕ: ОЦЕНКА КИТАЙСКИХ ИСТОРИКОВ	272
Сизова А.А.	
КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИИ В МОНГОЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.: ЗАДАЧИ, ОСОБЕННОСТИ И РОЛЬ ЗАГРАНИЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ МИД	286
Синецкая Э.А.	
КИТАЙ НАКАНУНЕ СИНЬХАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	303

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И ЭКОЛОГИИ

Борох О.Н.

ОСМЫСЛЕНИЕ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
КРИЗИСА В КИТАЕ в 1930-е годы 315

Балакин В.И.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ КНР
ДЛЯ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ 329

Афонасьева А.В.

ЗАРУБЕЖНЫЙ КИТАЙСКИЙ БИЗНЕС В РЕГИОНАХ КНР:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ 338

Прохорова Н.В.

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ВОДОРАСПРЕДЕЛЕНИЯ
В КИТАЕ 347

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РАН АКАДЕМИКА М.Л. ТИТАРЕНКО

(3 апреля 2013 г.)

Дорогие коллеги!
Друзья!

Прежде всего, разрешите сердечно приветствовать всех участников конференции, созванной по инициативе Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией. Я надеюсь, что эти конференции станут традиционными и регулярными. Я считаю, что участие наших уважаемых гостей из Санкт-Петербурга и других городов России, особенно представителей Дальнего Востока, большая честь для нас. Мы обогатимся общением. Вообще нам надо чаще общаться, потому что жизнь наша требует общения. Мы должны друг друга морально и идейно поддерживать.

Я заранее приглашаю Вас на нашу традиционную Международную XX конференцию «Китай, китайская цивилизация и мир». Тема нашей конференции «Китай в эпицентре глобальных проблем АТР». На нашей конференции будет работать 7 секций и «Круглый стол». Мы рады будем всех вас видеть как активных участников и докладчиков этой конференции.

Пользуясь случаем, хочу затронуть ряд принципиальных вопросов. История – очень актуальная наука. Без истории нет настоящего и нет будущего. Особое значение приобретают методология и направления исследований, которые имеют важное значение и с академической, научной точки зрения, и с точки зрения практического применения наших знаний.

Это касается изучения истории не только современного Китая. Историческое направление имеет очень важное значение с точки зрения развития мировой культуры, восприятия всеобщей мировой истории. Но для нас – россиян, изучение

истории Китая имеет особое значение и с точки зрения укрепления нашей культурной, географической и геополитической идентичности. Кто мы есть? 200%-ные европейцы, как некоторые наши господа пытаются нас представить, не принимая во внимание, что наша культура и идентичность есть органический синтез культур Европы и Азии с уникальными корнями русской, славянской цивилизации. Между тем именно евроазиатская идентичность органично соединяет историю всех народов, населяющих просторы России, их национальную и локальную субидентичность в общероссийскую идентичность. А так называемая 200%-ная европейская идентичность вычеркивает историю многих населяющих ее народов из истории России. Такой подход дает основания для спекуляции насчет целостности России, создания различных карт ее нового раздела.

Для нас изучение истории Китая и истории продвижения России на Восток, героизма отечественных первопроходцев в освоении морского пути через Ледовитый океан, освоения Сибири, открытия Камчатки, Чукотки, Сахалина и т.д. – это факторы, которые формируют нашу актуальную геополитическую, цивилизационную евроазиатскую, тихоокеанскую идентичность. Мне кажется, что и этот аспект определяет, почему мы уделяем такое внимание изучению истории Китая и других наших соседей – Японии, Кореи, Монголии, а также наших центрально-азиатских бывших братских республик.

Второй методологический вопрос, к которому я хотел привлечь ваше внимание, это вопрос о том, что есть истина в историческом значении. Истина и история всегда конкретны. Но история может иметь разные интерпретации. И мне кажется, что сейчас для нас, историков, изучающих Китай, очень важно комплексно, целостно подходить к истории. Это не просто изучение общей истории, изучение которое очень важно для общей культуры, понимания общих исторических закономерностей мировой цивилизации, оценки вклада Китая в мировую культуру. Нам важно показать китайский исторический куль-

турный потенциал для нашего сотрудничества, наметить те черты опыта Китая, которые для нас станут объектом изучения, заимствования и обогащения нашей культуры.

Но в этом деле есть и другие аспекты, на которые я хотел бы также обратить особое внимание.

Первое. Это изучение того, как в Китае исследуют и интерпретируют нашу российскую историю. Какой образ России создают в Китае и не только в Китае исследования китайских коллег? Академик РАН Сергей Леонидович Тихвинский написал блестящую работу, и Н.Л. Мамаева вместе с коллегами также обращались к этой теме. Это хорошо. Эту работу надо продолжать, что очень важно. Я хотел бы, чтобы наши друзья из Санкт-Петербурга, Благовещенска, Владивостока, Читы, Иркутска, все наши коллеги эту проблематику знали.

Второй аспект этой же проблемы – как освещается в Китае история развития российско-китайских отношений, включая и советско-китайские отношения. Здесь мы видим, товарищи, разные нюансы, порой не очень благоприятные. Имеет также место попытка с точки зрения сегодняшней системы ценностей, сегодняшних нравственных правил и норм оценивать события более чем столетней давности. В каждом историческом периоде действовали или отсутствовали свои исторические традиции и правовые нормы. С точки зрения сегодняшнего дня они нам могут показаться дикими, но их надо показывать именно такими, какими они были. А не пытаться с точки зрения сегодняшнего дня их интерпретировать, нельзя сегодняшние взгляды и нормы интерполировать на тот давний исторический период. Я хочу, чтобы меня правильно поняли. Ни в коей мере не оправдывая, не обеляя деятельность царского правительства в отношении наших соседей, надо все это оценивать с учетом реалий того времени. К тому же нельзя закрывать глаза на политику, которую проводили китайские правители в отношении соседних стран. В этом плане нам надо на-

браться терпения, вести с нашими китайскими коллегами по этому вопросу совместный научный поиск.

Очень важно изучать то, как в настоящее время освещается развитие российско-китайских отношений. Есть разные течения. И об этом в наших публикациях, в наших выступлениях без излишних эмоций, без навешивания ярлыков давать объективную квалифицированную оценку.

От всей души желаю успеха вашей конференции, открытого, дружеского обмена мнениями, чтобы общение сподвигнуло каждого из нас на новые исследования.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ И ОПЫТ ИСТОРИИ

*Мамаева Н.Л.
ИДВ РАН*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОЛИТИКИ КОМПАРТИИ КИТАЯ И НОВЫЕ АКЦЕНТЫ

Уже сложившаяся в КНР традиция смены партийно-политической власти продемонстрировала и в 2012–2013 гг. свои основные черты: проведению очередного XVIII съезда КПК (8–14 ноября 2012 г.) предшествовал тщательный отбор кандидатов в члены ЦК КПК по сложившейся схеме, осуществление выборного процесса делегатов на съезд, предварительное широкое обсуждение всех основных докладов и документов съезда (отчетный доклад, с которым от имени ЦК КПК на XVIII съезде КПК выступил генсек ЦК КПК Ху Цзиньтао, Устав Коммунистической партии Китая, принятый с частичными поправками, Доклад о работе Центральной комиссии по проверке дисциплины при ЦК КПК XVIII всекитайскому съезду КПК и др.).

Программные документы продемонстрировали преемственность основных направлений процесса модернизации страны, инициированного вторым поколением руководителей Китая во главе с Дэн Сяопином в конце 1970-х гг., сформулированного в общих чертах на XII съезде КПК (1982) и получившего название «строительства социализма с китайской спецификой». Необходимость адаптации политики китайского руководства к меняющимся условиям в мире и в Китае находила отражение на последующих съездах, вызывая определенные коррективы в теории и практике построения социализма с китайской спецификой. Подобная ситуация характерна для каждой смены поколений руководителей, стремившихся, с одной стороны, отразить в своих планах новые условия и назревшие проблемы, с другой стороны, совершенствовать практику сво-

их предшественников во имя усиления государства и улучшения материального благосостояния населения.

Приходу к власти пятого поколения руководителей с Си Цзиньпином в качестве генерального секретаря, избранного на XVIII съезде членами наполовину обновленного ЦК КПК, предшествовали негативные изменения в мире в связи с мировым финансовым кризисом, частично затронувшим и Китай, стихийные бедствия в разных регионах страны, усилившаяся разница в уровне жизни богатых и бедных, западных и восточных регионов Китая и т.д. В течение последних лет росло недовольство людей, особенно в сельской местности, вызванное повышением цен на товары широкого потребления, а также злоупотреблениями местной администрации, не соблюдавшей принятые властью законы по защите прав различных слоев населения. Усиление нестабильности в обществе имело своим прямым следствием обострение внутривнутрипартийной борьбы в КПК. По некоторым сведениям, фронт внутривнутрипартийных разногласий касался в первую очередь определения допустимой степени капитализации производства и его соотношения с государственной и общественной собственностью. Как можно сделать вывод из материалов XV–XVIII съездов Компартии Китая, от съезда к съезду партийное руководство испытывало все большее беспокойство по поводу ослабления в обществе социальной стабильности.

Развитие рыночной экономики, служившей стимулом развития производства и увеличению темпов роста ВВП, постепенно выдвигавшее страну в число ведущих мировых экономик, сопровождалось, несмотря на предпринимаемые меры, увеличением в разы разницы между самыми богатыми и самыми бедными, одновременно – распространению тенденции роста злоупотреблений и коррупции, что скрывало опасность увеличения социальной дестабилизации¹. Именно в этой плоскости развивалась внутривнутрипартийная борьба, которая разгоралась между сторонниками дальнейшей либерализации экономики, препятство-

вавшей вольно или невольно проведению действенных мер в пользу бедных слоев, с одной стороны, и «левыми», озабоченными в первую очередь созданием условий для ликвидации бедности, безработицы, то есть стремившихся к корректировке (не к ликвидации! – *Авт.*) сложившейся экономической модели и созданию условий, в рамках которых человек и удовлетворение его потребностей стали бы мерилom социально-экономического прогресса. Некоторыми экспертами «левые» приравнивались к последователям «культурной революции», что, как нам представляется, верно лишь отчасти. Надо сказать, что, начиная с XVI съезда КПК, «золотую середину» между богатством и развитием социальной сферы, богатством и нравственностью пытались искать на пути комплексного подхода к политике развития. Не углубляясь в историю вопроса, отметим, что уже XVI съезд определил необходимость развития реформы в четырех направлениях: реформировать партийное строительство, работу правительства, собрания народных представителей, судебно-прокурорскую систему². То есть выход из положения пытались искать не только в сфере экономики, науки, нравственного воспитания, но и в области партийно-политических преобразований. Придавая значение каждому направлению политической реорганизации, особое внимание уделялось «юридизации» страны, то есть выдвигалась задача полностью поставить деятельность партии, государства, общественных организаций и частных лиц в русло закона. Осуществлялись поиски в теории модернизации.

С XVI съезда в политической лексике появилась также идея построения общества среднего достатка, известная в древнем Китае («сяокан»). Понятие «сяокан», связанное с именами великих китайских философов и государственных деятелей, формировавшееся в дальнейшем на XVII съезде КПК и пленумах КПК 17-го созыва, имело взаимосвязь с идеей гармоничного развития страны и общества. Идея гармонии и ее выражение в конкретной задаче повышения благосостояния

народных масс нашла отражение в отчетном докладе съезду генсека КПК Ху Цзиньтао³. В поправках к Уставу партии задача создания среднезажиточного общества обозначена в качестве специфической черты социализма с китайской спецификой⁴. Подобный подход понятен населению, не может не вызвать его одобрения.

В области экономики, политической культуры, а также по всем указанным выше направлениям реформы в прошедшие пять лет партией и народом было сделано немало, однако задача трансформации экономической модели и совершенствования деятельности всех основных субъектов политической системы оказалась столь грандиозной для страны с огромным (1,3 млрд) населением, что на сегодняшний момент можно говорить лишь о некоторых продвижениях в направлении экономической, партийной, правительственной реформ, реформы ВСНП, судебно-прокурорской системы, деятельности законотворческого характера.

Мировой финансовый кризис обнажил необходимость ускорения тесно связанной с проблемой улучшения жизни населения трансформации китайской экономической модели развития. Идея корректировки экономической модели выдвигалась и обсуждалась и на предшествовавших XVI и XVII съездах партии, однако впервые необходимость ускорения разработки корректив в экономическом механизме представлена как первостепенная задача, связанная с сохранением стабильности в обществе. Именно с переменами в экономической сфере руководители партии и страны увязывают возможность построения среднезажиточного общества, одновременно, создание необходимых экономических условий для борьбы с коррупцией.

Прежде чем продолжить характеристику изменений в теоретических оценках, принятых на XVIII съезде, подчеркнем, что лейтмотивом всех выступлений лидеров была антикоррупционная тема, непосредственно связанная с ростом социально-го неравенства в стране и увеличением разрыва между богаты-

ми и бедными. В этом смысле данный съезд отличается от всех предыдущих, что свидетельствует, на наш взгляд, о серьезных вызовах существующему в КНР политическому режиму, несмотря на целый ряд успехов в разных областях, о которых речь пойдет далее.

Как подчеркнул в своем первом выступлении после избрания генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпин, факты коррупции и разложения все чаще проявляются в Китае и это представляет существенную, даже фатальную угрозу как для Компартии Китая, так и для всего государства. Пожалуй, впервые было заявлено о возмущении населения, о его «шокировании» в связи с крупными делами, касающимися нарушения дисциплины и законов со стороны партийно-политической верхушки. Коротко и ясно им были обозначены основные требования китайского народа, выполнение которых новое поколение руководителей считает своим долгом. Как сказал в своем двадцатиминутном выступлении Си Цзиньпин, «китайский народ любит жизнь, он хочет лучшего образования, более стабильной работы, больших доходов, лучшего социального обеспечения и медицинского обслуживания, более комфортных квартир и лучшей экологии»⁵. Обострение ситуации накануне XVIII съезда, в значительной степени связанное с небывалым разгулом коррупции, распространившейся и в среде крупных партийно-государственных руководителей, усилиями партийцев было преодолено, и съезд продемонстрировал сохранение внутреннего единства в партии. Ряд вопросов, обсуждавшихся на съезде, удалось обозначить четко, по некоторым направлениям чувствуется противоречивость.

Тщательный анализ съездов КПК периода реформ и открытости, начиная с XII съезда Компартии Китая, свидетельствует, как нам представляется, о постепенном усилении левых настроений, несмотря на неоднократные предупреждения руководителей не «впадать» в левизну, столь характерную для КПК нового и новейшего времени. Приведем лишь некоторые

примеры. Если в 1980-е гг. Дэн Сяопин ратовал за размежевание партийных функций и государственных и в целом соблюдался запрет на совмещение работы секретаря парткома и председателя правительства провинциального уровня в одном лице, характерных для КНР до начала политики реформ и открытости, то в 2000-х годах имеет место частичное возвращение к прежней практике, прокламируется идея усиления властных функций КПК на всех уровнях, включая не только партийные организации, но и государственные органы, в том числе низовых уровней. Между тем размежевание функций партийных и государственных, партийных и административных структур, налаживание работы органов государственного управления Дэн Сяопин рассматривал как уход от «левых» проявлений партийно-государственного строительства. Между тем современная ситуация свидетельствует, что государственные органы без активной поддержки и конкретного сотрудничества с партийными комитетами разных уровней и по различным направлениям не справляются с новыми вызовами времени.

Что касается идейно-теоретических основ партии и государства, то теоретический багаж строится следующим образом: в основе – марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна, теория Дэн Сяопина, важные идеи «тройного представительства» и научная концепция развития, выдвинутая на XVII съезде КПК, а в обновленном Уставе КПК обозначенная в качестве самого последнего достижения «китаизации марксизма». Сам факт обращения к понятию китаизации, наиболее характерному для времен Мао Цзэдуна, свидетельствует о преемственности идеологических понятий, хотя употребление в политической лексике словосочетания «китаизация марксизма» на XVIII съезде занимает значительно меньшее место, чем на предыдущих съездах, проходивших в XXI в. Более того, в докладе о работе Центральной комиссии по проверке дисциплины оно вообще не упоминается, хотя, как и в тексте других выступле-

ний руководителей, концепция научного развития получает высокую оценку.

Отметим, что отдельные элементы «левизны» в период реформ были достаточно устойчивы, и нельзя сказать, что они потеряли почву в современном Китае. КНР во главе с КПК идет собственным путем, методом «проб и ошибок» развивает экономическую и идейно-политическую составляющую своей модернизации, регулирует соотношение и соразвитие либеральных (в основном, в экономическом базисе) и демократических идей и направлений.

Как уже говорилось, XVIII съезд уточнил целый ряд положений идейно-теоретического плана, политической и партийной реформы, поставив при этом некоторые новые акценты. На передний план выдвигается научная концепция развития. Она должна пронизывать собой весь процесс модернизации страны, воплощаться во всех аспектах партийного строительства. Как подчеркивается в Уставе КПК и в речи Ху Цзиньтао, эта концепция включает стимулирование социально-экономического развития как наиважнейшую задачу, предусматривает подъем страны силами науки и образования, на научной основе строит кадровую и социальную политику, а равно и стратегию устойчивого развития. Концепция научного развития подразумевает осуществление научного, гармоничного и мирного развития, направлена на реализацию общей пятиаспектной схемы экономического, политического, культурного, социального и экоцивилизованного строительства (экоцивилизованное строительство – нововведение съезда), одним словом, на развитие и координацию всех аспектов модернизации. Как и на предыдущих съездах, подчеркивается значение единого и комплексного планирования и стремление к осуществлению принципа: «от каждого – по способностям, каждому – свое место». В Отчетном докладе съезда выделяются направления, развитие которых на данном этапе наиболее актуально. Это – строительство низовой демократии, социалистической правовой системы, бо-

лее активное строительство различных секторов экономики при доминанте сектора общественной собственности; четко выражена мысль о необходимости повышения влияния государственного сектора экономики.

Дается новая формулировка, связанная с развитием политического строя социализма с китайской спецификой, которая подчеркивает обеспечение органичного единства «партийного руководства, хозяйского положения народа и управления государством по закону». По сути, это не новая идея, но – новое напоминание о необходимости укрепления единства партии и народа, а также идеи управления страной на правовой основе. XVIII съезд сильнее, чем раньше, призывает к усилению руководящей роли партии в государственном управлении и вновь призывает не копировать политические модели западных стран.

Впервые в партийных документах столь убедительно представлена роль представительного органа власти в Китае – собраний народных представителей, подчеркивается значение этого органа как основы социалистической политической системы с китайской спецификой. Съезды народных депутатов, при всех их недостатках, играли значительную положительную роль в СССР. К сожалению, не был в полной мере использован положительный потенциал этого органа государственной власти. Китайский опыт показывает, что реформа ВСНП и СНП, которая была объявлена еще на XVI съезде КПК, медленно, но неуклонно демонстрирует возможности ВСНП, ПК ВСНП и СНП в направлении оптимизации всей системы партийно-политической власти в КНР. Их деятельность вносит большой вклад в законотворческую сферу, организацию контроля над исполнительной властью; эти органы, наряду с ЦКПД и КПД различных уровней, организуют инспекционные и специализированные проверки работы отдельных властных структур, в том числе на местах, и способствуют борьбе с коррупцией. Следует напомнить, что идея контроля партийной власти над

деятельностью партийных и государственных органов, осуществлявшаяся в различных формах, в том числе в форме инспекционных комиссий, характерна для КПК на протяжении всей ее истории, особенно с конца 1948 г. Усиление законотворческой деятельности ПК ВСНП и ВСНП как показатель новых тенденций в области партийно-политической реформы, также заслуживает специального внимания. Как подчеркивается во всех документах XVIII съезда, система управления страной все в большей степени осуществляется в рамках закона. Назовем лишь некоторые законы, имеющие широкий резонанс в стране. Как сообщалось в докладе руководителя представительного органа власти У Банго (теперь уже бывшего) на сессии ВСНП (март 2012 г.), активизировалась законотворческая деятельность в сферах науки, техники и демократии, осуществлено углубление реформирования судебной системы – путем внесения дополнительных статей в Уголовно-процессуальный и Уголовный (антикоррупционные статьи) кодексы. Особое значение придается завершению работы над Законом о подоходном налоге с физических лиц, направленной на постепенное ослабление налогового бремени с лиц со средними и низкими доходами и на повышение налогов на богатых людей. Продолжается редакционная работа над проектом Закона об административном принуждении, направленного против бюрократизации управленческой деятельности, против злоупотреблений и коррупции. Принят и подвергается периодической проверке исполнение Закона об обеспечении прав и интересов пожилых людей, что демонстрирует социальную направленность общей политики и заботу руководства в этом направлении. ПК ВСНП активно участвует в толковании Основных законов СОАР и АОАР, реализуя принцип «одна страна – две системы», при этом не на словах, а на деле проявляя тенденцию к усилению централизации в управлении государством и регулированию власти в стране. Важным направлением работы ВСНП является проверка исполнения законов, которая в преж-

ние годы осуществлялась фрагментарно. Эффект от деятельности ПК ВСНП и его специализированных комитетов в области организации инспекционных поездок на места (положение об организации инспекции было внесено в Устав КПК на XVII съезде КПК) стал весьма заметен в системе управления страной и в борьбе с коррупцией на местах, на производстве и т.д. Работа в направлении реформы ВСНП, можно сказать, доказывает правомерность положения о возможности совершенствования деятельности ВСНП и ПК ВСНП в рамках существующей политической системы.

Между тем борьба с коррупцией требует усиления и КПК, и всех ветвей власти, их слаженной работы и координации, при этом демократические подходы сочетаются и перемежаются с авторитарными. Демократическое управление на производстве рекомендуется осуществлять в форме собраний рабочих и служащих. Что касается социального состава Коммунистической партии, то упор рекомендуется делать на привлечение в члены правящей партии молодых рабочих, крестьян и интеллигенции. В материалах XVIII съезда нет и намека на привлечение в партию «передовых элементов» из имущих слоев населения, которое рекомендовалось Цзян Цзэминем в период правления третьего поколения руководителей. То есть элемент некоторых переоценок налицо. Аналогичная ситуация предусматривается и в работе партийных съездов. Дана установка на повышение доли рабочих и крестьян среди делегатов партийных съездов. Повышение руководящей функции партии предусматривается также введением принципа «партия ведает специалистами», «партия ведает кадрами».

Одновременно подчеркивается продолжение и развитие практики развития внутрипартийной демократии (в системе выборов, в ходе более открытого принятия решений парткомами, осуществления в порядке эксперимента работы делегатов съезда между съездами и т.д.).

Введение в Устав требования о строительстве правящей партии учебного, обслуживающего и инновационного типа соответствует требованиям времени и демонстрирует усилия партийных функционеров к ее адаптации внутренним потребностям страны, а также согласуется с партийным движением мирового масштаба. Провозглашенное в поправках к Уставу требование осуществления строгого внутривнутрипартийного управления, самовоспитания и следования высоким моральным нормам вкупе с другими характеристиками – получает общее название «новой великой программы» партии. Ее неперменной составляющей остается следование «четырем принципам», дополненное требованием борьбы с буржуазной либерализацией.

Требование повышения руководящей роли партии, несомненно, связанное и с недостаточной эффективностью борьбы с коррупцией со стороны государственных органов, исходит в значительной степени от Центральной комиссии по проверке дисциплины при ЦК КПК (ЦКПД)⁶. Значение этого партийного органа в политической истории Китая весьма велико. Прекрасно организованная и слаженная работа ЦКПД и КПД разных уровней всегда помогала ЦК КПК и правительству вскрывать уязвимые места и исправлять ситуацию. ЦКПД можно назвать барометром состояния атмосферы в стране. Сфера ее деятельности имеет тенденцию к расширению и углублению. В политической реальности именно ЦКПД выполняет функции организующего центра по борьбе с коррупцией. ЦКПД и ее филиалы в области контрольной и проверочной деятельности действуют более эффективно, чем ревизионные органы правительств разных уровней, часто – в рамках сотрудничества. КПД осуществляют контроль над партийными и государственными кадрами, контролируют систему выборов, решение жилищных проблем, расходы на образование и т.д. КПД приняли активное участие в создании системы передачи населением информации о нарушениях в органы государственной власти; осуществляют нормотворческую работу, подводя по некото-

рым направлениям правовую основу в борьбе со злоупотреблениями. К примеру, участвовали в разработке «Некоторых норм поведения руководящими партийными кадрами», «Относительно отчета руководящих кадров о делах, связанных со служебной деятельностью». Система правил партийного контроля – «Об инспекции в КПК», представленная ЦКПД, начала вводиться в жизнь в порядке эксперимента.

В целом есть основания утверждать, что созданная под руководством ЦК КПК силами ЦКПД и КПД система контроля при вовлечении в нее государственных инспекционных структур сможет создать надежный отпор коррупции. В целом борьба с коррупцией складывается из сочетания мер по профилактике коррупционных явлений и карательных мер – с упором на профилактику. Составлен и принят «План системы профилактики коррупции на 2013–2017 гг.».

ЦКПД обобщила опыт в области контроля и считает необходимым «твердо придерживаться взаимного соединения внутрипартийного контроля, раскрывать далее роль контроля со стороны ВСНП, специальных правительственных органов, демократического контроля НПКСК, усилить народный и общественный контроль».

Консультативному принципу принятия решений, с участием народа и демократических партий, отдается предпочтение перед массовым внедрением конкурсной и выборной системы, особенно если это касается выборов во властные структуры. Как и по многим другим вопросам, можно найти и плюсы, и минусы. Ясно одно: партия, которая стремится к построению среднезажиточного общества, предпочитает гарантировать мирное решение вопросов власти, поставить на новый уровень систему консультаций по важным вопросам и по целому ряду направлений следовать уже сложившимся традициям.

Ужесточение законов в борьбе с коррупцией в современном Китае сочетается с такими демократическими действиями, как осуществление анализа общественного мнения, внедрение

канала информации от населения, большая открытость, связь с международными организациями.

ЦКПД всегда отличалась высокими требованиями к членам партии и кадровым работникам по соблюдению Устава, стремилась определять возможный уровень заимствований со стороны КПК некоторых элементов западной демократии. В докладе ЦКПД сформулирован ряд требований, которые немало экспертов, особенно западных, сочли бы в лучшем случае дискуссионными. Приведем некоторые: «искоренять явления по созданию мелких фракций», «решительно бороться с либерализмом»; «не допускать открытой публикации мнений, противоречащих решениям ЦК», «не допускать участия в противозаконных организациях и действиях, не допускать фабрикации и пропаганду политических сплетен» и ряд других⁷.

Таким образом, курс на усиление руководящих функций правящей партии, на укрепление партийно-политической и государственной вертикали власти развивается параллельно с внутрипартийной демократизацией и усилением законодательно-правовых основ управления страной, что, можно сказать, отражает китайскую специфику.

Проходившая «красной нитью» на съезде и после него идея нового руководства о необходимости направлять основные усилия страны на решение острых проблем, вызывающих недовольство народа, отражает намерение пятого поколения руководителей КНР выдвинуть на первый план своей работы удовлетворение интересов населения страны, а также решимость выполнить свои обещания по удвоению ВВП на душу населения к 100-летию КПК.

Состоявшаяся в марте 2013 г. сессия ВСНП подтвердила все основные направления партийных решений XVIII съезда КПК, вместе с тем уточнила и конкретизировала содержание и последовательность выполнения задач, рассматривавшихся на съезде. Особо отметим решение об ускорении трансформации сложившейся в стране модели экономического развития, при-

чем прямо сказано об отсутствии на настоящий день в надлежащей степени скорректированной экономической модели. Между тем намечен ряд мер по внедрению новых информационных технологий и новаций. Осуществляются поиски и эксперименты в сфере распределения, на которую возлагаются большие надежды при построении обновленной модели экономического развития. В большей степени, чем прежде, предусматривается повышение роли в экономике единого планирования социально-экономического развития. Связь истории и современности проглядывается также в решении создания системы местных налогов, в развитии рынка облигаций. На пути поиска оздоровления экономики пришло решение о сохранении опережающего развития более развитых восточных районов, о новом экономическом развитии старых революционных баз.

Выдвигая тезис о «разумной активности» в деле продвижения реформы политической системы, предлагается новая формулировка об «оздоровлении системы взаимодействия народного, административного и судебного примирения». В связи с этим обратим внимание на применявшуюся в Маньчжурии и других «освобожденных районах» в конце 1940-х – начале 1950-х гг. практику досудебных договоренностей, позволявшую не доводить до судебных разбирательств значительное количество гражданских и даже уголовных дел.

В борьбе с коррупцией руководство страны использует разнообразные способы, сочетающие профилактику и наказание, не забывает при этом и опыт истории. В качестве одного из примеров приведем имевшую определенный эффект практику инспекционного контроля и инспекционных проверок со стороны партийных и административных органов, применявшуюся в 1948–1949 гг. в освобожденных районах Китая, которая активно используется в современном Китае.

¹ Мамаева Н.Л. Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы. М., 2007. Работа написана при финансовой поддержке

Фонда Цзян Цзинго (Chiang Ching-kuo Foundation for International Scholarly Exchange. Taipei, Taiwan R.O.C.). Проект № RG 028-92-U.

- ² Ху Аньган. Диэрцы чжуаньсин: цун цзиньцзи цзяньше вэй чжунсинь дао чжиду цзяньше вэй чжунсинь (Второй поворот: от экономического строительства в качестве центрального звена до строительства системы в качестве центрального звена). / Гоцзя чжиду цзяньше (Строительство государственной системы). Под редакцией Ху Аньгана, Ван Чжаогуана, Чжоу Цзяньмина). Цинхуа дасюэ чубаньше. Пекин, 2003. С. 12-21.
- ³ См.: Отчетный доклад Генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао на XVIII Всекитайском съезде КПК. / XVIII съезд Коммунистической партии Китая (8–14 ноября 2012 г.) // Экспресс-Информация, № 7 (ИДВ РАН, Центр научной информации и документации.). С. 37-41.
- ⁴ Устав Коммунистической партии Китая / XVIII съезд Коммунистической партии Китая (8–14 ноября 2012 г.) // Экспресс-Информация, № 7 (ИДВ РАН, Центр научной информации и документации.). С. 110-111.
- ⁵ 15.11.2012 РИА Новости.
- ⁶ Доклад о работе Центральной комиссии по проверке дисциплины при ЦК КПК XVIII Всекитайскому съезду КПК / XVIII съезд Коммунистической партии Китая (8–14 ноября 2012 г.) // Экспресс-Информация, № 7 (ИДВ РАН, Центр научной информации и документации.). С. 174-189.
- ⁷ Там же.

Смирнов Д.А.
ИДВ РАН

XVIII СЪЕЗД КПК: ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Реформа политической системы в КНР была начата ещё в 1980 г. Дэн Сяопином, прежде всего по линии разграничения функций партийных и административных органов, децентрализации власти, ликвидации культа личности и формирования системы коллективного руководства, создания механизма преемственности власти. С тех пор эта реформа проводится постоянно: внутри самой правящей партии – по пути постепенной демократизации внутрипартийной жизни в сочетании с усилением внутрипартийного контроля и институционализацией функционирования партийных органов; поэтапного проведения административной реформы, включая реформирование кадровой системы; формирования правовой базы, отвечающей задачам современного этапа социально-экономического развития КНР.

Отличительной особенностью этой реформы является принципиальный отказ от заимствования принятой на Западе формы демократии с ее многопартийностью и разделением трёх властей. А также принцип постепенности и поэтапности проведения любых преобразований, как экономических, так тем более политических во избежание социально-политической нестабильности, могущей подорвать руководящее положение КПК, рассматриваемой ее лидерами как цементирующую силу общества, гарант стабильности и продвижения страны вперед по пути всесторонней модернизации. Здесь ими в полной мере учтены «уроки» бывшего Советского Союза, руководство которого допустило застой и ослабление КПСС, а в «перестроечное» время – постепенное ослабление ее власти, быстро перешедшее в обвальный процесс самораспада СССР. Во многом именно учет этих уроков лег в основу выдвижения «четвертым поколением» руководства КНР во главе с Ху Цзиньтао концепции «тройного представительства» КПК и замедления проведения в жизнь, после событий на площади Тяньаньмэнь и развала социалистического лагеря в СССР и Восточной Европе, намеченной на XIII съезде КПК в 1987 г. программы реформирования политической системы.

Политическая реформа в Китае идет по пути совершенствования сложившегося ещё в первые годы после образования КНР государственно-политического механизма, включая повышение управленческого потенциала КПК, повышение эффективности административного аппарата (особенно после вступления Китая в ВТО), демократизацию органов местного самоуправления, развитие действенного механизма учета интересов всех слоев населения, обратной связи, предотвращения и регулирования социальных конфликтов и превращение Китая в «государство, управляемое на основе закона». Важнейшей составляющей всей этой работы является выработка мер по предотвращению и искоренению системной коррупции, яв-

ляющей серьезной угрозой самому существованию партии и государства.

За более чем тридцать лет проведения политики реформ и открытости в китайском обществе произошли коренные изменения: сформировалось новое поколение, выросшее в условиях значительно большей личной свободы, чем было в эпоху Мао Цзэдуна; существенно вырос образовательный уровень населения, особенно доля людей с высшим образованием, в том числе полученным за рубежом; появились новые социальные прослойки, прежде всего в сфере предпринимательства, по сути, за годы реформ возродился класс буржуазии, в том числе крупной; произошло имущественное расслоение общества на «два полюса», в дополнение к огромному разрыву в социально-экономическом развитии разных регионов Китая; невиданные, по сравнению с дореформенным периодом, масштабы приобрела коррупция; обострилась проблема национально-религиозного сепаратизма в двух самых больших по территории национальных окраинах Китая – Синьцзяне и Тибете.

Произошедшие социальные сдвиги сопровождались появлением соответствующих групп интересов – чиновников, во многом связанных с бизнесом, разных прослоек предпринимателей, интеллигенции, рабочего класса, крестьянства, включая обезземеленных крестьян-мигрантов, студенчества и др. В обществе, особенно в научной среде и среди образованной молодежи, популярны идеи демократии и дискуссии на эту тему идут уже два десятка лет. Этому способствует масштабная интернетизация Китая. Необходимость обеспечения каналов выражения разнонаправленных социальных интересов, обстановка идейного плюрализма объективно требуют демократизации политического устройства общества. Того же требует и задача борьбы с коррупцией, по-настоящему возможная лишь в обстановке прозрачности, обеспечиваемой развитыми демократическими институтами (что, однако, не дает полной гарантии

искоренения коррупции – пример Тайваня с его многопартийной системой).

Проблеме реформирования политической системе было уделено большое внимание на состоявшемся в ноябре 2012 г. XVIII съезде КПК, представлявшем свыше 82 членов партии. Возглавлявший партию и государство в предыдущем десятилетии Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао выступил на съезде с отчетным докладом ЦК КПК 17-го созыва, в котором обобщил итоги прошедшей пятилетки и фактически отчитался за десятилетие, прошедшее со времени XVI съезда КПК (2002), на котором к власти пришло возглавляемое им «четвертое поколение» партийного руководства. Ху Цзиньтао отметил, что этот съезд проходит в момент вступления Китая в решающую стадию полного построения среднезажиточного общества. В его докладе выделены достижения Китая за прошедшие 10 лет и обозначены основные задачи на предстоящий период, которые предстоит выполнять уже новому, «пятому поколению» партийно-государственного руководства. Среди достижений в политической области в докладе упомянуты успехи «в строительстве демократии и правопорядка и продвижении реформы политической системы», такие как осуществление системы выборов в собрания народных представителей пропорционально городскому и сельскому населению (длительное время существовала серьезная диспропорция в представительстве города и деревне в этих органах власти). Отмечены также развитие низового самоуправления, «заметные успехи в строительстве социалистического правового государства», углубление реформы системы административного управления.

В докладе Ху Цзиньтао важное место заняли задачи по дальнейшему продвижению реформирования политической системы как «важной составной части общих реформ». Ху Цзиньтао прежде всего сделал акцент на совершенствование методов и стиля партийного руководства и обеспечение эффективного управления страной на основе закона. Призвав к

«оздоровлению демократической системы, обогащению форм демократии», в том числе к «активному привлечению полезных достижений мировой политической культуры», он, вместе с тем, предупредил о недопустимости «ни в коем случае следовать политической модели Запада».

На первое место здесь поставлено совершенствование деятельности системы собраний народных представителей (СНП), «обеспечивающей народу положение хозяина в своей стране». Партия должна поддерживать СНП в осуществлении законодательной деятельности, контроля, прав на назначение и смещение руководящих кадров и контроля за деятельностью правительств разных уровней. Ставится задача повышения доли представителей рабочих, крестьян и интеллигенции при сокращении доли партийных кадровых работников в деятельности СНП, оптимизации образовательной и возрастной структуры членов постоянных комитетов СНП, повышения роли профессионалов в их деятельности. Далее ставится задача усовершенствования механизмов консультативной демократии, которая должна стать «системной и многоуровневой», включения политических консультаций в процесс принятия решений, проведения тематических консультаций, диалогов, консультаций по проектам. При этом подчеркивается необходимость сохранять и совершенствовать сотрудничество КПК с различными политическими партиями «на основе единства и демократии».

Среди важных направлений развития политической реформы в докладе названо совершенствование первичной демократии, в рамках которой на уровне городов, деревень и территориальных общин осуществляется «самоуправление, самообслуживание, самообразование, самоконтроль». Поставлена задача обеспечения открытости информации об их деятельности, расширения участия в них народных масс, усиления контрольных функций, обогащения содержания и форм участия народа в их работе. Касаясь оздоровления системы управления

предприятиями, Ху Цзиньтао призвал опираться на рабочий класс и гарантировать рабочим и служащим их демократические права и участие в контроле.

В рамках продолжающегося с конца 1990-х гг. курса на превращение Китая в «государство, управляемое на основе закона», ставится задача дальнейшего совершенствования юридической системы социализма с китайской спецификой, соблюдения закона в процессе администрирования, углубления реформы судебной системы и обеспечения независимой и справедливой работы органов дознания и прокуратуры, недопущения каких-либо привилегий для организаций или отдельных лиц, которые бы ставили их над законом. При этом подчеркивается, что Конституция и законы создаются под руководством КПК, но сама правящая партия, в свою очередь, обязуется действовать в рамках закона.

Будет продолжаться проведение реформы административно-управленческой системы с упором на трансформацию функций управленческих звеньев, повышение контроля над ними, сокращение административного аппарата и стоимости его содержания, оптимизацию его структуры и повышение эффективности с тем чтобы «создать правительство обслуживающего типа, которое бы удовлетворяло запросам народа». Одновременно будет «усовершенствоваться механизм ограничения власти и контроля за ней» как в существующих институциональных рамках, так и путем создания и совершенствования механизмов взаимного ограничения и координации права на принятие решений и установление контроля. Ху Цзиньтао потребовал отменить или скорректировать «все действия, наносящие ущерб интересам масс», усилить контроль за использованием человеческих, финансовых и материальных ресурсов, улучшать порядок осуществления запросов, привлечения к ответственности, ухода в отставку и смещения с должности.

Выполнение этих задач ложится на правящую партию, которой «в новой обстановке предстоят испытания властью, ре-

формами и открытостью, рыночной экономикой», что требует от нее поднятия уровня руководства на новый уровень, а также «повышения сопротивляемости рискам и разложению», превращения ее в марксистскую партию нового типа. Это связывается с выработкой у кадровых работников «правильного мировоззрения», активным развитием внутривнутрипартийной демократии и соблюдением политической дисциплины.

Все это требует выработки у кадровых работников «правильного мировоззрения, непреклонной политической позиции», они должны быть примером социалистической морали и нравственности и защитниками справедливости. От них требуется соблюдение принципа «все для человека», «правление для народа», преодоление формализма и бюрократизма, активное развитие внутривнутрипартийной демократии при соблюдении принципов демократического централизма. Должно осуществляться право членов партии на информацию, участие, выбор и контроль. Ху Цзиньтао призвал усовершенствовать систему партийных съездов, систему постоянных органов уездов (городов, районов), внутривнутрипартийную систему выборов, упорядочить альтернативное выдвижение и альтернативные выборы, развивать партию за счет привлечения молодых рабочих, крестьян и представителей интеллигенции, особое внимание уделять молодежи, учитывая, что для построения социализма с китайской спецификой «потребуется последовательная борьба нескольких поколений».

Особое внимание уделяется углублению реформы кадровой системы «на основе демократии, гласности и конкуренции», совершенствованию системы подбора и назначения, проверки и аттестации кадров, ускорению реформы и обновления кадровой системы, подготовке кадров, обладающих международной конкурентоспособностью. Борьбу с разложением руководящих кадров Ху Цзиньтао назвал в своем докладе «серьезной политической проблемой, которой народ придает важное значение», подчеркнув, что если не решить эту проблему над-

лежащим образом, это «может привести к потере партии и государства». Отсюда вытекает необходимость проведения профилактических мер, антикоррупционного воспитания кадров, усиления контроля за руководящими кадрами и их родственниками и недопущения никаких привилегий независимо от должности, положения и авторитета.

В заключение Ху Цзиньтао призвал всех членов партии, кадровых работников и особенно руководящие кадры к строгому соблюдению партийной и политической дисциплины и сознательной защите единства партии, сохранению единства с Центральным комитетом КПК, недопустимости принципа «сверху действие – снизу противодействие», неисполнения распоряжений или нарушения запретов.

Съезд утвердил доклад Ху Цзиньтао, приняв обозначенные в нем цели полного построения среднезажиточного общества и всестороннего углубления реформ и открытости за основу стратегии развития страны на предстоящий период.

Съезд подтвердил приверженность партии марксизму-ленинизму, «идеям Мао Цзэдуна», теории Дэн Сяопина, «важным идеям тройного представительства» и «концепции научного развития», в которой подчеркиваются такие основные моменты как обеспечение всесторонности, гармоничности и устойчивости развития Китая, рассмотрение человека в качестве «основы основ».

На XVIII съезде КПК была принята резолюция о внесении дополнений в партийный устав. Прежде всего, в нем усилено положение о «концепции научного развития» как закономерном развитии общей теории марксизма-ленинизма, «идей Мао Цзэдуна», «теории Дэн Сяопина» и «важных идей тройного представительства» в новых условиях, отвечающем на главные вопросы современности (само положение о «научной концепции развития» уже было внесено в устав партии на предыдущем, XVII съезде КПК в 2007 г.). Подчеркиваются такие основные моменты «концепции научного развития» как рассмот-

рение человека в качестве «основы основ» (что подтверждается совершённым в годы руководства Ху Цзиньтао поворотом к решению социальных проблем в масштабе всей страны) и обеспечение всесторонности, гармоничности и устойчивости развития.

Также в устав внесено положение о строительстве экологической культуры в дополнение к тезисам об экономическом, политическом, культурном и социальном строительстве. Вносятся положения о социалистическом строе с китайской спецификой, пути социализма с китайской спецификой и соответствующей теоретической системы социализма, что усиливает акцент на самостоятельности Китая в разработке и претворении этой теоретической системы в жизнь.

Съезд избрал новый состав Центрального комитета КПК 18-го созыва в составе 205 членов ЦК КПК (из них вновь избраны 117 человек, а 88 были в составе ЦК 17-го созыва) и 171 кандидата в члены ЦК КПК. На состоявшемся 15 ноября первом пленуме ЦК КПК 18-го созыва было избрано Политбюро (ПБ) ЦК КПК в составе 25 человек (из них вновь избраны 15 человек, а 10 были в составе Политбюро 17-го созыва), Постоянный комитет Политбюро (ПК ПБ) ЦК КПК в составе 7 человек (из них вновь избраны 5 человек, а двое – Си Цзиньпин и Ли Кэцян – были в составе ПК ПБ 17-го созыва) и генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина.

Следует отметить, что сформировавшаяся под руководством Дэн Сяопина система управления партией и страной основана на принципе коллективного руководства. В этой системе высший руководитель уже не обладает той полнотой власти, которая была у Мао Цзэдуна, все важные решения принимаются коллективным порядком вышеназванными органами партийного руководства, а имеющие первостепенное значение для развития страны – утверждаются на пленумах ЦК КПК. Тем не менее фигура генерального секретаря ЦК КПК как лидера партии, главы государства и верховного главнокоман-

дующего вооружёнными силами, играет, несомненно, первую роль в определении стратегии развития страны и её проведении в жизнь.

Здесь важно отметить, что, как и его предшественник Ху Цзиньтао на XVI съезде КПК, лидер нового руководящего поколения был выбран на XVIII съезде в относительно спокойной обстановке, в отличие от предыдущих генеральных секретарей ЦК КПК в 1980–1990-е гг. Более того, в отличие от Ху Цзиньтао, Си Цзиньпин практически сразу же занял и важнейший пост председателя Военного совета ЦК КПК. Всё это свидетельствует о том, что институциональный механизм смены партийного руководства окончательно сложился, это является большим продвижением вперед в реформировании политической системы КНР и имеет важнейшее значение для сохранения политической стабильности.

Си Цзиньпин (1953 г. р.) – выходец из когорты так называемых «принцев», детей высшей партийной элиты, сын видного революционера Си Чжунсюня, после образования КНР занимавшего высокие партийные и государственные посты (одно время он был заместителем премьера Госсовета КНР), однако ещё до «культурной революции» попавшего в опалу и лишённого всех постов. Реабилитирован он был уже при Дэн Сяопине, в 1980 г. с него был снят ярлык главного представителя «антипартийной группировки», а в 1982 г. его избрали членом Политбюро ЦК КПК 12-го созыва. После снятия отца (Си Чжунсюнь) Си Цзиньпин был отправлен в деревню в провинцию Шэньси, где в 1969 г. начал трудовую деятельность, в 1974 г. вступил в КПК и стал секретарем партячейки производственной бригады. В 1975 г. поступил в престижный университет Цинхуа (выпускниками этого университета являются его предшественник на посту генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао и ряд других высших руководителей последних лет), который окончил в 1979 г. по специальности «химик-технолог», также окончив заочную аспирантуру Института гу-

манитарных и социальных наук Университета Цинхуа по специальности «Марксистская теория и идейно-политическое воспитание», после чего начинается его постепенное восхождение. В 1979–1982 гг. – секретарь Канцелярии Госсовета КНР и Канцелярии Центрального военного совета, далее – многолетняя руководящая работа в провинциях: заместитель секретаря, затем секретарь уездного комитета КПК в провинции Хэбэй, вице-мэр крупного города Сямэнь, заместитель секретаря, секретарь комитета КПК, председатель Постоянного комитета (ПК) СНП, глава администрации в богатых приморских провинциях Фуцзянь и Чжэцзян и, наконец, секретарь комитета КПК самого большого города страны, своего рода витрины китайских реформ Шанхая. В 2007–2008 гг. – член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, член Секретариата ЦК КПК, директор партийной школы при ЦК КПК. С 2008 г. – заместитель председателя КНР, с 2010 г. – заместитель председателя Центрального военного совета КПК, что уже тогда давало основания видеть в нём будущего лидера КПК. Таким образом, Си Цзиньпин прошёл все основные ступени партийно-государственной карьеры, в ходе которой проявил себя способным администратором, обеспечившим высокий экономический рост в управляемых им провинциях, активно боровшимся с коррупцией, при этом не участвовавшим в каких-либо громких событиях, связанных с борьбой за власть или коррупционными скандалами.

Перед вновь избранным руководством КПК стоят грандиозные задачи по изменению модели развития страны, обозначенные в отчетном докладе ЦК КПК XVIII съезду партии, которые предстоит решать в условиях дальнейшего обострения международной конкуренции за рынки и ресурсы, геостратегического противоборства с США, а внутри страны – в условиях ускоряющегося процесса постепенного старения населения, нарастающего недовольства сохраняющимся непомерным разрывом в доходах между разными слоями китайского общества,

коррупцией, бюрократизмом и ширящихся настроений в пользу достижения большей степени демократизации в стране. Здесь следует отметить значительное возрастание доли городского среднего класса в населении страны, во многом за счет новых социальных слоёв, связанных с развитием рыночных отношений, также как и постоянное возрастание численности образованной молодежи, составляющей восприимчивую социальную среду для такого рода настроений. И это – объективный процесс, представляющий собой проблему, на которую новому руководству КПК предстоит дать ответ, от которого будет зависеть сохранение социально-политической стабильности.

На прошедшем 4 декабря, вскоре после съезда, заседании Политбюро ЦК КПК, проходившем под председательством Си Цзиньпина, было принято восемь правил по улучшению стиля работы, в том числе воздерживаться от формализма, придерживаться лаконичного стиля, свести к минимуму количество совещаний; в обычных условиях не блокировать дороги и не закрывать учреждения специально для визитов руководства; экономно расходовать средства при организации проживания и проезда руководителей и т.д.

На том же заседании были приняты основные установки по экономической работе на следующий год, направленные на сохранение преемственности и стабильности макроэкономической политики, расширение внутреннего спроса, стимулирование роста инвестиций и оптимизации структуры экономики, развитие сельского хозяйства, поддержание стабильного общего уровня цен, продвижение реформ в ключевых областях экономики, повышение благосостояния населения и уровня его социального обеспечения¹.

В этих решениях отразилось стремление нового партийного руководства действовать в духе времени, стать ближе к народу, продолжая линию прежнего руководства на постепенное решение социальных проблем, а также повышение конкурен-

тоспособности китайской экономики и превращение внутреннего рынка в основную движущую силу её развития.

Вместе с тем вряд ли можно ожидать каких-либо радикальных перемен в политическом устройстве китайского общества в ближайшей перспективе. В нынешних условиях достаточно стабильного подъема китайской экономики и разворота руководства страны к решению назревших социальных проблем в общем сохраняется социально-политическая стабильность и не наблюдается такого уровня давления со стороны общества, которое требовало бы кардинально менять сложившуюся политическую систему, равно как на сегодня не видно и харизматических лидеров уровня Дэн Сяопина, способных организовать такое давление (потенциальный лидер – Бо Силай удален с политической арены).

В этих условиях, при безусловном сохранении руководящего положения КПК, дальнейшее продвижение реформы политической системы может пойти по пути расширения «низовой демократии», например, по пути введения прямой выборности руководителей на уровне уездов и городов (на уровне деревенского самоуправления прямая выборность действует уже с конца 1990-х годов, но с тех пор китайские руководители так и не решились поднять этот уровень до уездного и решатся ли на это сейчас, пока трудно сказать). Можно ожидать развития системы выражения интересов разных социальных слоев по линии НПКСК и всевозможных гражданских неправительственных организаций; постепенного расширения демократизации в деятельности КПК, в сочетании с более строгим контролем над чиновниками всех рангов, в первую очередь антикоррупционного, и общего расширения степени открытости («гласности»). Важную роль будет играть дальнейшее совершенствование законодательной и контрольной деятельности собраний народных представителей на всех уровнях. Будет продолжаться проведение административной реформы и совершенствование системы работы с кадрами. Все это, естест-

венно, возможно при условии стабильного экономического роста и отсутствии серьезных социально-политических конфликтов, порожденных экономическими причинами, коррупцией и связанным с этим подрывом легитимности правления КПК, либо серьезным обострением экологического кризиса.

В случае дестабилизации социально-политической обстановки по каким-то из названных причин возможен временный «откат» назад по линии проведения реформ и «замораживание» ситуации на время, требуемое для стабилизации обстановки, как это было в первые годы после событий на площади Тяньаньмэнь, после чего реформы были продолжены и углублялись. Существующая политическая система сохраняет возможность осуществления такого рода мобилизационного сценария. В случае возникновения острой кризисной ситуации, под давлением ускоряющейся социальной и идеологической трансформации китайского общества и поддержки идейно-политической оппозиции извне, можно предположить и другой сценарий, а именно формальное введение реальной многопартийности и принципа разделения властей, но при обеспечении фактической несменяемости власти, то есть введения процедурной, «имитационной» по существу демократии. Опять же, существующая политическая система уже содержит в себе институт многопартийности, активизирующийся в последнее десятилетие, но по сегодняшний день функционирующий под официально признанным руководством КПК. Однако вряд ли нынешние китайские руководители пойдут на принятие принципа конституционного правления, помня, чем это в конце 1980-х обернулось для КПСС.

В поляризованном китайском обществе существует потенциальная угроза не только легитимности правления КПК, но и ее раскола на тех, кто выиграл от проводимых реформ (коррупцированная бюрократия и связанные с нею предпринимательские слои, но также в той или иной мере основная часть населения страны) и сторонников левых взглядов, опи-

рающихся на поддержку малообеспеченных слоев населения и массовое недовольство коррупцией и разложением партийно-государственного аппарата, выражающееся в том числе в ностальгии по временам Мао Цзэдуна. Следует учитывать и фракционность в партии, в том числе в ее высшем руководящем звене. Но за долгие десятилетия своего существования КПК приобрела большой опыт борьбы с фракционностью и согласования интересов различных группировок в руководстве, поэтому в ближайшей перспективе угроза раскола партии пока представляется нам маловероятной.

Китайское руководство осознает наличие проблемы соответствия сложившейся системы, форм и методов управления страной новым внутренним и внешним реалиям. При этом оно ищет собственный путь решения этой проблемы в соответствии с условиями Китая и с учетом исторических и культурных традиций китайской нации. Цель руководства КПК, категорический императив его правления – обеспечение социально-политической стабильности. Эта цель достигается экономическим развитием, улучшением благосостояния народа и авторитарной системой правления, основанной на монополии КПК на власть. Любое посягательство на руководство КПК рассматривается властями как угроза дестабилизации и последующего развала системы управления страной².

Судя по всему, пока процесс углубления реформы политической системы приостановлен (если не считать продолжающейся реформы административной системы), поскольку главное сейчас – это утверждение у власти нового поколения руководящего ядра КПК. На первый план вышла перестройка стиля работы партии и всех руководящих звеньев и усиление борьбы с коррупцией. Однако глубинные изменения в социальной структуре китайского общества, несопоставимой с периодом начала реформ, наряду с повышением его культурно-образовательного уровня и открытостью Китая внешнему миру неизбежно поставят руководство страны перед выбором между

развитием реформы политической системы в сторону демократизации либо «замораживанием» ситуации, а может быть, и отступлением назад ради спасения социализма и власти КПК и в целом социально-политической стабильности (памятуя «урок» позднесоветского руководства, пошедшего на коренное реформирование политической системы в условиях тогда ещё относительной однородности советского общества, в отличие от современного китайского общества). Это, скорее всего, будет зависеть от соотношения классовых сил в обществе (два полюса – буржуазия и связанная с ней часть чиновничества, с одной стороны, рабочие, особенно многочисленные мигранты из деревень, и крестьяне, широкие слои интеллигенции, особенно студенческая молодежь с другой), уровня их самоорганизации или организации компартией и другими политическими силами, степени коррумпированности партгосаппарата и его лояльности центральному партийному руководству, способности последнего удержать партию от раскола в случае серьёзного социально-политического кризиса, включая возможный раскол самого руководства (события 1986–1987 и 1989 г. показали, что такая опасность существует всегда в кризисные моменты).

Что касается дальнейшего обновления идеологического арсенала партии, то это вполне ожидаемо по мере развития внутренней социально-экономической обстановки в Китае и общемировой экономической и политической ситуации. По установившейся в КНР традиции каждое из поколений «ядра» высшего руководства связывается с соответствующим теоретическим «прорывом» в марксизме («идеи Мао Цзэдуна», в первую очередь теория «новой демократии» и учение о строительстве социализма, «теория Дэн Сяопина» о строительстве социализма с китайской спецификой, «важные идеи» Цзян Цзэминя о «тройном представительстве» КПК, выдвинутая Ху Цзиньтао «научная концепция развития»). Как показывает практика третьего и четвертого поколений китайских руково-

дителей, эти теории к концу срока их пребывания на высших постах в партии и государстве вносятся на очередном съезде партии в устав КПК, пополняя официальные идеологические основы строительства социализма в Китае.

После съезда в стране была развёрнута кампания по пропаганде «китайской мечты», ставшей образным собирательным названием формируемой всеми поколениями руководства КПК единой общенациональной идеи, призванной сплотить китайскую нацию на основе общих для всех её слоёв идеалов «возрождения» Китая³. Этот образ по существу вобрал в себя основные идеи всех руководителей КПК, начиная с Мао Цзэдуна, и ещё раньше – с Сунь Ятсена и прогрессивных представителей китайской интеллигенции в 1920–1930-е гг., искавших пути превращения Китая в «богатое и сильное» государство, и завершая Си Цзиньпином, разъяснившим в своём выступлении на выставке «Путь возрождения» Китая 29 ноября 2012 г. суть «китайской мечты», состоящую в последовательном воплощении в жизнь задач программы построения «социализма с китайской спецификой», и являющейся «правильным путём» осуществления «великого возрождения китайской нации»⁴.

¹ Жэньминь жибао. 06.12.2012.

² В свое время, в беседе с бывшим премьер-министром Канады П.Э.Трюдо, состоявшейся 11 июля 1990 г., Дэн Сяопин сказал: если Китай хочет сосредоточиться на развитии, то немаловажными факторами для него являются спокойная внутренняя обстановка и мирное международное окружение. «Можно представить себе, какова будет обстановка, если в Китае начнутся беспорядки? Если сейчас в Китае произойдут беспорядки, то проблемы будут совсем не такие, как во времена «великой культурной революции». В то время ещё сохранялся авторитет Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая и других руководителей старого поколения. Говорили, что это была «всесторонняя гражданская война», но, в конце концов, там не было большой бойни и настоящая гражданская война не началась. Сейчас ситуация не такая, если начнутся беспорядки, которые приведут к тому, что партия утратит свою роль, государство утратит свою роль, одна группировка использует часть армии, другая группировка использует часть армии, вот и возникнет ситуация гражданской войны. Некоторые так называемые борцы за демократию как только захватят власть, между ними начнется драка. Как только будет развязана гражданская война, так польются реки крови, и о каких «правах человека» тогда можно будет говорить? Как только начнется гражданская война, каж-

дый станет маленьким царьком, производства развалится, прервётся транспортное сообщение, а беженцы побегут за рубеж не миллионами, не десятками миллионов, а сотнями миллионов и в первую очередь затронутым всем этим окажется Азиатско-Тихоокеанский регион, самый перспективный в мире. Это может стать всемирным бедствием. Поэтому Китай не может позволить себе беспорядки.... Никакими правами человека и демократическими правами не решить эту проблему. Единственный путь – мирное сосуществование и взаимное сотрудничество государств с различным общественным строем на основе пяти принципов мирного сосуществования, а не вмешательство во внутренние дела других государств и не провоцирование там внутренних беспорядков» (Дэн Сяопин. Вэньсюань. Избр. соч. Т. 3. Пекин, 1993. С. 360-361).

³ См. вышедшую в рамках этой кампании в мае 2013 г. книгу «Китайская мечта: вчера, сегодня, завтра» (Ван Юйци и др. Чжунго мэнь. Цзотянь, цзиньтянь, минтянь. Пекин: Шэхуэй кэсюе вэньсянь чубаньшэ, 2013).

⁴ Там же. С. 314.

Стабурова Е.Ю.

Рижский ун-т им. П. Страдыня, Латвия

СУН ЦЗЯОЖЭНЬ ВЫХОДИТ ИЗ ТЕНИ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЗАПРОС НА СУН ЦЗЯОЖЭНЯ В 2013 Г.

20 марта 2013 г. исполнилось 100 лет со дня покушения на Сун Цзяожэня (1882–1913), завершившегося через два дня смертельным исходом. В этой связи, а также на фоне пару лет тому назад пышно отмеченного 100-летнего юбилея начала Синьхайской революции, на китайских читателей обрушилась лавина посвящённых ему публикаций. Актуализация наследия Сун Цзяожэня идёт по двум направлениям: 1) подвергается пересмотру его историческое значение и 2) осуществляется его проекция на современную политическую систему КНР. Рассмотрению этих двух аспектов и будет посвящена данная публикация.

Факты политической биографии Сун Цзяожэня

Биографию Сун Цзяожэня найти нетрудно, однако из множества его биографий нелегко понять, в чём же была суть его деятельности. Между тем, на наш взгляд, главное состояло в том, что именно он продумал и после серьёзной подготовительной работы осуществил создание в 1912 г. в стране политической партии, заточенной под задачи демократической

формы государственного правления – Гоминьдан. Но именно в этом качестве он долгие годы оставался в тени, так как приоритет признавался за Сунь Ятсеном, с именем которого, как с именем вождя революции, привычно связывались все прорывы тех лет.

Нельзя сказать, что в исторической литературе, рассчитанной на специалистов, не отражалась роль Сун Цзяожэня в создании первой легальной политической партии. Именно опираясь на эту литературу и источники, мы попытались высветить некоторые вопросы, связанные с созданием Гоминьдан на конференции в Тайбэе, посвящённой 100-летней годовщине партии, история которой тайваньскими политиками возводилась к 1894 г. (правда, юбилей партии по-разному позиционировался на китайском и английском языках: в английской версии отмечалось то, что «Сунь Ятсен создал Гоминьдан для революции», а в китайской версии Гоминьдан не упоминался и речь шла о том, что «Сунь Ятсен создал партию для революции»). В докладе мы озвучили три главных тезиса: 1) партия Гоминьдан как таковая появилась в 1912 г.; 2) партия Гоминьдан не может считаться прямым продолжением союза революционеров Тунмэнхуй, так как явилась результатом объединения нескольких организаций; 3) честь создания партии принадлежит Сун Цзяожэню¹. То есть можно сказать, что решающая роль Сун Цзяожэня в создании Гоминьдана и раньше не была секретом, но озвучивалось это эпизодически, и поэтому не могло поколебать устоявшихся представлений о Сунь Ятсене как об Отце государства (Го-фу).

Сам Сун Цзяожэнь точно охарактеризовал суть изменений, которые претерпел Тунмэнхуй, влившись в Гоминьдан: «Раньше мы были партией революционеров, теперь мы политическая революционная партия. Раньше мы были тайным обществом, ныне мы легальная организация. Раньше был период разрушения старого, теперь – созидания нового. [Поэтому] раньше мы с железной решимостью боролись с врагами, а сей-

час мы боремся со своими политическими врагами с помощью поиска политических решений»².

Оценивая деятельность Сун Цзяожэня как организатора, следует отметить, что он одним из первых в Китае понял то, что после отречения императора революционеры должны осуществить переход от революционных методов к методам систематического государственного строительства. Важнейшим направлением в этом процессе он считал партийное строительство. Накануне выборов в первый парламент Китая он добивается слияния нескольких организаций, в том числе, революционного Объединённого союза (Тунмэнхуй), в единую политическую партию Гоминьдан. Своевременность его инициативы была подтверждена уже через несколько месяцев, когда Гоминьдан одержал убедительную победу на выборах в первый парламент страны: из 596 депутатов Палаты представителей 269 человек были членами Гоминьдана, из 274 сенаторов верхней палаты в Гоминьдане состояли 123 человека³. Можно сказать, что это была личная победа Сун Цзяожэня – так много он вложил в избирательную компанию сил, изобретательности, пламенной убеждённости.

Конечно, любая деятельность может быть проанализирована с разных сторон. Упрёки, раздававшиеся в адрес Сун Цзяожэня со стороны тайваньских историков, заключались в том, что, создавая новую партию, он порвал с революционными традициями Тунмэнхуя, принеся их в жертву идее объединения плохо соотносимых друг с другом организаций. Он неправоммерно расширил социально-политическую платформу новой партии, что сделало её предельно рыхлой⁴. Советский историк Г.В. Ефимов характеризовал Сун Цзяожэня как «умеренного буржуазного революционера», который «после свержения монархии полностью перешёл на позиции политического реформизма». По его мнению, «Сун Цзяожэнь поплатился жизнью за свои ошибки»⁵. Мы, напротив, считаем, что трагический финал жизни китайского политика не был закономер-

ным следствием допущенных им ошибок. То, что пуля убийцы была предназначена именно Сун Цзяожэню, свидетельствует о правильности избранной им политической стратегии, которая рассматривалась как опасность силами, заинтересованными в сдерживании развития новых политических институтов.

Некоторые параллели между Сун Цзяожэнем и Сунь Ятсеном

Новый взгляд на Сун Цзяожэня неизбежно ведёт к переосмыслению политического вклада Сунь Ятсена в становление Китайской Республики, просто потому, что место отца-основателя государства, которое в истории Китая занял Сунь Ятсен, не делится на двоих. Между тем при более внимательном прочтении литературы оказывается, что образ Сунь Ятсена не во всём поддаётся идеализации. Скажем, в 1912 г. он однозначно переоценил Юань Шикая как выдающегося политика республики. Так 7 октября, выступая перед членами Гоминьдана, он говорил: «Юань [Шикай] во всех политических делах, используя новые идеи и старые методы, в наибольшей степени соответствует новому революционному периоду государства и народа»⁶.

Иначе складывались отношения между Юань Шикаем и Сун Цзяожэнем. Юань Шикай даже пытался перетянуть на свою сторону последнего путём подкупа, прислав ему подписанные банковские чеки «на нужды партии», суммы в которых должен был проставить сам получатель⁷. Сун Цзяожэнь отверг это предложение. Не случайно в политических кругах того времени бытовала крылатая фраза, сводившаяся к тому, что Юань Шикай не боится «большой пушки – Сунь Ятсена», но боится только Суна-рыбака [«Рыбак (Юйфу)» было одним из имён Сун Цзяожэня]⁸.

Интересна также обычно мимоходом проговариваемая, но довольно подробно описанная в книге австралийского учёного Лю, история о том, как Сунь Ятсен, пребывая за границей, не питал надежд на возможность возрождения Тунмэнхуя, соз-

данного в Японии в 1905 г. и фактически развалившегося к 1911 г. Именно Сун Цзяожэнь выступил за ревитализацию партии путём создания её отделений на территории Китая. При этом, он опирался на свою идею зональной стратегии революции – из трёх предложенных им зон наиболее удачной в смысле достижения революционной цели оказалась зона Центрального и Нижнего течения Янцзы⁹. В развитии этой идеи, в июле 1911 г. в Шанхае было создано Главное правление Тунмэнхуя в Центральном Китае. Члены правления находились в Учане сразу после свержения там Цинов и принимали непосредственное участие в выработке первых законодательных актов новой власти¹⁰.

Нынешние авторы материалов склонны позиционировать Сунь Ятсена как идеалиста, мечтавшего о железнодорожном строительстве в то время, когда продолжалась реальная борьба за власть, и в этом смысле он противопоставляется Сун Цзяожэню, работавшему над насущными вопросами государственного строительства.

Обращает на себя внимание и такая деталь, которая сейчас предлагается китайскому читателю. В одной из статей о Сун Цзяожэне содержатся сведения о том, что в 1913 г. в китайском обществе серьезно обсуждалась версия о том, что Сунь Ятсен мог быть в числе организаторов покушения. Правда, в следующем предложении эта версия дезавуируется утверждением о том, что историческое сообщество достигло консенсуса относительно ложности этого обвинения¹¹. Тем не менее остаётся вопрос: если речь идёт о непреложном факте, то зачем снова вытаскивать на свет слухи столетней давности? Мы видим в этом попытку подрыва авторитета Отца государства для того, чтобы освободить пьедестал для заново заявленного героя.

Духовное наследие Сун Цзяожэня в современной КНР

В публикациях последнего времени за Сун Цзяожэнем закреплены такие эпитеты, как «создатель Гоминьдана», «крестный отец Гоминьдана», «главный разработчик плана по созда-

нию Гомиьндана», «предтеча демократии»¹², «первый политик начального периода Китайской Республики, ратовавший за премьерскую систему власти», «великий демократический политик Китая нового времени», «основатель Китайской Республики», «политик, далеко превзошедший своих современников в идеях демократии и конституционного правления»¹³. Кроме того, по мнению авторов недавних публикаций, «можно сказать, что в революционной партии не было никого, кто мог бы сравниться с Сун Цзяожэнем в патриотизме». В человеческом плане, как сейчас пишут, это был человек, абсолютно лишённый интереса к интригам, к сговорам. Ему ставят в заслугу то, что он «не только был прирождённым политиком, но он ещё был кристально чистым политиком»¹⁴.

Судя по количеству публикаций и откликам на них, именно такой его образ оказался востребованным в Китае XXI века сразу с двух сторон: со стороны руководства страны и со стороны социума.

Заинтересованный отклик китайских пользователей интернета на публикации о Сун Цзяожэне показал, что в обществе есть большой запрос на подобную ему фигуру. Скажем, только одну интернет-публикацию о Сун Цзяожэне за два неполных дня (13 и 14 января 2013 г.) прочитали 7399 человек, и на неё было помещено 83 отклика¹⁵.

Какие эмоции вызывает образ Сун Цзяожэня у современных китайцев? Ожидаемую гордость – Сун Цзяожэнь важен как убедительный образец высоких моральных качеств и жертвенности. Негодование по поводу того, что по прошествии ста лет приходится мечтать о том же, о чём мечтал великий предшественник. В комментариях отчётливо прослеживается стремление к демократии и законности.

Участник дискуссии с Тайваня провёл прямую параллель между Сун Цзяожэнем и Цзян Цзинго, очевидно, воспринимая их обоих как людей, нёсших демократию. Он написал: «Китайцам нужны такие люди, как Цзян Цзинго, Сун Цзяожэнь»¹⁶.

На это его собеседник из Чэнду (Сычуань) откликнулся репликой, в которой выражал радость за тайваньцев, что у них был Цзян Цзянго, но с сожалением констатировал, что в Китае до сих пор нет фигуры такого масштаба. По его словам: «Можно порадоваться тому, что у вас был Цзян Цзинго, и можно горевать из-за того, что у нас до сих пор нет».

В ответ на советы тайваньского соотечественника пришла также ироническая реплика из Чанша (Хунань), напоминающая о том, что неуместно упрощать историю: «Если бы г-н Сун с самого начала смог бы выжить, то, возможно, что потерпевшему поражение Гоминьдану не пришлось бы так быстро убежать на Тайвань»¹⁷.

Под впечатлением от статьи о Сун Цзяожэне читатель из г. Фошань (Гуандун) воскликнул: «Конституционное правление, моя мечта!»¹⁸.

Для руководителей КНР в контексте многолетних поисков оптимальных форм политической организации со ссылками на «свободу», «демократию», «конституционное право», особую значимость приобретает опыт создания первой политической партии, призванной стать ячейкой демократических институтов.

В связи с именем Сун Цзяожэня политики посылают гражданам страны несколько важных сигналов: 1) планы по повышению благосостояния народа, о которых много говорил в течение десяти лет своего правления Ху Цзиньтао, могут быть осуществлены лишь вместе с претворением в жизнь демократизации политической системы; 2) отныне примером для всех должен стать кристально чистый политик, не бравший взятки и не участвовавший в склоках; 3) современные политики КНР во главе с Си Цзиньпином готовы объявить себя непосредственными наследниками идей и дел Сун Цзяожэня, выражая готовность «...возвратиться к началу нашей [республиканской] истории»¹⁹; 4) кроме того, небезынтересно, что формула Си Цзиньпина «китайская мечта» непосредственно возводится к цитате о «китайской мечте» из статьи Сун Цзяожэня.

Выводы

Актуализация наследия Сун Цзяожэня показала, что в историческом плане накопилось много материала, который требует взвешенного и систематического осмысления. Теперь, когда и в КНР и на Тайване, различного рода идеологические препоны, и в том числе авторитет Сунь Ятсена, не служат больше сдерживающим фактором, появилась возможность спокойного и всестороннего рассмотрения того, что сделал Сун Цзяожэнь для Китая.

Материалы о Сун Цзяожэне свидетельствуют о том, что сейчас в КНР поиски исторической истины идут рука об руку с переформатированием доминирующего политического дискурса в направлении актуализации фигуры Сун Цзяожэня и олицетворявшихся им идей демократии, конституционного правления, осуществления «китайской мечты» с опорой на заимствованные на Западе механизмы народного волеизъявления. В этом контексте меркнет значение Сунь Ятсена, к имени которого охотно обращалась китайская политическая элита предыдущего созыва, ушедшая с китайского политического Олимпа в 2012 г. на XVIII съезде партии.

Можно сказать, что акценты, которые сейчас расставляются в исследованиях о Сун Цзяожэне, способны раскрыть подлинный настрой руководителей КПК и КНР, на внешние проявления которого они обычно весьма скупы.

¹ См.: Staburova J. From Tongmenghui to Guomindang: A Glimpse from the Outside. – Proceedings of Centennial Symposium on Sun Yat-sen's Founding of the Kuomintang for Revolution. Vol. 1 [Revolution and Early ROC Years (1895-1925)]. Taipei: Jindai Zhongguo chubanshe, 1995. С. 141-153, 414-415.

² Сун Цзяожэнь. Гоминьдан Эчжибу хуаньинхуй яньшоцы (Речи в хубэйском отделении Национальной партии. 1 февраля 1913 г.). – Сун Цзяожэнь цзи (Собрание сочинений Сун Цзяожэня). Т. 2. Пекин, 1982. С. 457. Цит. по: Стабурова Е.Ю. Политические партии и союзы в Китае в период Синьхайской революции. М.: ГРВЛ изд-ва «Наука», 1992. С. 236.

³ Стабурова Е.Ю. Политические партии и союзы в Китае в период Синьхайской революции. М.: ГРВЛ изд-ва «Наука», 1992. С. 256.

-
- ⁴ Чжан Юйфа. Миньго чуняньдэ чжэндан (Политические партии в начальные годы Республики). Тайбэй: Чжунъян няньцзююань цзиньдайши няньцзюсо, 1985. С. 53.
- ⁵ Ефимов Г.В. Буржуазная революция в Китае и Сунь Ят-сен (1911-1913 гг.). Факты и проблемы. М.: Главная редакция Восточной литературы изд-ва «Наука», 1974. С. 309.
- ⁶ Чжан Юйфа. Миньго чуняньдэ чжэндан. С. 64.
- ⁷ Ефимов Г.В. Буржуазная революция в Китае... С. 307.
- ⁸ См.: Миньго диичжуан чжэнчжи сюэань: Сун Цзяожэнь юйцы Чжао Бинцзюнь цычжи (Первое политическое убийство в Республике: гибель Сун Цзяожэня – отставка Чжао Бинцзюня) [перепечатка из газеты «Дахэбао»] // lishi.hebnews.cn/201303/09/content_3135492.htm.
- ⁹ Liew K. S. Struggle for Democracy: Sung Chiao-jen and the 1911 Chinese Revolution. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1971. С. 82.
- ¹⁰ Стабурова Е.Ю. Политические партии и союзы в Китае в период Синьхайской революции. С. 177.
- ¹¹ Миньго диичжуан чжэнчжи сюэань...//lishi.hebnews.cn/201303/09/content_3135492.htm
- ¹² См.: Сун Цзяожэнь: Жухэ шуси, жэнь бай ци шэнь (Сун Цзяожэнь: Как его вернуть! Сто раз я готов умереть, чтобы он жил!) // Жэньшэнь (Голос людей), № 82 // news.cn.yahoo.com/songjiaoren/
- ¹³ См.: Мянхуай Чжунго цзиньдай вэйдадэ миньчжу чжэнчжицзя – Сун Цзяожэнь (Памяти великого демократического политика Китая нового времени – Сун Цзяожэня) // news.cn.yahoo.com/yopen/20130111/1547178.html
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ См.: Хуати: Сун Цзяожэнь: гудудэ сяньчюйчжэ (Объект: Сун Цзяожэнь: одинокий первопроходец) [Обсуждение статьи о Сун Цзяожэне] // tie.bbs.cn.yahoo.com/list.html?url=http%3A%2F%2Fnews.cn.yahoo.com%2Fsongjiaoren%2Findex.html&title=%E5%AE%8B%E6%95%99%E4%BB%81%EF%BC%9A%E5%AD%A4%E7%8B%AC%E7%9A%84%E5%85%88%E9%A9%B1%E8%80%85&category=news&target=news_rw_songjiaoren&product_type=3#hot-comt-1
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Мянхуай Чжунго цзиньдай вэйдадэ миньчжу чжэнчжицзя – Сун Цзяожэнь. // news.cn.yahoo.com/yopen/20130111/1547178.html

Троцкий П.В.
ИДВ РАН

ПРАВО И ТРАДИЦИЯ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

История древнего (традиционного) китайского права насчитывает не одну тысячу лет. Некоторые дошедшие до нас

письменные источники древнекитайского права всесторонне изучаются отечественными учеными, осуществляется их перевод на русский язык, дается толкование содержащихся в нем положений и норм с учетом присущей тому времени специфики¹. Однако мало кто из российских исследователей проводит параллели между традиционным правом Китая и современной правовой системой КНР, зачастую не ставится вопроса о степени влияния правовых традиций на особенности законотворческой работы китайского правотворца, существует разрыв между исследованиями традиционного и современного права Китая.

Традиционное древнекитайское право по степени своей развитости и уникальности не уступает дошедшим до нас правовым документам стран Древнего Востока (Древний Египет, Древние страны Месопотамии, Древняя Индия), праву античного мира (Древняя Греция, Древний Рим). К сожалению, в современной отечественной юридической науке существует большой недостаток в фундаментальных исследованиях древнекитайского права, тогда как ситуация с параллельными исследованиями в области древнего права иных зарубежных правовых семей обстоит многим лучше. Однако такое положение дел не соответствует той роли и месту, которое занимает древнее китайское право в общей истории правовой мысли человеческой цивилизации. Авторитетный российский ученый-компаративист Лафитский В.И. отмечает: «принято считать, что юридическая наука возникла в древнем Риме. Во всяком случае, именно этому учат в большей части российских университетов. А, между тем, юридическая наука блистательно развивалась во многих частях света задолго до появления первых трактатов древнеримских юристов. ...Первая юридическая школа была основана в Древнем Китае великим философом Конфуцием...»².

Современная правовая система КНР [«социалистическая правовая система с китайской спецификой» (中国特色社会主义

法律体系— *чжунго тэсышэчуэйчжун фалютиси*)] представляет собой уникальное явление, включающее в себя характерные черты права стран социалистической системы, нормы традиционного права Китая и некоторые принципы, нормы международного права. На ее формирование оказали самое непосредственное влияние политико-правовые, религиозно-этические учения древнего Китая (конфуцианство, легизм), которые, однако, не получили своего очевидного закрепления в текстах, формулировках нормативных правовых актов в виду всепоглощающего влияния марксистско-ленинской общей теории государства и права. Однако роль правовых традиций Древнего Китая в деле созидания новой социалистической законодательной системы настолько велика, что этот вопрос должен стать предметом исследования современного права КНР. По мере углубления в правовую тематику нашего великого соседа мы погрузимся в интереснейший мир китайского права, в котором его древние нормы будут явственно отображаться в современной правовой действительности.

Известно, что КНР была образована в октябре 1949 г. Именно с этого времени принято говорить о формировании правовой системы Китая нового типа. Действующее до прихода к власти КПК на большей территории страны гоминьдановское законодательство было тесно связано с древними традициями китайского права, особенно в области уголовного права. Так, еще в 1912 г., через год после свержения маньчжурской династии, президент Китайской Республики Сунь Ятсен утвердил временный свод уголовных законов – Уголовное уложение, состоящее из 411 статей. Затем уже в 1928 г. после внесения ряда изменений Уголовное уложение было переименовано в Уголовный кодекс. Позднее этот Кодекс действовал в редакции 1935 г. и состоял из 357 статей. Анализ указанного документа позволяет дать высокую оценку закрепленным в нем на то время нормам. Совершенно точно можно сказать, что «почти целиком заимствованный из японского УК, а частью – из

законодательств Франции, Бельгии, Германии, Голландии, УК 1928 г. вносит в уголовное право Китая много совершенно новых идей и институтов, которые, проходя через призму мировоззрения китайского народа, созданного тысячелетней совершенно самостоятельной и резко различающейся от западной культурой, под влиянием этого мировоззрения приобретают совершенно особенный своеобразный характер»³. Однако новыми коммунистическими властями в феврале 1949 г. действие законодательства гоминьдановского Китая («Полной книги шести отраслей права») на территориях Освобожденных районов было отменено. А уже после официального провозглашения КНР ст. 17 Общей программы НПКСК подтвердила на государственном уровне отмену гоминьдановского законодательства.

Необходимо подчеркнуть, что современный облик китайское право стало приобретать лишь с конца 1978 г.⁴, когда после смерти Мао Цзэдуна и окончания разрушительной для государства «культурной революции» новое руководство страны приступило к проведению ширококомасштабной «политики реформ и открытости». За столь короткий по сравнению с историей китайской цивилизации период правовая система КНР в своем развитии достигла значительных результатов, в ней появились многие уникальные в своем роде акты правотворчества, а её сравнительно-правовое исследование представляется актуальным и важным для учета китайского опыта в правотворческой деятельности, развития отечественной юридической и синологической наук.

Несмотря на динамичное развитие социалистической правовой системы с китайской спецификой, уже сейчас можно выделить некоторые основные её особенности, на формирование которых значительное влияние оказали правовые концепции Древнего Китая:

1. В правовой системе современного Китая принято и действует относительно небольшое по сравнению с Россией-

ской Федерацией количество законов. К концу 2010 г. (год формирования правовой системы) в КНР действовало всего лишь 236 законов, 690 административных актов и более 8600 местных актов правотворчества⁵. К концу августа 2011 г. в КНР действовало 240 законов, 706 административных актов, более 8600 местных актов правотворчества⁶. В настоящее время общее число законов КНР составляет примерно 260.

При относительно небольшом количестве законов, в китайском государстве широко развито подзаконное, местное правотворчество. Китайский законодатель предпочитает идти по пути интенсивного принятия отдельных локальных актов правотворчества для более оперативного реагирования на происходящие в стране изменения социально-экономического и/или государственно-политического характера. Центральные власти предоставляют широкие правотворческие полномочия органам власти на местах для незамедлительного принятия соответствующих правовых документов по устранению существующих пробелов в регулировании возникающих общественных отношений. В КНР принятие закона сопряжено с соблюдением долгих и сложных законотворческих процедур, что, по мнению китайских ученых, может привести к замедлению социально-экономического развития государства. До принятия необходимого для правовой системы закона китайские власти прибегают к активному использованию подзаконного, местного регулирования, что способствует более своевременному реагированию на происходящие в стране изменения. Местное правотворчество настолько развито, что для успешной работы в правовом поле КНР необходимо в первую очередь изучать действующее в том или ином регионе законодательство, которое широко используется китайским правоприменителем. Без знания положений местных законов решить возникшую юридическую проблему, руководствуясь лишь ограниченным перечнем действующих центральных законов, невозможно.

Указанная особенность берет свое начало еще с традиционных представлений китайцев о праве. Относительная малочисленность основных законов по сравнению с оперативными постановлениями (подзаконными актами) по локальным вопросам – давняя традиция. Склонность современных китайцев к малому числу основополагающих интегральных актов и потоку частных нормативов – особенность, своими корнями уходящая в далекое прошлое китайской истории. Об этом чрезвычайно подробно в своих работах свидетельствуют видные российские исследователи права Древнего Китая Кычанов Е.И. и Рыбаков В.М. Стоит лишь ознакомиться с проведенным ими анализом основных дошедших до нас правовых памятников древнего китайского права, как сразу становится очевидным влияние традиции на современную правотворческую деятельность китайского законодателя. Древнему китайскому праву было известно деление всех существующих правовых документов на *люй* (уголовные законы), *лин* (административные), *зэ* (при династии Тан: сборники указов, дополнявшие кодекс, при династии Сун: специальные правила, определявшие штат чиновников, размеры наград, сроки отпусков и т.п.) и *ши* (правила ритуального поведения, правила отношений людей между собой)⁷. При этом самих уголовных (иными словами, законов, составлявших ядро правовой системы Древнего Китая) было крайне мало. Общественные отношения в большинстве регулировались *линями* (включавшие *зэ* и *ши*);

2. Соотношение права и морали в китайском обществе до настоящего времени рассматривается через призму верховенства морали над правом (проблема взаимодействия права и морали широко известна западной философской и юридической науке, в особенности взгляды на нее Канта и Гегеля). Известно, что китаец старается «стоять на почтительном расстоянии» от права, в своем поведении руководствуется, как правило, не юридическими нормами, а стремлением «сохранить лицо», не подвергнуться осуждению со стороны родственников и знако-

мых, стремится соответствовать общепринятым нормам морали. При этом иногда нарушение норм права может быть признано допустимым, моральным и заслуживающим одобрение. Так, обман с целью извлечения выгоды от иностранного бизнесмена при нарушении условий гражданско-правовой сделки хотя и будет противоречить действующему гражданскому законодательству, но в лице окружающих китайцев будет свидетельствовать о ловкости и уме недобросовестного китайского бизнесмена, который «обвел вокруг пальца» лаовая (иностранца). То же самое касается и исполнения договорных обязательств, в том числе и международного характера. То, что становится не выгодным сейчас, автоматически теряет в глазах китайца юридическую силу несмотря ни на какие юридические основания.

Исследователь китайского традиционного права Рыбаков В.М. подчеркивает, что «в отличие от многих древних обществ (Рим) законы в Китае никогда не мыслились как нечто священное и непререкаемое, как благой дар богов смертным людям, как идейная сверхценность. Напротив, господствующая теория поначалу относила их к продукту творчества не китайских, «варварских» народов, не ведающих морали и стыда, а потому вынужденных, чтобы хоть как-то наладить общежитие, прибегать к постоянному насилию посредством законодательно налагаемых запретов»⁸. По мнению ученого, право и мораль рассматривалось китайским древним обществом как борьба двух вечно единых стихий Инь (женская) и Ян (мужская), борьба темного и светлого, пассивного и активного, где право – Инь, а мораль – Ян. Мораль стоит выше права, она является главным в деле регулирования существующих в обществе отношений.

Так, Кодексом Тан закреплялась обязанность членов общества доносить на лицо, совершившее преступление. Однако, если это преступление совершено старшим членом семьи, то младший родственник освобождался от ответственности за недоноситель-

ство, так как конфуцианский принцип уважения младшими старших стоял выше правовой нормы (соблюдение трех законов отношений: государь – подданный, родители – дети, муж – жена). В некоторых случаях интересы самого государства должны уступить сохранению семейных связей («у нас отец прикрывает сына, говорит Конфуций, а сын прикрывает отца»). Кодексом закреплялось и уголовное наказание за устроение свадьбы в ту пору, когда отец, мать, дед, бабушка по мужской линии находились в тюрьме (считалось, что в это время радоваться нельзя, ведь член общества преступил действующие правовые нормы, совершил антиморальный поступок). Но если на заключение брака настоял отец либо дед, находящиеся в тюрьме, то лицо освобождалось от ответственности исходя из главенства принципа подчинения младших воле старших. В приведенных выше примерах также прослеживается влияние традиции на современное правосознание китайца. В этом и состоит особая специфика современного китайского права;

3. Текстам китайских нормативных правовых актов свойственна нечеткость, расплывчатость, неконкретизированность формулировок, что особенно было характерно для актов правотворчества, появившихся в правовой системе страны в первые годы после образования КНР и в первое время после окончания «культурной революции». На это обстоятельство особо обращали внимание отечественные исследователи китайского права⁹. Все это самым серьезным образом влияет на единообразное, правильное, точное толкование и применение содержащихся в правовом акте положений, ограничивает возможности сторон по делу на эффективную законную защиту своих интересов.

Еще столетие назад на эти особенности китайских законов обращали свое внимание отечественные исследователи. В.В. Энгельфенд писал, что «вина» в недостаточном понимании русскими исследователями китайского права лежит «...на китайском законодательстве, язык которого чрезвычайно рас-

плывчат». Также: «язык Конституции нередко чрезвычайно расплывчат и полон неопределенностей, дающих возможность толкования ею постановлений в различном смысле»¹⁰.

Приведенная особенность совсем не связана с тем, что для отечественных исследователей права КНР китайское иероглифическое письмо представляет значительные трудности при переводе используемых китайским законодателем терминов на русский язык. В основе приведенного обстоятельства лежат три основных причины:

1. Незаработанность китайской юридической терминологии, понятийного аппарата, сложность в переложении известных западной юридической науке терминов на китайский язык (не только юридические, но и философские, богословские, политологические термины, широко используемые в западном мире, с большим трудом находят свои китайские определения и в настоящее время);

2. Недостаточно высокий уровень юридического образования творцов китайских законов, многие из которых, хотя и заканчивали юридические институты КНР, однако полученные ими знания уступают современным западным, российским и многим азиатским правовым школам;

3. Для китайского правоприменителя умышленно создаются весьма комфортные условия по применению нечетких формулировок при решении задач государственно-политического характера, по трактовке правовой нормы в свою пользу. Интересы государства в Китае на всем протяжении его истории стояли выше интересов общества и личности (известная триада: государство-общество-личность в противовес западной модели приоритета интересов личности над общественными и государственными интересами).

Характерным примером вышесказанного служат, например, Правила управления доменными именами сети Интернет Китая (приняты Министерством информации КНР 14.03.2002, с изменениями от 28.09.2004)¹¹, согласно положениям ст. 27 кото-

рых «регистрируемые и использованные доменные имена каких-либо организаций или отдельных лиц не должны содержать в себе данные»: «подрывающие авторитет и интересы государства» (п. 3); «разрушающие религиозную политику государства, распространяющие сектанство и феодальные ереси» (п. 5); «распространяющие ложные слухи, подрывающие общественный порядок, разрушающие стабильность в обществе» (п. 6). В соответствии со ст. 5 Правил управления и обеспечения безопасности компьютерной информационной сети в международном Интернете (обнародованы Министерством общественной безопасности КНР 30.12.1997)¹² «никакие организации и отдельные лица не должны, используя международную сеть Интернет, изготавливать, копировать, знакомиться и распространять следующую информацию»: «содержащую злостную клевету либо извращенные факты, распространяющую ложные слухи, подрывающую общественный порядок» (п. 5); «подрывающую репутацию государственных органов» (п. 7).

Многие закрепленные в праве современного Китая положения подпадают под неоднозначную трактовку, способствуют росту коррупционной составляющей. В принятых китайским законодателем положениях действующих нормативных правовых актов изобилуют термины «двойного толкования»: «может» (可以), «вправе» (有权), «и другие» (等等), «своевременно» (及时), «правдиво» (如实);

4. Особой спецификой обладает и правосознание простого китайца. В его понимании Право, Закон практически всегда ассоциируется с институтом наказания, институтом юридической ответственности¹³. При этом юридическая ответственность зачастую ассоциируется с одним из ее основных видов – уголовной ответственностью. Это обстоятельство объясняется в первую очередь тем, что для интересов государства китайские власти создавали целый ряд норм, в санкциях которых особо оговаривалась юридическая ответственность за нарушение закрепленных в них положений. При этом само наказание

носило чрезвычайно жестокий характер, весьма распространенной была смертная казнь, которая приводилась в исполнение различными антигуманными способами. Институт наказания в древнем китайском праве оказал и продолжает оказывать значительное влияние и на формирование института юридической ответственности в современном праве КНР. Основную цель санкций китайские юристы видят в предупреждении правонарушений, а если оно уже совершено, то применение санкций должно быть направлено на осуществление задач общей и частной превенции, исправление и перевоспитание правонарушителей. Непосредственная задача санкций должна заключаться в оказании сдерживающего воздействия на потенциальных правонарушителей.

В отличие от российского права, китайское законодательство достаточно жестко реагирует на любого рода нарушения правовых норм. Еще задолго до Рождества Христова в Древнем Китае была известной стратагема «бить по траве, чтобы вспугнуть змею» (打草惊蛇). Применение этой стратагемы в борьбе с преступностью сформулировал еще во времена ханьского императора Сюаня (74–49 гг. до н.э.) начальник уезда Дунхай Инь Вэнгуй. Он постановил, что казни за тяжкие преступления, совершенные в его уезде, исполняются во время ежегодных осенних и зимних собраний чиновников или же его инспекционных поездок. Причиной такого решения было намерение «одной смертной казнью предостеречь сотни людей». Итогом же стало то, что многие чиновники и простые граждане, шедшие по скользкой дорожке, под воздействием страха начинали новую жизнь. «Так, например, Инь Вэнгуй своими руками казнил ужасного злодея Сю Чжунсуня, которого не решались покарать его предшественники. Эта казнь всполошила весь уезд Дунхай. Весь уезд пребывал в страхе и ужасе, и никто более не решался идти против законов. После этого во все правление Инь Вэнгуя в Дунхае царили мир и порядок»¹⁴. В данном случае наказание, пусть и жестокое, одного лица,

выступает в качестве «битья по траве», в результате которого многочисленные преступные элементы – «вспугнутые змеи» – в испуге отвращаются от преступления.

О подходе китайского законодателя к наказанию как к способу устрашения потенциальных преступников и отвращению их от совершения преступлений писал еще в XIX в. один из основателей российского китаеведения о. Иакинф [Н.Я. Бичурин (1777–1853)]. По его словам для Китая было характерным, что «...наказание малою планкою производится для стыда, ибо маловажные преступления стыдом должны быть наказываемы. Наказание большою планкою производится для обуздания, ибо страхом сего наказания удерживаются от преступлений»¹⁵.

С самых древних времен в Китае считалось, что чем тяжелее санкции, то есть мера наказания за установленные правонарушения, то тем менее будет желающих их совершать. При этом особое внимание на протяжении всей истории китайского государства и права уделялось институту смертной казни. В настоящее время китайские ученые практически единодушны во мнении, что отказ от смертной казни не будет способствовать делу построения социалистического правового государства. Они отмечают, что «большинство стран, которые в разное время по тем или иным соображениям объявляли об отмене смертной казни, впоследствии все же вновь восстанавливали действие высшей меры или же если и не восстанавливали официально, то создавали лазейки в законодательстве для обхода имеющегося запрета»¹⁶.

Широким применением наказания власти китайского государства стараются сдерживать полуторомиллиардное население в рамках существующих правовых предписаний. Концепция наказательного характера китайского права является доминирующей в китайском обществе и в среде китайских юристов. Однако в истории китайского государства и права взгляды легистов (законников) на институт наказания не всегда был главенствующим. Длительное время в Поднебесной

широкое распространение имели высокие нормы конфуцианской морали, во главе которых стояла гуманность и человеколюбие¹⁷. Извечная борьба между этими двумя политико-правовыми и нравственными учениями существовала на протяжении практически всей истории Китая. Конфуций на вопрос о целесообразности применения смертной казни в отношении преступников отвечал так: «Вы управляете, зачем же прибегать к убийству? Если Вы пожелаете быть добрым, то и народ будет добр. Добродетели благородного мужа – это ветер, а качества низкого человека – это трава, и ветер, гуляющий по траве, непременно пригибает ее»¹⁸. Однако полемика между двумя школами практически не влияла на смягчение мер юридической ответственности в отношении нарушителей правовых предписаний.

В завершение настоящей статьи подчеркнем, что следует всесторонне учитывать влияние правовых традиций Древнего Китая, правосознания китайца, сформированного тысячелетней культурой, на современную правовую систему КНР. Отметим, что нельзя автоматически переносить общепризнанные европейской юридической наукой категории и институты на китайскую почву без учета ее специфики. Такое безапелляционное утверждение собственной правоты и исключительности приведет лишь к еще большему напряжению в отношениях между западной и восточной цивилизациями.

¹ См., напр.: Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюани 1–8 / Введение, перевод с китайского и комментарий В.М. Рыбакова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999; Законы Великой Династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений. В 2 частях. Пер. с кит., исслед., примеч. и прилож. Н.П. Свистуновой. М.: Восточная литература РАН. 1993, 2002; Книга правителя области Шан (Шан Цзюнь Шу). Перевод с китайского, вступительная статья, комментарий и послесловие Л.С. Переломова. Второе издание, дополненное. М.: Ладомир, 1993.

² Лафитский В.И. Юридическая наука: история и современность // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2010. №3. С. 26.

³ Камков А.А. Очерки современного уголовного права Китайской Республики. Вып. №1. М., 1935. С. 7.

-
- ⁴ Более подр. см.: Гудошников Л.М. Становление и модернизация правовых институтов // Китай на пути модернизации и реформ. 1949-1999. М.: Восточная литература, 1999. С. 420.
- ⁵ См.: У Банго. 形成中国特色社会主义法律体系的重大意义和基本经验 (Важнейшее значение и основной опыт формирования социалистической правовой системы с китайской спецификой) // Цюши. 2011. №3. С. 3 (на китайском языке).
- ⁶ 中国特色社会主义法律体 (социалистическая правовая система с китайской спецификой). Издание Канцелярии Государственного совета КНР по информации. Пекин: Народное издательство, 10.2011. С. 9.
- ⁷ См.: Е.И. Кычанов. Основы средневекового китайского права (VII – XIII вв.). М.: Наука, 1986. С. 9 (согласно трактовке Рыбакова В.М. под «люй-лин-гэ-ши понимаются соответственно: уголовные, общеобязательные, нормативные и внутриведомственные установления (см.: В.М. Рыбаков. Благотворительные иллюзии культуры: Философская основа и правовая конкретика уголовного кодекса китайской династии Тан. В сборнике докладов: «Востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций». XXV международная конференция. Спб.: Спб. Государственный Университет, 2009. С. 234).
- ⁸ В.М. Рыбаков. Система законов династии Тан. Общие замечания. Вступительная глава ко второму тому монографии «Танская бюрократия». Часть 2. СПб.: Петербургское Востоковедение. В печати (2013 г.). Авторский вариант любезно предоставлен Рыбаковым В.М.
- ⁹ См., напр.: Ахметшин Х.М. Уголовный кодекс КНР. Лекция. М.: Военный Краснознаменный институт, 1981. С. 14.
- ¹⁰ В.В. Энгельфельдъ. Очерки государственного права Китая. Том II. Известия Юридического Факультета въ г. Харбинъ, 1925. С. 8, 120.
- ¹¹ URL: <http://www.china.com.cn/chinese/PI-c/712181.htm> (на китайском языке).
- ¹² URL: <http://www.mps.gov.cn/n16/n1282/n3493/n3823/n442104/452202.html> (на китайском языке).
- ¹³ Более подробно об институте юридической ответственности в китайском праве см.: Трощинский П.В. Юридическая ответственность в праве Китайской Народной Республики. М.: ИДВ РАН, 2011.
- ¹⁴ Харро фон Зенгер. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые 36 стратегем за три тысячелетия. Под общ. ред. В.С. Мясникова. М.: Прогресс, Культура, 1995.
- ¹⁵ Бичурин Н.Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. М.: Восточный Дом, 2002. С. 136.
- ¹⁶ Люй Цзигуй, Цянь Гояо. Дацзи цзинци линюй фаньцзуй ходунды цяньда учи (Сильное оружие в нанесении удара по преступности в сфере экономики). Политика и право, 1982, №2. С. 33 (на китайском языке).
- ¹⁷ Более подробно см. вступит. статью авторитетного российского синоведа Переломова Л.С. «Четверокнижие» - ключ к постижению конфуцианства» в книге: Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). М., 2004. С. 10-70.
- ¹⁸ Беседы и суждения Конфуция. Спб, 1999. С. 432.

Анисимцев Н.В.
ИДВ РАН

XVIII СЪЕЗД КПК О «ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ СОЦИАЛИЗМА
С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ»

Отчётный доклад XVIII съезду КПК, состоявшемуся в ноябре 2012 г., продемонстрировал, что руководство КПК и государства придаёт важное значение в деле строительства «социализма с китайской спецификой» праву как инструменту управления всем развитием страны. «Сложилась социалистическая правовая система с китайской спецификой, заметные результаты дало строительство правового социалистического государства»¹ – зафиксировал доклад Ху Цзиньтао.

Дополнительным подтверждением постоянного и глубокого внимания руководства КПК и КНР к данному аспекту государственного и общественного строительства служит выпуск в последние годы Службой информации при Государственном Совете КНР двух «Белых книг», специально освещающих проблематику и достижения правового строительства в КНР за период «реформ и открытости». В августе 2008 г. вышла книга «Правовое строительство в Китае»², а в октябре 2011 г. свет увидело издание «Правовая система социализма с китайской спецификой»³, подытожившие результаты истёкших 30 лет развития.

Данные публикации подтверждают старые истины: в праве самым чистым образом отражаются тенденции развития общества и государства, их политическая культура. Партийные и государственные документы КНР так раскрывают эту взаимосвязь. К 2010 г. – констатирует Белая книга «Система права социализма с китайской спецификой» – задача построить названную систему выполнена. «Система права социализма с китайской спецификой является правовым основанием социализма с китайской спецификой, заключающей в себе его природу, правовым отражением новаторской практики социализма с китайской спецификой, правовой гарантией процветания социа-

лизма с китайской спецификой. Её установление является важным краеугольным камнем в развитии Китая социалистической демократии и системы права, демонстрирует великие достижения реформ, открытость и стимул к социалистической модернизации. Она имеет великое практическое и далеко простирающееся историческое значение»⁴.

Китай – страна континентальной правовой системы (хотя и прецеденты в ней постепенно набирают значение). Конституция питает разветвлённую систему законов, указов, правил. По данным на август 2011 г., в КНР действует 240 законов (включая Конституцию), 706 административных указов, свыше 8600 местных правил⁵.

Нынешние достижения имеют длительную предысторию. По некоторым суждениям, начало формирования правовой системы «социализма с китайской спецификой» (далее – СКС) относится уже к первым годам со дня провозглашения КНР, по другим документам, речь идёт о правовых итогах развития последних 30 лет – о периоде «реформ и открытости».

До образования КНР в 1949 г. и в первые годы её существования по причине исторической отсталости страны роль права, закона в китайском обществе была незначительной. Основной объём правового регулирования в первые годы существования КНР выполнялся властями в политико-административном стиле.

Вместе с тем Коммунистическая партия Китая, возглавившая народ на пути строительства социализма, сознавала важность права как инструмента народовластия и сразу же взяла курс на формирование новой, социалистической по характеру законности народно-демократического государства.

В 1954 г. была принята первая Конституция КНР, закрепившая победу народно-демократического строя и развитие Китая по пути строительства социализма. В этот период решалась поставленная в 1956 г. VIII съездом КПК задача постепенного и систематического формирования правовой системы.

Всего до разразившейся в 1966 г. «великой пролетарской культурной революции» было разработано и принято 130 важных законов и декретов.

Как известно, в годы так называемой «великой пролетарской культурной революции» правовая система социалистического Китая подверглась разрушению, уступив место радикальной левацкой утопии «казарменного коммунизма», при котором насаждался произвол, правовой нигилизм, право рассматривалось как «буржуазный пережиток»; работа институтов общественной жизни и государственной власти была дезорганизована.

Положение начало фундаментально меняться с 1978 г. благодаря историческим решениям 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва. Пленум принял решение направить работу партии и государства на проведение политики реформ и открытости, что потребовало и восстановления законности, налаживания системы последовательного регулярного управления, основанного на мировой правовой культуре. Пленум заявил: «Для укрепления народной демократии мы должны усилить нашу социалистическую правовую систему, которая позволит демократии стать институциональной и кодифицированной и гарантировать, что такая система и законы будут стабильными, долгосрочными, авторитетными»⁶. Так вновь стартовал процесс правового строительства в КНР.

Важнейшими вехами этой эволюции был 1992 г., когда XIV съезд КПК принял стратегическое решение о строительстве «социалистической рыночной экономики». А следующей важной вехой стал 1997 г., когда XV съезд КПК поставил задачу – «управлять страной на основании закона, и построить страну, управляемую законом», одновременно с развитием социалистической рыночной экономики завершить к 2010 г. строительство «правовой системы социализма с китайской спецификой».

Таким образом, ныне китайское руководство пожинает заслуженные плоды задолго до того начавшейся работы.

Правовая теория исходит из того, что развитие общества и государства допускает и подразумевает сочетание различных форм и методов управления, охватывающих формально противоположные полюса общественно-экономической формации и государственного управления. Государственное управление, как правило, объективируется в социальных приоритетах, императивных, плано-регулирующих методах, а институты гражданского общества связаны с обособлением индивидуальности гражданина и свободой предпринимательства в системе рыночной экономики. При этом различные полюса общества, власти и управления – ценности и прагматика, рациональность и спонтанность, плановость и оперативность, стратегия и тактика – формально противостоят друг другу, в реальной жизни часто соперничают, но при этом взаимно дополняют и подпитывают друг друга. На разных этапах общественного развития по конкретно-историческим причинам на авансцену выходят одни аспекты социализма, им противоположные – отступают в тень. Но их единство в масштабах общества сохраняется.

Время начала реформ в КНР отмечено успешным развитием институтов и норм рыночной экономики в КНР, но ближе к сегодняшнему дню всё отчетливее набирает силу парадигма общественного, социалистического характера общества.

Наиболее заметной была либеральная рыночная компонента эволюции правовой системы КНР в сфере преобразований конституционного права.

Работа над Конституцией велась в Китае постоянно: Конституция 1954 г. пересматривалась в 1975 г., в 1978 г. В 1982 г. на первой сессии ВСНП 5-го созыва была принята новая конституция. Но процесс корректив на этом не остановился – изменения в новую конституцию вносились в 1988, 1993, 1999, 2004 гг.

Если суммировать основное содержание и итоги законодательных преобразований на конституционном уровне, то его положения таковы.

Теория Дэн Сяопина, главного «архитектора» современных реформ, определена как важнейший элемент идеологии партии и государства: она ставится один в ряд с учением марксизма-ленинизма, идеями Мао Цзэдуна. Также включено упоминание о теории «трёх представительств» Цзян Цзэминя.

Китай будет применять принцип управления на основе права, управлять в соответствии с законом и строить социалистическую страну, управляемую законом. Тем самым обществу даются гарантии против повторения вакханалии «культурной революции», гарантии стабильности государства и соблюдения прав гражданина.

Включён важнейший тезис Дэн Сяопина — Китай будет развивать «социалистическую рыночную экономику». При этом тезис, что Китай находится в «начальной стадии социализма», усилен: Китай будет находиться в этой стадии очень долгий период времени!

Ясно выражен принцип многоукладности экономики. В тексте конституции (ст. 6) говорится: «На начальной стадии социализма Китай будет поддерживать базовую экономическую систему, при которой государственная собственность доминирует, и различные формы собственности развиваются бок о бок. Также будет поддерживаться система распределения, при которой распределение по труду доминирует и сосуществует с разнообразием моделей распределения». Эти положения поддерживаются и ст.11, где говорится, что негосударственный сектор, включая индивидуальный и частный секторы, являются частью социалистической рыночной экономики.

Конституция легализовала и перемены в сельском хозяйстве: в коллективных хозяйствах признаны разные типы управления, самостоятельная ответственность хозяйств, распределение соответственно производительности.

Наконец, преобразована и правовая (уголовная) ответственность граждан: термин «контрреволюционная деятельность» заменён на менее политизированный и более надклассовый – «преступления, угрожающие национальной безопасности» (ст. 28).

Таким образом, конституция Китая надёжно свернула идейно-политический курс на «продолжение классовой борьбы и революции», который некогда вылился в вакханалию «пролетарской культурной революции». Современная конституция принципиально расширяет гражданские права населения, укрепляет права собственности и предпринимательства, узаконивает многоукладную экономику, способную функционировать в системе либерально-рыночных механизмов.

По мере реализации новой конституции, становления и экспансии частно-правовых, товарно-денежных общественных отношений неизбежно стала сильнее проявляться, активизироваться и альтернативная, государственно-регулирующая, плановая, социал-демократическая компонента общественной жизни.

Социалистическая, марксистско-ленинская идеология и терминология неизменно и широко представлены в партийных и государственных документах КНР. И нет оснований считать, что она представляет собой лишь формальную дань прошлому, камуфлирующую переход к капиталистической реальности. Социализм, идеология Маркса и Ленина остаются живым источником, питающим государственную политику КНР, идейные поиски китайских интеллектуалов.

Ген социализма стихийно воспроизводится на уровне идеологии общественной и экономической жизни Китая, базовой социальной теории. К примеру, уже в 1997 г. с высокой трибуны XV съезда КПК было заявлено, что «первичная фаза социализма» с её «социалистической рыночной экономикой» будет продолжаться 100 лет и более. Подобная временная корректива с объективной стороны выглядит как гарантия граж-

данскому обществу и всем инвесторам, что развитие рыночной экономики – есть долгосрочный курс партии и государства в Китае. Но одновременно обнажается и другая, субъективная сторона вопроса – нельзя не заметить, что имеет место, проявляется существенная, глубинная эволюция мировоззрения идеологов рыночного социализма в КНР.

Ранее необходимость введения «социалистического рынка» они обосновывали «отсталостью и бедностью» Китая. Возникает вопрос, разве КНР предполагает ещё 100 лет быть бедной и отсталой страной? Как известно, руководство Китая наметает построение «среднезажиточного общества» уже к 2020 г., а по многим оценкам уже к 2030 г. Китай должен по многим ключевым параметрам сравняться с США. Очевидно, что «отсталость и бедность» страны не могут служить достаточным логическим обоснованием выбора рыночного социализма как долгосрочной перспективы. По-видимому, дело заключается в осознании китайским руководством, что феномены материального мира имеют своё основание и в «горнем», рационально-абстрактном мире. Дихотомия рынка и социализма задана и существует априорно: как невозможно власть математических законов обосновывать «бедностью» или «богатством», так же и фундаментальные законы общества относительно автономны, априорны. Следовательно, «столетние» гарантии «социалистической рыночной экономики», открывая твёрдую перспективу развитию рынка, одновременно подводят и более прочные гарантии и социалистического будущего китайского общества.

Эта же мировоззренческая трансформация обнаруживается и в вопросах уголовного законодательства – речь о замене «преступлений против революции» на «угрозу национальной безопасности». Как известно, «революции» — дело временное, а защита национальной безопасности – тема вечная.

В современном Китае «социализм» и «рынок» всё больше воспринимаются как вечный, надисторический принцип общественного и государственного устройства. Поэтому в сфере

государственной идеологии происходит не переход от социализма к частно-предпринимательской, либерально-рыночной идеологии, а балансировка двух фундаментальных, принципиальных начал – социализма и рынка.

Помимо конституционного права, родственные тенденции просматриваются и в сфере прав гражданского состояния и имущественных отношений, хозяйственной деятельности граждан.

Юридическая наука КНР, освещая законодательное регулирование гражданских и экономических отношений в обществе, разделяет весь правовой массив в этой области на две (по меньшей мере) крупных правовых ветви. Во-первых, это «гражданское и коммерческое право» *миншан фалюй*, и, во-вторых, «экономическое право» *цзинцизи фалюй*.

«Гражданское и коммерческое право» Китая естественно относится к сфере действия частного права. Оно регулирует личные и собственнические отношения граждан, юридических лиц, между гражданами и юридическими лицами, связанными отношениями взаимной независимости и равенства. На август 2011 г. в КНР уже было принято и введено 33 закона гражданского и коммерческого права.

Многолетние усилия создать в КНР единый гражданский кодекс пока не увенчались завершённым результатом, роль такого кодекса исполняют Общие принципы гражданского права и ряд специальных законов. Документ принят 12 апреля 1986 г., введен в действие с 1 января 1987 г. Работа над единым гражданским кодексом продолжается.

К числу важнейших специальных законов относятся Контрактное право (принят в 1999 г., № 15), Право гарантий (1995 г., № 50), Закон о браке (1980 г., № 9), Закон о наследовании (1985 г., № 24), Закон об усыновлении (1991 г., № 54), Закон о торговых марках (2001 г., № 59), Закон о патентах (1984, ревиз. 1992 г.), Закон о копирайтах (2001 г., № 58).

К ним примыкают документы процессуального, процедурного характера – «Правила применения Закона о копирайтах», «Правила применения Закона о торговых марках» – «Правила применения Закона о патентах».

Коммерческое право КНР охватывает такие специальные законы как Закон о компании (1993 г., ревиз. 1999, 2004 г., № 16), Закон о ценных бумагах (2005 г., № 43), Закон об оборотных кредитно-денежных документах (1995 г., № 49), Закон о страховании (1995 г., № 51), Закон о банкротстве предприятия (для судебного применения) (1988 г., № 45), Морское право (1992 г., № 64), Закон о вещных правах (2007 г., № 62) и т.д.

В Китае актуальна проблема защиты прав интеллектуальной собственности, этой проблеме уделяется серьезное внимание. К концу 2010 г. КНР государство одобрило 3890 тысяч патентов различных типов, и зарегистрировало 4600 тыс. торговых марок, включая 670 тыс. торговых марок из 177 стран и регионов. За период 2001-2010 гг. было конфисковано 707 млн. пиратских копий, взыскано 93 тыс. административных штрафов, возбуждено 2500 дел по основаниям нарушения прав интеллектуальной собственности.

Свидетельством признания успехов КНР в развитии гражданского и коммерческого права может послужить тот факт, что на конец 2010 г. в стране иностранцами было учреждено около 711 тыс. предприятий с инвестициями на 1,1 трлн долл.

Гражданские права и свободы – важная часть демократии и рыночной экономики, их обеспечение – серьезное достижение китайских законодателей.

Эти достижения дали повод части авторов либерального толка к огульным обобщениям, преувеличениям. Так, Лю Цзюньхай в материалах, публикуемых Центром по проблемам развития при Боннском университете, пишет: «Рынок, правление закона и демократия неразделимы. Экономический рост нуждается в поддержке демократией и правлении закона. Без управления закона нет рыночной экономики. Даже при том,

что Китай не имеет традиции правления закона, он совершает стремительный прогресс со времени принятия политики открытости в 1978 г. и установления правовой системы, поддерживающей рыночную экономику. Теперь есть ясные сигналы, что Китай движется вперёд к правлению закона и прочь от власти личностей»⁷.

Очевидно, что автор (заметим к его чести, весьма подробного исследования) даёт волю либеральным пристрастиям и отождествляет введение права с внедрением либерально-рыночной «машинерии». Достаточно вспомнить, что право не есть монопольный атрибут «цивильности», право – атрибут общей культуры, стабильной и отлаженной практики управления. Власть социалистического государства не тождественна «власти личностей», и в норме опирается на закон. Рыночная экономика требует для своего функционирования не только «правления закона». Надежды на то, что «правление закона» сделает излишней власть государства, а развитие частного (гражданского права), обеспечивающего гражданские и рыночные свободы, автоматически упразднит необходимость публично-правового регулирования, т.е. императивной функции государственной власти, – либеральная утопия.

Поэтому в системе правовых инструментов регулирования гражданского общества и рыночной экономики важную роль исполняет так называемое «экономическое право». Этот набор законов посвящен регулированию экономических отношений, возникающих из практики государственного экономического управления, из вмешательства государства в экономическую жизнь. Они обеспечивают правовые механизмы и институциональные рамки, необходимые государству для осуществления его вмешательства, для макроконтроля за рыночной экономикой с целью предотвращения негативных последствий стихийных и слепых операций в рыночной экономике.

На конец 2011 г. Китай сформулировал свыше 60 «экономических законов» и множество связанных с ними административных и региональных правил.

«Экономическое законодательство» в свою очередь складывается из ряда групп законов и правил.

Для целей управления предприятиями служат «Закон о промышленных предприятиях общенародной собственности», «Закон о китайско-иностранном совместных предприятиях» (2001 г., № 48), «Закон о предприятиях иностранного капитала» (1986 г., № 39), «Закон о китайско-иностранном совместных предприятиях» (1988 г.), «Закон о городских предприятиях» (1996 г., № 76), «Закон о содействии малым и средним предприятиям» (2002 г., № 69).

Ряд «экономических законов» регулирует финансовое дело, банковскую деятельность, налоговое обложение. Это Закон о народном банке Китая (1995, № 46), Закон о коммерческих банках (1995 г., № 47), Закон о налоге на индивидуальные доходы (2005 г., № 44), Закон об управлении сбором налогов (1992 г., ревиз. 1995 г., 2001 г., № 49).

Макро-экономический контроль в стране обеспечивается Законом о бюджете (1994 г., № 21), Законом о статистике (1984 г.), Законом о бухгалтерском учёте (1985 г., ревиз. 1993 г.), Законом о метрологии (1985 г., № 28), Законом о стандартах (1988 г., № 11). Также Законом о налоге на доход предприятий с иностранными инвестициями и иностранных предприятий (1991 г., № 45), Законом о налоге на индивидуальный доход (1980 г., ревиз. 2011 г.), Законом о ценообразовании (1997 г., № 92).

Группа законов призвана устанавливать порядок на рынке и правила поведения участников рынка – Закон о качестве продуктов (2000 г., № 33), Закон против нечестной конкуренции (1993 г., № 10), Закон о защите прав и интересов потребителя (1993 г., № 11), Закон об аукционах (1996 г., ревиз. 2004 г., № 70), Закон о предложениях цены и приглашениях пода-

вать заявки на торги (1999 г., № 21), Закон о рекламе (1994 г., № 34), и т.д.

Сюда же относится и регулирование внешней, иностранной торговли – Закон об иностранной торговле (2004 г., № 15), Закон о таможене (1987 г., № 51). И так далее.

Как видно, «гражданское и коммерческое право» КНР и «экономическое право» являют собой два полюса правового регулирования личных и имущественных отношений участников гражданского общества. Будучи формально противоположностями, полюсами, они, тем не менее, в рамках единой политики государства и общества, целостной правовой системы обеспечивают богатство возможностей, путей гармоничного развития общества, взаимодействия и сотрудничества субъектов общественной жизни и экономической жизнедеятельности ради общего блага.

Таким образом, сформированная ныне в КНР «Правовая система социализма с китайской спецификой» призвана быть отражением и инструментарием «социалистической рыночной» экономики и «гармоничного общества», обеспечивающих гражданам «средний уровень зажиточности», в совокупности с ними она образует фундамент «социализма с китайской спецификой». Идеологически «социализм с китайской спецификой» развивается в русле основной идейной традиции марксистского и ленинского учения - идей и практического опыта многоукладности общественной формации, при которой параллельно и долгосрочно развиваются противостоящие и взаимодополняющие друг друга уклады – государственно-плановый и предпринимательно-рыночный. При этом сосуществование таких укладов рассматривается не как временное переходное состояние, но как долговременная историческая данность, имеющая объективную природу, в том числе абстрактно-рациональную, надисторическую детерминированность. Подобные идейные подходы и закреплены в правовой

системе СКС, где они выступают в оболочке сложного баланса частно-правовых и публично-правовых институтов и норм.

-
- ¹ Полный текст доклада Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК. 19.11.2012. Агентство Синьхуа. //russian.people.com.cn/31521/8023881.html
 - ² Чжунго дэ фачжи цзяншэ (Правовое строительство в Китае). 2008.08.20 //www.lawinfochina.com
 - ³ Чжунго тэсэ шэхуйчжуи фалюй тиси (Социалистическая система права с китайской спецификой). 2011.10.27. //www.lawinfochina.com /; //english.cntv.cn/20111027/112783_2.shtml
 - ⁴ Чжунго тэсэ шэхуйчжуи фалюй тиси. 2011.10.27. //www.lawinfochina.com
 - ⁵ www.lawinfochina.com/; //english.cntv.com?201110278?112783_2.shtml.
 - ⁶ Цит по: Чжунго тэсэ шэхуйчжуи фалюй тиси.
 - ⁷ *Liu Junhai*. Legal Reforms in China. ZEF - Discussion Papers on Development Policy. №13, Center for Development Research, Bonn, 1999. pp.90. //www.zef.de

Ершов А.В.
ИДВ РАН

РЕФОРМА СИСТЕМЫ КАДРОВ НЕПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КНР: ОПЫТ, ПРАКТИКА, ПЕРСПЕКТИВЫ

Непроизводственные организации являются специфической китайской формой общественных организаций. Самое раннее упоминание о непроизводственных организациях встречается в докладе «Об отчете за государственный бюджет 1954 г. и проекте бюджета на 1955 г.» на второй сессии ВСНП 1-го созыва¹. В 1963 г. в выпущенных Госсоветом «Временных правилах по управлению штатами» произошло разделение организаций на административные (государственные) организации, непроизводственные организации и предприятия. В Конституции КНР непроизводственные организации упоминаются как один из видов общественных организаций, наряду с государственными органами, вооруженными силами, всеми партийными, правительственными и общественными организациями. В Уставе ГК КНР непроизводственные организации упоминаются как один из четырех видов юридических лиц. В последней редакции «Правил по регистрации непроизводственных организаций», опубликованной Госсоветом в 2004 г. за

№ 411 непроизводственные организации определяются как организации общественного обслуживания, ставящие перед собой «цель достижения общественных благ, создаваемые государственными органами либо другими структурами, использующими государственное имущество и занимающиеся деятельностью в области образования, науки и техники, культуры, здравоохранения и других сферах деятельности»².

Таким образом, понятие «некоммерческая организация» (НКО), используемое в России, отчасти включает в себя китайское понятие «непроизводственные организации» (НПО), но трактуется более широко и не может быть признано аналогом, так как на данный момент в Китае невозможно создание в рамках данной системы частных организаций и фондов. Кроме того, ряд китайских непроизводственных организаций занимается предпринимательской деятельностью, что не соответствует определению НКО.

В 2010 г. в Китае насчитывалось более 1 млн 260 тыс. непроизводственных организаций различных административных уровней — от центрального до волостного, причем за последние несколько лет это количество значительно не изменилось. Организаций центрального уровня насчитывается 4%, провинциального 16%, окружного 20%, уездного 30%, поселково-волостного 30%. Таким образом, большее количество организаций (около 80%) приходится на нижний уровень административного деления КНР. На содержание из государственного бюджета направляется 80%, остальные 20% покрываются организациями за счет собственных средств.

Кроме государственных НПО в КНР также существует определенное количество непроизводственных организаций с коллективной формой собственности.

Согласно данным на конец 2007 г. численность сотрудников непроизводственных организаций составляла 30 млн 350 тыс. человек, 85% работников приходится на окружной, уездный и поселково-волостной уровни. В образовательной сфере

занято 50%, в здравоохранении – 15%, в сельском хозяйстве – 10%, в научно-исследовательской – 3%, доля остальных отраслей составляет 22%³. Данная система включает в себя значительные кадровые ресурсы различных отраслей хозяйства страны.

Ситуация осложняется различным характером непроизводственных организаций, поскольку часть их была образована из партийных и правительственных органов и до сих пор продолжает выполнять ряд административных функций (около 5%), при этом не обладая структурой госорганов. В то же время некоторые госструктуры используют средства, предназначенные для непроизводственных организаций. Занимающихся хозяйственной деятельностью и полностью перешедших на принцип самоокупаемости предприятий около 10%. Около 85% учреждений выполняют социально-культурные функции, выполняя общественно-полезные функции, не преследуя целей коммерческого характера.

Заявляется, что реформа системы непроизводственных организаций в первую очередь заключается в выяснении характера организации (административный, хозяйственный, социально-культурный), после чего по отношению к госорганам применяется система госслужбы, а хозяйственные преобразуются в коммерческие предприятия, занимающиеся предпринимательской деятельностью и на них внедряется соответствующая кадровая система для предприятий. Для общественно полезных непроизводственных организаций будет создана специальная кадровая система согласно их особенностям. Надо особо отметить, что создать такую кадровую систему пытаются довольно давно, однако прорыва в этом направлении до сих пор не было.

Отмечается, что давно назрела необходимость проведения реформы системы кадров НПО, к тому же давно были проведены соответствующие преобразования в партийно-

государственных органах и на госпредприятиях. Перечисляются следующие причины, препятствующие этому, как:

сохранение прежних методов управления, оставшихся от практики партийно-государственного управления;

отсутствие гибкой кадровой политики при назначении на должности и снятии, отсутствие системы поощрений и наказаний, существование реальной практики пожизненного занятия должности;

низкая эффективность работы, разрастание кадров и аппаратов, низкий уровень культуры работников, низкое качество обслуживания граждан.

Подчеркивается, что углубление реформы системы кадров будет происходить в соответствии с «концепцией научного развития» и является важной гарантией в строительстве «гармоничного общества», поможет разрешить важные проблемы неравномерного социально-экономического развития. Использование законодательных норм, регламентация административной деятельности позволит системе НПО стать самостоятельной, динамичной, конкурентоспособной и активно развивающейся.

На данный момент государственные органы КНР используют систему государственной службы, на предприятиях используется практика заключения трудовых договоров, структура управления юридическим лицом и современная кадровая система. Несмотря на все попытки проведения реформ кадровой системы в непроизводственных организациях с конца 1990-х гг. они так до сих пор не увенчались успехом. Более того, в ходе проведения последних реформ аппарата правительства значительное число сокращаемых сотрудников переводилось в НПО; большая часть выпускников университетов устраивалась работать именно в эту систему. Результатом такой политики явилось то, что численность работников системы НПО в конце 2007 г. стала больше общей численности госслужащих в 4,7 раза. Однако простое сокращение здесь не помо-

жет: как уже отмечалось, большая часть непроизводственных объединений приходится на окружной, уездный и поселково-волостной уровни, тем самым механическое сокращение численности работников системы НПО приведет к массовой безработице (особенно болезненной для регионов с низким уровнем экономического развития) и росту социальной нестабильности в регионах, что, конечно же, не может устроить руководство КНР.

Кроме того, реформа системы кадров непроизводственных организаций необходима Китаю, который сделал ставку на высокотехнологическое развитие, что невозможно без обновления научно-технической сферы, образования и здравоохранения. Как уже отмечалось, система НПО включает в себя самый значительный научно-технический ресурс страны, так что без обновления всей системы НО и кадровой в частности, технологический рывок едва ли возможен.

Китайские исследователи выделяют три этапа реформ кадровой системы непроизводственных организаций с момента начала политики реформ и открытости:

На первом этапе, 1978–1987 гг., основная работа партии была направлена на экономическое строительство.

Три документа – «Решение о реформе экономической системы», «Решение о реформе системы образования» и «Решение о реформе научно-технической системы», а также высказывания Дэн Сяопина о том, что ключевую роль при проведении реформ и в экономике, и в научно-технической сфере, играют кадры, значительно способствовало началу реформы системы кадров в образовательных и научно-исследовательских НПО:

была ликвидирована практика чрезмерно сильного контроля над работниками, поощрялось взаимодействие между работниками, было разрешено совмещение должностей;

- непроизводственным организациям было предоставлено больше прав самоуправления; утверждены новые стандарты штатов в организациях, занимающихся здравоохранением, ле-

чением, архивным делом, метеорологией и другими отраслями, более соответствовавшие специфике данных учреждений;

- курс на уважение к знаниям, к интеллигенции, восстановление практики оценки соответствия занимаемой должности, прием на должности профессиональных работников;

- упразднение прежней системы подготовки кадров, создание центра постдокторской подготовки и внедрение постдокторантуры;

- предоставление больших полномочий кадровой системе НПО в соответствии с курсом «управлять меньше, управлять лучше, управлять активнее».

На втором этапе, 1988–1999 гг., начался этап всестороннего реформирования кадровой системы непроизводственных организаций, что было отражено в соответствующих документах XIII съезда КПК. Период между XIII и XIV съездами КПК был насыщен бурной активностью, углублением реформы и появлением на повестке дня новых задач:

- непроизводственным организациям были предоставлены большие кадровые полномочия, таким образом, каждая организация могла самостоятельно решать кадровые вопросы каждого из сотрудников штата, за исключением руководства;

- было проведено упорядочение в соответствующих административных организациях, входивших в систему НПО⁴;

- были утверждены следующие нормативные документы: «Временные меры по управлению сотрудниками непроизводственных организаций», «Временные положения об аттестации работников непроизводственных организаций» и «Временные положения о поощрениях и наказаниях для работников непроизводственных организаций», что придало реформе необходимую законодательную поддержку;

- для повышения соревновательности и духа конкуренции стала применяться система приглашения на должность, произведена реформа оплаты труда.

В 1992 г. открылся XIV съезд КПК, на котором было принято решение о строительстве системы социалистической рыночной экономики. Одновременно с этим начался поиск модели управления системой кадров НПО для соответствия нуждам новой экономической модели. В 1995 г. в г. Чжэнчжоу и в 1999 г. в г. Тяньцзине прошло два крупных заседания, посвященных реформе системы кадров непроизводственных организаций, что позволило обобщить накопленный опыт и распространить его на всю систему полностью⁵.

В 1998 г. Госсовет опубликовал «Временные правила по регистрации непроизводственных организаций», а с 1999 г. началась работа по регистрации категорий НПО на всей территории КНР. В качестве классифицируемых категорий использовались: разные формы финансирования (полное, частичное, самофинансирование), согласно виду деятельности (образование, рыболовство, информационные услуги, охрана окружающей среды), согласно административному уровню (центральный, провинциальный, окружной, уездный, волостной)⁶.

В ходе третьего этапа, 2000–2008 гг., проводилось углубление достигнутых за истекших период преобразований. Однако, надо отметить, оно не было слишком успешным, так как в основе своей сохранялись прежние проблемы кадровой системы, сформированной в предыдущую эпоху: неопределенность должностных полномочий, функций, раздутость штатов, низкая эффективность работы, существование бюджетной системы дотирования и др. Кроме того, система непроизводственных организаций служила своего рода «предохранительным клапаном», позволяя «сбрасывать пар», когда во время крупных сокращений в аппаратах правительств часть сокращенных переводилась в НПО. Также система брала на работу многочисленных выпускников университетов, которым трудно было найти работу где-либо ещё. Без решения данных проблем говорить о больших успехах реформирования преждевременно.

В августе 2000 г. ЦК КПК выпустил «Программу углубления реформы кадровой системы», где в определенной степени повторялись постулаты прошлых реформ: активно продвигать систему личной ответственности и практику приглашения на должности, создавать систему, соответствующую специфике неоднородной системы НПО, формировать атмосферу, благоприятную для профессионального роста специалистов и эффективного использования их способностей, активировать роль распределяющих механизмов, способствовать созданию культурного научно-технического кадрового корпуса. Для выполнения «Программы» Отдел ЦК по организационной работе и Министерство кадров совместно выпустили «Некоторые замечания относительно ускорения реформы системы кадров в непроизводственных организациях», где определялись конкретные меры по проведению преобразований. Система приглашения на работу была опробована в первую очередь в научно-исследовательских кругах, в здравоохранении, в вузах, на радио и телевидении, в средних школах и других НПО, начался эксперимент по распределению доходов, внедрялась система должностного контроля. В 2002 г. для ускорения внедрения системы работы по приглашению канцелярия Госсовета выпустила «Замечания относительно использования в опытном порядке системы работы по приглашению в непроизводственных организациях», что создало законодательную почву для реформы.

В 2003 г. открылось Всекитайское рабочее совещание, на котором были суммированы итоги по внедрению новых практик в кадровой работе непроизводственных организаций. После чего Госсоветом была сформирована Руководящая группа по реформе непроизводственных организаций, в которую вошли представители Министерства финансов, Министерства труда и социальной защиты, Министерства кадров, Министерства здравоохранения и других ведомств, специальные представители Госсовета держали данную работу под своим непо-

средственным наблюдением, что безусловно говорит о значимости реформы для всей кадровой системы КНР. В рамках группы проходили многократные заседания, на которых были заслушаны проекты ведомств, имеющих непосредственное отношение к реформе, а также проведены в опытном порядке эксперименты в провинциях Цзянсу, Цзянси и др.

9 февраля 2006 г. Министерство кадров выпустило «Временные положения открытого приема на работу сотрудников непроизводственных организаций», где впервые за всю историю существования непроизводственных организаций утверждались правила приема сотрудников в штат⁷.

17 ноября того же года Министерство кадров выпустило другой важный документ — «Методы по опытному внедрению должностного контроля в непроизводственных организациях», что позволило внести ясность в назначения на должности, определить круг исполняемых полномочий, были созданы условия, позволившие уменьшить злоупотребления полномочиями и их превышения⁸.

18 декабря 2009 г. прошло Всекитайское рабочее совещание по трудовым ресурсам и социальному обеспечению, на котором было обнародовано решение о повсеместном внедрении системы приема на работу по приглашению по всему Китаю в 2010 г. На конец 2006 г. общее количество применения данной системы в кадровых структурах НПО составило 51%, общее количество заключенных с сотрудниками договоров о приеме на работу составило 59%⁹. В 2008 г. 84% новых сотрудников были приняты на работу по результатам открытого отбора, средние показатели количества НПО и их сотрудников нанятых по договору составляют 74%¹⁰.

В конце 2010 г. вновь вернулись к проблемам реформирования системы заработной платы в НПО, как сообщается, все НПО планируется разделить на четыре категории:

управляющие (госорганы);

полностью финансируемые государством;

частично финансируемые государством;
самоокупаемые организации.

Возможно, что две последние категории будут вытесняться на рынок, при этом финансирование третьей категории будет постепенно сокращаться, однако все эти меры будут проходить «постепенно, в течение переходного периода». Кроме того, ряд непроизводственных организаций будет реформирован либо упразднен¹¹.

В целях стандартизации управления кадрами в НПО в 2011 г. Министерство людских ресурсов и социального обеспечения подготовило «Положения о кадровой системе НПО», которые вскоре были обнародованы Госсоветом КНР в виде проектного документа для всестороннего общественного обсуждения и внесения поправок. В 2012 г. Министерство подготовило исправленный вариант «Положений», рассчитанный на применение в НПО.

18 декабря 2012 г. глава Министерства людских ресурсов и социального обеспечения И Вэйминь отметил, что в 2013 г. реформа кадровой системы НПО будет идти по следующим четырем направлениям:

Дальнейшее увеличение использования правовых норм, в частности выполнение «Положений о кадровой системе НПО», «Временных положений о взыскании работников НПО» (вступили в действие с 01.09.2012)¹², активное комплексное применение практики подачи жалоб, награждения, проведения проверок;

Совершенствование практики найма по договору, включая поиск наиболее оптимальных механизмов по управлению кадрами, стандартизация формы договора и выработка его стандартных положений;

Усовершенствование механизмов контроля за исполнением служебных обязанностей, проведение экспериментов по внедрению системы должностного контроля, исследование и

разработка проекта по созданию специализированных технических должностей первого уровня;

Дальнейшее продвижение и стандартизация системы найма по договору, достижение большей открытости и доступности для контроля; разделение учреждений по специализации¹³.

В частности, до 2015 г. определено окончательное внедрение системы найма по договору (судя по переносу даты с 2010 г. на 2015 г. внедрение системы идет далеко не так гладко, как об этом «рапортуют»). Поставлена задача до 2020 г. создать дееспособную систему управления в НПО, усовершенствовать механизмы использования сотрудников и закончить подготовку соответствующих нормативных документов.

Работа по реформированию системы кадров в непроизводственных организациях является долгосрочным системным проектом, его масштабность и сложность ничуть не уступают реформе на госпредприятиях и реформе партийных и правительственных органов, что потребует комплексного подхода при реформировании и координации различных ведомств. Необходимость этой реформы вполне очевидна, но для ее успешного проведения необходимо будет предпринять ряд мер, довольно непопулярных и болезненных. Готово ли будет пойти на них китайское руководство — покажет время.

¹ Чжунго жэньши чжиду гайгэ саньши нянь (30 лет реформы кадровой системы Китая) / Под. ред. Сюй Сунтао, Сунь Цзяньли. Пекин: Чжунго жэньши чубаньшэ, 2009. С. 69.

² //baike.baidu.com/view/105106.htm.

³ Чжунго жэньши чжиду гайгэ саньши нянь. С. 69–70.

⁴ Ван Юйкай и др. Чжунго синчжэн тичжи гайгэ саньши нянь хуэйгу юй чжаньван (Обзор тридцати лет реформы административной системы в Китае и взгляд в будущее). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2008. С. 249.

⁵ Чжунго жэньши чжиду гайгэ саньши нянь. С. 72.

⁶ Чжоу Тяньюн и др. Чжунго синчжэн тичжи гайгэ саньши нянь (Тридцать лет реформы административной системы Китая). Шанхай: Шицзе чубань цзитуань, 2008. С. 122–123.

⁷ //news.xinhuanet.com/politics/2006-02/09/content_4157069.htm.

⁸ Чжунго синчжэн тичжи гайгэ саньши нянь. С. 253–254.

⁹ Там же. С. 269.

¹⁰ //www.yjbys.com/Gongwuyuan/show-88610.html.

¹¹ //baike.baidu.com/view/65492.htm.

¹² //news.cqnews.net/html/2012-09/01/content_19237212.htm.

¹³ //news.xinhuanet.com/politics/2012-12/18/c_114070099.htm.

Шитов А.В.

ИДВ РАН

СПЕЦИФИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И АДМИНИСТРАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ КНР

(По материалам Интернета на китайском языке)

Согласно статьи 6 «Руководящих положений об учреждении и формировании административных органов Госсовета», утверждённых Постановлением Госсовета КНР № 227 от 3 августа 1997 г., административные органы Госсовета в соответствии со своими функциями подразделяются на Канцелярию Госсовета, министерства и ведомства Госсовета, органы прямого подчинения Госсовета (*гоуюань чжишу цзигоу*), рабочие органы Госсовета (*гоуюань баньши цзигоу*), государственные административные органы, находящиеся под управлением министерств и ведомств Госсовета (*гоуюань цзучэн бумэнь гуаньлидэ гоцзя синчжэн цзигоу*) и совещательно-координационные органы Госсовета (*гоуюань шиши сетяо цзигоу*). В качестве постоянного совещательно-координационного органа Госсовета выступает Комиссия по формированию центральных органов (*чжунъян цзигоу бьяньчжи вэйюаньхуэй, сокращённо – чжунъян бьяньвэй*).

«Одна организация, имеющая множество вывесок». Так говорят в Китае, когда один и тот же орган одновременно использует два и более наименования.

Специфической формой функционирования правительственных (и не только правительственных) органов в КНР является параллельное существование в административной и общественной структуре страны органов со сходными функциями и кадровым составом, имеющих различный статус (государственные органы, партийные органы, общественные организации).

Как считают в самом Китае, одной из главных причин данного явления – «одна организация, имеющая множество вывесок» является неразделённость партийно-правительственного аппарата. После образования Китайской Народной Республики, когда КПК стала единственной правящей партией в стране, в правительствах всех уровней, в производственных и непроизводственных организациях функции партийных и правительственных органов не были четко разделены, и многие полномочия, присущие правительственным органам, фактически реализовывались соответствующими органами в структуре КПК. После 1978 г. с началом проведения политики реформ и открытости возникла необходимость разделения функций партийных и государственных органов. Поэтому, следуя логике разделения партийных и правительственных органов, те партийные учреждения, которые до сегодняшнего дня фактически осуществляют полномочия соответствующих правительственных органов, порой вынуждены использовать в своей деятельности наименования таких правительственных органов и учреждений. Таким образом, один и тот же в данном случае партийный орган в той или иной ситуации использует различные наименования, в результате чего и имеет место то, что называют «одна организация, две вывески».

Назовем ряд учреждений, функционирующих по принципу «одна организация, две вывески».

Параллельно Центральному военному совету Китайской Народной республики (ЦВС КНР) (*чжунхуа жэньминь гунхэго чжунъян цзюньши вэйюаньхуэй*) существует Военный совет при ЦК КПК (*чжунго гунчаньдан чжунъян цзюньши вэйюаньхуэй, сокращённо – чжунгун чжунъян цзюньвэй или чжунъян цзюньвэй*). «Военный совет при ЦК КПК» существует с 28 сентября 1954 г. ЦВС КНР был создан 18 июня 1983 г. согласно положениям «Конституции КНР» в редакции, утверждённой на 5-й сессии ВСНП 5-го созыва 4 декабря 1982 г. Конституция 1982 г. не определяет отношения между ЦВС

КНР и Военным советом при ЦК КПК. Однако в большинстве случаев по установившейся практике председатель, первый заместитель председателя Военного совета при ЦК КПК одновременно являются соответственно председателем, первым заместителем председателя ЦВС КНР. Приказы Вооружённым Силам обычно отдаются либо от имени Военного совета при ЦК КПК, либо от имени ЦВС КНР.

В соответствии с принципом «партия командует винтовкой» Военный совет при ЦК КПК фактически контролирует Вооружённые Силы. Под руководством ЦВС КНР создаются Генеральный штаб НОАК, Главное политическое управление НОАК, Главное управление тыла НОАК и Главное управление технического оснащения НОАК (сокращённо именуемые *сыцзунбу* – четыре главные управления). Особенностью их деятельности является то, что они не только реализуют свои прямые функции военного планирования, политического, тылового и технического обеспечения НОАК, но и являются рабочими органами в структуре Военного совета при ЦК КПК.

Параллельно Канцелярии новостной информации Госсовета КНР (*чжунхуа жэньминь гунхэго гоююань синьвэнь баньгунши*, сокращённо *го синь бань*) существует Канцелярия внешней пропаганды при ЦК КПК (*чжунго гунчаньдан чжунъян дуэйвай сюаньчуань баньгунши*), выступающая в структуре ЦК КПК как орган прямого подчинения ЦК КПК (*чжунгун чжунъян чжишу цзигоу*). Канцелярия новостной информации Госсовета КНР и Канцелярия внешней пропаганды при ЦК КПК отвечают за распространение новостной информации за рубеж по линии КПК и Госсовета КНР, а также занимается вопросами, связанными с использованием Интернета. Известно, что Канцелярия новостной информации Госсовета КНР создана в январе 1991 г, год образования Канцелярии внешней пропаганды при ЦК КПК неизвестен. С мая 2011 г. данный орган Госсовета использует и третье наименование: Государственная

канцелярия по вопросам информации в сети Интернет (*гоцзя хуляньван синьси баньгунши*).

Уже упоминавшаяся выше Комиссия Китайской Народной республики по формированию центральных органов (*чжунхуа жэньминь гунхэго чжунъян цзигоу бяньчжи вэйюаньхуэй, сокращённо чжунъян бяньвэй*) имеет свой аналог в ЦК КПК как Комиссия ЦК КПК по управлению формированием административных органов (*чжунго гунчаньдан чжунъян цзигоу бяньчжи гуаньли вэйюаньхуэй*). Свое наименование «Комиссия по формированию центральных органов» получила с 1991 г., в то время как с декабря 1987 до июня 1988 г. этот орган назывался «Канцелярией Госсовета по административной реформе» (*гоуюань цзигоу гайгэ баньгунши*). Комиссия ЦК КПК по управлению формированием административных органов является постоянным совещательно-координационным органом КПК и государства – КНР (*дан хэ гоцзя чаншэ шию сетяо цзигоу*). Данный орган под руководством ЦК КПК и Госсовета отвечает за работу по формированию системы административного управления в масштабах всего Китая, за проведение административной реформы и за формирование административных органов. Председателем данной Комиссии всегда является премьер Госсовета.

Параллельно Канцелярии Госсовета КНР по делам Тайваня (*чжунхуа жэньминь гунхэго гоуюань тайвань шиу баньгунши, сокращённо гоуюань тай бань или го тай бань*) действует Канцелярия ЦК КПК по работе с Тайванем (*чжунго гунчаньдан чжунъян тайвань гунцзо баньгунши, сокращённо чжунгун чжунъян тай бань или чжун тай бань или чжунъян тай бань*). Наименование «Канцелярия Госсовета КНР по делам Тайваня» используется с 1988 г., аналогом данного органа на Тайване является Комиссия Исполнительного Юаня по делам Материка (*синчжэнюань далу вэйюаньхуэй*). Вопросами, связанными с инвестициями тайваньских предпринимателей на материковом Китае, занимается «Канцелярия Госсовета КНР по делам Тай-

ваня», а контактами с политическими партиями и группировками на Тайване занимается «Канцелярия ЦК КПК по работе с Тайванем». В структуре ЦК КПК данный орган выступает как рабочий орган Руководящей группы ЦК КПК по работе с Тайванем (чжунгун чжунъян дуэй тай гунцзо линдао сяоцзудэ баньши цзигоу). В настоящее время заведующим Канцелярией Госсовета КНР по делам Тайваня и Канцелярией ЦК КПК по работе с Тайванем является заместитель министра иностранных дел КНР Ван И.

Государственное архивное управление Китайской Народной республики (*чжунхуа жэньминь гунхэго гоцзя данъань-цзюй*) также имеет своего «двойника» — Архив ЦК КПК (*чжунго гунчаньдан чжунъян данъаньгуань*). Государственное архивное управление было создано в ноябре 1954 г. как управление прямого подчинения Госсовета. В 1970 г. Государственное архивное управление было упразднено, а в 1979 г. — восстановлено. Другой архивный орган — Архив ЦК КПК (*чжунъян данъаньгуань*) — был создан решением ЦК КПК и Госсовета в июне 1959 г. и официально открыт в октябре того же года. Эти органы, связанные с архивным делом, отвечают за работу с официальными документами по истории КПК и Китая, главным образом со времени «Движения 4-го мая».

Сохранение «двойного» управления КНР по государственной и партийной линии отражается также в деятельности Государственного управления Китайской Народной Республики по обеспечению секретности (*чжунхуа жэньминь гунхэго гоцзя баомицзюй*) и в работе Канцелярии Комиссии ЦК КПК по обеспечению секретности (*чжунго гунчаньдан чжунъян баоми вэйюаньхуэй баньгунши*).

Работа Государственного управления Китайской Народной Республики по управлению шифровальной работой (*чжунхуа жэньминь гунхэго гоцзя мима гуаньлицзюй*) усиливается деятельностью Канцелярии руководящей группы ЦК КПК по вопросам шифровальной работы (*чжунъян мима гунцзо линдао*

сяоцзу баньгунши). Госуправление КНР по управлению шифровальной работой создано в 2003 г. Известно, что вышестоящим органом по отношению к нему является Канцелярия ЦК КПК. В настоящее время руководителем Госуправления КНР по управлению шифровальной работой является Вэй Юньтао, руководителем Канцелярии данного Госуправления по вопросам внедрения и использования шифров (*гоцзя мима гуаньлицзюй шанъюн мима гуаньли баньгунши*) является Цю Цзэцзюнь.

На уровне провинций, городов, уездов также имеются государственные и партийные органы, работающие в одной сфере, например: канцелярия руководящей группы парткома по шифровальной работе (*данвэй мима гунцзо линдао сяоцзу баньгунши*), канцелярия государственной комиссии правительства по управлению шифровальной работой (*чжэнфудэ гоцзя мима гуаньли вэйюаньхуэй баньгунши*), бюро парткома по важным и секретным вопросам (*данвэй цзияоцзюй*), государственное управление правительства по вопросам шифровальной работы (*чжэнфудэ гоцзя мима гуаньлицзюй*).

Дополняют деятельность друг друга управления народных правительств по работе с письменными обращениями граждан и приёму граждан (*жэньминь чжэнфу синьфанцзюй*) и бюро административных отделов (канцелярий) парткомов по работе с письменными обращениями граждан и приёму граждан (*данвэй баньгунтин (баньгунши) синьфанцзюй*).

Явление «одна организация, две вывески» характерно также для административных органов и общественных организаций. Назовем следующие органы и общественные организации.

Главное государственное управление Китайской Народной Республики по спорту (*чжунхуа жэньминь гунхэго гоцзя тиюй цзунцзюй*) – и Всекитайская спортивная федерация (*чжунхуа цюаньго тиюй цзунхуэй, сокращённо цюаньго тицзун*). В структуре Госсовета Главное госуправление КНР по спорту выступает как орган прямого подчинения Госсовета, занимающийся вопросами спортивной работы на территории КНР.

Его предшественником являлся созданный в ноябре 1952 г. Комитет Центрального народного правительства по спорту (*чжунъян жэньминь чжэнфу тиюй юньдун вэйюаньхуэй*, сокращённо *чжунъян тивэй*). В марте 1998 г согласно одобренному первой сессией ВСНП 9-го созыва «Проекту административной реформы Госсовета» предыдущее наименование данного органа – «Государственный комитет Китайской Народной республики по спорту» (*чжунхуа жэньминь гунхэго гоцзя тиюй юньдун вэйюаньхуэй*) – было изменено на «Главное государственное управление по спорту». Данное наименование официально вступило в силу с 6 апреля 1998 г.

Что касается Всекитайской спортивной федерации (по-английски All-China Sports Federation – ACSF), она представляет собой неправительственную, некоммерческую спортивную организацию (*фэйчжэнфу цзучжи*, *фэйинлисин тиюй цзучжи*), осуществляющую широкое руководство спортивными ассоциациями всего Китая. Предшественником Всекитайской спортивной федерации являлось Всекитайское спортивное общество (*чжунхуа цюаньго тиюй сеззиньхуэй*), о создании которого было объявлено в конце октября 1949 г, сразу после образования КНР. Одновременно с созданием Всекитайского спортивного общества КНР направила письмо в такие организации, как МОК, с просьбой признать Всекитайское спортивное общество как единственную законную всекитайскую спортивную организацию и более не признавать ранее существовавшие в Китае спортивные общества.

В 1954 г. на 50-й сессии МОК Всекитайская спортивная федерация была признана единственной всекитайской спортивной организацией. Вместе с тем в списке признаваемых МОК национальных олимпийских комитетов сохранил место Олимпийский комитет Китайской Республики на Тайване.

19 августа 1958 г Всекитайская спортивная федерация (она же Олимпийский комитет Китая (*чжунго аовэйхуэй*)) заявила о разрыве отношений с МОК.

26 ноября 1979 г МОК согласился с тем, чтобы Государственный олимпийский комитет Китайской Народной республики (*чжунхуа жэньминь гунхэго гоцзя аолиньпикэ вэйюаньхуэй*) использовал в качестве члена МОК наименование «Олимпийский комитет Китая» (*чжунго аолиньпикэ вэйюаньхуэй*) (Chinese Olympic Committee), и чтобы Государственный олимпийский комитет Китайской Республики на Тайване (*чжунхуа миньго гоцзя аолиньпикэ вэйюаньхуэй*), ранее использовавший именно это наименование – «Олимпийский комитет Китая» (*чжунго аолиньпикэ вэйюаньхуэй*), – впредь стал именоваться «Китайский олимпийский комитет» (*чжунхуа аолиньпикэ вэйюаньхуэй*) (Chinese Taipei Olympic Committee). В том же 1979 г. произошло разделение Всекитайской спортивной федерации и Олимпийского комитета Китая.

Центр управления футбольной деятельностью Главного государственного управления по спорту (*гоцзя тиюй цзунцзюй цзуцю юньдун гуаньли чжунсинь*) – и Футбольная ассоциация Китая (*чжунго цзуцю сехуэй*) (Chinese Football Association CFA). В структуре Главного госуправления КНР по спорту данный орган выступает в качестве непроизводственной организации прямого подчинения (*чжишу шиэ даньвэй*). Исторически Футбольная ассоциация Китая была создана в 1924 г., в 1931 г. она стала членом ФИФА (*гоцзи цзусе*), а в 1974 г. – членом Объединённой федерации футбола Азии (*ячжоу цзуцю льяньхэ цзунхуэй*).

Китайский комитет содействия международной торговле (*чжунго гоцзи маои цуцзинь вэйюаньхуэй, сокращённо чжунго гоцзи маои цуцзиньхуэй*) (China Council for the Promotion of International Trade, ССРПТ) – и Международная торговая палата Китая (*чжунго гоцзи шанхуэй*). Китайский комитет, образованный в мае 1952 г., утверждается органами, отвечающими за формирование аппарата Госсовета (*ю гоююань цзигоу бяньчжи гуаньли цзигуань хэдин*).

Основные задачи данного органа заключаются в развитии торговли КНР с зарубежными странами, привлечении иностранных инвестиций в КНР, содействии установлению торгово-экономических связей Китая со всем миром, укреплению дружеских отношений Китая с зарубежными странами. Китайский комитет содействия международной торговле и Международная торговая палата Китая имеют 72 подразделения на местах, более 800 филиалов и международных торговых палат уездного уровня, 22 отраслевых подразделения.

Многие функции управления по привлечению бизнеса местных народных правительств (*жэньминь чжэнфу чжаошанцзюй*) выполняют также ассоциации содействия торговле (*маои цуцзиньхуэй*).

Нередко создание партийного органа предшествует учреждению государственного органа того же профиля.

В феврале 1949 г. была образована Комиссия по вопросам издательской деятельности отдела пропаганды при ЦК КПК (*чжунгун чжунъян сюаньчуаньбу чубань вэйюаньхуэй*), ставшая предшественником созданного в ноябре 1949 г. согласно положениям «Закона Китайской Народной Республики об организации Центрального народного правительства» Главного управления Центрального народного правительства по вопросам издательской деятельности (*чжунъян жэньминь чжэнфу чубань цзуншу*).

Отметим также стремление руководства страны к постоянному совершенствованию различных административных и общественных структур, что находит выражение в процессе их активной реорганизации, в изменении названий и т.д.

25 июля 1985 г. Госсовет утвердил предложение Министерства культуры об образовании в структуре данного министерства Государственного управления по авторским правам (*гоцзя баньцюаньцзюй*), одновременно переименовав ранее существовавшее Управление по вопросам издательской деятельности Министерства культуры (*вэньхуабу чубаньцзюй*) в Госу-

дарственное управление по вопросам издательской деятельности (*гоцзя чубаньцзюй*). С этого момента возник единый административный орган с двумя наименованиями: Государственное управление по вопросам издательской деятельности – оно же Государственное управление по авторским правам. Начальник Государственного управления по вопросам издательской деятельности одновременно занимал должность начальника Государственного управления по авторским правам.

В январе 1987 г. Госсовет реорганизовал Государственное управление по вопросам издательской деятельности и в качестве органа прямого подчинения Госсовета образовал Управление по вопросам информационно-издательской деятельности (*синьвэнь чубаньшу*), при этом сохранив Государственное управление по авторским правам. В 2001 г. статус Управления по вопросам информационно-издательской деятельности был повышен до Главного управления, и для данного административного органа стало использоваться наименование «Главное управление по вопросам информационно-издательской деятельности». Эти структуры были созданы и при местных народных правительствах всех уровней.

В марте 2013 г. на первой сессии ВСНП 12-го созыва был утверждён Проект реформы аппарата и изменения функций Госсовета (*гоюань цзигоу гайгэ хэ чжинэн чжуаньбянь фаньянь*). В соответствии с данным проектом Главное государственное управление по вопросам информационно-издательской деятельности наряду с Главным государственным управлением по вопросам радиовещания, кинематографии и телевидения (*гоцзя гуанбо дяньин дяньши цзунцзюй*) были включены в состав вновь образованного Главного государственного управления по вопросам информационно-издательской деятельности, радиовещания, кинематографии и телевидения (*гоцзя синьвэнь чубань гуанбо дяньин дяньши цзунцзюй*), что продемонстрировало тенденцию к укреплению структур аппарата и Госсовета КНР.

Из истории Государственной комиссии по работе в сфере языка и письменности, которая в структуре Госсовета выступает как государственное управление, находящееся под управлением министерств и ведомств Госсовета, известно, что она была создана в октябре 1949 г. под именем Китайского общества реформы письменности (*чжунго вэньцзы гайгэ сехуэй*).

Свое нынешнее наименование – Государственная комиссия по работе в сфере языка и письменности – данный орган получил 16 декабря 1985 г. в статусе подчинённого органа Госсовета.

14 февраля 1994 г. Государственная комиссия по работе в сфере языка и письменности в статусе государственного управления была передана в ведомство Государственного комитета образования (*гоцзя цзяююй вэйюаньхуэй*).

В 1998 г. Государственная комиссия по работе в сфере языка и письменности была слита с Министерством образования, которое при работе с иностранцами стало выступать под именем Государственной комиссии по работе в сфере языка и письменности.

Из истории Государственного управления ядерной безопасности, которое в структуре Госсовета выступает как государственное управление, находящееся под управлением министерств и ведомств Госсовета, известно, что оно было создано в октябре 1984 г. как самостоятельный орган-юридическое лицо под управлением тогдашнего Государственного комитета по науке (*гоцзя кэвэй*). Руководителем вновьобразованного Государственного управления ядерной безопасности являлся заместитель главы Госкомитета по науке.

В ходе административной реформы 1998 г. Госуправление ядерной безопасности было слито с Главным государственным управлением охраны окружающей среды (*гоцзя хуаньбао цзунцзюй*), в структуре которого был образован Департамент ядерной безопасности и контроля радиационной обстановки (*хэ аньцюань юй фушэ хуаньцзин гуаньлисы*), – по сути дела в

качестве данного Департамента выступало Госуправление ядерной безопасности.

После 2003 г. при работе с иностранцами Главное госуправление охраны окружающей среды стало выступать под именем Госуправления ядерной безопасности, при этом главой Госуправления ядерной безопасности выступал заместитель руководителя Главного госуправления охраны окружающей среды.

В марте 2008 г. статус Главного госуправления охраны окружающей среды был повышен, и оно стало именоваться Министерством охраны окружающей среды (*хуаньцзин баохубу*). Работая с иностранцами, Министерство охраны окружающей среды выступает как Государственное управление ядерной безопасности, при этом главой Госуправления ядерной безопасности, как отмечалось выше, выступает заместитель министра охраны окружающей среды.

Министерство КНР в сфере промышленности и информатизации образовано в соответствии с «Решением по проекту административной реформы Госсовета», принятом на первой сессии ВСНП 11-го созыва в марте 2008 г., на базе Министерства информационных технологий (*синьси чаньебу*) и Комитета Китайской Народной республики по оборонной и научно-технической промышленности (*гофан кэзунвэй*). Министерство КНР в сфере промышленности и информатизации – это орган отраслевого управления, главным образом занимающийся вопросами планирования, выработки основного направления деятельности отраслей, стандартизации и отраслевого развития и не вмешивающийся в производственно-хозяйственную деятельность предприятий.

Постоянные правительственные органы могут одновременно выполнять функции временных рабочих, временных совещательно-координационных правительственных органов, которых особенно много в структуре местных народных правительств. Выступая в качестве таких органов, постоянные ор-

ганы правительства обычно одновременно используют дополнительные наименования. Например, административный отдел (*баньгунтин*) (канцелярия) местного народного правительства, работая в разных направлениях, одновременно может иметь и такие наименования, как «канцелярия местного народного правительства, оказывающая содействие комиссии по проведению оборонной мобилизации» (*дифан жэньминь чжэнфу гофан дунъюань вэйюаньхуэй чжицянь баньгунши*); «канцелярия руководящей группы по борьбе с контрабандой» (*дацзи цзоусы линдао сяоцзу баньгунши*); «канцелярия комиссии по управлению вопросами береговой обороны (пограничной охраны)» (*хайфан (бяньфан) гуаньли вэйюаньхуэй баньгунши*); «канцелярия по вопросам оказания помощи Тибету в строительстве (по вопросам восстановления после землетрясения в Синьцзяне, Вэньчуани)» (*дуэйкоу юаньцянь сицзан [синьцзян, вэньчуань дичжэнь чунцянь] баньгунши*).

В разных направлениях и исходя из конкретной ситуации, работают и партийные органы. Например, подчинённый административному отделу (канцелярии) парткома отдел технической секретности Государственного управления по обеспечению секретности (*гоцзя баомицзюй баоми цзишукэ*) одновременно именуется «сервисный центр технической секретности» (*баоми цзишу фуу чжунсинь*).

Решение о том, что Государственное управление по обеспечению секретности и Канцелярия Комиссии ЦК КПК по обеспечению секретности – это два наименования одного и того же органа, который структурно является подчинённым учреждением при ЦК КПК, было принято в марте 1998 г. В структуре Госсовета данный орган выступает как государственное управление, находящееся под управлением министерств и ведомств Госсовета. Основные функции данного органа:

1) последовательное проведение курса, политики, решений и указаний ЦК КПК и Госсовета по вопросам, касающимся работы по обеспечению секретности;

2) доклад Госсовету о проведении работы по обеспечению секретности в масштабах всего Китая, общие, системные предложения Госсовету относительно совершенствования и укрепления работы по обеспечению секретности;

3) утверждение планов проведения работы по обеспечению секретности в масштабах всего Китая и организационных мероприятий по проведению такой работы;

4) разработка законоположений, касающихся обеспечения секретности, и их представление к рассмотрению государственными органами законодательной власти; контроль и проверка исполнения «Закона об обеспечении секретности», других законоположений, касающихся обеспечения секретности; проведение разъяснительной работы по государственным законоположениям, касающимся обеспечения секретности;

5) совместно с соответствующими центральными органами отнесение к государственной тайне конкретных сведений, касающихся министерств и ведомств, структур, своевременное уточнение таких сведений, определение и своевременное уточнение степеней секретности таких сведений;

6) определение перечня органов, имеющих право устанавливать степени секретности; принятие решений по спорным вопросам отнесения сведений к государственной тайне и установления степени секретности таких сведений;

7) принятие конкретных мер по определению периодов секретности сведений, относящихся к государственной тайне, утверждение таких периодов секретности;

8) самостоятельно либо совместно с соответствующими центральными органами утверждение мероприятий по обеспечению секретности согласно положениям «Закона об обеспечении секретности»;

9) координация всесторонней работы по обеспечению секретности, осуществляемой органами КПК, административными, военными органами, народными организациями (*жэньминь туаньти*);

10) руководство работой по обеспечению секретности, осуществляемой на уровне провинций, автономных районов, городов центрального подчинения, министерств и ведомств Госсовета;

11) ответственность за теоретическое, системное исследование деятельности по обеспечению секретности;

12) организация и развитие контроля за обеспечением секретности; поддержка соответствующих министерств и ведомств в расследовании ими случаев серьезной утечки секретных сведений, непосредственное самостоятельное расследование либо организация расследования со стороны соответствующих министерств и ведомств особо серьезных случаев утечки секретных сведений либо серьезных случаев утечки секретных сведений, затрагивающих одновременно несколько министерств и ведомств; организация соответствующих министерств и ведомств для принятия ими мер, направленных на исправление ситуации, связанной с утечкой государственной тайны;

13) организация агитационно-воспитательной работы, направленной на обеспечение секретности, руководство такой работой, утверждение планов и определение содержания такой агитационно-воспитательной работы;

14) утверждение планов подготовки, программы подготовки кадровых работников, занимающихся обеспечением секретности, организация работы по их подготовке;

15) утверждение направления, планов применения находящихся в ведении Государственного управления по обеспечению секретности технических средств связи, обеспечивающих секретность, а также других технических средств, обеспечивающих секретность, определение критериев установления

степеней секретности для соответствующего технического оборудования; организация исследований применительно к оборудованию, обеспечивающему секретность связи, и к другому техническому оборудованию, обеспечивающему секретность; проверка работы по применению средств, обеспечивающих секретность связи и других технических средств, обеспечивающих секретность;

16) принятие решений по находящимся в ведении Государственного управления по обеспечению секретности организациям, занимающимся исследованиями и разработкой, производством оборудования, обеспечивающего секретность связи, другого оборудования, обеспечивающего секретность, а также по вопросам экспорта и импорта соответствующего технического оборудования; совместно с соответствующими министерствами и ведомствами планирование результатов применения технического оборудования, обеспечивающего секретность связи, другого технического оборудования, обеспечивающего секретность, решение вопросов по поводу выдачи патентов на такое техническое оборудование; управление финансовыми средствами, предназначенными для развития технических средств, обеспечивающих секретность;

17) утверждение порядка отслеживания с помощью технических средств утечки с эфирными сигналами секретной информации, а также критериев отслеживания утечки электромагнитных сигналов; ответственность за проведение работы по отслеживанию с помощью технических средств утечки секретной информации с эфирными сигналами;

18) утверждение совместно с соответствующими министерствами и ведомствами важных мероприятий, касающихся государственной тайны, а также мер по обеспечению секретности важных мероприятий, контроль за проведением таких мероприятий и осуществлением таких мер;

19) представление интересов КНР при взаимодействии с иностранными государствами по соответствующим вопросам обеспечения секретности.

Структурно в состав Канцелярии Комиссии ЦК КПК по обеспечению секретности входят научно-технический отдел, финансовый отдел, правовое отделение. Рабочие органы местных народных правительств от уездного уровня и выше, занимающиеся обеспечением секретности, и канцелярии комиссий местных парткомов КПК по обеспечению секретности также находятся во взаимодействии и выполняют свои функции, помогая и дополняя друг друга. На уровне районов и уездов подразделения Государственного управления по обеспечению секретности обычно называют «ключевыми управлениями по обеспечению секретности» (*цзिया баомицзюй*).

В декабре 2012 г. сменился глава Государственного управления по обеспечению секретности: вместо Лин Цихуа им стал Ли Чжаньшу (1950 г.р.), возглавлявший, соответственно, и Канцелярию Комиссии ЦК КПК по обеспечению секретности.

В общественных организациях КНР также имеет место явление «одна организация, две вывески». Например, отдел по вопросам прав и интересов молодёжи и юношества комитета комсомола (*туаньвэй циншаонянь цюаньibu*) одновременно использует следующие наименования: канцелярия комитета по вопросам защиты несовершеннолетних (*вэйчэнняньжэнь баоху вэйюаньхуэй баньгунши*), канцелярия рабочей руководящей группы комитета комплексного управления в сфере предупреждения правонарушений и преступлений среди молодёжи и юношества (*цзунчжэивэй юйфан циншаонянь вэйфа фаньцзюэй гунцзо линдао сяоцзубаньгунши*), канцелярия по вопросам перспективных проектов (*сиван гунчэн баньгунши*).

В процессе застройки и освоения новых районов возникает необходимость использовать богатый опыт и соответствующие финансовые возможности успешно развивающихся районов Китая. Такая ситуация ведёт к тому, что в успешно развиваю-

щихся районах возникают органы, управляющие освоением и новых районов. Такие органы также представляют из себя «одну организацию с двумя вывесками», к их числу относится Комитет по управлению районом экономического и технического освоения в Тяньцзине (*тяньцзиньши цзинцзи цзишу кайфацьюй гуаньвэйхуэй*) – он же Комитет Тяньцзиня по управлению промышленным районом Южный порт (*тяньцзинь наньган гунъецюй гуаньвэйхуэй*).

Район экономического и технического освоения в Тяньцзине (*тяньцзинь цзинцзи цзишу кайфацьюй*, сокращённо тай да, Tianjin Economic-Technological Development Area – TEDA) был образован 6 декабря 1984 г. решением Госсовета. Он расположен в 40 километрах к востоку от собственно Тяньцзиня, занимает территорию площадью 33 кв. км, является важной составной частью нового района Тяньцзиня Прибрежный (*тяньцзиньши биньхай синьцюй*) и представляет собой один из государственных экспериментальных районов по проведению комплексной реформы (*гоцзя цзунхэ пэйтао гайгэ шияньцюйдэ и буфэнь*). Это один из первых районов экономического и технического освоения, созданных на государственном уровне.

Промышленный район Тяньцзиня Южный порт (*тяньцзинь наньган гунъецюй*, сокращённо *тяньцзинь наньган*) расположен в 45 километрах от собственно Тяньцзиня и в 25 километрах от главного порта Тяньцзиня, в южной части прибрежной полосы Бохайского залива на территории нового района Тяньцзиня Прибрежный.

Южный порт является вторым портом Тяньцзиня, он был официально открыт в августе 2011 г. Площадь морской акватории Южного порта составляет 38 кв км, а площадь сухопутной территории Южного порта равна 162 кв км. Южный порт не подчинён главному порту Тяньцзиня, но оба порта взаимодополняют друг друга. Южный порт специализируется главным образом на обработке грузов тяжёлой и химической промышленности.

Как уже говорилось, комитет по управлению промышленным районом Южный порт и комитет по управлению районом экономического и технического освоения в Тяньцзине представляют собой единый орган, одновременно использующий два наименования. Получается, что в данном случае орган управления давно и успешно развивающегося района экономического и технического освоения в Тяньцзине взял на себя функции управления и вновь созданным промышленным районом Южный порт.

Столь широко распространённое до сегодняшнего дня в КНР явление «одна организация, две вывески» можно назвать спецификой системы управления административного строительства и развития общественных организаций. Сами китайцы, как говорилось выше, называют одной из основных причин подобной ситуации – сохраняющуюся неразделённость партийно-государственного аппарата.

Горбунова С.А.
ИДВ РАН

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ: ПРОТЕСТАНТИЗМ В КНР

Протестантизм пришел в Китай позже других религий. Первый протестантский миссионер, англичанин Р. Моррисон (1782–1834), прибывший в Китай в 1807 г., шестнадцать лет спустя перевел Библию на китайский язык. В дальнейшем зарубежные миссионеры приносили в Китай христианскую веру и западную культуру, образование и медицину, играли ключевую роль в распространении протестантизма. Однако их иностранное происхождение и методы, которыми они действовали, вызывали противодействие в китайском обществе, большей частью которого протестантизм в то время воспринимался как сугубо западное явление. Вместе с тем важным результатом западного миссионерства стало появление в республиканский период целой плеяды протестантских служителей из числа ки-

тайцев, таких как Юй Гочжэн, У Яоцзун, Чжан Сюэянь, Лю Лянмо и других. Они приложили немало усилий для адаптации протестантизма в Китае, дистанцировавшись от западного миссионерства в своем стремлении к самостоятельности. А.В. Ломанов указал на факт появления «независимых китайских христианских движений, которые возникли вне сферы действия иностранных миссий» в результате синтеза «китайской традиции с протестантскими теологическими представлениями». Это не встретило поддержки со стороны миссионеров, увидевших в этом опасность переманивания своей паствы¹. Несмотря на то, что в республиканский период позиции западного миссионерства были сильны благодаря серьезным финансовым возможностям, протестантизм имел весьма ограниченное распространение: в основном среди элиты и в сельской местности. В целом китайское общество настроено относительно к западным протестантским ценностям.

К 1949 г. насчитывалось порядка 700 тыс. протестантов². Сразу после образования КНР, группа, ратовавшая за самостоятельную китайскую протестантскую церковь во главе с У Яоцзуном (который «пытался приспособить протестантизм к новым условиям, делая акцент на эгалитарно-социалистические начала в протестантском учении»³, в довольно болезненном процессе, по выражению тайваньской исследовательницы Б. Леун «амальгамации», т.е. слияния и концентрации различных протестантских групп⁴), предприняла шаги по сближению с новой властью, инициировав «патриотическое движение за три самостоятельности» (самоуправление, самофинансирование, саморазвитие церкви). В апреле 1950 г. произошла встреча этой группы из пяти человек с премьером Чжоу Эньлаем, который в целом поддержал идею о том, что китайские протестанты должны избавиться от «империалистического влияния». Результатом этой и последующих встреч и консультаций стал так называемый «Манифест о трех «само», в котором провозглашались три принципа: самоуправление,

самофинансирование и саморазвитие⁵. После того, как этот документ был распространен среди протестантов и получил их одобрение 28 сентября 1950 г., он был опубликован в «Жэньминь жибао» вместе с подписями 1527 протестантов. К сентябрю 1953 г. число людей в поддержку этого документа увеличилось до 400 тыс., чему была посвящена передовица в «Жэньминь жибао» под названием «Патриотическое движение китайских протестантов». 23 сентября 1950 г. стало считаться днем создания «Комитета китайского протестантского движения за три самостоятельности»⁶. К тому времени в Китае не осталось ни одного иностранного миссионера. Покинули пределы Китая и китайские пасторы, такие как Чжоу Ляньхуа и Се Фуя⁷, не пожелавшие сотрудничать с новой властью. Другие политически инакомыслящие, например Ван Миндао⁸, оказались в длительном тюремном заключении. Деятельность Комитета под влиянием властей принимала все более антиимпериалистическую антизападную направленность, что не могло не вести к обособленности китайских протестантов от зарубежных единоверцев. Теперь дело протестантизма управлялось китайцами и восприняло китайские черты. В течение 1950-х годов протестантизм продолжал трансформироваться из зарубежной религии в адаптированную к Китаю религию.

Период «культурной революции» был достаточно драматичным для протестантов так же, как для последователей других религий. Благоприятные условия для дальнейшего развития возникли в процессе периода открытости и реформ, способствовавшем превращению протестантизма в самую динамично развивающуюся религию, по сравнению с другими официально признанными в КНР религиями. В 1949 г. число протестантов, как указывалось выше, не превышало 700 тыс. чел. при населении КНР в тот период в 563 млн человек. В 1985 г. их уже насчитывалось 3 млн, соответственно в 1993 г. – 5–6 млн, в 1997 г. – 10 млн протестантов, в 2004 г. – 14 млн. К 2006 г. их число превысило 16 млн, в 2008 г. – 20 млн, а к 2010

г. – более 23 млн⁹. Таким образом, за период открытости и реформ, делая скидку на статистические погрешности, произошло двадцати-тридцатикратное увеличение последователей этой религии. Учитывая прирост населения КНР за это время в 2,5 раза, в действительности можно говорить о десятикратном увеличении последователей протестантизма. Стремительно растет количество церквей, молитвенных домов и мест для собраний: каждые два года появляется новая церковь. Интересно в связи с этим высказывание одного из западных авторов, который указывает, что «сейчас в любой воскресный день протестантов в церквях в Китае больше, чем во всей Европе»¹⁰.

Следует учитывать, что протестантизм, для которого характерно отсутствие монашества и церковной иерархии, представляет собой сложный конгломерат обществ, групп и организаций различных церквей, в том числе сектантского толка. Это характерно и для китайского протестантизма, где наряду с официально действующими протестантскими церквями распространены, особенно в сельских районах, так называемые «местные церкви».

В КНР официально признаны две параллельные и самостоятельные протестантские руководящие организации и входящие в них церкви. Это действующий с начала 1950-х гг. и возрожденный в начале 1980 г. Комитет китайского протестантского движения «за три самостоятельности», возглавляемый в настоящее время Фу Сяньвэем (Элдэ), и созданная в начале 1980-х гг. Китайская протестантская ассоциация, которой сейчас руководит Гао Фэн. Местом пребывания обеих организаций является Шанхай. В настоящее время действует свыше 1700 местных комитетов обеих организаций. Налицо тенденция объединения этих организаций, что нашло отражение в совместном Уставе, принятом в январе 2008 г., и общем сайте в Интернете СССТСМР (аббревиатура их названий на английском языке). А.В. Ломанов отметил в доктрине Патриотического движения тройственного самоуправления (ПДТС) «немало

слабых мест – преувеличенный акцент на патриотизме и национальной идентичности, вступающий в противоречие с идеей универсальности христианства, упрощенное сведение христианского вероучения к текущим социально-политическим лозунгам. Однако по прошествии полувека стали очевидны два безусловных достижения ПДТС: сохранение институционального существования протестантизма в Китае и преодоление культурно-политического образа протестантизма как западной религии»¹¹. Следует учитывать, что среди самих протестантов – как мирян, так и священнослужителей, – нет единства во взглядах на миссию, проповедь, отношения с властью и т.д.

Часть протестантских церквей, объединенных в две указанные выше организации, входят в число официально признанных в Китае религий. В отношении неинтегрированных в ПДТС независимых, так называемых «местных церквей» в вероучительной части, в отличие ПДТС, опирающихся на фундаментализм и эсхатологию, наблюдается настороженное, а зачастую и враждебное отношение к ним властей КНР. К их деятельности применяются такие же жесткие меры как к сектам. Например, пять пасторов местных церквей, а также Чжан Жунлян, один из наиболее известных лидеров местных церквей пров. Хэнань находились в трудовых лагерях. Все они вышли на свободу в сентябре 2011 г. Заместитель председателя этого объединения пастор Ши Эньхао в июле 2011 г. был осужден на 2 года трудовых работ за организацию нелегальных служб¹². Сразу после этого несколько лидеров местных церквей обратилось к правительству с петицией, в которой просили не нарушать их право на свободу вероисповедания¹³.

Плюралистический характер китайского протестантизма, выражающийся в разных толкованиях библии, в различных культурных ориентирах и религиозная гибкость в целом, с одной стороны, обуславливает его способность адаптации к китайской специфике, а с другой – добавляет немало вызовов. Среди множества существующих в настоящее время групп и

слоев верующих современные китайские ученые выделяют три группы: 1) сельские жители и рабочие мигранты из сельской местности, приезжающие на заработки в города, 2) интеллектуальные протестанты и 3) так называемые «боссы»¹⁴.

В начале периода реформ именно в сельской местности наблюдался феномен «протестантской лихорадки». Сельские протестанты составляют 70% от всех последователей этой христианской конфессии¹⁵. Как показало обследование 11 уездов провинций Цзянси, Хунань и Юньнань, проведенное Институтом мировых религий АОН КНР в 2008 г., их число в различных деревнях составляло от 33 до 57%. Подобная тенденция на базе других обследований отмечена также в пров. Хэнань, Аньхой и Чжэцзян¹⁶. Большинство, как правило, составляют женщины, пожилые люди и лица, имеющие низкий образовательный уровень, малоимущие, а также обратившиеся в протестантизм в надежде получить исцеление своих болезней или болезней своих близких. (Наличие пожилых, малограмотных и женщин все еще характерно не только для сельской местности, но и для городов.) Они верят в то, что церковь – больница, а Бог – врач¹⁷. Старение верующих в сельской местности происходит в процессе урбанизации Китая. Одним из проявлений этого стал отток в города молодежи, в том числе верующих протестантов, в поисках заработков и жизненных перспектив, своеобразное перетекание протестантов из сельской местности в города. Причем в то же время множество мигрирующих рабочих, ранее даже не являвшихся протестантами, обращались в городах именно в эту веру.

В начале реформ и вплоть до конца 1990-х гг. преобладали протестанты-неофиты из сельской местности, в силу чего эту религию называли маргинальной. В первое десятилетие XXI в. появилось немало ее последователей в городах среди интеллектуалов — профессоров и студентов высшей школы, бизнесменов, включая менеджеров и других профессионалов этой сферы. Таким образом, на фоне бурного количественного роста

в последнее десятилетие наметилось изменение социального состава верующих. Если в 1980-х гг. в церковь приходили пожилые малообразованные женщины, то теперь конгрегации состоят из все увеличивающегося числа хорошо образованных людей среднего и молодого возраста, в большинстве своем – мужчин. Наблюдается их быстрый количественный рост, как среди официально признанных, так и среди незарегистрированных групп¹⁸.

В 2008 г. высшую школу буквально охватила «протестантская лихорадка». Например, пропорция протестантов из студенческой среды Шанхая составляла 4,7% и была выше общегородской на 1,07%, а в Пекине соответственно – 1,8% против 0,23%¹⁹. По данным 2011 г., около 5 тыс. человек обращается ежегодно в протестантизм в Пекине (церковь Комитета китайского протестантского движения за три самостоятельности), а также появляются новые церкви. К настоящему времени зарегистрирована 21 церковь²⁰.

Что касается протестантов из среды «боссов» и других профессионалов, то большинство из них следует принципам, проповедовавшимся известным английским религиозным деятелем и основателем методизма Дж. Уэсли: «делай так много денег, как можешь; берегай столько денег сколько можешь; давай так много денег, как можешь». Этим можно объяснить феномен появления в последнее десятилетие протестантов из числа китайских предпринимателей, бизнесменов, финансистов, директоров, так называемых «боссов»²¹. В их среде выделяют две группы: те, которые, уже будучи протестантами, начинали как рабочие-мигранты или сельские фермеры и в процессе жестокой борьбы становились предпринимателями, и те, кто стал верующим уже являясь успешным предпринимателем. Имея широкие общественные связи и солидную финансовую основу, они, как правило, оказывают влияние на развитие протестантизма в своем районе.

Особо показателен в этом отношении пример города Вэньчжоу, где очень силен протестантский корпоративный дух, не только сплачивающий коллектив, но и формирующий концепцию развития бизнеса. Нередки случаи, когда предприниматели предпочитают набирать персонал из числа протестантов. В силу этого перспективы открываются для тех выпускников высшей школы, которые обратились в протестантизм. Благодаря инициативе и поддержке бизнесменов в окрестностях Вэньчжоу, сооружено несколько новых протестантских храмов. Можно предположить, что с развитием частного предпринимательства эта тенденция будет усиливаться. Уже растет число протестантских предприятий и по мере этого появятся региональные ассоциации или бизнес-товарищества²². Протестантские сообщества процветают в совместных предприятиях. Это особенно характерно для тех, которые финансируются южнокорейским бизнесом в Шанхае и Пекине.

В КНР в последнее время протестанты именно из числа горожан стали активизироваться в деле построения гражданского общества. Ведь в протестантизме всегда были сильны идеалы гуманизма и свободы личности в системе капиталистических отношений, которые привносятся в китайское общество. Это, с точки зрения идеологии, не может не расцениваться в КНР как проявление буржуазного сознания. Поэтому китайские протестанты активизацию своей гражданской деятельности в обществе позиционируют как общественное служение и общественную заботу: помощь медицине и здравоохранению, помощь в ликвидации последствий стихийных бедствий, помощь экономически отсталым районам, помощь пожилым людям, финансовую поддержку развитию школьного образования. Участие в медицинской деятельности является традиционной сферой христианского служения (волонтеры, постройка больниц, обеспечение бесплатного медобслуживания). Например, в Сучжоу в 2010 г. евангелическими общинами на строительство первой в провинции больницы было выделено более 3 млн юа-

ней, приобретена площадь земли в 3000 кв. м. В больнице действуют терапевтические, хирургические, гинекологические и др. отделения. Протестантские общины Китая начали строить дома для престарелых. Несмотря на то, что их инфраструктура далека от совершенства, эта область остается для китайского протестантизма приоритетной. В 2010 г. в Юньнани был построен дом для престарелых (150 пенсионеров) в живописном и экологически чистом районе. Работа в сфере деятельности по охране окружающей среды стала одной из новых областей деятельности церкви. Для ее обеспечения протестанты используют различные средства массовой информации (интернет-сайты, печатную продукцию), некоторые принимают участие в экологических акциях. Церковь устраивает всевозможные благотворительные акции, средства от которых идут на поддержку экологии т.н. «зеленых» районов страны, на снижение вредных выбросов в атмосферу и т.д.²³

Таким образом, анализ истории протестантизма в Китае и его современных перспектив позволяет сделать следующий вывод: западным миссионерам в XIX – первой половине XX вв. не удалось внедриться в китайское общество. Однако это стало возможным с развитием рыночной экономики периода открытости и реформ, когда в процессе стремительного изменения жизненных ориентиров часть китайского общества, аккумулируя западные ценности, приняла протестантизм.

¹ Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М., 2002. С. 396.

² Li Baole. On the Necessity, Rationality and Significance of the Chinese Christian Tree Self Patriotic Movement// China Study Journal, Autumn/Winter 2011. P. 40.

³ Ломанов А.В. Указ. соч. С. 398.

⁴ Beatrice Leung. China's Religious Freedom Policy: The Art of Managing Religious Activity // The China Quarterly. № 184. 2005. P. 899.

⁵ Li Baole. Ibid. P. 42-43.

⁶ Ibid. P. 43.

⁷ Beatrice Leung. Ibid. P. .899

⁸ Ломанов А.В. Указ.соч. С. 398-399.

⁹ Хуан Хайбо. Цзоусян цзяньгоу чжун де гунминь шэхуэй – 2010 нянь чжунго цзидуцзяо дэ цзэжэнь юй фаньсы. (На пути построения гражданского обще-

-
- ства – ответственность и самоопределение протестантизма в Китае в 2010 г. // Чжунго цзунцзяо баогао (2011 г.). Цзунцзяо ланьпишу. Пекин, 2011. С. 128-129; Tang Xiaofeng. Viewing the Church in today's China through the characteristics of three groups of Christians. China Study Journal, Autumn/Winter 2011. P. 16.
- ¹⁰ Bays D. Chinese Protestant Cristianity // The China Quarterly 174, № 2003. P. 488.
- ¹¹ Ломанов А.В., Дионисий Поздняев. Христианство в Китае: путь к самостоятельности // Китай на пути модернизации и реформ 1949-1999. С. 526.
- ¹² China Study Journal, Autumn/Winter 2011. P. 60, 62, 63.
- ¹³ Ibid. P. 59-60.
- ¹⁴ Tang Xiaofeng. Ibid. P. 15.
- ¹⁵ Ibid. P. 17.
- ¹⁶ Ibid. P. 15-16.
- ¹⁷ Ibid. P. 22.
- ¹⁸ Fallman Frederik. Useful Opium ?. «Adapted Religion» and Harmony in Contemporary China. // Journal of Contemporary China, 19(67), November, 2010. P. 949–969.
- ¹⁹ Tang Xiaofeng, Ibid. P. 18; Лэй Лихуа, Се Жунцянь. Гао цзяо да сюэшэн цзидуцзяо синьсинь вэньти яньцзю шуяо (Изложение исследования вопроса о студентах высших учебных заведений верующих протестантов) // Цзунцзяо юй шицзе, 2009, № 9. С. 41.
- ²⁰ Синьхуа. 27.07.2011.
- ²¹ Tang Xiaofeng. P. 21-22.
- ²² Ibid. P. 23.
- ²³ Более подробно о примерах социальной активности, направленной на повышение имиджа протестантизма, см.: Хуан Хайбо. Указ. соч. С. 135-141.

Ожогина А.Н.

Благовещенский государственный педагогический ун-т

АНАЛИЗ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ КИТАЙЦЕВ ПО ТАЙВАНЬСКОМУ ВОПРОСУ

(На примере материалов интернет-блогов и газеты «Жэньминь жибао»)

За 65 лет существования тайваньского вопроса отношения между Пекином и Тайбэем претерпевали различные изменения: начиная с открытой конфронтации и холодного игнорирования в прошлом и заканчивая расширением и углублением взаимообменов в различных сферах между берегами Тайваньского пролива в настоящем.

Решение тайваньского вопроса является одним из приоритетов внутренней политики Китая, поэтому связанные с этим события широко освещаются в СМИ, а также активно обсуждаются в Интернете, что в связи с увеличением количества пользователей становится важным компонентом для формирования общественного мнения людей.

Следует отметить, что Интернет-пространство Китая – одно из наиболее контролируемых в мире. Китайские власти поддерживают сложную и многослойную систему цензурирования, контроля и управления действиями Интернет-пользователей, а также владельцев мобильных телефонов. В последние годы система контроля была расширена с помощью управления обсуждениями в Интернете¹.

Растущее сообщество блогеров и различные участники Интернет-коммуникации влияют на вскрытие фактов коррупции, мобилизацию граждан и защиту гражданских прав. Однако официальные власти позаботились о защите политической системы от слабых голосов недовольных граждан из Интернет-пространства², поэтому в китайском Интернет-пространстве невозможно найти заявления, которые бы открыто критиковали политику китайского правительства, в частности, по тайваньскому вопросу.

Исследуя мнения авторов различных Интернет-блогов, была обнаружена следующая устойчивая тенденция: мнения блогеров схожи с официальными заявлениями представителей Пекина.

Так, по мнению большинства пользователей Интернета, вопрос независимости Тайваня является внутригосударственной проблемой, которая «осталась в наследство» после гражданской войны в Китае, а Тайвань – это неотъемлемая часть КНР, поэтому возвращение острова под контроль Пекина является вопросом времени. Решение его может продлиться не одно десятилетие и потребует больших усилий обеих сторон. Также в комментариях некоторых китайцев из материкового

Китая было обнаружено следующее суждение: конфликт создает и поддерживает в неизменном состоянии именно тайваньская сторона, которая страдает от своих же действий. Другие блогеры не понимают, почему сохраняются такие напряженные отношения, ведь поколение, при котором начался конфликт, уже ушло. Авторы еще одной части комментариев убеждены, что Тайвань давно присоединен к материковому Китаю и не понимают, почему всех так интересует этот вопрос.

1 ноября 2012 г. на официальном сайте «Жэньминь жибао» была опубликована новость под заголовком «Консенсус 1992 г. является важной политической основой для стимулирования мирного развития отношений между двумя берегами Тайваньского пролива – Канцелярия по делам Тайваня при Госсовете КНР». «Мы готовы внимательно выслушивать и серьезно относиться к рациональным, позитивным и конструктивным замечаниям и рекомендациям... по поводу развития отношений двух берегов Тайваньского пролива», – подчеркнул Ян И, официальный представитель Канцелярии по делам Тайваня при Госсовете КНР³.

Согласно официальным заявлениям, Консенсус 1992 г. является важной политической основой для укрепления взаимодоверия и стимулирования мирного развития отношений между двумя берегами Тайваньского пролива. Положительные отзывы Интернет-пользователей по поводу данного утверждения говорят о том, что граждане КНР положения Консенсуса 1992 г. оценивают как важные условия для ведения двустороннего диалога с Пекином. Некоторые авторы к основным базисам, способствующим мирному развитию отношений, также относят интересы не только одной части страны, но и всей нации в целом, а также мирные способы урегулирования конфликта. Кроме этого, в качестве основ гармоничного развития (помимо консенсуса 1992 г.) выделяют, во-первых, согласованность и объединение всей китайской нации; во-вторых, неприемлемость получения независимости Тайванем; в-третьих, строи-

тельство взаимных доверительных отношений; в-четвертых, взаимное процветание и развитие.

8 ноября 2012 г. на официальном сайте «Жэньминь жибао» была опубликована статья, в которой Ху Цзиньтао в своем докладе на XVIII съезде КПК призывал к созданию более благоприятных условий для мирного объединения⁴. В ней Ху Цзиньтао высказался за курс на «мирное воссоединение, одну страну – два строя» и реализацию восьмипунктного предложения относительно развития отношений между берегами пролива и стимулирования процесса мирного объединения Родины.

В опубликованном 19 ноября 2012 г. тексте доклада Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК отмечалось: «Нам нужно непоколебимо держаться принципа одного Китая. Хотя континент и Тайвань все еще не воссоединились, но тот факт, что они принадлежат одному Китаю, навсегда останется неизменным. Государственная территория и суверенитет никогда не расчленились, и их недопустимо расчленять», – указал Ху Цзиньтао⁵. В своем докладе Ху Цзиньтао подчеркнул, что именно политика «одного Китая» является условием мирного объединения страны.

Урегулирование конфликта мирным путем пропагандируется не только представителями высшей власти в Китае, но и пользователями Интернета, которые благосклонно относятся к невоенному решению данного вопроса. По их мнению, «способность сохранить свою армию», не посылая ее в горячие точки, является гарантом сохранения мирных отношений между Пекином и Тайбэем. Но некоторые авторы, придерживаясь принципа территориальной целостности и неделимости, продвигают более активные и радикальные меры, хотя и не переходящие в предложения о военных действиях.

7 декабря 2012 г. на сайте «Жэньминь жибао» появилась статья под заголовком «Ма Инцзю надеется на устойчивое развитие отношений между берегами Тайваньского пролива». Из официальных заявлений Ма Инцзю следует, что в политике Тайваня в отношении материкового Китая на данный момент

существуют три основных приоритета: расширение и углубление обменов между берегами Тайваньского пролива, взаимное открытие представительств Ассоциации и Фонда..., а также всестороннее рассмотрение и внесение поправок в положения об обменах между двумя берегами⁶.

Среди китайцев материкового Китая имидж Ма Инцзю довольно неоднозначен. В большинстве случаев это положительный облик. Кроме того, Ма Инцзю в должности президента Тайваня больше устраивает китайцев, чем его предшественник Чэнь Шуйбянь. С другой стороны, некоторые авторы критически оценивают политику переизбранного президента в адрес Пекина, т.е. официально правительство Тайваня придерживается курса «одна страна – две системы» и консенсуса 1992 г., но некоторые заявления и решения со стороны президента подвергаются суровой критике.

28 декабря 2012 г. появилась статья, в которой Китай выступает категорически против законопроекта США о национальной обороне. «Соответствующее содержание является грубым вмешательством во внутренние дела Китая и не способствует стратегическому взаимодоверию двух стран», – отметил официальный представитель Министерства обороны КНР Ян Юйцзюнь на очередной пресс-конференции, касаясь принятого недавно Конгрессом США законопроекта о национальной обороне на 2013 финансовый год, в котором содержится спорная часть, связанная с островами Дяоюйдао и поставкой оружия на Тайвань⁷.

Согласно официальной политике, Китай не приемлет вмешательства других стран в его внутренние дела. Это мнение активно поддерживается пользователями Интернет-пространства, что подтверждается большим количеством одобрительных комментариев в блогах. По мнению большинства блогеров, тайваньский вопрос мог не возникнуть, если бы не присутствие США. Также было отмечено, что хотя конфликт возник в результате гражданской войны в Китае, но со-

хранение напряженности в Тайваньском проливе – это проблема, существующая непосредственно из-за «излишнего интереса к внутренним проблемам Китая».

Проведя анализ, можно сделать некоторые выводы. Во-первых, среди всех найденных блогов и комментариев не было обнаружено радикальных замечаний и комментариев в адрес китайского правительства. Это можно объяснить тем, что в Китае существует сложная и многослойная система цензурирования, контроля и управления действиями Интернет-пользователей, которая предотвращает попадание и распространение негативных оценок о действиях правящей партии и всего руководства страны. Во-вторых, анализируя новости, опубликованные на официальном сайте газеты «Жэньминь жибао», можно увидеть, что в общем мнения официальных источников и пользователей Интернет-ресурсов совпадают по основным положениям. Разница состоит в том, что официальные представители дипломатично сглаживают некоторые особенности двустороннего диалога, в то время как авторы различных блогов, помимо обоснованных комментариев, открыто высказывают свое негативное отношение в адрес тайваньского правительства.

¹ Киселев А.А. «Великая китайская спина»: система государственной интернет-цензуры в Китае / А.А. Киселев // Вестник Пермского университета. Серия: история и политология. 2009. №3. С. 40-46.

² Там же.

³ Консенсус 1992 г. является важной политической основой для стимулирования мирного развития отношений между двумя берегами Тайваньского пролива – Канцелярия по делам Тайваня при Госсовете КНР [Электронный ресурс] // Газета Жэньминь жибао он-лайн. 01.11.2012. URL: [//russian.people.com.cn/31521/7999852.html](http://russian.people.com.cn/31521/7999852.html) (дата обращения: 15.02.2013)

⁴ Ху Цзиньтао призвал к созданию более благоприятных условий для мирного объединения [Электронный ресурс] // Газета Жэньминь жибао он-лайн. – 08.11.2012. URL: [//russian.people.com.cn/31521/8010601.html](http://russian.people.com.cn/31521/8010601.html) (дата обращения: 15.02.2013)

⁵ Полный текст доклада, с которым выступил Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК [Электронный ресурс] // Газета Жэньминь жибао он-лайн. 19.11.2012. URL: [//russian.people.com.cn/31521/8023973.html](http://russian.people.com.cn/31521/8023973.html) (дата обращения: 15.02.2013).

-
- ⁶ Ма Инцзю надеется на устойчивое развитие отношений между берегами Тайваньского пролива [Электронный ресурс] // Газета Жэньминь жибао онлайн. – 07.12.2012. URL: [//russian.people.com.cn/31521/8049432.html](http://russian.people.com.cn/31521/8049432.html) (дата обращения: 15.02.2013).
- ⁷ Минобороны КНР: Китай выступает категорически против законопроекта США о национальной обороне [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао онлайн. 28.12.2012. URL: [//russian.people.com.cn/31521/8073520.html](http://russian.people.com.cn/31521/8073520.html) (дата обращения: 15.02.2013).

Герасимова Т.Г.

ИДВ РАН

МА ГУЙФАНЬ О ПРОБЛЕМЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ КПК, НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ И ИСТОРИИ КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СОВЕТСКОЙ/РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Сотрудник Института истории партии при ЦК КПК Ма Гуйфань, анализируя главные результаты исследований советских и российских ученых и их точки зрения по проблеме периодизации истории КПК, новейшей истории Китая и истории китайской революции, отмечает особенности изучения истории КПК в бывшем Советском Союзе и в России¹.

Китайский историк обращает внимание на то, что в комплексном изучении истории КПК учёные бывшего СССР и России не только выделяли это направление как специфическое направление исторической науки, но и объединяли с исследованиями по истории китайской революции и современной истории Китая. Эти научные изыскания, отмечает автор, были неразрывно связаны с глубоким анализом истории КПК².

Оценивая исследования по проблеме периодизации истории КПК и новейшей истории Китая, Ма Гуйфань указывает, что с начала 1950-х до середины 1960-х годов советские историки постепенно заимствовали метод исторической периодизации, основанный на периодизации революционной войны, существующий у *китайских историков*, и шли по пути принятой китайской периодизации. Опираясь на это, новейшая история Китая ими была поделена на пять периодов:

-подъём национально-освободительного движения в Китае (1919–1923);

-первая гражданская революционная война (1924–1927);

-вторая гражданская революционная война (1927–1937);

-антияпонская национально-освободительная война (1937–1945);

-третья гражданская революционная война (1946–1949).

С середины 1960-х годов, отмечает Ма Гуйфань, советские исследователи начали отходить от традиционно принятого у китайских историков метода периодизации истории КПК и новейшей истории Китая, основанного на периодизации революционной войны, и принялись за поиск новых критериев периодизации.

В доказательство этому Ма Гуйфань приводит работы советских ученых, в которых были отражены новые подходы к периодизации новейшей истории. Так, в 1968 г. профессор Ленинградского государственного университета (ЛГУ) Лев Абрамович Березный совместно с заведующим кафедрой университета Геронтием Валентиновичем Ефимовым подготовили статью "Некоторые вопросы периодизации новейшей истории Китая"³.

В этой статье, пишет Ма Гуйфань, утверждалось, что «метод периодизации, принятый у китайских историков, ненаучен, не соответствует динамике исторического развития», и предлагалось «считать основными критериями периодизации главные цели революции, содержание революционного процесса и формы революционной борьбы». В последующем советские историки учитывали эти замечания в своих работах по истории КПК, новой и новейшей истории Китая. И уже, например, в подготовленном в 1970 г. коллективном труде авторов Института Дальнего Востока «Обзор истории КПК»⁴, свидетельствует Ма Гуйфань, была предложена иная периодизация, где история КПК времен демократической революции подразделялась на четыре периода:

- период демократической революции (1921–1927);
- период революционной борьбы в Китае под лозунгом Советов (1927–1937);
- период антияпонской национально-освободительной войны (1937–1945);
- период народно-освободительной войны (1945–1949).

Поиск новых подходов продолжался, и в изданной в 1972 г. работе ИДВ «Новейшая история Китая (1917–1970)»⁵, отмечает Ма Гуйфань, исторический отрезок времени с 1917 до 1949 гг. был разделён на пять периодов:

- подъём национально-освободительного движения в Китае (1917–1924);

- народная революция (1925–1927);

- революционная борьба в Китае под лозунгом Советов (1928–1937);

- антияпонская национально-освободительная война (1937–1945);

- народно-освободительная война и победа народной революции (1946–1949).

Такая периодизация, по мнению автора, в целом соответствовала динамике исторического развития Китая, однако ряд учёных считал её не слишком идеальной, точнее не полной, замечая, что «выбирая критерии периодизации, необходимо ещё учитывать и социально-экономический прогресс, и реформы политической системы».

Далее Ма Гуйфань констатирует, что в 1974 г. профессор Л.А. Березный в своей статье «Некоторые вопросы исследований истории китайской революции современными советскими историками» раскритиковал метод периодизации, использованный в работе «Новейшая история Китая (1917–1970)», полагая, что этот метод не отражает сущности революционного процесса. Например, по словам Л.А. Березного, если верить авторам «Новейшей истории Китая (1917–1970)», китайская революция развивалась непрерывно, постоянно являя единый процесс, резко трансформировавшись из «народной революции (1925–1927)» в «революционную борьбу под лозунгом Советов (1928–1937)», тогда как общеизвестно, что после поражения в 1927 г. революционное движение пошло на спад.

Углубляясь в исследования советскими историками критериев периодизации, Ма Гуйфань пишет, что поиск новых ме-

тодов продолжался, и выявляет иные точки зрения на эту проблему, в частности, доктора исторических наук ИДВ Владимира Николаевича Никифорова. Так, в 1981 г. В.Н. Никифоровым была опубликована статья «Проблемы периодизации китайской революции»⁶, где он заявил, что «главным критерием периодизации новейшей истории Китая должно быть ещё изменение задач революции». Никифоров полагал, что новейшая история Китая должна включать три периода развития:

-две стадии национально-освободительного периода – с 1925 до 1927 г. и с 1937 до 1945 г.;

-период демократической революции с 1946 до 1949 г.;

-социалистический период – после 1949 г.

Ма Гуйфань отмечает, что период с 1928 до 1937 г., согласно доводам В.Н. Никифорова, можно считать как национально-освободительным периодом (поскольку главной задачей для всей страны было избавление нации от империалистического рабства), так и антифеодальным периодом (поскольку решались и задачи антифеодальной борьбы), фактически имевшим переходный характер.

Далее, согласно оценке автора, начинался новый этап формирования взглядов советских ученых на периодизацию. И следующим объектом рассмотрения становится подготовленный научным коллективом ИДВ итоговый двухтомник «История Коммунистической партии Китая», вышедший в 1987 г.⁷ В этом исследовании, по словам Ма Гуйфани, *история КПК времён демократической революции* подразделялась на пять периодов, которым давался детальный анализ:

-организационное и идейно-политическое формирование КПК, создание Единого национального фронта, период от I съезда КПК до IV съезда КПК (1920–1925);

-КПК в период национальной революции, борьба КПК против империализма и милитаристов (июнь 1926 – июль 1927);

-КПК в период формирования и укрепления политической власти Гоминьдана и революционной борьбы под лозунгом Советов, VI съезд КПК (1927–1937);

-КПК в период китайско-японской войны, борьба КПК против японской агрессии и демократические реформы, VII съезд КПК (1937–1945);

-КПК в период послевоенного кризиса политической власти Гоминьдана, борьба КПК за свершение национально-демократической революции (сентябрь 1945 – сентябрь 1949).

Далее констатируется, что *история КПК социалистической эпохи* подразделялась на шесть периодов:

-период борьбы за демократические преобразования и подготовки к переходу на путь социалистического развития (1949–1952);

-переход КПК к социалистическому строительству, VIII съезд КПК (1953–1956);

-КПК в период «большого скачка» (1957–1960);

-КПК в период упорядочения национальной экономики (1960–1965);

-КПК в период «великой культурной революции» (1966–1976);

-поиски КПК путей социалистического развития после смерти Мао Цзэдуна, XII съезд КПК (1976–1982).

В историографическом обзоре по проблеме периодизации истории Китая, Ма Гуйфань показывает и другие точки зрения советских ученых, однако делает упор на исследованиях Л.А. Березного. Так, он отмечает, что в 1990 г. в своей работе «Проблема спорных понятий в истории китайской революции» профессор Березный предложил новую методику периодизации, суть которой в делении исторического отрезка с 1912 до 1949 г., то есть с момента свержения цинской династии до образования Китайской Народной Республики, на три периода.

По мнению Л.А. Березного, «полувековой революционный процесс в Китае по своим общим целям был единым, но в про-

цессе его развития происходили качественные изменения, что позволяет разделить его на три периода». Он считал, что *первым, начальным периодом китайской революции* является ликвидация в ходе Синьхайской революции под руководством Сунь Ятсена традиционной политической системы в виде господства маньчжурской династии Цин. По своим конкретным целям и финалу Синьхайская революция была политической революцией, направленной против Цинов, против монархии, но она не смогла заложить основу новой государственной системы. Фактически же основа традиционной политической системы разрушена не была, она была лишь видоизменена путём создания Китайской Республики. Тем не менее Синьхайская революция стала первым шагом на длительном революционном пути.

Главным содержанием *второго периода революционного процесса в Китае*, по Березному, являлась борьба за достижение главной цели нации – создания новой государственной системы, то есть за то, чтобы заменить реакционную власть милитаристов буржуазно-демократической государственной системой. Завершением этого периода является поражение революции 1925–1927 гг.

Третий период революционного процесса в Китае, считал Л.А. Березный, продолжался с конца 1920-х до конца 1940-х гг. В этот период КПК предложила некапиталистический путь общественного развития. Окончанием этого периода становится создание Китайской Народной Республики и прерывание развития страны по капиталистическому пути. Таким образом, полагал советский ученый, началом истории китайской революции следует считать Синьхайскую революцию, а не «движение 30 мая» 1925 г.

Ма Гуйфань делает вывод, что исследование проблемы периодизации истории КПК, новейшей истории Китая и истории китайской революции историками бывшего СССР и России никогда не прекращалось и прошло несколько этапов. Прин-

ципы и критерии, положенные в основу периодизации этими учёными, были неодинаковы, поэтому разным оказался и подход к периодизации. Но одно у них было общим: полный отказ от традиционно принятого у китайских историков метода исторической периодизации, основанного на периодизации революционной войны.

Подводя итог краткому обзору, отметим, что Ма Гуйфань, оценивая советскую историографию вплоть до начала 1990-х гг., подошел к проблеме весьма объективно. Адекватно представляя точки зрения видных советских исследователей на проблему периодизации, он показал, что в исследованиях историков России, как и Китая в те годы, история КПК и национально-освободительного движения фактически подменяла всю историю Китайской Республики, многоаспектную, многогранную, выходящую далеко за рамки истории КПК. В то же время, как правильно отметил Ма Гуйфань, советской наукой было сделано немало, шел процесс расширения видения исторического полотна, создавались исследования, подробно и тщательно отражавшие многие особенности развития коммунистического движения и демократической революции в Китае, завершившейся победой над Гоминьданом в 1949 г.

Очевидно одно, что в настоящее время ощущается острая необходимость продолжения работы китайских историков в области изучения российской историографии, которая, начиная с 1990-х годов, вступила в новый этап своего развития.

¹ *Ма Гуйфань*. Изучение истории КПК в бывшем Советском Союзе и в России. Глава первая // Обзорные зарубежные исследования по истории КПК / Главные редакторы Лян И и Ли Сянцян. Пекин: Чжунгунданши чубаньшэ, июнь 2005.

² Там же. Подраздел первый. Общая картина исследовательской работы. Пер. с кит. А.В. Шитова.

³ *Березный Л.А., Ефимов Г.В.* Некоторые вопросы периодизации новейшей истории Китая // Вестник Ленинградского ун-та. 1968. № 20.

⁴ Возможно, автор имеет в виду работу «Очерки истории Коммунистической партии Китая (1921-1969)», которая вышла в открытой печати в 1971 г.

⁵ Новейшая история Китая (1917-1970). М., 1972.

⁶ См.: Никифоров В.Н. Проблемы периодизации китайской революции // Проблемы Дальнего Востока. 1982. № 3.

⁷ История Коммунистической партии Китая. В 2-х т. (7 частей). М., 1987. Рукописное издание – общий объем 2860 л. (текст на одной стороне листа).

Кузнецов В.С.

ИДВ РАН

ТИБЕТСКОЕ ВОССТАНИЕ 1959 Г. И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА КИТАЙСКО-ИНДИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

10 марта 1959 г. в Тибете произошло антикитайское восстание. Правительство КНР в официальном коммюнике от 28 марта косвенно обвинило Индию в причастности к тибетскому бунту, назвав Калимпонг «руководящим центром восстания». Это утверждение тиражировало китайское посольство в Нью-Дели.

Факт антикитайского восстания в Тибете правительство КНР предало огласке задним числом, 28 марта, сообщив о подавлении вооруженных выступлений тибетцев.

Зарубежные средства массовой информации, в том числе индийские, сообщили о восстании сразу же, как только оно началось. В индийском парламенте дискутировалось происшедшее в Тибете.

Такая самостоятельная оперативность индийской стороны вызвала крайнее неудовольствие Пекина. Как утверждало правительство КНР, «со стороны Китая никогда не имело места вмешательство во внутренние дела Индии или обсуждение их на сессиях Всекитайского собрания народных представителей или его Постоянным комитетом. Оно считает обсуждение внутренних дел дружеской страны невежливым и неуместным».

Подавление восстания в Тибете не оставило безучастной индийскую общественность. 30 апреля 1959 г. члены Социалистической партии устроили демонстрацию перед зданием ген-

консульства КНР в Бомбее. Был осквернен портрет председателя КНР Мао Цзэдуна. Премьер-министр Индии Д. Неру принес публичные извинения. Этим правительство КНР не было удовлетворено и потребовало приемлемого для Китая решения инцидента. В противном случае китайская сторона предостерегала, что «не закроет вопрос даже в течение 100 лет».

6 мая 1959 г. центральный официоз КНР «Жэньминь жибао» выступил со статьей «Революция в Тибете и философия Неру». Его обвиняют в духовном родстве с деятелями типа Чан Кайши. «...когда он (Д. Неру – В.К.) симпатизирует (мятежному – В.К.) Тибету, его симпатии идут к «маленьким Чан Кайши» в Тибете.

С бегством далай-ламы в Индию (там он получил политическое убежище) от его имени были сделаны антикитайские заявления. Пекин обвинил Нью-Дели, что их распространение за рубежом осуществляли дипломатические представительства Индии.

Восстание в Тибете с самого начала Пекин использовал для ужесточения режима существования индийского присутствия в АТР.

22 марта 1959 г. замминистра иностранных дел КНР заявил послу Индии в Пекине, что согласно сообщению бюро по внешним связям в Лхасе оно передает генконсулу Индии в Лхасе уведомление из 3-х пунктов.

«1. Местное правительство Тибета по подстрекательству и при поддержке империалистов и иностранных реакционных элементов разорвало соглашение о мирном освобождении Тибета и начало вооруженный мятеж. И мы должны подавить этот бунт. Это – всецело внутреннее дело Китая, и мы никогда не позволим вмешательство извне.

2. Мы желаем защитить сотрудников индийского генерального консульства, и мы надеемся, что они переместятся в дома, которые мы выделим, и будут жить там.

3. Надеемся, что генконсул Индии в Лхасе уведомит всех индийцев в различных частях Тибета, чтобы они подчинялись китайским законам и насколько возможно оставались в домах там, где мятеж имеет место...» После подавления восстания китайские власти ограничили возможности функционирования индийского генерального консульства в Лхасе. Консульским работникам для выхода за пределы города требовалось получить разрешение. Охрана препятствовала определенным визитерам, в частности, ладакским мусульманам попасть на прием в консульство.

Крайне негативными последствиями обернулось восстание в Тибете для индийской торговли с этим районом. Сократился ее объем. В исключительно тяжелом положении оказались индийские торговцы, главным образом из-за реформ, введенных китайцами. Если прежде индийская рупия являлась законным платежным средством, то теперь таковым становятся только китайские деньги. Индийские торговцы испытывают трудности с займом денег у местных ростовщиков. Сообщалось, что власти запретили им ссужать деньги индийцам. В результате они вынуждены прекращать свое дело.

– Это – несчастье быть индийцем, – так охарактеризовал депутат парламента Джасвант Сингх ситуацию, в которой оказались индийские предприниматели в Тибете.

Восстание в Тибете коренным образом изменило характер отношений Китая и Индии. Заверения в дружбе, лозунг «Хиндичини бхай-бхай» («Народы Индии и Китая братья») сошли на нет. Теперь Китай и Индия говорят на языке холодной войны.

27 апреля 1959 г., выступая в индийском парламенте, премьер-министр Индии Д. Неру заявил, что он был весьма огорчен тоном замечаний и обвинений против Индии, с которыми в Китае выступили ответственные лица. Они использовали язык холодной войны.

14 мая на пресс-конференции Д. Неру указал на употребление Китаем языка холодной войны в отношении Индии.

28 мая премьер-министр Индии, выступая в нижней палате парламента, заявил, что мы недавно имели случай испытать применение техники холодной войны в отношении Индии.

На эти обвинения Китай отвечает контробвинениями. Примером может служить редакционная статья «Жэньминь жибао» – «Революция в Тибете и философия Неру». В ней говорилось: «... некоторые индийские политические деятели и издания порочили Китай как «новый и дурной вид империализма» и «колониальный империализм» и атаковали подавление Китаем восстания в Тибете как «военную интервенцию», «колонизацию» и бандитизм. Все это не точно ли язык холодной войны?» И Китай заявляет, что не откажется в одностороннем порядке разговаривать с Индией языком «холодной войны».

– Пока вы не прекратите свою антикитайскую клеветническую кампанию, мы не прекратим наносить ответные удары, – предостерегала «Жэньминь жибао» в вышеназванной редакционной статье.

28 августа 1959 г. Д. Неру впервые официально сообщил, что Индия и Китай вовлечены в пограничную дуэль. Произошло несколько столкновений.

Они наглядно показали несостоятельность 5-и принципов, некогда декларированных КНР и Индией в первую очередь для решения проблемы Тибета, и не смогли предотвратить китайско-индийскую войну в Гималаях в 1962 г. В ходе ее обе стороны пытались решить территориальный вопрос соответственно своим устремлениям.

Война не решила его. И спустя полвека после кровопролития в Гималаях территориальный вопрос является основным фактором, который негативно влияет на состояние китайско-индийских отношений. Китай претендует на ряд участков индийской территории. Из них наиболее значительным является кусок индийского штата Аруначал Прадеш, размером с Авст-

рию. В свою очередь Индия оспаривает принадлежность Китаю земель на западном участке границы.

Пограничный вопрос, как заявляет Пекин, оставленный нам историей, еще ждет окончательного решения.

*Рябченко Н.П.
ИИАЭ ДВО РАН*

СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЙ РАСКОЛ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ

Образование КНР и установление тесных дружественных и союзнических отношений с СССР открывали самые широкие и светлые перспективы сотрудничества и развития для народов двух стран. На международной арене они стали силой, с которой вынуждены были считаться все державы, и способной положительно влиять на мировое развитие. Но не прошло и десяти лет как советско-китайские отношения начали рушиться, пока не осталось камня на камне от величественного здания советско-китайской дружбы.

Не вызывает сомнения, что инициатором советско-китайского раскола и главным генератором нагнетания враждебности в отношениях двух стран был Мао Цзэдун¹. Однако маловероятно, что один человек даже в статусе «великого вождя», пусть с помощью своих соратников мог натворить столько бед. Поэтому не случайно М.Л. Титаренко относит ссору между СССР и КНР к «числу наиболее драматических и загадочных явлений», называет советско-китайский раскол одной из главных загадок XX в.² Решить эту проблему, вероятно, можно, только найдя к ней новые подходы и рассматривая ее в широком историческом контексте.

Советско-китайский раскол, сам по себе, будучи уникальным событием, типологически таковым не является. В истории были похожие ситуации: советско-югославский, китайско-албанский, китайско-вьетнамский расколы. Советско-китайс-

кий выделяется только своими масштабами и историческим значением. Отдельные не поддающиеся разгадке причины разногласий между СССР и Китаем, главная из которых непримиримая и ожесточенная борьба Мао Цзэдуна против «ревизионизма», также могут быть объяснены, если обратиться к истории. Надо также попытаться понять, что означал весь этот период сначала тесного единства, а потом острого противоборства двух государств. Явно здесь мы имеем дело не с каким-то случайным эпизодом. Но что это было и почему?

Прежде всего, следует в системном виде представить международную ситуацию в середине XX в. Тогда мир был расколот. Социалистический лагерь, представлявший собой большую, но все-таки локальную систему государств, противостоял остальному капиталистическому миру. Такого рода противостояние части и целого уже случалось в истории и оканчивалось по-разному. Как правило, часть терпела поражение. Такова была участь множества древних цивилизаций перед лицом варварского окружения. И только в редких случаях, когда для этого созревали исторические условия, часть могла подчинить себе мировое целое. Как это было с победой капитализма, сначала зародившегося и долгое время существовавшего как локальное явление в Западной Европе.

В жизни любого общества отношения части и целого весьма распространены и дают нам наглядные примеры того, как это происходит. Можно вспомнить проблему отцов и детей. Вступающие во взрослую жизнь подрастающие поколения склонны обособляться, противопоставлять себя миру отцов, критически относиться к нему и конфликтовать на этой почве. Лишь по прошествии времени это противостояние так или иначе сходит на нет, и молодежь вливается во взрослую жизнь. Данная проблема из разряда «вечных». Еще в древности люди нашли способ, как ее регулировать. Юноши, достигшие половой зрелости, на период до вступления в брак сами поселялись отдельно в «большие дома», где образовывали мужской союз и

жили братским коллективом. Достойными занятиями считали охоту и военное дело и четко дистанцировались от всего, что было связано с женским полом³. Такой «правильный», но односторонний мужской мир был нежизнеспособен. Его обитатели должны были, в конце концов, влиться в существующее общество. Тем не менее идея создания идеального общества, повторяющего опыт существования «больших домов», сохранилась в веках и много раз выливалась в планы и попытки ее осуществления: от фаланстеров Фурье до казарменного коммунизма Мао Цзэдуна.

Социализм мыслился его основателями и вождями как мировая система, которая должна была возникнуть на развалинах капитализма. Но история распорядилась по-другому. Сначала социализм утвердился только в одной стране – России. Потом, после Второй мировой войны, возник социалистический лагерь. Дальше ситуация в мире стабилизировалась. В лагере больше не происходило пополнения. Он стал представлять собой замкнутую локальную систему. Теперь угроза для нее исходила не только извне, но все в большей степени изнутри, от растущих внутренних противоречий, как это обычно бывает в любой замкнутой социальной системе. Учитывая, что среди социалистических стран СССР и КНР выделялись своей мощью, вероятность крупного внутрисистемного конфликта между ними была достаточно велика. И он не заставил себя ждать.

После смерти Сталина – признанного лидера социалистического лагеря и мирового коммунистического движения, со стороны Мао Цзэдуна стали проявляться настойчивые попытки занять его место, оттеснив на второй план еще не обладавшего достаточным авторитетом Н.С. Хрущева. Делалось это не прямо, а исподволь, в типично восточной манере и было хорошо заметно уже во время их первой встречи в 1954 г.⁴ Иерархический конфликт становился все более острым, доходил до столкновений по конкретным вопросам, как это было в 1958 г.,

когда Н.С. Хрущев попробовал договориться с Китаем о создании на его побережье радиостанции для обеспечения связи советских подводных лодок. Попыткой окончательно решить вопрос о лидерстве был предпринятый Пекином в 1958 г. «большой скачок», который, по расчетам китайского руководства, должен был за три года привести Китай к коммунизму и таким образом опередить Советский Союз, доказать преимущество китайских путей и методов развития.

Сокрушительный провал «большого скачка» только добавил ожесточения Мао Цзэдуну в отстаивании своих позиций и обострении конфронтации с СССР. Весной 1960 г. Китай развернул деятельность по привлечению к себе сторонников в международном революционном движении. Потом, несмотря на собственные экономические трудности, он постарался досрочно, на два года раньше срока, рассчитаться за советские кредиты. Взамен свертываемых экономических отношений с СССР и другими социалистическими странами начал активно их развивать с западными государствами. Таким образом, в социалистическом лагере складывалась ситуация, когда наряду с прежним центром в Москве стал формироваться новый, независимый центр в Пекине. С системной точки зрения это означало раздвоение единого лагеря и начало его разрушения⁵.

Советская сторона прекрасно понимала, какие угрозы несет раскол делу социализма, но не могла сдержать негативное развитие событий, связанное со стремлением Пекина не только стать во главе мирового революционного движения, но и всячески его активизировать, не считаясь с опасностью возникновения войны, в том числе атомной. Мао Цзэдун считал, что действительная опасность для социализма исходила именно от советских «ревизионистов», взявших после смерти Сталина курс на мирное сосуществование с Западом, экономическое соревнование с ним и подъем жизненного уровня народа – «коммунизм жареной говядины с картошкой». Все это, по его мнению, несло угрозу реставрации капитализма⁶.

Одна из объективных причин разногласий была в том, что революции в России и в Китае имели разный «возраст». Советская Россия уже давно переболела «детскими болезнями» левизны, мировой революции, вынесла огромные тяготы Великой Отечественной войны и курс на мирный путь соревнования с капитализмом, взятый XX съездом КПСС, был предпочтительней, чем продолжение конфронтации с ним. Для Китая, еще не остывшего от революционной борьбы, и, прежде всего, для Мао Цзэдуна как идеолога, также естественным казалось продолжать ее наращивать вплоть до полной победы коммунизма. Любое ослабление борьбы, переход на мирные рельсы казалось изменой делу мировой революции, которая должна принести счастье всему человечеству. Вред отступничества – «ревизионизма» состоял еще и в том, что нес угрозу реставрации капитализма в самих социалистических странах.

История разрешила этот спор. Счет оказался ничейный. Мао Цзэдуну не удалось вновь зажечь пожар мировой революции и закрепить Китай на крайне левых позициях. Более того, Мао самому пришлось под благовидным предлогом противодействия советскому «гегемонизму» пойти на компромисс с Западом и в 1972 г. установить связи с США, что облегчило задачу его преемникам пойти на дальнейшее тесное сближение с вчерашним противником. Для Советского Союза угроза реставрации капитализма, представлявшаяся Москве мифической, когда о ней предупреждали из Пекина, в конце концов, воплотилась в реальность. Правоту китайских предостережений с горечью вынуждены были признать некоторые наши ведущие синологи, в свое время на официальном уровне горячо отстаивавшие советскую позицию в вопросах идеологии⁷. Но этим исторический спор полувековой давности не исчерпывается. Он имеет куда более глубокие корни. Их учет позволяет понять сущность позиции сторон и сам ход исторического развития.

Следует обратить внимание на то, что обычно остается вне поля зрения исследователей. При всех социальных различиях у человечества на протяжении уже многих тысяч лет существует общий строй – патриархат. При решении крупных исторических проблем, и нашей в том числе, необходимо учитывать ход и особенности его эволюции. Сам он совершенно не изучен. В настоящее время только в общих чертах можно составить о нем представление. Можно предположить, что переход от матриархата к патриархату произошел в силу объективных обстоятельств: была решена задача заселения ойкумены и в условиях подрыва прежней продовольственной базы, связанного с исчезновением крупных объектов охоты – мамонтов и других животных, главной стала защита территорий обитания племен от посягательств соседей. Так как военное дело было прерогативой мужчин, то соответственно они вышли на первый план и со временем заняли господствующее положение в обществе. При этом произошла внехозяйственная специализация мужчин, направленная на контроль и завоевание территорий.

В истории нет ничего неизменного, и патриархальный строй также не мог избежать серьезных перемен. От воинственной экспансии, в конце концов, произошел поворот в сторону экономики. Это опять-таки было продиктовано объективными причинами, связанными с необходимостью интенсификации экономической жизни для удовлетворения материальных потребностей растущего населения. Из истории известно как произошел этот поворот. Воинственные норманны, накопившие огромные сокровища, однажды решили упорядочить свои финансовые дела. Было это в XI в., когда Роберт Дьявол создал казначейство – прообраз современной денежной экономики. Потом от другого норманнского государства, возникшего на Сицилии, новые экономические отношения стали постепенно распространяться в Западной Европе и, в конечном счете, привели к формированию капитализма⁸. Противоречие между «классическим» и новым течением в патриархате было

глубоким и принципиальным, касающимся сохранения самого этого строя. Переход от автономного, сугубо мужского вида деятельности – войн, к экономике, изначально женскому занятию, означавшему «обустройство дома», грозило ослабить господство мужчин и привести к гибели патриархат. Вряд ли эта проблема в прошлом осознавалась в полном объеме, но ощущение того, что все это очень серьезно, никогда не оставляло противников «экономизма». В Европе веками шла ожесточенная борьба между стяжателями и их оппонентами, пока не утвердился протестантизм с его духом капитализма. На Востоке «экономизм» так и не смог победить. Там государство в духе классических традиций патриархата стояло на страже старых порядков и неизменно подавляло опасные тенденции чрезмерного обогащения каких бы то ни было групп населения и усиления их влияния.

Поэтому, когда возник спор между Н.С. Хрущевым и Мао Цзэдуном, по какому пути идти: «коммунизма жареной говядины с картошкой» или мировой революции, победы коммунистов военным путем, он имел глубокую историческую подоплеку. В том числе различие опыта и традиций Запада и Востока. Хрущевский «ревизионизм» затрагивал глубинную сущность патриархального строя. Уступка «экономизму» была чревата сдачей позиций революционного лагеря его капиталистическим антагонистам, что и произошло в 1991 г. Но это еще не все. В буржуазном обществе под влиянием либеральных идей феминизм активно теснит старые нравы. Это ясно указывает на утрату патриархатом прежних позиций в обществе, на его кризисное состояние – неспособность сохранить власть на чужой, экономической, изначально женской территории. Однако и революционная воинственность Мао Цзэдуна была уже явным анахронизмом. Его рассуждения о возможности, не считаясь с жертвами, победить империализм в атомной войне никем из руководителей социалистических стран всерьез не воспринимались. Дело здесь было не только в утопизме его идеи

использовать атомную бомбу, но и в том, что война как традиционная мужская сфера деятельности достигла предела своих возможностей, и это в еще большей степени, чем «экономизм», свидетельствовало о кризисе патриархата, самой его классической основы.

Таким образом, конфликт позиций советского и китайского руководства, в сущности, отражал кризис патриархата. В локальной системе социалистического лагеря он проявился даже более ясно и отчетливо, чем в мире в целом. Но эта глобальная проблема не могла быть решена на локальном уровне. Реальная перспектива для обеих частей расколовшегося лагеря состояла во включении в мировую систему, что и произошло. Причем одним и тем же путем. Как в СССР, так и в Китае победил «экономизм». Иначе быть не могло. Социалистический лагерь как локальная подсистема патриархального строя воспроизвел его архетипическую модель мужского, военизированного, мобилизационно-ориентированного социума. Все, что было связано с этими его особенностями, – создание сильных армий, транспортной инфраструктуры, индустриализация – давало более или менее приемлемые результаты. Но непреодолимым препятствием, за редким исключением – Венгрия, Болгария – было отставание сельского хозяйства. Именно продовольственная проблема в СССР и угроза массового голода в КНР прямо или косвенно вынудили эти страны вернуться в лоно существующей мировой системы. Пришла к завершению попытка создать в виде социалистического лагеря мировой мужской «большой дом». Понадобилось не так много времени, чтобы проявилась его слабая сторона, связанная с сельским хозяйством – искони женским занятием, основой всей производящей экономики.

Крушение социалистического лагеря, началом которого был его внутренний раскол, означало серьезный удар по патриархату. Прекратила существование его мощная, организованная, ортодоксальная группировка. Составные части бывше-

го социалистического лагеря усилили глобальный капитализм и тем самым экономически ориентированную тенденцию эволюции патриархата. Но тут стало все сильнее сказываться влияние еще одного глубинного потока истории – Восточно-Западной динамики. Произошла невиданная в истории консолидация Запада, связанная с образованием Европейского Союза. На востоке Евразии в результате бурного подъема Китая вокруг него начало формироваться экономическое и культурно-цивилизационное ядро, растущие мощь и влияние которого указывают на то, что «ветер с Востока начал дуть над ветром с Запада».

Хотя это реальность нынешнего времени, но как тенденция, отражавшая изменение соотношения сил в мире в результате победы революции в Китае и присоединения его к социалистическому блоку, она была видна уже в середине XX в., и чем дальше, тем сильнее проявлялась. Мао Цзэдун тогда решил реализовать шанс для Китая стать новым центром мировой революции⁹. Отсюда идет вызывающе конфликтное поведение Пекина в 1958–1959 гг. в отношении СССР, Индии, Тайваня, за спиной которого стояли США. Затем Китай приступил к активному формированию круга своих сторонников в международном коммунистическом и национально-освободительном движениях. Альтернативный советскому новый антисистемный центр получился довольно слабым, и к середине 1980-х гг., когда Пекин уже переболел революционной горячкой, прекратил свое существование. От этого увлечения у Китая осталась приверженность к «третьему миру». Фактически он стал ведущей незападной страной и центром Востока, восточного мирового полюса. Реально это то главное изменение в мировой системе, которое осталось после социалистического лагеря. В нем, вероятно, и состоит важнейший исторический смысл революционного прорыва в мировой капиталистической системе, произошедшего в XX в. Сначала Первая русская революция 1905–1907 гг. вызвала «пробуждение Азии», потом

Октябрьская революция 1917 г., Коммунистический Интернационал и социалистический лагерь всесторонне способствовали подъему Востока. После крушения социалистического лагеря, стало ясно видно, что результатом всех революционных бурь XX в. оказался новый статус Востока как идущей к лидерству мощной мировой силы.

Новая ситуация в мире требует особенно пристального внимания к Китаю – ведущему государству Востока. И тут мы можем видеть, что какие-то элементы его прошлой истории проявляются в современных условиях. Так, выдвинутая американцами в начале 2009 г. идея разделить с Китаем мировое лидерство («большая двойка»), встретившая отказ Пекина, живо напоминает советское предложение КНР, сделанное, вероятно, в 1957 г., разграничить зоны ответственности в международном коммунистическом движении: Советскому Союзу оставить Запад, а Китаю – Восток. Тогда Мао Цзэдун под благовидным предлогом отклонил это предложение¹⁰. Вскоре оказалось, что дело вовсе не в его скромности, а в том, что он претендует на большее, на единоличное лидерство.

В настоящее время в общественном сознании КНР укрепляется идея руководства миром со стороны Китая¹¹. Так или иначе, это будет проявляться на уровне политики. Подъем Китая в последние десятилетия создал материальную базу для его нового положения в мире. Выдвинутая Пекином в начале XXI в. инициатива создания гармоничного общества и гармоничных международных отношений, имеющая значение глобальной идеи, а также практическая политика по поддержке развивающихся стран укрепляют авторитет Китая, придают ему черты концептуального и морального лидерства.

В отличие от рубежа 1960-х гг., когда произошел советско-китайский раскол, сейчас Китаю легче продвигаться к положению срединного государства мира. Прежде он со своим радикальным революционным настроем шел против течения: «экономизма» советских «ревизионистов» и капитализма. Поре-

форменный Китай, сам пораженный «экономизмом», идет в русле общей эволюции патриархата. Он вполне мог бы возглавить доминирующую сегодня нисходящую линию патриархального строя. Не только благодаря своим экономическим достижениям, но и одному исключительно важному обстоятельству, связанному с тем, что китайцы по своим психологическим характеристикам и культуре соответствуют женскому началу¹². Идя на смену Западу – современной ведущей мировой силе и воплощению мужского начала, Китай вольно или невольно способствует усилению женского влияния. Однако в нем самом растет внутреннее противоречие. Мужская часть восточного социума, в отличие от западного, не склонна сдавать свои позиции. Особенно хорошо это видно в исламском мире. Следовательно, на Востоке вместе с ростом его влияния будет усиливаться тенденция торможения дальнейшей эрозии патриархата. С течением времени активнее начнут проявлять себя «здоровые» патриархальные силы Запада. В результате мировое развитие станет приобретать все более сложный характер. Китай в силу своего положения, веса и влияния будет плотно завязан на глубинные процессы мировой динамики. Несомненно, важная роль в ней будет принадлежать России, как особой переходной цивилизации, расположенной между Востоком и Западом и смягчающей их отношения. Этот аспект всегда следует иметь в виду при оценке расклада мировых сил и глобальных изменений.

¹ Кулик Б.Т. Советско-китайский раскол: причины и последствия / РАН. Институт Дальнего Востока. М. 2000. С. 54; Галенович Ю.М. Два «первых лица»: Хрущев и Мао Цзэдун. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 282.

² Титаренко М.Л. В поисках ответа на одну из главных загадок XX века // Кулик Б.Т. Советско-китайский раскол... С. 5.

³ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. С. 90-100.

⁴ Галенович Ю.М. Два «первых лица»... С. 37-38, 47-48.

⁵ Рябченко Н.П. КНР – СССР: годы конфронтации (1969-1982). Владивосток: Дальнаука, 2006. С. 37-38.

⁶ Кулик Б.Т. Советско-китайский раскол ... С. 341.

-
- ⁷ Рахманин О.Б. Взаимоотношения И.В. Сталина и Мао Цзэдуна глазами очевидца // Новая и новейшая история. 1998. № 1. С. 90; Кулик Б.Т. Советско-китайский раскол... С. 388-389.
- ⁸ Шпенглер О. Закат Западного мира: Очерки морфологии мировой истории: В 2 т. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. И.И. Маханькова. М.: Академический Проект, 2009. С. 493-494.
- ⁹ Мао Цзэдун. Великие стратегические установки // Выступления и статьи Мао Цзэдуна разных лет, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. М. 1976. Вып. 6. С. 225.
- ¹⁰ Галенович Ю.М. Два «первых лица»... С. 99-101.
- ¹¹ Духовное и идеологическое состояние китайского общества // Экспресс-информация № 2. М.: ИДВ РАН. 2010. С. 32.
- ¹² Линь Юйтан. Китайцы: моя страна и мой народ. Пер. с китайского Н.А. Спешнева. М.: Вост. лит., 2010. С 87; Спешнев Н.А. Китайцы: особенности национальной психологии. СПб.: КАРО, 2011. С. 162.

Степанова Е.Н.
ИДВ РАН

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЖЕНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В КНР

Гендерная политика КПК после образования КНР проводилась поэтапно и была направлена на привлечение женщин к активному строительству социализма и использованию их огромного потенциала в целях укрепления власти партии / государства.

Участие женщин в общественно-политической жизни в КНР осуществляется под руководством КПК, которая за долгие годы, начиная с образования КНР, сформировала широкий слой женщин-кадровых работников для работы на местном уровне, уровне провинций и в центральной власти, а также в различных общественных организациях, прежде всего Всекитайской федерации женщин (ВФЖ).

История женского политического представительства в КНР прошла *пять этапов*¹. Для укрепления своих политических позиций и привлечения женской половины населения страны на свою сторону² КПК отстаивала фундаментальный принцип «равенства мужчин и женщин»³, уделяя пристальное внимание

отбору и воспитанию женских кадров при опоре на ВФЖ⁴ и подготовленных партией женских политических лидеров. КПК инициировала проведение политики реформ, открывшее новую эпоху в жизни страны, обеспечившее развитие женского политического участия в Китае, но далеко не полностью отражающее место и роль женщин в современном китайском обществе.

Первый этап ограничивался, по мнению исследовательницы Дун Мяолин⁵, 1949–1956 гг. и получил название «высокого прилива», так как был связан со всеобщей мобилизацией женщин для участия в политической жизни нового Китая. В течение этого времени женщины в небольшом количестве заняли важные руководящие посты в высших органах государственной власти. Так, в сентябре 1949 г. во время проведения 1-й конференции Народно-политического консультативного совета Китая (НПКСК) в состав высшего полномочного административного органа власти того времени – Всекитайского комитета (ВК) НПКСК вошло 12 женщин (6,6% от всего состава ВК). Центральный народный правительственный совет (ЦНПС) имел в своем составе 2 женщины (от общего числа членов ЦНПС – 3,1%).

В научной литературе КНР на рубеже 1990–2000-х гг. признается, что в тот промежуток времени большинство женщин были позитивно настроены в отношении участия в деле строительства основ новой политической власти. С 1953 по 1956 гг. миллионы женщин приняли участие во всеобщих выборах органов низового самоуправления, о чем свидетельствует высокий процент женщин-избирателей (80% от общего числа женского электората), принявший участие в голосовании. Из всего количества 5 млн 669 тыс. человек, избранных депутатами в собрания народных представителей всех уровней, женщин-депутатов было 980 тыс. (17,3% от общего числа депутатов). В то время представительные органы, осуществляющие административную власть, комитеты сельских жителей и крестьянские союзы имели в своем составе *немало* женщин-депутатов и

женщин-членов комитетов. В 1956 г. при проведении вторых всекитайских выборов депутатов собраний народных представителей на низовом уровне наблюдалось увеличение количества избранных женщин-депутатов по сравнению с 1953 г., их число достигло 1 млн человек⁶.

Второй этап – 1957–1965 гг. В этот период в Китае на лидирующие позиции на низовом уровне управления выдвинулось *немало* женщин-передовиков труда, что способствовало развитию женского политического участия и стало *отличительной чертой* женского политического участия в период строительства социализма. Повышение роли женщин-передовиков производства в управлении в основном происходило в *двух сферах*: в сельскохозяйственных кооперативах и народных коммунах, где женщины-передовики занимали должности руководителей или их заместителей; и малые городские предприятия, в которых появились женщины-директора.

Таким образом произошел «прорыв» в женском политическом представительстве уже на начальной стадии строительства нового государства: женщины выступили в качестве субъекта политики, осуществив свое гражданское право избирать и быть избранными, что является простой моделью *гражданского участия и общественной активности*. Благодаря этому возросло женское политическое участие и влияние женщин на процесс принятия решений на низовом уровне политической власти. При этом многие женщины-передовики поднялись до уровня руководящих постов, пополнив ряды женщин-руководящих работников опытными кадрами. Но этот процесс протекал непросто из-за низкого культурно-образовательного уровня многих женщин-передовиков производства, *участвовавших в «политике» несознательно, не обладавших для этого достаточным потенциалом*. Это не могло не влиять на рост самосознания, на подготовленность женщин к высокопрофессиональной деятельности, а также тормозило исторический

процесс развития женского политического участия в новом Китае. К тому же, женское политическое участие находилось под влиянием «левацкого уклона», характеризовавшего общее содержание, формы и методы политического процесса в Китае того времени.

Третий этап длился с мая 1966 г. по октябрь 1976 г. Это был период «культурной революции», когда женское политическое участие испытало огромное противодействие, большинство видных женщин-руководительниц подверглось преследованиям и репрессиям, пострадала основная масса женщин, участвовавших в политике и в работе властных структур.

Как отмечает Ли Чжэнхуа⁷, между проведением третьего Всекитайского съезда представителей женщин в сентябре 1957 г., ставшим своего рода символом прав женщин в КНР, и последующим 4-м Всекитайским съездом представителей женщин в сентябре 1978 г. прошел 21 год. На целых 11 лет была прервана работа Всекитайской федерации женщин (с 1967 г. по 1977 г.). Журналы «Работница» и «Китайская женщина» вынуждены были на это время прекратить издание.

В этот период был нанесен ущерб жизненно важным интересам женщин: из-за невнимания к образованию произошло увеличение количества неграмотных, необразованных женщин; из-за политических обвинений разбивались многие семьи. Отмечалось возрождение пережитков феодализма, преступных явлений, нарушающих закон, таких как продажа девочек, устройство браков за деньги, ранние браки и т.д. Это проявилось и в односторонней трактовке «равноправия мужчин и женщин», проявлявшейся в игнорировании различия в физиологии между мужчинами и женщинами, поощрении женщин заниматься работой, требующей чрезмерной физической нагрузки, при повышенных и пониженных температурах, на большой высоте при высоком давлении, что причиняло вред здоровью женщин.

Китайские историки подчеркивают, что исторические факты свидетельствуют о том, что внедрение уравниловки в распределении и проведение формальной эмансипации женщин на базе отсталой экономики понижало энтузиазм созидания как у мужчин, так и у женщин, все это ограничивало социальное развитие и не способствовало эмансипации женщин. Вместе с тем они отмечают в этот период и наличие революционного энтузиазма среди «широких масс женщин» в деле построения социализма, женщины принимали активное участие в общественном производстве и всевозможных общественных движениях, в чем, по мнению китайских историков, выразилась такая особенность развития женского движения как «непрерывное преодоление «левацких» (мелкобуржуазных) влияний на извилистом пути»⁸.

В «культурную революцию» Линь Бяо и Цзян Цин⁹ с целью разгромить Всекитайскую федерацию женщин обвинили «старую женскую Федерацию» в буржуазных взглядах, смешивая «черное с белым». Большинству видных деятельниц женского движения приписывали сфабрикованные обвинения, их снимали с занимаемых постов и начинали расследование. Среди женщин, составлявших ядро женщин-высокопоставленных кадровых работников, были не только подвергшиеся «критике» и преследованиям, но и убитые и покалеченные как физически, так и психически.

В то же время в течение 10 лет «великого бедствия» немало женщин в созданных тогда «революционных комитетах» различного уровня стали «ударной силой» «культурной революции», маленькими «женщинами-генералами», ринувшимися на политическую арену среди «красных охранников» (хунвэйбинов) и «революционных бунтарей» (цаофаней)¹⁰.

После окончания «культурной революции» большое количество женщин-кадровых работников продвинулось в руководящие звенья разных уровней. Однако «культурная революция» серьезно затормозила процесс отбора и воспитания кад-

рового резерва для подготовки ганьбу и ведения женской политики, произошло прерывание исторического процесса политического участия женщин, по сути на целое поколение.

Четвертый этап – конец 1976–1992 гг. был периодом восстановления женского политического участия в Китае (носившим, таким образом, волнообразный характер)¹¹. Женское движение после 10-летней паузы начало возрождаться с исправления ошибок предыдущего периода¹² и постановки задач на новый период женского движения.

В сентябре 1978 г. был проведен IV съезд ВФЖ, а через месяц состоялся 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва, который открыл новую эпоху в истории Китая и обозначил «правильное направление» женского движения в Китае. Среди первостепенных задач было возвращение на свои посты опытных женщин-руководителей, выдвижение на руководящие должности всех уровней женщин молодого и среднего возраста, обладающих высокими деловыми и моральными качествами.

В 1980 г. женщины составили 26% общей численности кадровых работников во всем Китае. Очевидной особенностью политического участия женщин в Китае в это время было повышение пропорции образованных женщин-профессоров, специалистов в области науки и техники, которые одна за другой продвигались до высоких руководящих постов. В конце 1980-х гг. в более чем половине провинций, городов центрального подчинения и автономных районов в руководящие звенья отбирались женщины-кадровые работники, прежде всего из высшего слоя интеллигенции.

Вместе с тем в начавшийся тогда вместе с экономической реформой период социальной трансформации страны появилось и много проблем. Например, в начале 1980-х гг. в ходе реформирования структуры правительства Китая подверглось сокращению много женщин-кадровых работников. В конце 1980-х гг. во время пере выборов в органы низового само-

управления много женщин-кадровых работников *не было избрано*, появилась «ударная волна превышения лимита»¹³.

В избранном на XIII съезде КПК в октябре 1987 г. составе высшего партийного руководства *не было женщин* ни среди членов Политбюро ЦК КПК, ни среди кандидатов в члены Политбюро ЦК КПК, что было названо тогда «большой потерей». В этот период женское политическое участие в Китае находилось в состоянии «скольжения вниз» (уменьшения активности)¹⁴.

На протяжении двух лет – с 1988 по 1990 гг. много раз проводились рабочие совещания Организационного отдела ЦК КПК и местных организаций КПК всех уровней по вопросу отбора и воспитания женских кадров.

С начала 1990-х гг. в женском политическом участии в Китае отмечался постепенный «низкий прилив» (постепенный подъем)¹⁵.

На пятом этапе, *начавшемся в 1992 г.* и продолжающемся и сегодня, в политическом участии китайских женщин отмечаются очевидные достижения и хорошая тенденция развития. На состоявшемся в сентябре 1993 г. в Пекине VII съезде ВФЖ и на IV Международном женском форуме в 1995 г. в Пекине были обозначены новые цели развития женского движения в Китае. За короткий период было достигнуто очевидное возрастание женского политического участия, в том числе его подъем с низового до верхнего уровня власти. Это стало свидетельством не только повышения количества женщин, участвующих в политике, но и значительного повышения потенциала женского политического участия. Вплоть до конца 1997 г. общее количество женщин-кадровых работников в Китае достигло 13 838 000 человек, что составило 34,4% от численности всех кадровых работников, по сравнению с концом 1980 г. увеличение на 8 138 000 человек. Таким образом, в целом за период с начала 1951, когда женских кадров было 150 000 человек, произошел рост их общего числа в 84 раза¹⁶.

Если до 1980-х гг. женское политическое участие в Китае больше обуславливалось выполнением соответствующих политических установок на обеспечение представительства женщин в органах власти и управления (нежели способностями самих женщин), то с конца 1990-х – женское политическое участие в Китае, по мнению китайских исследователей, в подавляющем большинстве опирается уже на собственные интеллектуальные силы. Благодаря этому произошло повышение роли китайских женщин в обществе и государстве, стала активно развиваться тенденция к возрастанию политического участия женщин. В 1997 г. на очередных выборах депутатов в собрания народных представителей на уровне низового самоуправления пропорция женщин-депутатов достигла 22%, рост по сравнению с предыдущими выборами составил 2,3%¹⁷.

В ВСНП 9-го созыва (с марта 1998 г.) пропорция женщин-депутатов достигла 21,8%, по сравнению с 1949 г. возросла на 9,8%. В НК НПКСК 9-го созыва (с марта 1998 г. по март 2003 г.) пропорция женщин-депутатов по сравнению с начальным периодом после образования КНР также увеличилась на 8,6%.

Вместе с тем следует отметить такие проблемы в женском политическом участии в КНР, как более низкий уровень образованности китайских женщин, им не хватает осознания своих лидерских качеств и своей конкурентоспособности. Здесь не могут не сказываться различия в качестве мужской и женской рабочей силы, в их трудовом потенциале, выявляемые в реальных условиях, когда развитие общественного производства происходит не при недостатке рабочей силы, а до настоящего времени пока ещё *в ситуации с избытком рабочей силы* (хотя в перспективе эта ситуация изменится). Принципы честной конкуренции способствовали тому, что все отрасли предпочитали мужчин и выталкивали женщин, таким образом, прямо и косвенно ограничивая роль женщин в обществе.

КПК всегда уделяла внимание эмансипации женщин, совершенствуя гарантии их прав и интересов. Благодаря этому

китайские женщины стали иметь не только равные с мужчинами права в получении образования, в сфере трудовой занятости, общественной жизни и других областях, но также наравне с мужчинами, обладая правом голоса, могли участвовать в политической жизни страны.

Что касается участия женщин в сфере управления, то еще в 1956 г. в докладе о внесении поправок в Устав партии на VIII съезде КПК Дэн Сяопин указал на то, что «женщины-ганьбу являются одним из самых больших ресурсов партийных кадров»¹⁸.

Положение с законными правами и трудовой занятостью, равно как и уровень политического участия и образования, статус в семье являются базовыми факторами и главными критериями *изменения уровня общественного статуса женщин*. Уровень развития экономики, общественный строй, идеология, связанная с социально-культурными ограничениями женщины, являются факторами, *ограничивающими* социальный статус женщины. Поэтому, в условиях ускорения исторического процесса, женское движение, прежде всего, должно опираться на силы общества, и в то же время это ускорение зависит от собственных усилий женщин, непрерывного повышения их собственной сознательности и качества.

В настоящее время возможность осуществления политического влияния и воздействия женщин на законодательный процесс в КНР стала выше, чем до сих пор, хотя по-прежнему относительно *ограничена*. В материковом Китае преобладает низкий уровень представительства женщин в партийных и правительственных органах страны. Что же касается более высокого уровня, то имеется тенденция назначать женщин на позиции «заместителей», а не на позиции руководителей всех уровней¹⁹.

На XVIII съезде КПК в ноябре прошлого года из 205 членов ЦК КПК было выбрано всего 10 женщин (из 171 кандидата в члены ЦК КПК 23 женщины). Из 24 членов Политбюро ЦК

КПК выбрано всего 2 женщины – Лю Яньдун [刘延东] и Сунь Чуньлань [孙春兰]. На самой высшей ступени партийной иерархии – в Постоянном комитете Политбюро ЦК КПК из 7 членов ПК ПБ ЦК КПК *нет ни одной женщины*.

С точки зрения женского политического участия, представляется малоубедительным, что только мужчины подходят для лидирующих позиций на том основании, что они более ориентированы на жизнь и работу вне дома. Даже если будет достигнут баланс в следующих одном-двух десятилетиях, гарантирующий, что женское представительство создаст качественно новые возможности для различных групп женщин, все равно численное представительство мужчин и женщин в органах власти и управления является необходимой, хотя и недостаточной целью женской эмансипации.

Еще *один способ продвижения политического участия женщин* – ослабление контроля над сельско-городской миграцией за последние 15 лет.

Этот процесс дает возможность как мужчинам, так и женщинам из сельских районов искать работу в более богатых районах Китая, особенно на восточном побережье, так как, работая на иностранных предприятиях, в строительной, транспортной сферах и в сфере услуг, сельские мигранты могут зарабатывать значительно больше, чем на земле в деревнях. Отправляя денежные переводы в деревню, они позволяют своим семьям улучшить условия жизни, получить экономическую выгоду, не говоря уже об открывающихся возможностях для молодых женщин познать иные жизненные пути, расширить горизонты, усиливающие желание жить по-другому.

Новое поколение сельских женщин получает более широкий жизненный опыт и предстает перед широким миром за пределами границ сельских поселений, где прошло их детство. Эти женщины являются потенциальным источником пополнения руководящих кадров в сельских районах, потенциал кото-

рых КПК и ВФЖ, по мнению ряда зарубежных экспертов, не используют в полной мере, а зачастую просто игнорируют²⁰.

Очевидно, что в КНР на пути гендерного равенства и развития женщин за последние десятилетия достигнут определенный прогресс. В то же время китайское руководство осознает, что ограниченный нынешним уровнем экономического и социального развития, особенно в процессе экономической реструктуризации, в рамках совершенствования социалистической системы рыночной экономики, Китай встречается с новыми ситуациями и проблемами в попытках продвижения гендерного равенства и развития женщин.

Женщины Китая стали существенно различаться по своему социальному статусу, в связи с этим возросли и расширились их потребности, а следовательно, они нуждаются в развитии и совершенствовании механизмов защиты своих прав и интересов.

Существует очевидный дисбаланс в развитии женщин в различных регионах, в их социальном статусе; отжившие концепции и традиции неравенства между мужчинами и женщинами, идущие из истории и культуры Китая, не до конца искоренены, права и интересы женщин все еще нарушаются в разной степени в некоторых регионах.

Еще многое предстоит сделать в Китае для достижения гендерного равенства, а также для достижения удовлетворительного уровня развития женщин в будущем.

5 марта 2011 г. в Пекине на 4-й сессии ВСНП 11-го созыва во время обсуждения планов развития Китая на 2011 г. и ближайшую пятилетку (2011–2015 гг.) были сделаны предложения по поддержанию «социального равенства и справедливости» в китайском обществе, переживающем период расслоения. Причина в том, что, несмотря на курс, направленный на построение «гармоничного общества», сохраняется неравенство в экономическом росте регионов и «пробуксовывает» модернизация села.

На этой новой исторической ступени построения благополучного общества китайское правительство намерено, используя стратегию построения «социалистического гармоничного общества с китайской спецификой», продвигать научную концепцию устойчивого всеобщего скоординированного социально-ориентированного развития, включающую в том числе и дальнейшее выполнение задач политики обеспечения гендерного равенства, соблюдения прав и интересов женщин согласно закону, обеспечения женщин равными с мужчинами политическими, экономическими, культурными, общественными правами и правами в семейной жизни.

Китайское руководство намерено расширять обмен и сотрудничество в этой сфере с Организацией Объединенных Наций, другими международными организациями и правительствами различных стран и внести свой вклад в мировое дело укрепления гендерного равенства, развития и мира²¹.

¹ По мнению Ли Чжэнхуа, историю женского политического представительства в новом Китае в общем можно разделить на три этапа // Ли Чжэнхуа. Синь чжунго фуню юньдун дэ лиши юй сяньчжуан (История и состояние женского движения в новом Китае) // Дандай чжунго ши яньцзю. 1996. № 6. С. 28-33.

² Там же. С. 28. Благодаря законодательно закрепленным гарантиям, статус китайских женщин намного повысился, что ярко проявилось в первую очередь в сфере занятости и в отмене старой системы брака.

³ Закрепление равноправия мужчин и женщин в Конституции Китая (1954 г.) во многом можно рассматривать как политический миф об успешном и окончательном разрешении женского вопроса, вследствие иллюзии о том, что благие намерения гарантируют осуществление прав и свобод женщин. Это утверждение о равноправии полов опровергалось на практике // Синьцзян Э.А. Феминизм в Китае (или «Дорога, длиною в полтора столетия») / ИВ РАН, М., 2008. С. 213.

⁴ Деятельность ВФЖ, находящейся в непосредственном подчинении партийного руководства, сводилась главным образом к практическому претворению в жизнь политических задач, касающихся женского труда // Синьцзян Э.А. Феминизм... С. 252.

⁵ Дун Мьяолин. Чжунго гунчаньданюй юй чжунго дэ фуню цаньчжэн (КПК и политическое участие женщин в новом Китае) // Чжунгун данши яньцзю. 2000. № 3. С. 61-63.

⁶ Там же. С. 61

⁷ Ли Чжэнхуа. Синь чжунго... С. 28-33.

⁸ Там же. С. 29.

⁹ «[...] В ее сознании переплелись правда и ложь, история и литература, прошлое и настоящее. На подобном синтезе строилась и вся ее пропагандистская деятельность, составляющая для нее смысл ее жизни» // Роксана Уитке. Товарищ Цзян Цин (Comrade Chiang Ch'ing) // Выпуск 1: М.: изд-во «Прогресс», 1978. С. 352.

¹⁰ Ли Чжэнхуа. Синь чжунго... С. 30. Женщины лишь участвовали в этом так называемом «революционном» движении, хотя это, естественно, нельзя рассматривать в прямом смысле как настоящее политическое участие.

¹¹ Фактически новый период в истории Китая начался ещё в октябре 1976 г. со смертью Мао Цзэдуна и последующим устранением с политической арены «банды четырех».

¹² Сфабрикованные дела были пересмотрены и аннулированы, у большинства осужденных и подвергнутых «критике» в период «культурной революции» женщин было восстановлено доброе имя: у женщин – кадровых работников, а также женщин-специалистов в области науки и техники, преподавателей, женщин-передовиков производства и других.

¹³ Дун Мяолин. Чжунго гунчаньданюй... С. 62.

¹⁴ Там же. Проблемы женщин вновь были отложены до бесконечности в пользу проектов национального строительства. См.: Синьцкая Э.А. Феминизм в Китае (или «Дорога, длиною в полтора столетия») / РАН ИВ. М., 2008. С. 254; [://www.russian.xinhuanet.com/russian/2007-10/16/content_506118.htm](http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2007-10/16/content_506118.htm); [://www.capwip.org/readingroom/china.pdf](http://www.capwip.org/readingroom/china.pdf); [://english.cri.cn/7146/2010/03/08/2361s554856.htm](http://english.cri.cn/7146/2010/03/08/2361s554856.htm) (дата обращения 28 апреля 2012). См. также: Tsai-Wei Sun. Gender Representation in Politics and Public Administration: Taiwan and Asian Countries //National University of Singapore. Table № 2, Selected Database of Women's Empowerment, revised version, 2004. Supplement. "People's Republic of China Report". Report on the state of women in urban local government People's Republic of China, Brief Description of the country". Handbook of Data on the People's Republic of China, Social Science Documents Publishing House, 1986 edition, Beijing. Table № 8. P 6; [://www.unescap.org/huset/women/reports/china.pdf](http://www.unescap.org/huset/women/reports/china.pdf) (дата обращения 4 июня 2013 г.)

¹⁵ Дун Мяолин. Чжунго гунчаньданюй... С. 62.

¹⁶ Там же. С. 63

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Хотя, по нашему мнению, в этом вопросе могут произойти изменения. Например, обращает на себя внимание заместитель министра иностранных дел, курирующий дела стран Европы, дела Сянгана, Аомэня и Тайваня, Службу переводов МИД Фу Ин ([傅莹] женщина, 1953 г., родилась в автономном районе Внутренняя Монголия, в 1982-1985 гг. работала атташе Службы переводов МИД КНР. По-видимому, не исключена вероятность назначения её в будущем на пост министра иностранных дел, в подтвержденные возможности участия женщин в процессе принятия решения в материковом Китае, судя по количеству её публичных выступлений за последнее

время (см., к примеру: «Запад» слишком задирает нос // Профиль. 2011. № 31. 29 августа. С. 22-24. См. также: [//www.youtube.com/watch?v=BrIiKF0HJt0&feature=endscreen&NR=1](http://www.youtube.com/watch?v=BrIiKF0HJt0&feature=endscreen&NR=1)). За внешней мягкостью и женственностью Фу Ин просматривается сильная личность, придерживающаяся своей четко намеченной линии поведения. История уже знает примеры, когда из помощника и переводчика президента Цзян Цзинго (1984 г.) Ма Инцзю вырос до мэра Тайбэя (1998 г.), а затем стал президентом Тайваня на выборах в 2008 и 2012 гг. В настоящее время (2013 г.) Фу Ин — уже первая женщина-пресс-представитель ВСНП [//russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-03/05/content_28137363.htm](http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-03/05/content_28137363.htm)

²⁰ *Kazuki Iwanaga*. Women's Political Participation and Representation in Asia. Obstacles and Challenges.// Nias press, Produced by SRM Production Services SDn Bhd and printed in Malaysia// 2008. P. 55-81.

²¹ White paper entitled Gender Equality and Women's Development in China.//China.org.cn August 24, 2005, ch.9. [//news.xinhuanet.com/english/2005-08/24/content_3396107.htm](http://news.xinhuanet.com/english/2005-08/24/content_3396107.htm) (дата обращения 28 апреля 2012). Из неопубликованной диссертации Е.Н. Степановой «Роль женщины в социально-политической трансформации Тайваня (конец XX-начало XXI вв.)». С. 194-197.

ИСТОРИЯ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ПЕРИОДА (1912–1949 ГГ.)

*Романова Г.Н.
ИИАЭ ДВО РАН*

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИОГРАФИИ КНР О ТОРГОВЫХ СВЯЗЯХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ (XIX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX В.)

В последнее время в китайской историографии усиливается интерес к исследованию экономических отношений Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая. В связи с этим целесообразно рассмотреть, насколько трансформировались концепции китайских историков в изучении торговых связей приграничных территорий.

В 1950-е гг. китайские историки, несмотря на определенные недостатки, слабую теоретическую и источниковедческую базу, все же пытались объективно освещать историческое прошлое Китая, обращая внимание на экономическую экспансию ведущих капиталистических держав в Китае. Взаимоотношения России и Китая рассматривались только в связи с проблемой КВЖД в процессе раздела Китая на «сферы влияния»¹.

Характерной для 1970–1980-х гг. является монография Гу Юня «Неравноправные договоры в новой истории Китая». Используя тот факт, что Китаю действительно в середине XIX в. была навязана система неравноправных договоров с Западом, интерпретирует в этом плане и историю договорных отношений России с Китаем. Рассматривая статьи Айгуньского 1858 и Пекинского 1860 г. договоров, подтверждающих взаимовыгодный характер приграничной русско-китайской торговли, Гу Юнь перечисляет только права, полученные Россией, и умалчивает об аналогичных правах, предоставленных Китаю в торговле с Россией².

Наглядным примером интерпретации экономических отношений России и Китая на Дальнем Востоке является статья Сюэ Хуна «К истории захвата царской Россией прав судоходства по реке Сунгари»³. По ст. 2 Айгуньского договора 1858 г. разрешалась «взаимная торговля по рекам Уссури, Амуру и Сунгари подданным России и Китая». Однако, ссылаясь на разность географических понятий, цинское правительство отдавало приказы местным властям не пропускать русские торговые суда для плавания по Сунгари, а их с 1858 г. по 1864 г. было направлено пять. Только в 1897 г. российское правительство получило право для торговых судов плавать по реке Сунгари, что было связано со строительством КВЖД и необходимостью подвоза по реке грузов.

С 1976 по 1990 гг. в Пекине изданы четыре тома «Истории агрессии царской России в Китае»⁴. При описании российско-китайских торговых связей утверждается, что «экономический грабеж был уже в ранний период существования контактов между двумя государствами», что «главным средством выколачивания капиталов из Китая служил неэквивалентный обмен, приносивший русскому купечеству колоссальные барыши». Следует отметить, что меновая торговля между русскими и китайскими купцами в районах Кяхты и Маймачэна осуществлялась на основе равенства прав партнеров. В четвертом томе издания подчеркивается, что в начале XX в. в результате управления России экономикой Маньчжурии, ввоза русских товаров в Северо-Восточный Китай последний превратился в придаток внутреннего рынка России.

Для анализа проблемы российско-китайских торговых связей представляют интерес две коллективные монографии: «Прошлое и будущее развития восточных районов СССР» под редакцией Сюй Цзинсюэ и «Экономическая история Северо-Восточного Китая в период династии Цин» под редакцией Кун Цзинвэя. В них наряду с достаточно глубоким экономическим

анализом региона по-прежнему делаются сугубо односторонние оценки.

В первой работе утверждается, что «с момента начала строительства КВЖД в 1897 г. и до 1917 г. царская Россия в течение 20 лет осуществляла экономический грабёж Северо-Восточного Китая», во второй — акцент делается на то, что «Россия скупала сельскохозяйственную продукцию Северной Маньчжурии по дешевым ценам и транспортировала ее по КВЖД и Уссурийской железной дороге через Владивосток в Японию и на рынки стран Европы для получения большой прибыли»⁵. Представляется, что в работах отсутствует объективная оценка влияния КВЖД на ускоренное экономическое развитие Северо-Востока.

С начала 1990-х гг. наблюдаются определенные изменения в подходе китайских ученых к оценке российско-китайских экономических отношений. В 1990 г. Го Юньшэнь опубликовал статью «Китайско-русская торговля в районе Хэйлунцзяна», а в 1991 г. статью «КВЖД и китайско-русские торгово-экономические связи»⁶. В них приводятся важные статистические материалы по торговым связям России и Китая.

В статьях справедливо отмечается, что «КВЖД значительно ускорила развитие экономических связей между Россией и Китаем, торговли Северо-Восточного Китая, были созданы условия для втягивания этого района в мировой рынок». Автор пишет следующее: «Ранняя китайско-русская торговля в районе Хэйлунцзяна была равноправной, взаимовыгодной, способствовала экономическому развитию приграничных районов и дружественным отношениям между народами; крупную выгоду получали китайские торговцы, производство товаров также росло». Делается вывод, что «КВЖД создала условия для развития китайско-русской торговли и прежде всего для поставки русских товаров в Китай».

Довольно объективно Го Юньшэнь оценивает и влияние китайско-русских экономических связей на внешнюю тор-

говлю Северо-Восточного Китая. В статье «Китайско-русская торговля в районе Хэйлунцзяна» отмечается, что «в конце периода правления Цинов имело место отрицательное сальдо внешнеторгового баланса Китая и положительное сальдо в торговле Хэйлунцзяна имело важное значение»; «Значительные объемы закупок излишков хэйлунцзянского зерна русским населением оказало влияние на развитие зернового производства». В статье «КВЖД и китайско-русские торгово-экономические связи» приводится материал о том, что Северо-Восточный Китай со времени постройки и введения в эксплуатацию КВЖД стал играть все более важную роль во внешней торговле Китая; в частности, его доля увеличилась с 7,5% в 1907 г. до 25% в 1917 г., к 1916 г. доля Харбинского района составила 30% внешнеторгового оборота Северо-Востока.

Вместе с тем в статьях Го Юньшэня имеются утверждения о том, что различными путями, в т.ч. по КВЖД, из Северо-Восточного Китая вывозились высококачественные китайские товары, тогда как Россия хотела бы поставлять по КВЖД в Китай большую часть своей продукции (текстиль, пушнину, изделия из мехов и другие не очень хорошего качества промышленные товары), а оттуда транспортировать их в Корею, Японию». Общий вывод, к которому приходит Го Юньшэнь в статье «КВЖД и китайско-русские торгово-экономические связи», сформулирован в духе стереотипных оценок, подчеркивающих «захватнический характер КВЖД и полуколониальную сущность торговли России в Северо-Восточном Китае», а также «превращение его в придаток КВЖД, что ускорило в связи с развитием внешней торговли региона».

К негативным факторам российско-китайских отношений, в том числе и экономических, Го Юньшэнь относит подписание Айгуньского и Пекинского договоров, «Правил сухопутной торговли между Россией и Китаем» (Пекин, 1862 г.), Санкт-Петербургского договора (1881 г.), «Контракта на постройку и эксплуатацию Китайско-Восточной железной доро-

ги», которые китайскими учеными традиционно называются «неравноправными договорами». Го Юньшэнь также отмечает «неравноправный» характер русско-китайской торговли в начале XX в. в связи со строительством КВЖД, хотя с введением в эксплуатацию дороги Россия смогла лишь несколько снизить пассивное сальдо в торговле с Китаем»⁷.

В коллективной работе под редакцией Мэн Сяньчжана «История китайско-советских торгово-экономических отношений»⁸, опубликованной в Харбине в 1992 г., основной акцент сделан на анализ динамики торговли России/Советского Союза с Китаем с XVII в. по 1880-е гг., приведена многочисленная статистика, выделены и проанализированы различные этапы торговли. В работе подтверждается прежняя концепция о признании неравноправного характера российско-китайских договоров середины XIX в., в том числе и по торговле с Россией: «Россия, идя по пути западных капиталистических держав, прежде всего вынудила цинское правительство подписать ряд неравноправных договоров и статей, касавшихся ведения торговли, получила неограниченные торговые права». Трактат, заключенный между Россией и Китаем о торговле в Кульдже и Чугучаке (1851 г.), авторы считают «первым неравноправным договором, по которому существовавшая более 200 лет равноправная торговля, стала изменяться. К последующим договорам, повлиявшим на развитие торговых связей автор относит Тяньцзиньский договор 1858 г., Айгуньский 1858 г., Пекинский 1860 г., «Правила сухопутной торговли», предоставляющие двум государствам право вести равноправную меновую торговлю по обоим берегам пограничных рек.

Как подчеркивается в работе, «после подписания Тяньцзиньского договора 1858 г. Россия не только монополизировала сухопутную торговлю, но и получила одинаковые с западными колонизаторами привилегии в морской торговле», «в китайско-российских торговых связях проявились черты, аналогичные тем, что были в отношениях Китая с западными

державами. Суть их состояла в неравноправии в торговле». Имеются утверждения, что Россия в «торговле незаконно удовлетворяла свои потребности в продовольствии и других товарах». В работе подчеркивается: «Россия через КВЖД и частные предприятия контролировала всю экономику Северо-Восточного Китая, что оказывало большое влияние на развитие российско-китайской торговли». Вместе с тем прослеживается позитивное отношение автора к Октябрьской революции. Подчеркивается, что взаимоотношения Советской России и Китая в значительной степени складывались под воздействием Англии, Франции, США, Японии. В целом работа представляет значительный интерес для исследования российско-китайских экономических отношений.

В 1996 г. Го Юньшэнем в Харбине была опубликована работа «История китайско-российской чайной торговли»⁹, в которой детально проанализированы ранние российско-китайские торговые связи, в том числе и участие КВЖД в транспортировке китайского чая.

Представляет интерес изданная Инь Цзяньпинем в 1998 г. в Харбине книга «Ранние внешнеэкономические связи Сибири»¹⁰. Автор подчеркивает важность Транссибирской магистрали в заселении Сибири и Дальнего Востока, развитии там промышленности и российской торговли, стимулировании строительства портов на Дальнем Востоке России, становлении морского транспорта. Позитивным явлением Инь Цзяньпин считает и экспорт сельскохозяйственных грузов Северо-Восточного Китая на мировой рынок, что произошло в связи с открытием движения по КВЖД; ускорение развития обрабатывающей промышленности в регионе; в отношении Дальнего Востока России — это формирование зон свободной торговли, создание совместных предприятий с участием иностранного капитала.

В 1999 г. в Харбине также была опубликована книга известного историка Хуан Динтяня «История торгово-экономических и

культурных связей между Китаем и Россией»¹¹, хронологические рамки которой охватывают период с XVII в. по 80-е гг. XX в. Наряду с негативной оценкой российских инвестиций и предпринимательства делается объективный вывод об «экономическом развитии Северо-Восточного Китая», «открытии региона», «переходе экономики на капиталистическую стадию развития», «стимулировании сельского хозяйства в связи с экспортом и транзитом сельскохозяйственных грузов, осуществлявшимися Россией», «модернизации обрабатывающей промышленности, в том числе и национальной».

В 1999 г. в г. Харбине была опубликована книга известного в Китае ученого Су Фэнлиня «История ранних китайско-российских отношений»¹², написанная на основе солидных источников на трех языках: китайском, маньчжурском и русском. В книге три аспекта исследования: ранние дипломатические отношения России и Китая, ранние торговые связи и культурные контакты. Су Фэнлинь обоснованно выделяет 5 этапов взаимодействия России и Китая. Автором отмечается позитивное значение Нерчинского договора 1689 г., Кяхтинского договора (трактата) 1728 г. и Кяхтинского торгового договора 1792 г. для развития российско-китайских торговых связей. В работе имеются традиционные для китайской историографии высказывания по поводу «захватов» Россией китайских территорий, утверждения, что «Нерчинский договор 1689 г. явился уступкой китайского правительства России в области торговли во имя территории».

Анализируя торговые связи, Су Фэнлинь затрагивает вопрос о характере торговли: была ли она прямой или косвенной торговлей между государствами или между народами. Он проводит мысль, что поскольку Китай – многонациональное государство, то участие в российско-китайской торговле не могло ограничиваться только маньчжурами и ханьцами (китайцами), в ней участвовали и различные монгольские племена. В работе приводятся многочисленные статистические данные по торго-

вому обороту России и Китая, удельному весу основных статей экспорта и импорта и прежде всего русской пушнины, образно названной «черным золотом» русского правительства, наполнявшей в то время на 1/3 государственный бюджет России. В целом можно констатировать, что книга Су Фэнлиня представляет собой серьезный научный труд, где всесторонне анализируются ранние этапы экономических и культурных связей России и Китая.

Заслуживает внимания работа Чжан Цзунхуа «Китайско-русские отношения на Дальнем Востоке через века»¹³. Автор рассматривает двусторонние отношения в ретроспективе с XVII в. до 90-х гг. XX в., достаточно объективно анализирует торговые связи с учетом международной обстановки, выявляя внешние и внутренние факторы ее развития. Большое внимание уделяется пограничной проблеме с указанием «размеров захваченной Россией китайской территории», что подразумевало неравноправность российско-китайских договоров середины XIX в. Подчеркивался в книге и неравноправный характер Санкт-Петербургского договора 1881 г. о сухопутной российско-китайской торговле.

Углубленный анализ приграничных российско-китайских торговых связей проведен в книге Чжан Фэнмина «История экономических отношений Северо-Восточного Китая с Россией (СССР)»¹⁴. В ней приводятся фактические и статистические данные по двусторонней торговле России и Китая, работа отличается привлечением большого количества отечественных источников, приведением различных таблиц. Вместе с тем автор подчеркивает, что «Россия заставила цинское правительство подписать неравноправные договоры Айгуньский 1858 г. и Пекинский 1860 г.», «к концу XIX в. торговые связи Северо-Восточного Китая с Россией развивались не на равноправной основе, русские торговцы получали большую чистую прибыль». Чжан Фэнмин делает вывод: «В связи с тем, что Россия захватила китайскую территорию к северу от Хэйлунцзяна и к

востоку от Уссури в размере более 1 млн кв. км, но продолжала скрывать экспансионистские планы в отношении Северо-Восточного Китая, это влияло на развитие китайско-русской торговли»; «с момента строительства КВЖД торговля стала носить еще более неравноправный характер, неравноправность торговли сохранялась и в советский период». Но автор также признает, что «китайско-российская торговля сыграла стимулирующую роль в экономическом развитии Северо-Восточного Китая».

Таким образом, исследование китайской историографии торговых связей Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая в XIX – первой половине XX вв. позволяет констатировать следующее. В 1950-е гг. наметилась тенденция более объективного изучения исторического прошлого Китая и международных отношений, проблема КВЖД рассматривалась в основном при освещении борьбы ведущих капиталистических держав за «сферы влияния» в Китае. 1960-е и 1970-е гг. – характеризовались снижением научного уровня работ и их количества. В этот период происходила фальсификация международных экономических отношений, в частности юридической основы российско-китайской приграничной торговли. В 1980-1990-е годы подходы китайских историков к исследуемой проблеме претерпели изменения, наметилась тенденция трансформации прежних концепций, появились разные оценки двусторонней торговли, наблюдалось переосмысление роли КВЖД в экономическом развитии Северо-Восточного Китая, российско-китайских торговых связей. Данная тенденция усилилась после принятия в КНР курса на модернизацию и реформы. Для этого периода характерно более широкое использование трудов иностранных авторов, и, прежде всего, российских исследователей по проблеме торгово-экономических отношений двух стран.

-
- ¹ Кун Цзинвэй. Чжунго цзинци шишандэ цигэ вэньти (Некоторые вопросы по истории экономики Китая). Шанхай, 1957; Пэн Юйсинь. Циндай гуаньшуй чжиду (Система таможенных пошлин в период правления династии Цин. (XVII-XX вв.). Ухань, 1956.
 - ² Гу Юнь. Чжунго цзиньдай ши шандэ бупиндэн тяюэ (Неравноправные договоры в новой истории Китая). Пекин, 1973. С. 61-66.
 - ³ Сюэ Хун. Ша Э цзюэцзюй Сунхуацзян хансинцюаньдэ цзинго (К истории захвата царской Россией прав судоходства по реке Сунгари) // Шэхуэй кэсюэ чжаньсянь. Чанчунь, 1979, № 4. С. 182-189.
 - ⁴ Чжунго цзиньдай цзинци ши (История экономики Китая в новое и новейшее время (1840-1949). В 2-х т. Т. I. Пекин, 1979.
 - ⁵ Юй Шэнью и др. Ша Э цинь Хуа ши (История агрессии царской России в Китае). Т. 1-2. Пекин, 1978.
 - ⁶ Сулянь дунбу дицзюй кайфаде хуэйгу юй фаван (Прошлое и будущее развития восточных районов СССР. 400-летие освоения Сибири) /Под ред. Сюй Цзинсюэ. Чанчунь. 1988. С. 156-157; Циндай Дунбэй дицзюй цзинци ши (Экономическая история Северо-Восточного Китая в период династии Цин) /Под ред. Кун Цзинвэй. Харбин, 1990. С. 623-624, 652.
 - ⁷ Го Юньшэнь. Шилунь чжун-э Хэйлунцзян дицзюйдэ маои (Китайско-российская торговля в районе мурэ) //Лунцзян шэхуэй кэсюэ. Харбин, 1990, № 2 С. 53; Он же. Чжундун телу юй чжун-э цзинци маои гуаньси (КВЖД и китайско-русские торгово-экономические связи) // Бэйфан вэньсюэ. Харбин, 1991. № 2. С. 78-84.
 - ⁸ Чжунсу цзинци мао ши (История китайско-советских торгово-экономических отношений) / Под ред. Мэн Сяньчжан. Харбин, 1992. С.137-140, 170, 191.
 - ⁹ Го Юньшэнь. Чжун-э чае маои ши (История китайско-российской чайной торговли). Харбин, 1995.
 - ¹⁰ Инь Цзяньпин. Цзаоцидэ Сиболия дуйвай цзинци лянсьи (Ранние внешне-экономические связи Сибири). Харбин, 1998.
 - ¹¹ Хуан Динтянь. Чжун-Э цзинмао юй вэньхуа цзяолю (История торгово-экономических и культурных связей между Китаем и Россией). Харбин, 1999.
 - ¹² Су Фэнлинь. Цзаоци Чжун-Э гуаньси ши яньцзю (История ранних китайско-российских отношений). Харбин, 1999.
 - ¹³ Чжан Цзунхай. Юаньдун дицзюй шицзичжи цзяоде чжун-э гуаньси (Китайско-российские отношения на Дальнем Востоке через века). Харбин, 2000.
 - ¹⁴ Чжан Фэнмин. Чжунго Дунбэй юй Эго (Сулянь) цзинци гуаньси (История экономических отношений Северо-Восточного Китая с Россией/СССР). Пекин, 2003.

ВЛИЯНИЕ СИНЬХАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ТАЙВАНЬ

После поражения Китая в японо-китайской войне 1894–1895 гг. и подписания Ли Хунчжаном и его сыном Ли Цзинфаном Симонсекского мирного договора (17 апреля 1895 г.) Тайвань и острова Пэнху были переданы Японии¹. Представляется, что цинское правительство не рассматривало Тайвань как важную для империи территорию, а его губернатора как значимую политическую фигуру. Об этом свидетельствует тот факт, что губернатор Тайваня Тан Цзинсун узнал о содержании договора от своего наставника, тогда как цинское правительство официально уведомило его лишь через два дня после подписания документа².

Как отмечает Линь Цюань в статье, опубликованной в журнале «Тайвань яньцзю» к 100-летию Синьхайской революции, жители острова жаловались, что попав под власть колониальной японской администрации, «превратились в граждан второго сорта», а передовые умы, особенно просвещенная молодежь, призывали к революционным действиям³. В апреле 1895 г. цзюйжэни⁴ в Меморандуме по поводу передачи Тайваня Японии писали, что «население Тайваня оставляется на произвол судьбы»⁵.

Большое внимание проблеме Тайваня и ведению революционной работы на острове уделял Сунь Ятсен. Он говорил, что «возвращение Тайваня для укрепления Китая является одной из целей революции»⁶. В 1895 г. Сунь Ятсен направляет гуандунцев Чэнь Шаобая и Ян Синьжу⁷ на Тайвань для ведения революционной пропаганды и организационной работы, установления связей с проживающими на Тайване ханьцами, расширения влияния Синчжунхуэя.

Уже в декабре 1895 г. произошло первое народное анти-японское выступление на севере Тайваня под руководством

уроженца Иланя Линь Дабэя⁸. Для объединения противников режима он использовал авторитет известного патриота Лю Юнфу, являвшегося символом борьбы Тайваня против колонизации и на короткое время в мае 1895 г. ставшего «президентом Тайваньской Республики». Основным требованием составших было восстановление китайской власти на острове и изгнание японцев. Собранная Ли Дабэем армия соединилась с сочувствующими из Тайбэя и Даньшуйя, однако была разгромлена японскими властями. Повстанцы потеряли убитыми 2400 чел. Это было начало первого этапа японского колониального правления – самого жестокого и кровопролитного.

Оказавшись отрезанным от континентальной части Китая, Тайвань продолжал получать информацию о происходивших там событиях благодаря выходившим в начале XX в. на острове газетам: «Тайвань нити нити симпо», «Тайжи», «Ханьжи»⁹. Из 8 полос «Тайвань нити нити симпо» одна полоса отводилась под рекламу, одна под рассказы, четыре – под новости, включая принятые японской администрацией законы, – все на японском языке; две полосы выходили на китайском языке. Издававшаяся непродолжительное время ежедневная газета «Тайжи» на китайском языке давала возможность работать в прессе тайваньцам. Многие из них, будучи настроены революционно, в завуалированной форме выражали свои освободительные идеи: в стихах, балладах, исторических повествованиях. В их числе были: Чжан Бинлинь, Лянь Хэн, У Юнфу, Хэ Чуньму, Линь Фого, Вэй Циндэ¹⁰.

После организации в 1905 г. в Японии Тунмэнхуэя (Объединенный союз) начался процесс создания аналогичных организаций за пределами Японии. Революционные элементы на Тайване, уже 10 лет находившемся под властью Японии, увидели в деятельности Тунмэнхуэя надежду на освобождение от колониального гнета. Тайбэйское отделение Союза возрождения (Синчжунхуэй) было создано в 1897 г. и стало вторым после Японии. Оно начало работу благодаря деятельности по-

сланного Сунь Ятсеном на Тайвань Чэнь Шаобая. Он возглавил группу тайваньских революционеров, в числе которых были Ян Синьжу, Цзян Вэйшуй, Лянь Хэн, Вэн Цзюньмин, Ду Цунмин и др.¹¹ В 1910 г. на Тайвань прибывает член Тунмэнхуэя Ван Чжаопэй. Он привлекает своих сокурсников в Тайнани – Вэн Цзюньмина и Ду Цунмина к революционной работе, создает Тайваньское отделение Тунмэнхуэя. Тайваньские патриоты принимают участие в Хуанхуаганском (Гуанчжоуском) восстании 27 апреля 1911 г. (Ло Фусин, Сюй Цзаньюань). В том же году в члены Тунмэнхуэй вступили 76 тайваньцев, в их числе Цзян Вэйшуй, Лянь Хэн, Лай Хэ.

Газеты регулярно публиковали новости с континента и сразу же сообщили об Учанском восстании. Весть о революции вызвала определенный интерес на Тайване. Население острова негативно относилось к маньчжурским властям, и это отразилось в терминологии, которая использовалась для передачи сообщения: «В Китае произошла революция, Сюаньтун свергнут, Сунь Ятсен стал президентом». Для письменного написания имени китайского императора Сюаньтуна использовался омофон, имеющий значение «ночной горшок». Информация о том, что в Китае провозглашена Китайская Республика, вводится демократическая форма правления, императорский желтый флаг с драконом меняется на пятицветный флаг, быстро распространилась по острову. На Тайване имели широкое хождение плакаты с портретами Сунь Ятсена, Хуан Сина, Сун Цзяожэня и других руководителей Учанского восстания, а также картинки о боевых действиях периода революции, книжки о глориях революции¹².

По воспоминаниям современника, первого тайваньского доктора медицинских наук Ду Цунмина, студенты Тайбэйского медицинского колледжа, где работало отделение Тунмэнхуэя, «каждое утро, проснувшись, читали газеты, чтобы узнать, как развивались революционные события в Китае»¹³.

Простой народ отнесся к информации как сторонний наблюдатель, проявляя больше естественное любопытство, чем сопричастность. Людей в основном занимали проблемы взаимоотношений с местной японской властью, которая укрепляла свою власть на острове суровыми методами.

После Синьхайской революции многие тайваньцы (все население с 8 мая 1897 г. считалось японскими гражданами) в знак протеста против насильственной японизации стали возвращать себе китайское гражданство, изменять имена, чтобы уехать на континент для участия в политической деятельности (автор «Истории Тайваня» Лянь Ятан, дед Лянь Чжаня Лянь Хэн, У Цзыюй, Линь Цзыцинъ). Состоятельные люди оказывали материальную помощь революционному движению и экономическому строительству на континенте (У Цзыюй, Линь Цзыцинъ).

На самом Тайване в начале XX в. поднялась волна народного протеста. Всего в 1907–1915 гг. произошло 10 антияпонских восстаний.

Первым после Синьхайской революции восстанием руководил Лю Цянь¹⁴. Его сторонники в марте 1912 г. захватили японский полицейский участок в Линьпипу, в районе Наньтоу (центральная часть острова), перебили всех японцев и скрылись в горах, однако вскоре были обнаружены властями. На основании принятого в 1896 г. закона «О наказании бандитов»¹⁵ руководитель восставших Лю Цянь был казнен. Под влиянием патриотических настроений, вызванных Синьхайской революцией, Хуан Чао через 6 месяцев после Лю Цяня попытался организовать новое выступление в районе Цзяи, в центре острова, но потерпел неудачу. Власти арестовали более чем 200 человек¹⁶.

В августе 1912 г. на Тайвань вернулся принимавший участие в Гуанчжоуском восстании член Тунмэнхуэя Ло Фусин. Он с 11 единомышленниками создал революционную организацию «Китайская ассоциация», деятельность которой была направле-

на на антияпонскую борьбу под лозунгом «Не бояться смерти, возродить Тайвань»¹⁷. Организация Ло Фусина была очень засекречена и функционировала по военной схеме. Ее отделения, числившиеся как религиозные, профессиональные или благотворительные общества, существовали по всему острову (в Мяоли, Тайбэе, Таоюане, Чжанхуа, Тайнани, Цзилуне) и насчитывали почти 60 тыс. человек, однако реально в нескольких вооруженных восстаниях 1912–13 гг., получивших название «Событий в Мяоли», приняли участие 1,5 тыс. человек¹⁸.

Большое выступление в первую годовщину Синьхайской революции, в октябре 1912 г., планировал Чэнь Ажун, собравший патриотов в районе родного Наньтоу. Однако японские власти схватили его во время подготовительного митинга и позже казнили.

В марте 1913 г. в Мяоли состоялся съезд сторонников Ло Фусина, принявший «Манифест великой революции». Цель документа состояла в поднятии патриотических настроений и боевого духа тайваньского народа в борьбе против японских властей, установивших жестокий полицейский надзор, систему «баоцзя», высокие налоги. 26 сентября 1913 г. в Тайбэе на собрании революционного актива был утвержден план всетайваньского восстания. Однако японские власти, не обнаружив Ло Фусина дома, в Мяоли, задержали его родственников и от них получили сведения о месте его пребывания. Ло Фусин был арестован, как и многие его соратники: 578 человек было приговорено к смертной казни, 285 – к длительным срокам тюремного заключения¹⁹.

Вдохновленные освободительными идеями Ло Фусина, в Тайчжуне и Тайнани в 1913 г. поднимали народ на борьбу с японцами Чжан Холу, Ли Аци, Лай Лай²⁰.

На 1913–1914 гг. приходится пик антияпонских выступлений на Тайване. Добровольческие народные отряды поджигали и уничтожали полицейские участки, японские органы власти на местах, убивали японцев, наносили урон их бизнесу. Ответ-

том колониальных властей были аресты, казни, репрессии. В 1914 г. суд в Мяоли, выносивший приговоры по всем делам, связанным с событиями в Мяоли, приговорил 221 человека к смертной казни.

В мае 1914 г. была предпринята попытка оказать сопротивление японцам в Дапу, в районе Тайнаня. Ло Атоу, Пэн Ханьвэнь и Чэнь Тяньшэн организовали отряд из 400-500 человек, который прошел рейдом по нескольким районам. Восставшие заняли крупное полицейское управление и гражданскую администрацию в Люцзя, захватили оружие и разбили небольшой японский охранный отряд. Вызванные из Тайнаня регулярные войска разбили восставших. В феврале 1915 г. местный суд Тайнаня приговорил руководителей к сметной казни.

В этих условиях революционная борьба не могла не уходить все глубже в подполье. Революционеры часто использовали религиозные мотивы, в том числе популярные на острове народные религии, чтобы замаскировать подготовку к анти-японским выступлениям. В 1914 г. уроженец Цзяи Ло Сютоу под прикрытием буддистских практик собрал в горах многочисленных противников японского владычества. Сначала деятельность Ло Сютоу, связанного с тайваньцами, которые работали в японской администрации, не вызывала подозрений у властей. Авторитета Ло Ситоу прибавило его самопровозглашение императором Тайваня. Он сумел организовать несколько нападений на полицейские участки и администрацию в июле 1914 г. Японские власти вынуждены были для подавления восстания привлечь вооруженные силы двух районов – Цзяи и Тайнаня – и жестоко расправились с непокорными. Руководители восстания покончили жизнь самоубийством.

Самым крупным по количеству участников и территории охвата было Силайанское восстание под руководством Юй Цинфана, ставшее последним аккордом вооруженных выступлений тайваньского народа после Синьхая. Определенную роль в активизации антияпонских настроений на острове в это вре-

мя сыграло подписание «21 требования» в январе 1915 г. Восстание началось в мае 1915 г. в районе Тайнаня. Силайань – самый известный и самый посещаемый храм местного божества²¹. Юй Цинфан получил право работать в нем. Используя религиозные мотивы, он начал вести патриотическую работу среди местного населения, не вызывая подозрений властей. В храме собирались руководители восстания для составления плана вооруженных операций. Основу сил восставших составляла армия во главе с Юй Цинфаном в качестве командующего. Все действия восставших должны были проходить по трем поясам: Тайбэй, Тайчжун, Тайнань. К июню 1915 г. более чем 5300 человек были готовы принять непосредственное участие в антияпонском восстании. Юй Цинфан убеждал своих сторонников, что он получил волю неба стать «императором Тайваня, положить конец 20-летнему господству японцев на острове» и создать «Великое минское государство милосердия». Он рассчитывал на помощь с континента²². Несмотря на конспирацию, о деятельности Юй Цинфана узнали японские власти. Стянув большие военные силы, японцы атаковали армию повстанцев в районе Тайбэя и нанесли ей большой урон. Однако около 2 тыс. человек сумели скрыться в горах и начали строительство оборонительных сооружений, готовясь к продолжению борьбы. В то же время на юг был отправлен посыльный, который передал приказ послать Су Дунхая и Чжу Жифо в Сямэнь, пров. Фуцзянь, за военной помощью. Однако оба были схвачены в Цзилуне, под пытками выдали необходимую японцам информацию. Началось подавление армии Юй Цинфана в районе Тайбэя. Находившиеся в районе Тайнаня повстанцы решили идти на помощь северянам, но получив сообщение о крупномасштабной операции японских сил, начали действовать на юге – захватывать полицейские отделения, органы японской администрации, населенные пункты, убивать японцев, захватывать арсеналы. В Тайнани были убиты все японские служащие сахарного завода. К августу еще 3 тыс. человек

присоединились к восставшим. События в районе Тайнаня стали реальной угрозой японскому господству и вызвали озабоченность губернатора, который отдал приказ о привлечении не только полицейских, но и охранных войск, а также об использовании артиллерии для подавления беспорядков. По всем районам, где проходила повстанческая армия, были устроены рейды по уничтожению т.н. «разбойников», закрылись многие учебные заведения, репрессии распространились на учащихся и студентов. Во время восстания Юй Цинфана Тайвань понес самые большие человеческие жертвы: было убито 15 тыс. человек, пострадали десятки тысяч. После подавления восстания смертные приговоры были вынесены более чем 800 человекам, в том числе 96 руководителям восстания²³. Однако под давлением японского общественного мнения смертная казнь трем четвертям приговоренных была заменена на пожизненное заключение.

Попытка Ян Линя поднять в сентябре 1915 г. восстание в Тайбэе также не увенчалась успехом. Его призыв не вносить арендную плату, не платить налоги, не служить в армии, не сотрудничать с колониальными властями нашел отклик у многих простых людей, выразивших готовность поддержать выступления. Однако японская администрация узнала о подготовке восстания еще до его начала, произвела аресты и пресекла деятельность Ян Линя.

Синьхайская революция всколыхнула тайваньское общество и пробудила надежду на успех антияпонской борьбы. Наибольшее число восстаний пришлось на 1913–1914 гг. Выступления не были достаточно хорошо организационно подготовлены, не были связаны одно с другим, не имели сильного руководящего центра, участники были плохо обучены и вооружены. Последнее восстание под руководством Юй Цинфана привлекло рекордное количество участников, охватило большую территорию, нанесло огромный урон властям, но не сумело противостоять военной машине Японии. Если в конце XIX

в. японские власти на Тайване поддерживали участие тайваньцев в революционных событиях – антицинских выступлениях, то позже политика Японии меняется. После революции и особенно после признания Японией в октябре 1913 г. Китайской Республики колониальная администрация переходит к суровому подавлению внутренних восстаний как угрозы политической стабильности на острове. Жестокость и репрессии японской администрации надолго прекратили вооруженное сопротивление тайваньского народа.

О трансформации позиции японских властей по отношению к деятельности прогрессивных и революционных сил на острове свидетельствует изменение их отношения к Сунь Ятсену, который в 1900–1918 гг. трижды посетил Тайвань.

Впервые Сунь Ятсен под именем У Чжун (吳仲)²⁴ приехал на Тайвань 25 (по некоторым сведениям 28-го) сентября 1900 г. и пробыл на острове 44 дня. Из порта Цзилун Сунь Ятсен отправился в столицу, где 8 октября 1900 г. на улице Синцитин (теперь ул. Чанша) под его руководством начал работать революционный штаб, занимавшийся подготовкой Хуэйчжоуского восстания в Гуандуне. (Восстание было разработано ранее на о. Пинанг в Малайе). Японский губернатор Кодама Кэнтаро и глава гражданской администрации Гото Симпэй встретились с Сунь Ятсеном.²⁵ В первые годы японская администрация Тайваня, в том числе и сам губернатор, поддерживали китайских революционных лидеров в их антиправительственных выступлениях в Китае, однако в начале XX в. премьер-министр Ито Хиробуми запретил находившимся на государственной службе чиновникам поддерживать революционную деятельность в Китае. Это относилось и к японским чиновникам на Тайване, что отрицательно повлияло на подготовку Хуэйчжоуского восстания, так как один из потоков поставки оружия и боеприпасов в Хуэйчжоу шел с Тайваня (через Сямэнь в провинции Фуцзянь). Восстание потерпело поражение, однако семена революцион-

ных идей были посеяны на Тайване, и после 1900 г. молодые тайваньские революционные деятели приняли участие еще в ряде восстаний, произошедших до Синьхайской революции. Сунь Ятсен покинул Тайвань 10 ноября 1900 г. Японская администрация внешне соблюдала вежливость и учтивость, тем не менее, тайно вела наблюдения за всеми перемещениями Сунь Ятсена, включая его отъезд из порта Цзилун в Японию.

После провозглашения Китайской Республики 1 января 1912 г. Сунь Ятсен провел пресс-конференцию для китайских и иностранных журналистов, на которой заявил, что «если Китай не сумеет вернуть Тайвань, ему не существовать»²⁶. Сунь Ятсен в это же время встретился с принимавшим участие в Хуанхуаганском восстании 1911 г. тайваньцем Ло Фусином и рекомендовал ему вернуться на Тайвань, чтобы вести революционную работу.

Во второй раз Сунь Ятсен посетил Тайвань в 1913 г., после поражения «второй революции» в Китае. Он планировал направиться в Гуандун через Сянган для руководства антиюаньшикаевским движением. Однако прибыв в Фучжоу, он понял, что его появление в Сянгане или Гуандуне опасно, потому сел на корабль и отправился вместе с Ху Ханьмином и Мурата Сёдзо на Тайвань, куда прибыл 5 августа. Сунь Ятсена встречал представитель губернатора Тайваня и разместил его в гостинице Мэйушу, в северной части Тайбэя. (В настоящее время это мемориальный музей). О приезде Сунь Ятсена знали только его ближайшие соратники – Ян Синьжу, Вэн Цзюньмин, Чжоу Чинью, Ду Цунмин. Сунь Ятсен не занимался никакой конкретной революционной деятельностью, не проводил никаких митингов или встреч. Он написал два каллиграфических свитка для японских владельцев гостиницы со словами «гуманность» и «человеколюбие». Члены тайваньского Тунмэнхуэя в то время предложили Сунь Ятсену план устранения Юань Шикая, который Сунь Ятсен отверг. Тем не менее, Вэн

Цзюньмин и Ду Цунмин не отказались от идеи отравить Юань Шикая²⁷. С Тайваня Сунь Ятсен уехал в Кобо.

Третий самый короткий визит Сунь Ятсена на Тайвань состоялся 4 июля 1918 г. Сунь Ятсен прибыл в порт Цзилун в сопровождении Ху Ханьмина и Дай Цзитао. Этот был период поражения движения за восстановление конституции, и Сунь Ятсен направлялся из Гуанчжоу в Японию. Он намеревался обменяться мнениями о дальнейших действиях с тайваньскими сторонниками и продолжить распространение своих принципов на острове. Однако на этот раз он встретил открытое противодействие японского губернатора. Хотя официальный чиновник встретил его в порту, разрешения сойти на берег получено не было. Сунь Ятсен вместе со спутниками продолжил путь в Японию²⁸.

Сунь Ятсен всегда оказывался на Тайване в трудные для него моменты, когда пребывание на континенте было сопряжено с опасностью и нужно было скрыться от возможных репрессий. Он останавливался на Тайване по пути в Японию или из Японии, чтобы встретиться с тайваньскими революционерами, обсудить возможные совместные действия, поднять патриотические настроения соотечественников. Сунь Ятсен – первый деятель, который начал предпринимать реальные шаги, по осуществлению революционной деятельности на Тайване, направленной на его возрождение.

Через 100 лет, в начале XXI в., Синьхайская революция продолжает привлекать пристальное внимание историков и обществоведов по обе стороны Тайваньского пролива. Для исследования итогов и значения революции используются новые материалы из архивов в Нанкине, на Тайване, в Японии, личные документы, воспоминания участников событий того времени и их родственников, проводятся научные конференции. Улучшение отношений через пролив позволило установить тесные академические связи между учеными Тайваня и материкового Китая, которые способствуют углублению всесто-

роннего и объективного изучения истории Синьхайской революции и ее исторического значения.

- ¹ Дипломатический словарь. М., 1986. С. 38.
- ² *Kiyoshi Ito, Shuiluo Chen*. Taiwan's 400Years of History. Taipei, 2004. С. 53.
- ³ *Линь Цюань*. Синьхай гэмин юй тайвань тунбао цзуго жэньтун иши дэ лиш цзии (Синьхайская революция и исторические свидетельства осознания тайваньскими соотечественниками своей национальной принадлежности). / Тайвань яньцзю. Сямэнь, 2011. № 4. С. 54.
- ⁴ Обладатель ученой степени – второй степени, присуждаемой на провинциальном уровне (Прим. – *А.В.*).
- ⁵ *Тихвинский С.Л.* Избранные произведения. В 5-ти кн. Кн 1. История Китая до XX века. М., 2006. С. 141.
- ⁶ *Цзэн Найшо*. Гофу юй тайвань дэ гэмин юньдун (Отец нации и революционное движение на Тайване). Тайбэй, 1978. С. 55.
- ⁷ Чэнь Шаобай и Ян Синьжу – ближайшие друзья Сунь Ятсена по медицинскому колледжу в Сянгане.
- ⁸ *Ли Чжифу*. Тайвань жэньминь гэмин доучжэн цзяньши. (Краткая история революционной борьбы тайваньского народа). Гуанчжоу, 1955. С. 99-103.
- ⁹ *Линь Чжихун*. Синьхай гэмин бай нянь хуэйгу. Гоцзи сюэшуяньтаохуэй хуэйи цзияо. (К 100-летию Синьхайской революции. Воспоминания. Международная научная конференция. Обзор). /Гоши яньцзю тунсюнь. Тайбэй, 2012 . № 1. С. 20.
- ¹⁰ *Вакабаяси Масахиро, У Мича*. Куацзе дэ тайвань ши яньцзю. (История Тайваня без границ). Тайбэй, 2004. С. 65.
- ¹¹ *Li Laura*. Photos Aimablement Fournies par les Archives du Kuomintang. Taiwan Todaye.02.01.2011.
- ¹² *Линь Цюань*. Синьхай гэмин юй тайвань тунбао... С 54.
- ¹³ //storymania-taiwan.blogspot.tw/2009/04/1912. Просмотрено 07.11.2012.
- ¹⁴ *Ли Чжифу*. Тайвань жэньминь... С. 121.
- ¹⁵ Там же. С. 87.
- ¹⁶ Там же. С. 122.
- ¹⁷ *Тань Ихуэй*. Ло фусин канжии гэмин шицзянь яньцзю (Антияпонские революционные выступления Ло Фусина). Тайбэй, 1981. С. 12.
- ¹⁸ Там же. С. 14-16.
- ¹⁹ *Ли Чжифу*. Тайвань жэньминь... С. 125.
- ²⁰ Там же. С. 126-128.
- ²¹ *Ян Синь*. Тайвань дэ чжуцюань. Гоцюй, сяньцзай, вэйлай. (Суверенитет Тайваня. Прошлое, настоящее, будущее). Тайбэй, 2000. С. 152.
- ²² //www.soku.com.tw/%E8%A5%BF%E4%BE%86%E5%BA%B5%E4%BA%8B%E4%BB%B6/ Просмотрено 12/02/2013.
- ²³ *Ли Чжифу*. Тайвань жэньминь... С. 129-135.
- ²⁴ *Хайся лянъань дэ чжуншань* (Деятельность Сунь Ятсена по обе стороны Тайваньского пролива) //www.pdfactor Просмотрено 19.02.2012y.com . С. 6. Просмотрено 19.02.2012.

²⁵ Там же. С. 8.

²⁶ Чжан Чуньин. Синьхай гэмин (Синьхайская революция) // Тайвань яньцзю. 2011. № 4. С. 59.

²⁷ С бактерией холеры они прибыли в Пекин с намерением отравить водопровод, однако не смогли сразу проникнуть на охраняемые территории, и бактерии погибли (Прим. – А.В.)

²⁸ Хайся лянъань дэ чжуншань... С. 7.

Сотникова И.Н.
ИДВ РАН

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г.Н. ВОЙТИНСКОГО

Григорий Наумович Зархин, более известный по своему псевдониму Войтинский, родился 5 апреля 1893 года в г. Невель Витебской губернии в семье приказчика лесного двора. Семья была небогата, Григорию удалось окончить в 1907 г. четыре класса городского училища, а затем он 6 лет работал сначала наборщиком типографии в Витебске и счетоводом в Псковской губернии. В 1913 г. вместе с родителями он эмигрировал в Америку, где работал и учился в США и Канаде. Там Войтинский увлекся социалистическими идеями и в 1915 г. стал членом Американской социалистической партии. Когда в России произошла Февральская революция, он вернулся на родину, на Дальний Восток. По возвращении Войтинский в 1918 г. стал большевиком и активно занялся подпольной работой в Сибири – в Омске, в Красноярском совете рабочих депутатов и во Владивостоке. В 1919 г. за участие в восстании против колчаковцев во Владивостоке он был арестован и приговорен к пожизненной ссылке на о. Сахалин. Так в ноябре 1919 г. Войтинский с партией политических заключенных оказался на острове.

Здесь проявился организаторский талант и опыт подпольной работы Войтинского. Он сумел поднять восстание каторжан, стал членом ревкома Александровска, а позже вернулся на работу во Владивосток.

После создания Коминтерна – штаба мировой революции – во все части света начали разъезжаться эмиссары для того, чтобы поддерживать уже существовавших коммунистов или возвращать новых. В Китай, отрезанный от Москвы «белой» Сибирью, добраться было нелегко, представительства Коминтерна на Дальнем Востоке еще не было. В апреле 1920 г. Иностранным отделом Дальбюро ЦК РКП(б) в Китай была направлена группа дальневосточных большевиков во главе с Григорием Войтинским. Они ехали на нелегальную работу под видом работников Центросоюза. С Войтинским поехала его жена – Мария Федоровна Кузнецова, тоже большевичка, проводившая долгое время в царских тюрьмах.

Существует мнение, что Войтинский был разведчиком. Но это не совсем так. Дальбюро РКП(б) ставило перед ним задачу собирания воедино прокоммунистических сил Китая. Войтинский был скорее нелегальным «агентом влияния» Российской компартии. Понятно, что сведения, получаемые от Войтинского и тогда, и потом использовались соответствующими службами. Эти ведомства старались использовать все возможные способы получения информации. Сама же зарубежная агентурная разведка как единая служба была создана на Дальнем Востоке лишь в декабре 1920 г. К этому времени Войтинский давно уже работал в Китае.

В то время с Войтинским познакомился дипломат, ученый и литератор Марк Казанин. В своих воспоминаниях он дал ему такую характеристику: «В его бесстрашии и деловитости было что-то от великих практиков революции, в любую минуту готовых пожертвовать собой. Он был конспиратором-подпольщиком самого высокого класса, что как раз соответствовало потребностям революционного движения в Китае на том этапе».

Войтинскому и его группе через русских эмигрантов удалось установить связи с лидерами революционного движения Чэнь Дусю и Ли Дачжао. В мае 1920 г. Чэнь Дусю и Войтин-

ский организовали в Шанхае «временный коллективный центр для руководства работой» – Революционное бюро из 5 человек. Кроме Войтинского туда вошли еще четыре китайских революционера, в числе которых Ли Дачжао. Бюро развернуло работу по формированию коммунистических кружков, и к июню 1920 г. у них уже была налажена связь со всеми лидерами революционного движения в Китае, началось объединение разных революционных групп в одну – центральную. Немаловажную роль в подготовке идейно-теоретических, политических и организационных предпосылок образования КПК сыграла издательская секция Ревбюро. На деньги, привезенные Войтинским, в Шанхае была приобретена типография, и с ноября 1920 г. начала нелегально издаваться марксистская литература. Другая секция Ревбюро – Информационно-агитационная – организовала в Шанхае Русско-китайское информационное бюро печати с отделением в Пекине. Информация поставлялась в 31 китайскую газету, и имело место непосредственное влияние на ряд газет и журналов: «Шанхайская жизнь», «Чжоубао», «Гуй жибао» и др. Такие же бюро печати были организованы в Харбине и Владивостоке.

В планах Войтинского было создание подобных ревбюро во всех индустриальных городах Китая и их объединение на конференции представителей. В октябре 1920 г. при участии Войтинского и членов его группы произошло оформление пекинской коммунистической группы во главе с профессором Ли Дачжао, затем в Тяньцзине, Ханькоу, Нанкине и других местах.

При участии Войтинского состоялся ряд заседаний студенчества в Шанхае, Пекине и Тяньцзине, где обсуждался вопрос об объединении всех группировок радикального направления в общий Союз социалистической молодежи. По инициативе Чэнь Дусю и в результате усилий группы Войтинского в Шанхае 22 августа 1920 г. был создан Шанхайский союз социалистической молодежи, а вслед за Шанхаем социалистические союзы молодежи возникли в Пекине, Учане, Тяньцзине.

Кроме того, группа Войтинского проводила отбор и подготовку молодежи для учебы в Советской России. Для этого в сентябре 1920 г. для молодежи, желавшей поехать учиться в Москву в КУТВ, была организована школа иностранных языков, где в основном изучали русский. Первым 34-м, окончившим учебу в 1921 г. китайцем, Войтинский предоставил деньги для поездки в Россию.

Летом 1921 г. в Шанхае прошел Учредительный съезд КПК. Войтинский, фактически во многом подготовивший этот съезд, не принимал в нем участия. Он был отозван в Москву для отчета.

Надо отметить, что еще до образования Компартии Китая Войтинский неоднократно встречался не только с прокоммунистически настроенными китайскими революционерами, но и с основателем партии Гоминьдан Сунь Ятсеном. Первая встреча произошла в октябре 1920 г. Целью этих встреч было установление межгосударственных связей Советской России с Кантонским правительством. Позже Войтинский написал об этом статью «Мои встречи с Сунь Ятсеном».

Весь 1921 г. Войтинский находился в Москве, работая в Коминтерне. В январе 1922 г. предполагалось командировать его во Владивосток. Однако через месяц в Коминтерне было решено сосредоточить руководство всей дальневосточной работой в новом подразделении – Дальневосточном отделе ИККИ в Москве. Возглавил отдел Войтинский.

Это было время, когда руководство Коминтерна решало вопрос о взаимоотношениях коммунистов с Гоминьданом. Как руководитель Дальневосточного отдела Войтинский, как и другие руководители Восточного отдела – Г.Сафаров и К. Радек, не поддержал решение ИККИ о «всемерной поддержке партии Гоминьдан». Они выступали за самостоятельное и независимое от Гоминьдана развитие рабочего и профессионального движения, особенно в Северном и Центральном Китае, указывали на серьезные недостатки в деятельности Сунь Ятсе-

на и Гомиьндана: приоритет военных методов и недооценку массовой и агитационно-пропагандистской работы и т.д. На IV конгрессе Коминтерна им удалось временно одержать верх, была принята резолюция о задачах КПК в редакции Радека. Сунь Ятсен в ней рассматривался как один из китайских милитаристов. Но добиться пересмотра постановления Политбюро ЦК РКП(б) об оказании помощи Сунь Ятсену им не удалось. Противники сотрудничества с Сунь Ятсеном и Гомиьнданом подверглись публичной критике.

Компартию Китая Войтинский считал молодой организацией, фактически лишь вступающей на арену политической жизни страны, поэтому особенно нуждающейся в руководстве и контроле Коминтерна. Поэтому он предлагал приблизить руководящий центр к Китаю. В декабре 1922 г. было принято решение о создании бюро Дальневосточного отдела ИККИ во Владивостоке. Бюро должно было стать представительным органом, объединяющим в своем руководстве представителей КИМ и Профинтерна и др. организаций. В состав бюро предполагалось включить Войтинского. Но во Владивосток Войтинский не успел выехать. В январе 1923 г. Оргбюро ИККИ решило заменить ДВО Дальневосточным секретариатом с более широкими полномочиями. Одним из руководителей вновь созданного секретариата был назначен Войтинский. А Владивостокское бюро оказалось нежизнеспособным и в июне 1923 г. было распущено.

Известно, что в 1923–1924 гг. при смене руководителей Восточного отдела ИККИ (Радек, Ф.Петров [Раскольников]) Президиум ИККИ неизменно оставлял Войтинского заведующим Дальневосточным отделом/секретариатом вплоть до 1927 г. А в феврале 1924 г. он был избран в специальную комиссию, стоявшую в иерархической структуре выше Восточного отдела ИККИ, предназначенную для подготовки решений по Китаю. Коллеги по работе вспоминали, что в период работы Войтинского в Коминтерне в его номере гостиницы «Люкс» часто со-

бирались товарищи для свободного обсуждения китайских проблем.

Одновременно с работой в качестве руководителя ДВСК Войтинский являлся непостоянным представителем ИККИ в Китае. Исполком Коминтерна неоднократно направлял его в Китай для т.н. «выправления» линии КПК. Так весной 1924 г. он выезжал в Китай для подготовки и проведения майского Расширенного пленума ЦИК КПК, который должен был разъяснить руководителям КПК, что работа внутри Гоминьдана не цель, а средство укрепления компартии и подготовки ее к дальнейшей борьбе за власть в стране вне Гоминьдана и против него. Аналогичным образом в ноябре того же года Исполком Коминтерна поручил Войтинскому уладить конфликт ЦИК КПК с представителем ИККИ в Китае М.М. Бородиным. Корень разногласий заключался в том, что Бородин олицетворял «гоминьдановскую» линию Москвы, а внутрипартийный союз с Гоминьданом был с самого начала органически неприемлем для КПК. Войтинскому удалось формально уладить «недоразумения» между ними. Однако натянутость отношений между Бородиным и ЦИК КПК сохранялась и после миротворческой миссии Войтинского.

В январе 1925 г. Войтинский был направлен в Китай для участия в IV съезде КПК, чтобы прекратить «левачество» КПК. В решениях съезда, на котором одним из ключевых вопросов были взаимоотношения с Гоминьданом и его отдельными фракциями, позиция «левых» была подвергнута резкой критике. Этим вопросам Войтинский посвятил серию статей, опубликованных в коминтерновской прессе в марте-апреле 1925 г.

Войтинский оказал влияние на позицию советского руководства по китайскому вопросу. В беседе со Сталиным 10 апреля 1925 г. Войтинский развеял тогдашнее представление советского лидера о том, что «коммунисты растворились в Гоминьдане». 18 мая 1925 г. Сталин изложил уже совершенно иную точку зрения в своей речи перед студентами КУТВ, по-

ставив задачу превращения «двухсоставной» партии Гоминьдан в «рабоче-крестьянскую».

После событий 30 мая Войтинский вновь был командирован в Китай. Директива, данная ему Политбюро ЦК РКП(б) для КПК, предлагала «двигать вперед обязательно, не боясь обострения». Войтинский пытался реализовать эту директиву на практике, находясь в Китае до конца 1925 г. Вопрос о взаимоотношениях Гоминьдана и КПК стал камнем преткновения в противостоянии Войтинского и Бородина, которые по-разному оценивали правое крыло Гоминьдана. Войтинский, в отличие от Бородина, был против раскола Гоминьдана, считал возможным исключение из партии наиболее злостных «отдельных» правых гоминьдановцев. Установку же Бородина на форсирование раскола Гоминьдана Войтинский расценивал как «недооценку сил врага», предлагая в отношениях с Гоминьданом «перейти от союза к блоку», т.е. от внутривнутрипартийного к межпартийному сотрудничеству. Эти предположения встретили резкое возражение в аппарате ИККИ, особенно со стороны члена Секретариата Ближнего и Дальнего Востока Васильева.

После того, как забастовочное движение в Китае пошло на спад, Войтинский, Бородин и Л.Карахан обсуждали вопрос о взаимоотношениях национальных армий с Гоминьданом и с Советским Союзом. Карахан и Войтинский выработали план спуска забастовки «на тормозах». Под руководством Войтинского Расширенный пленум ЦИК КПК, проходивший в сентябре-октябре 1925 г., принял решение о создании Военного отдела ЦИК КПК. Затем были созданы военные комиссии КПК в Кантоне, Пекине и Хэнани. О значении, которое придавалось в Москве событиям в Китае и мнению о них Войтинского, говорит тот факт, что по возвращении в Москву его дважды, 15 и 20 февраля 1926 г., приглашал к себе для беседы Сталин.

В связи с антикоммунистическим выступлением Чан Кайши в марте 1926 г. Коминтерн в срочном порядке организовал в апреле 1926 г. в Шанхае Дальбюро ИККИ. Вероятно, детали

и персональный состав бюро, председателем которого был назначен Войтинский, обсуждались им на встрече со Сталиным 20 апреля 1926 г. Как председатель Дальбюро и представитель ИККИ Войтинский участвовал в работе ЦК КПК, в частности, в проходившем в июле 1926 г. пленуме ЦК КПК. Уже летом-осенью 1926 г. у Дальбюро возникли трения с Бородиным, а в октябре Дальбюро предложило отозвать его из Китая. Руководство ВКП(б) и Коминтерна не только отвергло это предложение, но и, фактически, признало неудовлетворительной деятельность самого Дальбюро. Таким образом, с начала 1927 г. деятельность Дальбюро в Китае была приостановлена, а члены бюро, за исключением Войтинского, выехали в Москву.

На смену Войтинскому в Китай был направлен новый представитель ИККИ – М.Н. Рой. Чтобы формально сохранить статус Войтинского как представителя Коминтерна, его ввели в состав делегации ИККИ на V съезд КПК, проходившем в апреле-мае 1927 г. в Ухане. Вскоре после V съезда КПК Войтинский был отозван из Китая. Возможно, причины этого крылись в негативном развитии событий в Китае, ответственность за которые, как считалось, нес Войтинский. Свою роль сыграли и доносы недоброжелателей.

Представитель Отдела международных связей ИККИ в Китае А.Е. Альбрехт в письмах И.А. Пятницкому в феврале 1927 г. обвинял Войтинского в дискредитации представителей ИККИ, в комбинаторстве, в сглаживании углов и примиренчестве. Альбрехт ставил в вину Войтинскому неясность резолюций и дезорганизацию работы ЦК КПК: «Вместо того чтобы дать партии ясную директиву, он их запутывает самым пошлым образом... мечется, как белка в колесе, интригует и фанфаронствует». Представляется, что нельзя перекладывать вину за происшедшие события в Китае на плечи Войтинского. Директивы для его деятельности формировались в руководстве ВКП(б) и Коминтерна.

В 1927–1928 гг. Войтинский находился в Иркутске на хозяйственной работе. Около двух лет он работал заместителем председателя плодоовощного центра Всероссийской сельскохозяйственной кооперации, а затем перешел на преподавательскую работу. Это отстранение от всякой политической работы, возможно, спасло Войтинского в период массовых репрессий. Он – один из немногих коминтерновцев, участников коммунистического движения в Китае, кому удалось выжить.

В 1929 г. Григорий Наумович переехал в Москву и стал заниматься научно-исследовательской и преподавательской деятельностью. С 1929 г. он работал научным сотрудником Института мирового хозяйства и мировой политики и Института истории АН СССР, а позже – директором Тихоокеанского института. В 1932 г. Войтинский был избран секретарем Тихоокеанского секретариата Профинтерна. В 1929–1953 гг. он преподавал в Коммунистическом университете трудящихся Востока, Институте красной профессуры, Московском институте востоковедения (МИВ), МГУ. За эти годы им опубликовано свыше 80 работ по экономике, политике и международному положению Китая. В декабре 1935 г. Войтинскому была присвоена степень доктора экономических наук (без защиты), профессора.

Войтинский стоял у истоков советского китаеведения. Его учениками были известные ныне китаеведы, сохранившие о нем теплые воспоминания. Войтинский был научным руководителем кандидатской диссертации академика С.Л. Тихвинского, первым учителем и научным руководителем диплома известного китаеведа Ю.М. Гарушянца. Заслуженный деятель науки, д.и.н. В.И. Глунин написал биографический очерк статью о своем учителе в Большую советскую энциклопедию. Э.М. Мурзаев вспоминал с симпатией этого «невысокого, худощавого седого человека, с которым было очень приятно работать в институте или беседовать», который хорошо знал Китай, умел рассказывать о нем конкретно и предметно и отличался

большой дружественностью и мягкостью в общении со своими сотрудниками, что не могло не сказаться на атмосфере, царящей на кафедре в Институте востоковедения.

Хотелось бы добавить несколько штрихов к портрету Войтинского, которые позволяют судить о человеческих качествах этого человека. Семья Войтинского и Кузнецовой взяла на воспитание монгольскую девочку – Очирын Намсрайжав, дочь одного из сотрудников Коминтерна, ставшую впоследствии известной деятельницей международного женского движения. В первый же день Великой отечественной войны, 22 июня 1941 г., Войтинский записался добровольцем на фронт. В это время ему было около 50 лет. Правда, сражаться с гитлеровцами ему не пришлось, до фронта он не доехал — был вскоре отозван.

Жизнь Григория Наумовича Войтинского оборвалась 11 июня 1953 г. во время операции. Похоронен он в Лефортово, на немецком кладбище в Москве.

Завершая краткую биографию этого яркого, талантливого человека, можно сказать, что его деятельность и исключительные личные качества сыграли значительную роль не только в создании и укреплении Китайской компартии, не только в истории советского/российского китаеведения, но и в определенной мере определили на долгие годы характер взаимоотношений России и Китая.

Литература:

1. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. 1920-1925 гг. М.: Буклет, 1994.
2. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. II. 1926-1927 гг. Ч. 2. М.: Буклет. 1996.
3. *Панцов А.* Мао Цзэдун. М.: Молодая гвардия, 2012.
4. *Казанин М.И.* Избранное //Под общ. ред. акад. В.С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2009.
5. *Глунин В.И.* Григорий Войтинский // Видные советские коммунисты – участники китайской революции. М., 1970.
6. *Ефимова Л.М.* Мой Учитель и Наставник Сергей Леонидович Тихвинский // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 6.
7. Последнее интервью Ю.М.Гарушянца с комментариями А.И.Кобзева //Общество и государство в Китае. XLII научная конференция. Ученые записки Отдела Китая Вып. 6. Т. 2. С. 31-40.

8. Мурзаев Э.М. Рассказы об учёных и путешественниках. М.: Мысль, 1979.
9. Очирын Намсрайжав: Мои встречи (Лев Гумилев, Анастасия Цветаева, Юрий Перих) // Вестник Ариаварты. 2005. № 12.

*Каретина Г.С.
ИИАЭ ДВО РАН*

РОЛЬ МУЗЕЯ «РЕЗИДЕНЦИЯ МАРШАЛОВ РОДА ЧЖАН»
В ИЗУЧЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЖАН ЦЗОЛИНЯ
И ЧЖАН СЮЭЛЯНА

В 1998 г. В Шэньяне, провинция Ляонин, был открыт музей «Резиденция маршалов рода Чжан» (Чжан ши шуай фу). Имеются в виду два маршала – Чжан Цзолин и его сын Чжан Сюэлян.

Цель данной публикации – осветить работу музея и организацию в нем научного исследования двух исторических личностей и связанных с ними событий в истории Китая.

Музей – это бывшая усадьба главы Северо-восточной группировки бэйяньских милитаристов Чжан Цзолия, где жила его семья и находилась его ставка. В 1927–1928 гг. Чжан Цзолин в звании Генералиссимуса возглавлял последнее правительство бэйяньских милитаристов в Пекине. После поражения их армии в ходе Северного похода Гоминьдана и смерти Чжан Цзолия в результате организованного офицерами японской квантунской армии взрыва поезда на Пекин-Мукденской железной дороге власть в Северо-Восточном Китае унаследовал старший сын Чжан Цзолия «молодой маршал» Чжан Сюэлян, подчинившийся Чан Кайши, который утвердил его в качестве главкома Северо-восточной армии. Чжан Сюэлян получил известность как патриот антияпонской борьбы, он сыграл активную роль в так называемом Сианьском инциденте, после которого стало возможным образование антияпонского единого фронта КПК и Гоминьдана. В 2005 г. на площади перед музеем был открыт памятник Чжан Сюэляну.

Усадьба занимает площадь 50 000 кв. м, начало ее строительства относится к 1914 г. Планировка традиционно ориен-

тирована с юга на север и включает 4 группы зданий: центральную, восточную, западную и внешнюю. В центральной части находятся три расположенные друг за другом и соединяющиеся проходными двориками наиболее ранние одноэтажные строения в стиле традиционной китайской архитектуры. За ними расположено главное трехэтажное административное здание «Да цинлоу» (большое зеленое здание), построенное из зеленоватого кирпича в 1918–1922 гг. в европейском стиле с элементами классицизма и модерна. Перед ним установлена табличка с назидательной надписью в духе конфуцианства «Небо управляет сердцами людей» (*Тянь ли жэнь синь*). В восточной части находится двухэтажное здание, в котором жили 5 жен Чжан Цзолия (*Сяо цинлоу* – малое зеленое здание). При его постройке также, как для Да цинлоу, использовался зеленоватый кирпич, что отражено в названии, однако стиль его архитектуры в большей части традиционный.

Оформление интерьеров и обстановки в помещениях усадьбы позволяет увидеть условия жизни ее обитателей, почувствовать дух времени двух исторических этапов, представителями которых были отец и сын. Так, в «тигровом зале» Чжан Цзолия с чучелами двух тигров среди кожаных кресел атмосфера как будто пронизана опасностью для гостей, посещавших хозяина. В зале ритуальных церемоний, кажется, витает запах благовоний и жертвоприношений богам и предкам, а в кабинете Чжан Сюэяна на стене среди знамен Гоминьдана как знак нового времени висит портрет «отца нации» Сунь Ятсена.

Отдельный зал рассказывает в фотографиях об истории семьи Чжан Цзолия. В другом зале в 2001 г. в честь столетия Чжан Сюэяна была открыта посвященная этому событию экспозиция, в которую включена видеозапись выступления Чжан Цзолия.

Нельзя не отметить наличие в музее большого количества культурных ценностей, передающих неповторимый колорит китайской цивилизации, – от картин и фарфоровых ваз, укра-

шающих кабинеты и гостиные, до мебели красного дерева и предметов личного пользования Чжан Цзолиня и Чжан Сюэляна. Например, здесь можно увидеть традиционный шелковый халат с драконами, подаренный Чжан Цзолиню императором Сюаньтуном, личные печати Чжан Сюэляна из красного камня долголетия с вырезанными на ручке фигурками героев романа «Путешествие на Запад», чайный столик семьи со столешницей из камня на резной подставке из красного дерева.

В западной части усадьбы расположена большая группа трехэтажных кирпичных «красных зданий». Это бывшие апартаменты Чжан Сюэляна, которые еще не открыты для посетителей.

Во внешней, примыкающей к восточной части усадьбы находится дом супруги Чжан Сюэляна Чжао Иди. Неподалеку расположен частный банк семьи, в настоящее время «Шэньянский музей денег», по сути – отдельный музей, открытый в 2006 г. В его надземных и подземных помещениях представлены все виды бумажных и металлических денег северовосточных провинций периода Китайской Республики. Это самая большая коллекция среди всех музеев денег в Китае. Открыт для посетителей операционный зал банка с искусственными фигурами клиентов банка и его работников, одетыми по моде 1920–1930-х годов.

Музей, по словам заместителя директора Фань Лихун, принимает в год 70 тыс. экскурсантов. Он относится к высшей категории туристических объектов Китая. Кроме того, он является базой для большой научно-исследовательской работы не только для ученых в провинции Ляонин, но и для всех ученых и специалистов по истории Китая, а также международных отношений. В структуре Музея организовано «Общество изучения Чжан Сюэляна и Северо-восточной армии». Оно основано в 1984 г. и первоначально объединяло ученых 8 учреждений, в том числе исторического факультета Ляонинского университета и Института истории Ляонинской академии общественных

наук. В 1992 г. общество получило статус юридического лица, представителем которого является профессор Ляонинского университета Ху Юйхай, он же – действующий председатель общества. В настоящее время общество включает 11 коллективных членов и 248 индивидуальных. Оно находится под патронажем администрации провинции Ляонин.

Главное внимание в научной деятельности Музея уделяется изучению деятельности Чжан Сюэляна и Северо-восточной армии и их роли в антияпонской борьбе китайского народа 1931–1945 гг.

Регулярно проводятся научные конференции и семинары, посвященные важным датам в жизни Чжан Сюэляна и антияпонской войне – событиям 18 сентября 1931 г., когда началась оккупация северо-восточных провинций Японией; сианьским событиям 1936 г. и роли Чжан Сюэляна в создании антияпонского единого фронта. На специальных мероприятиях, организованных музеем, отмечались 90-летие (1990 г.) и столетие (2000 г.) Чжан Сюэляна с приглашением его родственников. А в 2001 г. в связи с кончиной Чжан Сюэляна состоялись траурные мероприятия на его родине в г. Хайчэн пров. Ляонин и в Музее. Всего «Обществом изучения Чжан Сюэляна и Северо-восточной армии» – в 1987–2008 гг. было проведено 25 конференций и семинаров. Материалы большинства из них были опубликованы в различных издательствах не только северо-восточных провинций (Ляонинского университета, Образования провинции Ляонин, Ляонинское народное, Северо-восточное, Хэйлунцзянское народное), но и Сянганского особого административного района (Гонконг) и других в виде сборников материалов и специальных тематических изданий, таких как «Чжан Сюэлян и образование в провинции Ляонин» (1993), «Чжан Сюэлян и строительство железных дорог в северо-восточных провинциях» (1996), «Изучение Чжан Сюэляна и Северо-восточной армии» (1998), «Чжан Сюэлян. Материалы международной конференции» (2000), «Чжан Цзолин и Фэнтяньская группировка» (2006 г.), «14 лет уча-

ствия в антияпонской войне Северо-восточной армии» (2008) и другие. Кроме того, опубликованы «Большой словарь деятелей Северо-Востока» (1987 г.), «История Северо-восточной армии» (1992 г.), «Чжан Сюэлян и новое строительство в Северо-Восточном Китае» (1998 г.), «Архивные материалы о взрыве поезда Чжан Цзолия» (1998 г.), «Материалы о Чжан Сюэляне и истории Северо-восточной армии» (1998 г.) и много других, всего 46 томов.

Большинство конференций и семинаров имели международный статус и проводились музеем совместно с Ляонинским университетом, Ляонинской академией общественных наук и другими организациями, с участием гостей из Японии, Сингапура, Южной Кореи и США, их работа широко освещалась в печати. В сотрудничестве с музеем китайским телевидением были сняты несколько фильмов о Чжан Сюэляне.

В настоящее время опыт организации научно-исследовательской работы позволяет значительно расширить тематику исследований на базе музея. В частности исторических событий и фигур периода новой и новейшей истории. Нельзя обойти вниманием значение деятельности Чжан Цзолия, основателя фэнтяньской военно-политической группировки, первого хозяина усадьбы, исследование которого, как считают китайские ученые, еще не достаточно. Чтобы восполнить этот и другие пробелы, в 2007 г. в музее создана еще одна структурная организация – «Центр исследования Чжан Сюэляна», объединивший на базе музея 20 ученых и специалистов, который уже начал публикацию серии изданий «Чжан Сюэлян яньцзю чжунсинь силе цуншу». Эта серия, как считает ее ответственный редактор Го Айшэн, позволит развивать обмен мнений ученых по конкретным темам, внедрить новые научные подходы, расширить период исследования, получить новые результаты и, таким образом, углубить изучение новой и современной истории Китая. В 2008 г. под редакцией Го Айшэна вышел сборник статей «Отношения Чжан Цзолия и

Японии», приуроченный к 80-летию взрыва поезда Чжан Цзолиня («хуангутуньского инцидента»). Еще один сборник статей, опубликованный в 2011 г. под редакцией Го Айшэна и Ху Юйхая, «Чжан Сюэлян и события 18 сентября 1931 г.», посвящен 80-летней годовщине начала оккупации Северо-Восточного Китая Японией. Несомненно, интересным является также опубликованное в 2010 г. под редакцией Го Айшэна и Ху Юйхая издание «Изучение истории по устным воспоминаниям Чжан Сюэляна», представленное в 50 авторских статьях.

В восьми из 25 статей сборника «Отношения Чжан Цзолиня с Японией» оцениваются события «хуангутуньского инцидента». В других статьях рассматриваются ключевые моменты истории отношений Чжан Цзолиня с Японией, позволяющие выявить их причинно-следственную связь.

В предисловии к сборнику его редактор Го Айшэн отмечает, что отношения Чжан Цзолиня с Японией характеризовались взаимным использованием друг друга и в то же время постоянным возникновением противоречий. Действительно, Чжан Цзолинь не раз прибегал к помощи Японии для укрепления своей власти на Северо-Востоке и в Пекине, как например, в период восстания Го Сунлина. Но, как отмечается в современных исследованиях, он также проявлял принципиальность, защищая суверенитет и территориальную неприкосновенность Китая от притязаний Японии, выступая против «21 требования», особенно в сфере реконструкции и строительства железных дорог. Он отверг так называемый меморандум по маньчжуро-монгольским железным дорогам, что еще более обострило противоречия между ним и Японией. Попытки Чжан Цзолиня привлечь англо-американский капитал в сферу железнодорожного строительства привели к невозможности мирного урегулирования этого вопроса, срыву переговоров и убийству Чжан Цзолиня. Го Айшэн обращает внимание на тесную связь хуангутуньского инцидента с решением Восточной конферен-

ции об отделении Маньчжурии и Монголии как начального этапа оккупации Китая¹.

Го Айшэн отмечает, что в тайваньской историографии сформировалось мнение о Чжан Цзолине как национальном герое, так как до конца своего правления он не подписал никаких позорных соглашений ни с Россией, ни с Японией и самоотверженно защищал интересы своей страны и народа. Этот вывод совершенно противоположен прежним оценкам мукденского лидера как «продажного милитариста». В связи с этим проблемы отношений Чжан Цзолиня с Японией становятся важным содержанием изучения истории китайско-японских отношений. Причем исследование этих проблем необходимо увязать с оценкой международного, внутривластного и экономического положения Китая².

Определенный вклад в решение поставленных задач вносит публикация рассматриваемого сборника статей, авторы которого призваны дать объективную оценку личности Чжан Цзолиня и его политики на Северо-Востоке.

Многие статьи, представленные в сборнике, заслуживают большего внимания и более подробного комментария, чем можно им уделить в данной публикации. Однако даже заголовки свидетельствуют об их новизне в постановке проблем по сравнению с ранними исследованиями. Наиболее важными в этом отношении являются, на мой взгляд, статьи о фактах и методах противодействия Чжан Цзолиня Японии в сфере экономики (в том числе путем развития национальных предприятий в текстильной, угледобывающей, военной промышленности, строительстве железных дорог и порта Хулудао и др.), юриспруденции (в частности, опубликование северовосточным правительством установлений и указов, ограничивавших права японцев на аренду земли и территории проживания, участие в китайско-японских совместных предприятиях и др.), а также о принципах дипломатии Чжан Цзолиня. Две статьи посвящены изучению роли Японии в подавлении вос-

стания Го Сунлина, причем одна из них является публикацией ранее неизвестных воспоминаний «из первых рук» 18 человек, служивших в Северо-восточной армии³.

Серьезное исследование всей предшествующей китайской историографии и публикации источников по отношениям Чжан Цзолия с Японией с начала 1980-х гг. содержится в статье Го Айшэна и Ху Юйхая, где в том числе приводятся оценки Чжан Цзолия как национального героя тайваньскими авторами. Однако из западной историографии рассматривается лишь одна книга Г. МакКормака, переведенная с английского на китайский язык и опубликованная цзилиньским издательством в 1988 г. В заключительной статье Ху Юйхай делает вывод, что неправильно называть Чжан Цзолия как национальным героем, так и реакционным милитаристом. Очевидно, что он не являлся настоящим националистом, но также очевидно, что в отношениях с Японией он «преуспел в качестве пограничного посла, охранявшего государственный суверенитет и национальные интересы»⁴.

Главный редактор сборника Го Айшэн выражает надежду в будущем привлечь еще больше специалистов к совместной работе по углублению исследования и обогащению историографии по проблемам отношений Чжан Цзолия с Японией.

Второй сборник статей «Чжан Сюэлянь и события 18 сентября 1931 г.» приурочен к 80-летию этих событий, 110-й годовщине со дня рождения Чжан Сюэляня и 10-й годовщине его ухода из жизни. В китайской историографии события 18 сентября 1931 г. считаются не только начальной датой антияпонской войны после вторжения Японии на территорию Китая, но и началом Второй мировой войны. Ключевую роль в оценке Чжан Сюэляня в этот период играет его отношение к политике «несопротивления Японии», объявленной Нанкинским правительством. Именно этому вопросу посвящено большинство из 50 статей сборника. Как отмечается в предисловии, мнения ис-

ториков далеко не однозначны (вплоть до определения политики Чжан Сюэляна как «сопротивление несопротивлением»).

В изучении всего комплекса возникающих в связи с этим вопросов выделяются три группы мнений. Первая точка зрения существует давно, она основана на убеждении, что Чжан Сюэлян полностью подчинился Чан Кайши. Другая группа ученых считает Чжан Сюэляна жертвой политики Чан Кайши, ловушкой, устроенной последним для командующего Северо-восточной армией. Мнения третьей группы историков совершенно отличны от первых двух. Они считают, что власти Северо-Востока обладали определенной независимостью. Поэтому Чжан Сюэлян, избегая столкновения с Японией, принял курс несопротивления, но не из-за приказа Нанкинского правительства⁵. Многие авторы отмечают, что Чжан Сюэлян разными способами активно поддерживал добровольческую антияпонскую армию на Северо-Востоке. Ответ на некоторые вопросы может дать публикация устных воспоминаний Чжан Сюэляна⁶, которая в то же время ставит новые вопросы.

Во многих статьях сборника «Чжан Сюэлян и события 18 сентября 1931 г.» рассматриваются отличия в политике несопротивления Чан Кайши и Чжан Сюэляна. Новый подход, в частности, проявляется в обосновании причин бездействия Чжан Сюэляна с его собственных слов о том, что он сам отдал приказ о несопротивлении, учитывая состояние японо-китайских отношений, считая, что китайские вооруженные силы не в состоянии дать отпор Японии, и рассчитывая на помощь Лиги наций. Однако вскоре он признал свою ошибку и вред политики несопротивления⁷. Несколько статей сборника посвящены роли Северо-восточной добровольческой армии в антияпонской борьбе Китая, ее влиянию на идеологию Чжан Сюэляна⁸.

На основании настоящего далеко, не полного обзора содержания двух сборников статей, можно заключить, что оценка политики Чжан Цзолия в отношениях с Японией является бо-

лее положительной, чем прежде, и является, в основном, объективной. Чжан Сюэлян, несмотря на «ошибки» предстает национальным героем. Все это является свидетельством большого внимания к исторической науке в КНР.

¹ Чжан Цзолинь юй жибэнь гуаньси / Го Айшэн чжупянь. (Отношения Чжан Цзолиня с Японией). Под ред. Го Айшэна. Шэньян, 2008. С. 95-104.

² Там же. С. 1-3.

³ Там же. С. 279.

⁴ Там же. С. 344.

⁵ Чжан Сюэлян юй цзю и ба шибянь яньцзю / Го Айшэн, Ху Юйхай чжупянь. (Чжан Сюэлян и события 18 сентября 1931 г.). Под ред. Го Айшэна и Ху Юйхая. Шэньян, 2011. С. 2.

⁶ См.: Чжан Сюэлян коушу лиши яньцзю / Го Айшэн, Ху Юйхай чжупянь. (Изучение истории по устным воспоминаниям Чжан Сюэляна). Под ред. Го Айшэна и Ху Юйхая. Шэньян, 2010.

⁷ Чжан Сюэлян юй цзю и ба шибянь яньцзю. Указ. соч. С. 65-66.

⁸ Там же. С. 423.

*Хохлов А.Н.
ИВ РАН*

КРИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА КВЖД В 1933 г.¹

Образование государства Маньчжоу-го в 1932 г. на территории Маньчжурии, захваченной Японией после 18 сентября 1931 г., негативно сказалось на положении русского населения в этой части Северо-Восточного Китая, и особенно в зоне КВЖД, где с установлением прояпонского режима, ориентированного на подавление демократических свобод и усиление полицейского режима, возникли серьезные трудности в различных сферах политической, экономической и культурной жизни. Как видно из письма журналиста и писателя Н. Лидина из Харбина, появившегося 15 апреля 1934 г. в газете «Последние новости», изменившаяся с осени 1931 г. политическая обстановка в Маньчжурии, помимо всего прочего, повлекла за собой «радикальную перемену в железнодорожном строительстве».

Прежде всего, был издан Закон, согласно которому все дороги в Маньчжурии объявлялись принадлежащими Маньчжоу-

го, в результате чего подобная национализация железных дорог (в завуалированной форме) фактически вылилась в захват Японией всей железнодорожной сети Маньчжурии, кроме КВЖД. Чтобы закрепить японский контроль и руководство над этой частью железных дорог, они были отданы в эксплуатацию ЮМЖД, при этом на всех ответственных постах оказались японцы. Строительство новых железных дорог было передано правительством Маньчжоу-го администрации ЮМЖД, под эгидой которой в срочном порядке были построены такие стратегически важные магистрали, как Харбин–Лафа, Дуньхуа–Тумэн и др. На 1 января 1934 г. длина всей железнодорожной сети Маньчжурии составляла 7393 км, причем на долю КВЖД (и ее веток) приходилось 2182 км, а на ЮМЖД – формально 1122 км.

Начавшаяся уже в конце 1931 г. кампания увольнений прежде служивших на КВЖД россиян с заменой их японцами, с предоставлением им преимущественно важных постов, планомерно и настойчиво поддерживалась и в последующие годы, причем первыми ее жертвами оказались и представители местной интеллигенции – преподаватели и переводчики. Об этом свидетельствует, например, письмо преподавателя китайского языка И. Г. Баранова, который 23 января 1933 г. сообщал акад. В.М. Алексееву в Ленинград:

«Еще с конца 1931 г. меня из Управления КВЖД “фуркнули” за штат, по сокращению... Потеря главного заработка, выселение с [казенной] квартиры, где прожил 19 лет и т.д. — всё это воспоминания о минувшем годе». Касаясь серьезных перемен, происходивших в администрации Харбина в связи с наплывом японских чиновников, оседавших не только в Главном Управлении КВЖД, но и в государственных органах власти, И.Г. Баранов подчеркивал:

«Теперь комиссар почты – японец, комиссар таможни – японец, при полицейском управлении – японский советник, но полицмейстер [пока] – китаец. Харбин обеднел: много зажи-

точных китайцев и иностранцев за последние месяцы уехали отсюда в Шанхай и другие места Китая». В другом письме от 2 мая 1933 г. к В.М. Алексееву бывший педагог на КВЖД вновь указывал на негативные последствия японского нашествия:

«Харбин за последнее время буквально наполнен сынами страны Восходящего солнца. Опять создается квартирный кризис, и я озабочен приисканием себе нового жилища. Цены на комнаты и квартиры растут, да и свободных помещений [за выездом владельцев] становится мало»².

Серьезным средством укрепления судебной власти японцев в Маньчжоу-го должна была стать реформа старой системы судопроизводства. 29 марта 1933 г. харбинская газета «Заря», сообщая о работе комиссии по выработке проекта будущей реформы судебной системы в Маньчжоу-го, подчеркивала, что по решению этой комиссии во всех судах будут учреждены должности заместителей председателя суда, на которые будут приглашены японские юристы, наделенные помимо обычных служебных обязанностей правом заниматься рассмотрением дел, касающихся иностранцев. Нетрудно представить, какими широкими полномочиями могли обладать в результате реформы японские советники в сфере юстиции и судопроизводства в Маньчжоу-го.

Аналогичную картину перехода китайского населения и россиян Харбина под жесткий контроль японцев рисовал и Н. Лидин в своем письме из этого города, наиболее крупного центра русской эмиграции в Китае. В этом документальном свидетельстве, опубликованном 13 марта 1934 г. в газете «Последние новости» под названием «Гримасы жизни и будни», говорилось: *«Нет ни одного [в Харбине] учреждения, которое фактически не возглавлялось бы японцем, либо в качестве начальствующих лиц, либо в роли советников. В каждом полицейском участке есть такой японский советник, и в ближайшее время в полицейский аппарат вливается 500 японцев на*

разные места до постовых полицейских включительно» (здесь и далее курсив мой. – А.Х.).

Неудивительно, что в такой политической обстановке, накаленной провокационными антисоветскими слухами относительно подготовки СССР к войне либо ведения им вредоносной пропагандистской деятельности Коминтерна, подрывающей государственные устои Маньчжоу-го и авторитет его правительства, могли появиться на свет заявления представителей китайской части руководства КВЖД не столько о необходимости переименования этой дороги, сколько о реформах на ней, предлагаемых японскими советниками. Показательно, что на заседании Правления КВЖД, состоявшемся 7 августа 1933 г., когда обсуждался вопрос о правах управляющего дорогой и его помощника, китайской стороной было выдвинуто требование о необходимости введения двух равнозначных (для обязательного исполнения) подписей абсолютно на всех распоряжениях руководства, причем Ли Шаогэн заявил, что правительство Маньчжоу-го желает иметь на КВЖД двух управляющих, а Фань Цигуань выступил с провокационными обвинениями Управляющего Ю.В. Рудого в том, что он единолично решает производственные и другие вопросы, бесконтрольно расходуя казенные средства³.

Не получив удовлетворительного ответа относительно своих требований на последующих трех заседаниях Правления КВЖД, представители китайской части руководства дороги, несмотря на предложение советской стороны образовать комиссию для совместного обсуждения возникших спорных вопросов, вновь обратились к своим прежним силовым методам насильственной изоляции наиболее активных россиян – руководителей важнейших служб дороги путем продолжения политики незаконных и необоснованных арестов советских граждан. О начальном этапе такой политики, нацеленной на «выдавливание» энергичных и дееспособных россиян из сферы действий высшего руководящего звена администрации КВЖД

позволяет судить справка о положении арестованных советских граждан в Харбине, составленная в НКВД на основе сведений, полученных в Москве до 25 марта 1933 г. Согласно далеко не полным сведениям, в этом крупном экономическом центре Маньчжурии находилось под арестом 78 человек, из них 62 человека попали в Чанчуньскую тюрьму, где арестованные были закованы в кандалы и помещены в сырые и холодные камеры, при этом из-за отсутствия медицинской помощи среди многих заключенных вскоре появились больные цингой. К указанному выше времени четверо из арестованных умерли, а двое, не выдержав изощренных средневековых пыток и побоев со стороны надзирателей и голода, покончили с собой⁴.

По сообщениям китайской и русской эмигрантской прессы, советский гражданин Денисов 25 мая 1933 г. сделал заявление, что он подвергнулся жестокому обращению в тюрьме, и это подало журналистам мысль предположить, что его вновь посадят в тюрьму по выходе из больницы.

Сведениями об арестах небольших групп служащих КВЖД пестрели тогда многие китайские газеты. Как видно из бюллетеня № 9 китайской прессы, изданного 27 октября 1933 г. в Нанкине, в передовице газеты «Шиши синьбао» от 25 октября сообщалось об аресте в Харбине 24 сентября четырех служащих КВЖД из высшего звена руководства дороги – советских граждан.

17 ноября того же года в Харбине был арестован железнодорожник Крачун, председатель кооператива, насчитывавшего в своем составе 6 тыс. советских граждан-железнодорожников и 700 китайцев. Одновременно подверглись аресту 7 служащих КВЖД, в том числе Горин, помощник начальника станции Харбин-Старый, Плоцкий, заведующий крупным складом, рабочие типографии КВЖД (3 человека) и Главных мастерских КВЖД (3 человека) и др. Вопреки ожиданиям местной полиции, на квартирах этих арестованных не было найдено ничего

политически компрометирующего, хотя прояпонская газета «Харбинское время», развернув в июле 1933 г. злобную кампанию против кооператива, силилась всячески (не брезгуя ничем) доказать, что, мол, отделения кооператива прикрывают подрывную деятельность Коминтерна и советской разведки.

Об исключительно тяжелом положении арестованных россиян, оказавшихся в Чанчуньской тюрьме, позволяет судить следующая запись от 9 апреля 1933 г., сделанная молодым сотрудником НКВД Н.Т. Федоренко в своем служебном дневнике:

«У меня был т. Степанчонок, сын одного из арестованных советских граждан в Харбине; справлялся о положении арестованных россиян и о мерах, которые могут быть приняты к их освобождению. Одновременно т. Степанчонок передал мне письмо из Харбина, в котором описывается состояние... арестованных. Из письма видно, что советские граждане очень возбуждены производящимися пытками и избиениями арестованных»⁵.

Необоснованные аресты производились и на Восточной линии КВЖД. Согласно донесению со станции Пограничная, полученному в Москве 5 апреля 1933 г., японцы захватили здесь и заковали в кандалы двух советских граждан – кондукторов КВЖД, после чего в течение трех дней уводили в свой штаб на допрос трех несовершеннолетних школьниц, которые, опасаясь насилий, 3 апреля сбежали на советскую территорию.

Привычным стандартным мотивом для массовых арестов советских железнодорожников служило официальное обвинение их в коммунистической пропаганде, неприемлемой для «силовики» Маньчжоу-го. Это явствует из заявления начальника жандармского отделения Симамото, который на собрании, состоявшемся 10 ноября 1933 г. по случаю 10-летия землетрясения в Японии, заявил, что советская сторона является врагом для Маньчжоу-го и что до прекращения ею коммунистической пропаганды и разрешения вопроса о КВЖД невозможно говорить о японо-китайском сближении⁶.

1 апреля все харбинские газеты поместили на своих страницах провокационную заметку о том, что якобы в секретной комнате типографии КВЖД печатается коммунистическая литература. Это побудило местную полицию приступить к более активным действиям в сфере контроля над издательской деятельностью, чем занимались и иностранцы. В середине марта 1933 г. в одной из частных типографий Харбина были конфискованы отпечатанные листы для готовящегося к выходу журнала «Огни». Издателем его являлся англичанин Линдсей, стремившийся к объективному освещению положения в СССР. 12 мая были арестованы три сотрудника газеты «Герольд Харбина» (два советских гражданина и один россиянин-эмигрант), пополнивших список неблагонадежных элементов⁷.

О недостаточности улик, предъявляемых арестованным, позволяет судить, например, сообщение японской газеты «Ници ници» о том, что арестованным в Харбине Апановичу и Малеванному было предъявлено обвинение в шпионаже, т.к. у них была найдена какая-то обычная двухверстная карта КВЖД, необходимая не только для железнодорожника, но и для рядового россиянина, работавшего или живущего в Харбине, не говоря уже о приезжих туристах. Неслучайно они были по требованию советского консула М. Славуцкого вскоре освобождены и 18 мая переданы представителю советского консульства ради поддержания «дружеских отношений» между СССР и Маньчжоу-го.

Аналогичным образом были вынуждены поступить власти Харбина с арестованным Воробьевым, которому после переговоров с М. Славуцким была разрешена передача продуктов питания с обещанием принять меры к его освобождению. Энергичный протест по поводу незаконных арестов россиян, заявленный К. К. Юреневым, главой советской делегации, на переговорах в Токио по поводу продажи КВЖД, положил начало поэтапному освобождению арестованных советских гра-

ждан, находившихся в Чанчуньской тюрьме с последующим возвращением бывших узников на родину.

Согласно сообщению генконсула в Харбине М. Славуцкого, полученному в НКВД 8 апреля 1933 г., начальник японской военной миссии Комацубара после беседы с ним заявил от имени штаба Квантунской армии, что часть арестованных советских граждан будет освобождена в середине апреля, а остальные – в мае. Это сообщение с японской стороны подтвердил японец Сугихара, заявивший М. Славуцкому о том, что оставшиеся в Чанчуне, согласно неофициальным данным, будут в мае месяце отправлены из Харбина в СССР. На 18 мая в Чанчуне оставалось 35 арестованных советских граждан, а в Центральной больнице в Харбине находилось 15 человек. 26 июня из Чанчуна было отправлено до советской пограничной станции Отпор (в Забайкалье) 28 освобожденных россиян, а 6 человек, подозреваемых в заболевании тифом, были оставлены в Чанчуне. К высылаемым из Чанчуна освобожденным советским гражданам в Харбине присоединились 4 человека, причем уезжавших на родину на харбинском вокзале провожали более тысячи горожан. Краткую запись от 3 августа оставил в своем дневнике Н.Т. Федоренко по поводу возвращения в Москву части россиян, оказавшихся в Чанчуньской тюрьме:

«У меня был т. Степанчонок, один из приехавшей группы освобожденных в Чанчуне советских граждан. Всего приехало в Москву 31 человек. Все живут в вагоне НКПС и на днях отправятся [работать] на разные дороги»⁸.

В поисках документальных либо материальных улик, свидетельствующих о ведении антиправительственной пропаганды, Центральную библиотеку КВЖД неоднократно обыскивали местные полицейские, обычно руководимые японцами. 12 декабря 1933 г. полиция произвела обыск в клубе на станции Ханьдаохэцзы, опечатав комнаты, где ранее велись занятия кружков, организованных для детей железнодорожников. Запретив занятия в этих кружках, полиция 14 декабря проделала

то же самое на станции Имяньпо, расположенной также на Восточной линии КВЖД.

Под предлогом наличия «агентов Коминтерна» среди начальствующего состава КВЖД китайская часть Правления дороги под влиянием японских советников в июле 1933 г. затеяла и немедленно произвела чистку среди советских служащих, сопровождавшуюся назначением на руководящие посты, освободившиеся от уволенных или арестованных лиц, преданных новому режиму людей. Нарушения паритета, установленного на КВЖД при назначении на должности начальников служб и отделов, часто сопровождались нежелательными эксцессами между назначенцами разных сторон на тот или иной пост. Из материалов харбинской прессы известен случай, когда один такой назначенец (с китайской стороны), захватив кабинет начальника в Главных мастерских КВЖД, не впускал прибывшего туда назначенного советской стороной (соответственно паритету) нового начальника в должности «врио».

14 ноября 1933 г. в депо ст. Харбин было вывешено распоряжение выдвигенца китайской стороны Тяня об отстранении служащего Юдина от должности начальника участка за невыполнение его приказов, при этом высказывалось предупреждение для всех остальных служащих, что в случае невыполнения его распоряжений они также будут подвергнуты взысканиям. В этом плане небезынтересен другой факт «необычной предусмотрительности» упомянутого выше выдвигенца, о чем свидетельствует характер действий начальника участка тяги станции Бухэду Чэн Фуси, который, вернувшись из отпуска ранее срока (24 декабря 1933 г.), отказался признать служащего Черевко своим помощником, категорически заявив, чтобы Черевко и два других работника подали заявление об уходе, при этом ссылаясь на Тяня.

Негативные последствия параллелизма в назначении на должности командного состава, подрывавшие старые принципы паритета, установленного здесь договорными актами, до-

вольно широко обсуждались в харбинской прессе, хотя суждения участников дискуссии из-за различной политической ориентации издаваемых в Харбине газет не всегда были едины и объективны.

Административная чехарда с назначением на ту или иную должность, возникшая на почве необоснованных арестов, коснулась и железнодорожной охраны, негативно сказавшись на ее численном составе, материальном обеспечении и дисциплине. Этим воспользовались хунхузы, привыкшие к разбоям в смутное время, а таковым можно считать начальный период существования Маньчжоу-го, на территории которого продолжалась ожесточенная борьба правительственных войск и японских частей с отрядами повстанцев – противников прояпонского режима⁹. В этой связи примечательно заявление вернувшегося из карательной экспедиции в провинцию Гириин японского генерала Хиросе, который в октябре 1933 г. в интервью заявил, что хотя операции экспедиции проходят успешно, она в ходе боев несет серьезные потери в живой силе. Трудности борьбы с повстанцами объяснялись поддержкой и помощью отрядам повстанцев со стороны местного населения¹⁰.

Сообщениями о разбойных нападениях хунхузов буквально пестрели страницы харбинской прессы. Так, в февральской прессе, полученной в Москве, появилось сообщение о том, что служащие станции Гаолинцзы Восточной линии КВЖД обложены хунхузами данью в виде ежемесячных изъятий из их трудового заработка. 3 марта хунхузы напали на пассажирский поезд, следовавший по Мулинской ветке, где ими были захвачены 80 пассажиров.

Несколько раз бандиты появлялись на станции Тайпинлин, где ими был сожжен дом начальника станции – советского гражданина, причем последний и его жена были ранены. 21 марта хунхузы, остановив поезд около станции Вэйшахэ, захватили с целью получения выкупа советских граждан – машиниста поезда и трех кондукторов. Затем хунхузами был со-

вершен налет на станцию Сочинцы, где они разграбили все дома железнодорожников и их семей, сожгли несколько вагонов и станционных домов, захватив 15 служащих, в том числе 13 советских граждан.

Ранее, 4 мая хунхузы при нападении на станцию Яблоня попытались увести с собой трех железнодорожников – советских граждан. 5 мая они на станции Тайпинлин, устроив погром в квартире начальника станции — китайского гражданина, увели его с собой, воспользовавшись отсутствием железнодорожной охраны. Затем бандиты совершили нападение на полуказарму возле разъезда Бадахэцзы и здесь захватили артель рабочих с их путевыми инструментами. 10 мая группа хунхузов, появившись на станции Уцзими и угрожая грабежами, потребовала у жителей поселка уплатить крупную откупную сумму, каковую в размере 3 тыс. долларов потребовали и от помощника станции Силинхэ, угрожая взять в плен всех служащих. После организации 13 мая крушения шедшего с экспортным грузом товарного поезда вблизи станции Ханьдаохэцзы (где тендер паровоза упал под откос и были совершенно разбиты 7 вагонов), они 2 июля, предварительно убрав шпалы с железнодорожного пути, захватили товарный поезд на перегоне станции Шитоухэцзы, при этом во время обстрела остановившегося поезда было убито 4 человека и разбито 17 вагонов. Воспользовавшись бегством китайской охраны, хунхузы разграбили два вагона сборных грузов.

Фиксируя факты неоднократных разбойничьих рейдов хунхузов на Восточной линии КВЖД, Н.Т. Федоренко 23 июня 1933 г. сделал в своем деловом дневнике такую запись:

«Продолжаются нападения хунхузов на Восточную линию КВЖД... Произведено нападение на квартиру артельного старосты на станции Аньда. Артельный староста – советский гражданин ранен, а его дочь убита»¹¹.

10 сентября в результате нападения хунхузов на пассажирский поезд на Восточной линии было захвачено 37 советских

граждан, 25 россиян-эмигрантов, принявших китайское подданство, 12 полицейских, три эмигранта без определенных занятий, при этом один неопознанный эмигрант был убит.

Нередко в результате возникшего хаоса в управлении железной дорогой, особенно на Восточной линии, на почве борьбы за более высокое место на службе происходили убийства, о чем может свидетельствовать найденный на перегоне Турчи́ха–Фудя́рди труп убитого советского гражданина по фамилии Нечепорук, работавшего артельным старостой на КВЖД.

Согласно газетным сведениям, полученным из Харбина 10 октября, на Восточной линии КВЖД в течение только сентября месяца орудовала 31 шайка хунхузов общей численностью в 8700 человек (против 4 шаек, действовавших на Западной линии в числе 460 человек).

10 сентября в 15 км от станции Пограничная потерпел крушение вышедший с этой станции ночью пассажирский поезд из-за разбора пути хунхузами, которые, обстреляв поезд и разграбив его, захватили в качестве заложников служащих паровозной бригады, почтальонов, полицейских и около 60 пассажиров, в числе которых были женщины и дети. Разумеется, от подобных разбойничьих рейдов хунхузов страдали не только железнодорожники, но и местные жители — китайцы, оказавшиеся на службе в зоне КВЖД, о чем свидетельствуют не только материалы харбинской прессы, но и донесения российских дипломатов, аккредитованных в Маньчжоу-го.

Под предлогом борьбы с хунхузами или повстанцами японские войска нередко располагались в пограничных с СССР зонах для ведения топографических и других работ, связанных с уточнением пограничной черты на случай возможных военных действий. Это видно из сообщения, полученного в Москве из Пограничной, куда 10 ноября прибыло около 2 тыс. японских солдат, срочно расквартированных на частных квартирах этого пограничного поселка. Эти войска впоследствии направлялись главным образом в район южнее Дуннина, но сначала

отсюда вышел японский отряд в северном направлении для постановки пограничных знаков. В плане разведывательной деятельности японцев любопытен тот факт, что при допросе 7 железнодорожников, арестованных при задержании 28 июля 1933 г. на станции Пограничная пассажирского поезда Уссурийской железной дороги, японцы настойчиво проявляли интерес к состоянию Красной армии и даже заставляли арестованных чертить на карте советские пограничные укрепления. Это побудило советского консула Егорова 29 июля заявить протест японской стороне против допроса арестованных железнодорожников путем постановки вопросов, не имевших отношения к происшедшему инциденту.

На фоне сведений о действиях хунхузов на Восточной линии КВЖД в харбинских газетах можно встретить неожиданные упоминания о разоружении японцами охранных отрядов на ее отдельных участках. Так, на лесной концессии Ковальского, перешедшей к японцам, была организована «самоохрана» из 20 русских эмигрантов, вооруженных винтовками. Аналогичная организация самообороны появилась и на станции Яблоня, где разместился отряд из бывших белогвардейцев.

В ходе борьбы с повстанцами японцы нередко включали в свои воинские формирования хунхузов, для которых была введена особая форма, предусматривавшая нарукавные повязки с соответствующими надписями о принадлежности к определенному военному формированию Маньчжоу-го.

Помимо обычного обмена вагонами и паровозами на пограничных участках КВЖД случались порой непредвидимые угоны подвижного состава, что имело, например, место при отступлении воинских формирований на российскую территорию, боровшихся с установлением прояпонского режима в Маньчжурии. Так, войска Су Бинвэня ушли за границу на 29 паровозах, в том числе 18 декаподах с 63-я классными вагонами служебного и специального назначения.

Для политики тогдашнего правительства в вопросе возвращения в Китай Су Бинвэня любопытно появившееся в японских газетах сообщение «Демпо цусин» о том, что министр иностранных дел Маньчжоу-го Се Цзешу предложил агенту дипломатического ведомства в Харбине Ши Люйбэню заявить протест советским представителям относительно возможности разрешения Су Бинвэню вернуться в Китай, что, по его мнению, могло отрицательно повлиять на «дружеский характер» отношений между СССР и Маньчжоу-го.

Помимо проблемы с пребыванием отряда Су Бинвэня на советской территории у обеих сторон возникали аналогичные вопросы, связанные с переходом советской границы другими воинскими формированиями. Как видно из донесения из Хабаровска, полученного в НКВД 9 марта 1933 г., в районе Турьего рога 5 марта на советскую территорию в ходе отступления перешла «четвертая армия защиты отечества» в составе трех генералов, 1330 офицеров и лишь 185 солдат и одной женщины.

26 ноября по сообщению из Хабаровска, на советскую территорию в районе участка Дальрис перешел отряд повстанцев в составе 25 офицеров и 152 солдат, которые были временно размещены в поселке Павлово-Федоровка.

Активным участием в провокационной кампании против СССР отличилась японская пресса. Так, газета «Харбин симбун» в декабре 1933 г. призывала правительство Маньчжоу-го с 1 января 1934 г. осуществить переход КВЖД на новую денежную систему, основанную на обращении денежных знаков «го-би» вместо используемого на этой дороге русского рубля, при этом одновременно предлагала отобрать КВЖД без всяких переговоров с советской Россией.

Особенно серьезный ущерб хозяйственной деятельности КВЖД был нанесен прекращением ее коммерческих связей с Уссурийской железной дорогой в результате закрытия японцами станции Пограничная, через которую осуществлялись перевозки товаров в СССР и обратно в Маньчжурию. 31 мая отряд

железнодорожной полиции во главе с японцем Сабо¹² явился к начальнику этой станции (расположенной против Гродеково, на советской территории), чтобы вручить распоряжение о прекращении прямого сообщения между КВЖД и Уссурийской железной дорогой. При этом у начальника силой отобрали ключи от железнодорожных стрелок, а подъездные пути «зашили» поперечными шпалами. На главном же пути был установлен шлагбаум, который открывался только в случае пропуска пассажирских поездов. Как выяснилось позже, распоряжение о запрете товарного сообщения на этом участке было подписано от имени правительства Маньчжоу-го японцем Сато совместно с начальником отделения полиции Янь Шисюанем и начальником полиции Новиковым (представителем белой эмиграции). При вручении письма начальник вернул его как полученное не по адресу и в письменном виде заявил протест против нарушения нормальной работы дороги, который был принят японской стороной. О произошедшем инциденте на станции Пограничная управляющий КВЖД представил Правлению дороги доклад, в котором просил принять срочные меры для восстановления прямого сообщения КВЖД с Уссурийской железной дорогой, чтобы избежать серьезных материальных потерь и претензий от зарубежных товаротправителей из стран Европы, пользовавшихся этим международным дальневосточным маршрутом.

Тем временем в экстренном выпуске газеты «Харбинское время» появилось заявление японского советника Морита¹³ о том, что причиной прекращения прямого сообщения через ст. Пограничная якобы послужило отсутствие ответа представителя СССР на требование правительства Маньчжоу-го о возврате паровозов и вагонов, оказавшихся на территории СССР, и что только Уссурийская железная дорога задолжала 400 вагонов, хотя большинство паровозов и вагонов, находившихся в эксплуатации на КВЖД, являлись собственностью советских транспортных ведомств. Характерно, что в том же выпуске

упомянутой газеты появилась странная «декларация» Ли Шаогэна (давнего претендента на должность управляющего КВЖД) о том, что будто бы нарушением равновесия в обмене вагонами советское правительство самоаннулировано обоюдное соглашение о прямом железнодорожном сообщении КВЖД.

Симптоматично, что впоследствии, когда ЮМЖД отказалась соблюдать соглашение с КВЖД и Уссурийской железной дорогой, подписанное 16 апреля 1932 г., прояпонская харбинская пресса, пытаясь оправдать этот односторонний акт разрыва договорных отношений, объясняла его «изменившейся обстановкой», хотя в иностранных кругах Харбина указывалось, что аннулирование соглашений с КВЖД и Уссурийской железной дорогой было рассчитано на усиление давления на СССР в целях увеличения дефицита КВЖД, способного повлиять на большую сговорчивость советской делегации, занятой переговорами в Токио о продаже КВЖД.

Еще в апреле 1933 г. командование японских войск, по сообщению японских газет в Чанчуне, запретило доставку из провинции Шаньдун законтрактованных там китайских рабочих для Маньчжурии, в том числе для КВЖД, из опасения нахождения среди них неблагонадежных элементов¹⁴.

20 декабря 1933 г. местные власти г. Шуанчэна наложили запрет на подвоз грузов к станции Шуанчэнпу на южной линии КВЖД, что, по словам журналистов, послужило первым сигналом к началу возможного бойкота этой дороги, испытывавшей серьезные затруднения из-за ограничений, установленных властями Маньчжоу-го на вывоз экспортной продукции, особенно бобов, пользовавшихся большим спросом в некоторых странах Западной Европы¹⁵.

22 марта 1935 г. одновременно с подписанием (парафированием) договора в Токио о продаже КВЖД из японской столицы была отправлена срочная телеграмма на имя Ли Шаогэна с просьбой объявить о ликвидации Правления КВЖД после его 38-летнего существования. Сообщая об этом важном событии в

истории КВЖД, газета «Харбин ници ници» в том же номере так отметила этот исключительно важный факт в истории советско-китайских отношений: «22 марта... флаг КВЖД, одна половина которого состоит из советского флага с серпом и молотом, ...на пространстве 1726 км и 510 м будет спущен, и на всех линиях взвьется 5-цветный флаг «Ван-да» (политической доктрины Маньчжоу-го. — *А.Х.*).

Обращает на себя внимание тот факт, что даже после продолжения переговоров в Токио с Японией о продаже КВЖД незаконные и необоснованные аресты советских граждан в Харбине, особенно служащих КВЖД, продолжались. К 1 октября 1934 г. общее число находившихся под арестом россиян составляло 167 человек. На это указывал советский консул в Харбине Н. Райвид в приводимом ниже письме от 4 октября 1934 г., адресованном китайскому дипломату Ши Юйбэню:

«Наибольшее усердие в этом отношении проявляют чины железнодорожной полиции как в Харбине, так и на линии КВЖД, действующие под руководством [японского] советника г-на Оой... Среди арестованных, особенно за последние дни, имеется значительное количество старших и средних линейных агентов КВЖД, в том числе 32 начальников станций, их помощников и начальников участков других служб.

На восточной линии КВЖД арестовано 11 начальников станций, что вместе с арестом старших агентов по линии привело к почти полному оголению последней от руководящего персонала.

Вполне естественно, что эти обстоятельства не могут не породить предположения, что аресты рассчитаны именно на такое оголение линии со всеми вытекающими отсюда последствиями»¹⁶.

Изложенные выше факты касательно истории КВЖД в 1933 г. позволяют достаточно убедительно говорить о том, что уже через год после образования Маньчжоу-го в 1932 г. под влиянием Японии и на почве националистических амбиций

прояпонского правительства заметно обострилась борьба китайской части руководства КВЖД (при явной поддержке японских войск и японских советников) за бесконтрольное обладание этой дорогой путем арестов представителей советской части администрации КВЖД с заменой их своими выдвиженцами (при нарушении принципа установленного паритета в заполнении должностей).

В то же время фактическое ослабление охраны КВЖД от административного хаоса и рост нападений хунхузов, особенно на ее Восточной линии, позволили японской военной администрации под предлогом борьбы с хунхузами и противниками нового режима направлять свои войска в приграничные с СССР районы для ведения на месте разведывательных и рекогносцировочных работ на случай военных действий. Одностороннее прекращение на КВЖД товарного движения (на ст. Пограничная) нанесло серьезный ущерб не только развитию взаимовыгодных коммерческих связей, но и международному прямому сообщению СССР со странами Европы.

Удобными поводами для нагнетания политической напряженности, а чаще ради задуманных провокаций на границе СССР с Маньчжурией чаще всего служили газетные слухи и инсинуации относительно возможной военной угрозы со стороны СССР, методически распространявшиеся японской и прояпонской прессой (на китайском и русском языках).

Для изучения этих явлений исключительно ценны и уникальны материалы газетной и деловой информации в служебном дневнике молодого российского дипломата Н.Т. Федоренко, что отчасти определяется и тем обстоятельством, что многие харбинские газеты за 1933 г., упоминаемые в его машинописной рукописи, отсутствуют в наиболее крупных библиотеках Москвы¹⁷.

¹⁷ При всей изученности истории КВЖД начиная со времени ее сооружения и ввода в эксплуатацию в 1903 г. (после восстания ихэтуаней в Китае), период,

предшествовавший ее продаже в 1935 г. (в ходе переговоров, длившихся 22 месяца в Токио между представителями СССР, Японии и Маньчжоу-го), до сих пор остается наименее исследованным, что придает 1933 г. особую значимость.

² СПб. Филиал Архива Академии Наук. Ф. 820. Оп. 3. Ед. хр. 143. Л. 18.

³ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0100 (Референтура по Китаю). Оп. 17. Д. 13. Папка 172-а. Л. 141.

⁴ Там же. Л. 33.

⁵ Там же. Л. 52.

⁶ Там же. Л. 165.

⁷ Там же. Л. 77.

⁸ Там же. Л. 116.

⁹ Согласно газетным сведениям, во всей Маньчжурии в 30-е годы насчитывалось до 150 тыс. «мятежников» — вооруженных противников прояпонского режима // Там же. Л. 98.

¹⁰ Там же. Л. 163.

¹¹ Там же.

¹² Служебная карьера Сабо началась с должности агента Бюро путешествий ЮМЖД, затем он стал дежурным по станции Чанчунь, после чего работал переводчиком русского языка в Экономическом Бюро ЮМЖД. В 1932 г. он оказался на службе в Министерстве путей с одновременным занятием должности переводчика русского языка при правительстве Маньчжоу-го. 1 января 1933 г. он окончательно перешел на службу в Министерство путей сообщения. Работая в штате харбинской канцелярии дубаня он фактически являлся комиссаром над Ли Шаогэном.

¹³ Чиновник Морита после 16 лет службы на ЮМЖД до приезда в Харбин был назначен начальником департамента железных дорог Министерства путей сообщения Маньчжоу-го.

¹⁴ Там же. Л. 57.

¹⁵ Там же. Л. 178.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 0100 (Референтура по Китаю). 1934. Оп. 18. Д. 18. Папка 39. Л. 109.

¹⁷ Хохлов А.Н. Служебный дневник Н.Т. Федоренко — важный источник по истории КВЖД // XXVII Международная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (24–26 апреля 2013 г.). Тез. докл. СПб.: В.Ф. СПбГУ, 2013. С. 159-160.

Пожилев И.Е.

Тамбовский государственный ун-т

ОБ ИСТОЧНИКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ КИТАЙСКОГО ОФИЦЕРА РЕСПУБЛИКАНСКОГО ПЕРИОДА

Военное строительство в Китае первого десятилетия XX в.
принято связывать с организацией частей и соединений Новой

армии, переподготовкой и переходом личного состава на современные стандарты ведения боя, а также оснащением войск технологически совершенными образцами стрелкового и артиллерийского вооружения. Безусловно, верный подход к проблеме модернизации национальной обороны страны зачастую оставляет в стороне еще более существенный ее аспект, заключающийся в воспитании и обучении офицерского корпуса – профессионального ядра не только Бэйянской и Наньянской армий, но и в последующем провинциальных формирований Республики, НРА, а также войск КПК.

Попробуем заявить, что традиционные, а точнее сказать, не слишком комплиментарные оценки отечественной и зарубежной историографии относительно состояния военных дел в Китае рассматриваемого периода несколько не совпадают с реальностью. «Усредненный» подход к проблеме, который и обуславливает на выходе общий, достаточно низкий, показатель боеспособности китайских вооруженных сил и, в частности, профессионализма командного состава, не может претендовать на объективность хотя бы в силу отсутствия в стране сколько-нибудь интегрированной системы национальной обороны. И в этой связи представляется целесообразным не вскрывать в очередной раз «неизлечимые недуги полуфеодальной цинской армии», но, напротив, взглянуть на несомненные проявления прогресса в этой важнейшей сфере государственной политики.

Как сегодня утверждают китайские военные эксперты и историки, одним из лучших военно-учебных заведений в Китае начала века являлся *Юньнань луцзюнь цзяньутан* (Юньнаньское училище сухопутных войск)¹, а его выпускники «заметно выделялись основательностью подготовки и передовыми знаниями среди офицеров, закончивших аналогичные учебные заведения периода». Со временем училище «по репутации стало не уступать японским офицерским школам и академиям», а его известность и популярность далеко перешагнули границы

Юго-Запада, обеспечив приток волонтеров не только из Юньнани, но и других провинций страны, а также *хуацяо*, граждан Кореи и Вьетнама². Если в приведенных утверждениях и есть доля преувеличения, то весьма скромная.

Высокий качественный стандарт учебного процесса на фоне многих иных, новых по форме, но не по существу военных заведений Новой армии (равно как и далекий от привычно низкого уровень боеготовности юньнаньской 19-й дивизии, комплектуемой его выпускниками) обуславливался одним важнейшим обстоятельством. Оно, как ни странно на первый взгляд, имело прямое отношение к очевидному пороку военной системы империи и заключалось в ее критической децентрализации. За исключением оставляемой за двором прерогативы периодического издания свода оперативно-тактических рекомендаций, армейское строительство в стране фактически велось исходя из представлений и возможностей регионального звена. Причина атрофии центра заключалась по большому счету в его неспособности финансировать оборону, в связи с чем основное бремя расходов в этой сфере ложилось на провинциальные бюджеты. *Юньнань* собственными ресурсами не обладала, но, находясь на самой кромке империи и являясь аванпостом на линии противостояния с Францией и Англией, пользовалась значительными преференциями в обеспечении военных проектов. Как иронично поговаривали ее интеллектуально продвинутые обитатели, Юньнань «хотя и дремучая окраина, но для Поднебесной самая что ни на есть необходимая, мы передовой бастион на пути колониальной экспансии»³.

Юньнань-гуйчжоуское наместничество в лице Си Ляна и сменившего его Ли Цзинси извлекло максимум выгоды из создавшегося положения. Неустанно эксплуатируя геостратегический аспект и тем самым добиваясь преимуществ в поставках вооружений наряду с приоритетом в кадровом обеспечении, Куньмин по многим позициям вышел в передовики военной реформы. И чего же ради (если не считать во многом надуман-

ную угрозу прямой империалистической агрессии)? У автономистски настроенной провинциальной элиты не было других, помимо армии, средств для «поддержания равновесия» с центром, оттого в военном аспекте Юньнань была не только «всегда сама по себе», но и «сильнее всех»: «Юньнаньская гвардия первенствует в государстве». Эту сентенцию в Китае знал, наверное, каждый⁴.

Особенно значимым и в конечном счете решающим фактором достижений Куньмина стало привлечение к инструкторско-преподавательской работе в *цзяньутане* (с совмещением службы на командных должностях в 19-й дивизии) большого числа умелых, энергичных и образованных офицеров-уроженцев Юньнани. Почти все они (95%) являлись выпускниками *Нихон сикан гакко* (Офицерской школы сухопутных войск Японии), самого престижного в ту пору военно-учебного заведения на Дальнем Востоке⁵.

Чему же и как обучались кадеты в юньнаньском *цзяньутане*?

Программа подготовки представляла собой единый учебно-воспитательный комплекс, состоявший из аудиторно-полевых занятий и внутренней службы. Курс военных дисциплин (тактика по родам войск, вооружение, военное администрирование, инженерно-саперное дело, средства связи, топография и т.д.) и общеобразовательных предметов (математика, физика, история, родной и иностранные языки) брал себе в пример базу знаний японской офицерской школы, будучи, конечно, адаптирован к специфике национальной воинской традиции, особенностям ТВД, требованиям и запросам войск. За конечный критерий готовности к несению службы и выучки командира в училище принимались тактические учения на местности и стрельбы из штатного оружия, что даже в передовых армиях мира всегда являлось ахиллесовой пятой⁶.

От подъема до отбоя начальники и инспектора потоков прививали кадетам возведенные в ранг доблести «волю к повиновению и жертвенную готовность к выполнению патриоти-

ческого долга». В гимне *цзяньутана*, который подобно стародавним *чжаньгэ*, исполнялся ежедневно всеми учащимися и офицерами, были такие строчки: «Соотечественники, нас миллионы. Встанем же вместе Великой стеной. Армия ждет настоящих мужчин. Сплотимся, откроем путь к переменам. Не убоимся злобных козней Европы и Америки. Железной деснице покорно тяжкое бремя спасения. Сделаем сильной нацию *хань*»⁷.

«Организационно-учебное уложение» *цзяньутана* даже жестче, чем у японцев, трактовало понятия распорядка, субординации и исполнительности, предусматривая изощренные взыскания за дисциплинарные проступки и неуспеваемость. Присутствовало и неуставное, «казарменное», воздействие на нерадивых и слабых духом отторжением либо осмеянием, что считалось карой в квадрате. Уравновешиваясь поощрениями морального свойства, муштра, насколько можно судить, не обязательно имела результатом деперсонализацию и безраздельное включение каждого в шеренгу тупых солдафонов. Скорее, напротив, сплочение происходило на основе «патриотического побратимства», а не шагистики. Последней в *цзяньутане*, в сущности, и не было, поскольку в силу краткосрочности обучения и уж точно незнания «великой» прусской традиции, она уступила место «сверхинтенсивной физической подготовке»⁸.

«Жизнь наша была очень суровой, – вспоминая годы в училище, рассказывает его выпускник и будущий главком китайской Красной армии Чжу Дэ, – как у простых солдат. И питание, и физические нагрузки такие же, разве что солдаты не учились за партой. ...Каждый день шесть часов занятий в классах, после обеда два часа тренировок и практических упражнений. Вечером самоподготовка. ...По ночам часто поднимали по тревоге. ...Каникул не было, иногда назначали выходные. ...Отпуск [в город] имели только семейные»⁹. Чжу Дэ (к сожалению, без пояснений) указывает на существенную особен-

ность построения учебно-воспитательного процесса в *цзяньутане*. Особенность заключалась в полной изоляции от внешнего мира, всецелом погружении и пестовании кадета в замкнутом пространстве «воинственного духа и презрения к смерти». Так, по мысли училищных инструкторов, он «пропитывался вожделием к безжалостному сокрушению противника». Из специфического психотренинга исходила, кстати, и «невинная» кадетская фронда – брить начисто головы. Избавление от *бяньцзы*, символа покорности маньчжурам, впечатляло и будоражило общественное мнение. То ли от восхищения, то ли от страха (но в общем верно) куньминские обыватели говорили: «Эти звери, что вскармливаются в *цзяньутане*, кого угодно разорвут на куски»¹⁰.

«Вкус к службе» офицеры-наставники прививали кадетам не только посредством изматывающих занятий и вербальных внушений. «Зверей» подвергали телесным наказаниям по уставу, лупили и просто так – для профилактики. Считалось и никем не оспаривалось, что «без мордобоя злым в бою не будешь»¹¹.

Вооруженные силы Китая нуждались в кадрах, знакомых пусть и в общем приближении с передовыми оперативно-тактическими идеями и сведущих в прочих новациях военного искусства, вытекавших из поучительного опыта локальных войн рубежа столетий. В *цзяньутане* основным источником доктринальных представлений о современной войне и способах ведения боя с учетом западного опыта, являлся «*Бубин цзаньсин цаофа*» («Временный регламент обучения пехоты»), разработанный цинским военным ведомством в 1906 г. В «*Цаофа*», наряду с обзором предшествующих достижений зарубежной военной науки и собственной практики вооруженного противостояния с Западом, нашли обобщение самые свежие уроки русско-японской войны и боевых действий в англо-бурском конфликте 1899–1902 гг. Нельзя также не заметить в Регламенте особого влияния на тактические взгляды китайско-

го генералитета германской военной мысли. Без каких-либо существенных изменений, например, в документе прописаны целые параграфы хорошо известных в армейских кругах Европы «*Grundzüge der höheren Truppenführung*» («Принципы управления войсками в высшем тактическом звене») ¹².

Цзинь Юйго, опираясь на «*Цаофа*», а также некоторые ранее внедренные в войска инструкции, делает вывод о том, что офицерский корпус Новой армии «владел достаточным знанием» о тактике, боевом порядке, применении артиллерии и скорострельных средств поражения, фортификации на позиционном фронте, групповых построениях в маневренной войне ¹³. Владел или нет, – это вопрос, но приобщаться к достижениям передового оперативно-тактического искусства был обязан и имел для этого возможности.

Вместе с тем китайские военные, пытаясь идти в ногу с хорошо вооруженными и обученными армиями Запада, нацеливали войска на планирование наступательных операций как основного вида боевых действий в ущерб обороне, что было неприемлемо в условиях общей и военно-технической отсталости страны. Наступательная доктрина «*Цаофа*» после Синьхайской революции перекочевала в академические учебники и боевую подготовку республиканских армий и НРА, сыграв, таким образом, едва ли не фатальную роль в Антияпонской войне сопротивления.

Весьма любопытная главка «*Цаофа*» посвящена партизанской войне. Партизанская стратегия и тактика никогда не воспринимались китайскими военными (в отличие от западных коллег) явлением, несовместимым с войной регулярных армий. Более того, с середины XIX в. оборонительно-партизанская доктрина стала основной в планировании операций против агрессии извне, будучи институцированной в пекинских директивах вроде «*Янфан шолюэ*» или «*Бинсюэ синьшу*», но позднее необдуманно отвергнутой из соображений профессионального «престижа». Вновь сошлемся на Цзинь Юйго, констатирующе-

го неплохое понимание цинскими военными теоретиками вопросов организации и ведения партизанских действий армейскими частями. В частности, в том же «Цаофа» и других документах раскрываются важнейшие способы борьбы с противником, основанные на трех обязательных принципах «нерегулярной» войны, – внезапности, стремительности и хитрости (с приложением примерных схем организации маневренно-партизанского боя в различных условиях обстановки)¹⁴.

Как видно даже не очень сведущему в тактической науке китайской Красной армии, она родилась не в Цзинганшани и не на пустом месте, но должна восприниматься не иначе, как глубоко преемственная и развивающая национальную традицию партизанской войны. Неотменимым фактом в совершенствовании формата операций «не по правилам» следует признавать и борьбу бурских *коммандос* против британской колониальной армии (в *цзяньутане* ее изучали), в основе которой лежала абсолютно идентичная китайской стратегия «заманивания врага в глубину территории» в сочетании с мобилизацией населения на «самооборону» и «тесное взаимодействие с регулярными силами»¹⁵.

Несомненно, особую роль в подготовке китайских офицеров республиканского и гоминьдановского Китая сыграл генерал Цай Э, хорошо известный в военных кругах и необыкновенно популярный у армейской молодежи благодаря своей брошюре «Цзюньгоминь пянь» («О воинствующей нации») и курсу лекций «Цзэн Ху чжибин юйлу» («Наставления Цзэн [Гофаня] и Ху [Линь] по военному делу»). В 1911 г. генерал возглавил 37-ю куньминскую бригаду и по совместительству начал вести занятия по тактике в *цзяньутане*.

«Юйлу», сборник военных изречений двух цинских сановников с комментариями составителя, мгновенно разошелся в списках и пересказах по классам и казармам всех военно-учебных заведений страны, превратившись в главный учебник китайского офицера эпохи. Его ценность – в популярном (Цзэн

Гофань и Ху Линьи – люди штатские) и практическом, процедурном толковании секретов полководческого искусства, подкрепленном мнением профессионала, владеющего знаниями о современной войне. Цай Э выбрал в качестве «уставного чтения» советы Цзэна и Ху, а не, положим, «*Ляньбин шицзи*» Ци Цзигуана (труд не слишком устаревший и достаточно прикладной) и потому, что укротителям тайпинского движения удалось наглядно показать и доказать неразрывное единство военного дела – как умения полководца «управляться со своими войсками» и «драться с противником». Представляется, что именно этот важнейший, но недостаточно хорошо понимаемый в войсках, элемент командирской учебы стал решающим в выборе генералом первоисточника. Цай Э было очень важно убедить молодых офицеров-националистов в том, что «домашняя» военная наука «не должна рассматриваться худшей в сравнении с западной»¹⁶.

Так, в первой же главе «*Юйлу*» (в последней расставляют точки над «i») генерал подчеркивает превосходство Цзэн Гофаня и Ху Линьи в стратегии над «вестернизированным» генштабом, отрицающим оборонительную доктрину. Поддерживая авторов и возражая против официальных установок на безоговорочное наступление, генерал доказывает необходимость «прибегнуть в случае внешней агрессии к стратегии и тактике буров», позволить врагу «продвинуться в глубь территории, измотать его и внезапно нанести удар, застав врасплох». Из примеров с выбором Цзэном и Ху верной стратегии войны и тактики сражения Цай Э выводит главенствующий метод принятия решения военачальником – «руководствоваться реальной ситуацией, а не теорией». «Бездумное следование образцам, – пишет генерал, – уподобляет офицера хромоту, пустившемуся в бег»¹⁷.

Стратегия и тактика Цзэн Гофаня и Ху Линьи, безусловно, впечатляли прагматикой, гибкостью и осторожностью. «Осторожность», подсказывает Цай Э, есть не «хождение на цыпоч-

ках», а «тщательное и всеобъемлющее планирование операции» с точным расчетом направления главного удара. Сунь-цзы называл это *сяньшэн цючжань* («подготовь победу, затем вступай в бой»). Из «Юйлу» китайские офицеры выносили, а кто-то включал в свои аксиомы и побуждения максиму, впоследствии ставшую центральной в тактике китайской Красной армии «рассредоточение в движении – сосредоточение в бою». В целом же речь идет об умении оптимально расчленять боевой порядок на элементы и эшелонировать войска либо для обороны, либо (прописано не очень внятно) наращивания удара в наступлении. Групповые построения, варьируясь в силах и претерпевая необходимое дробление, даже в безнадежном позиционном бою все равно находились в готовности перехватить инициативу и контратаковать. «Отдавать противнику право ударить первому и действовать по обстоятельствам» (*жан-ди цзюво*), в пользу чего, казалось бы, высказались авторы «Наставлений», следует считать не более чем частным примером тактической гибкости командира¹⁸.

Разделы «Цзэн Ху чжибин юйлу» (10 из 12), касающиеся, по выражению Цай Э, «преобразования толпы вооруженных людей в вооруженную силу», представляют куда как больший интерес, нежели их сугубо тактико-стратегические принципы. (При всех достоинствах «Наставлений» они, на наш взгляд, так и не вышли за пределы ущербной традиционности, трактуя обман и хитрость не гипонимом военного искусства, а его тождеством.) Речь в разделах идет об аксиологическом и функциональном аспектах воспитания командира, призванного являть собою образец «добродетельного мужа», «сведущего в логике вещей», носителя чувства «любви к народу» и патриотического начала, «искушенного в познании людей». Неким субстратом перечисленного, по Цзэн Гофаню, выступает понятие *вэньу цзяньбэй* («и просвещен, и воинственен»), обнимающее все, но в первую очередь нравственные качества (*даодэ пиньчжи*) военачальника. Воинский талант и профессионализм

(*цзюньцай*), таким образом, выносятся им на вторую позицию, а первую занимают совесть (*лянсин*) и благородство (*сюэсин*). Независимо от исторических условий, – будь то гражданская война, в которой действовали Цзэн и Ху, либо сегодняшний день, когда нависла внешняя угроза, – военачальник вдохновляется чаяниями нации, чувством долга (*шанчжи*) перед отечеством, от чего зависит, будет ли оно «в пучине бедствий и страданий» или «выйдет на ровную дорогу»¹⁹.

Личные достоинства командира, как следует из «Наставлений», являются залогом совершенного воинского воспитания и военного обучения. Войска одолеют любого противника, если верят в своего полководца. Вера черпается из командирского правила: «Армию в бой водить, а не посылать». Отсюда произрастает «право командира на поучения». Ожидаемый результат поучений – формирование из подчиненных офицеров и солдат «воинской семьи», отношения в которой строятся на основе «отец-сын, старший брат-младший брат». Военачальник, словно отец, «строг и справедлив»; в подготовке армии берет за основу *ли* (ритуал) и *цин* (старание), в бою считает главным обращенное к нижним чинам *жэнь* (человеколюбие), к себе – *юн* (храбрость и решимость). Сянская армия, утверждает Цзэн Гофань, опиралась на сплоченность, взаимную заботу и взаимовыручку. А такое состояние духа делало ее непобедимой²⁰.

Нельзя не обратить внимания на то, какое непреходящее значение придается в «Наставлениях» укреплению согласия армии с массами. «Любовь к народу является первостепенным фактором в военном деле, – отмечают сановники и Цай Э. – ...Если не любить народ, получишь противодействие, и сам создашь себе трудности. ...[В войне] все ложится на плечи народа. ...Солдат – плоть народа, пропитание [армии] – от народа... Можно ли не почитать и не полагаться на народ?»²¹. Кажется совершенно излишним комментировать тезис и его значение в военно-политической работе КПК, вопреки традиции,

закрепившей за собой первенство в «открытии» древнейшего принципа «опоры на народные массы».

Сказать, что «*Цзэн Ху чжибин юйлу*» произвели на кадетов и офицеров 19-й дивизии большое впечатление, значит не сказать почти ничего. Их переписывали и пересказывали. Словом, Цай Э даже перевыполнил задачу: реабилитация китайского военного искусства была полной и безоговорочной. Выйдя за границы Юньнани, лекции генерала приобрели общермейскую популярность и довольно долго сохраняли ее. В 1924 г. с предисловием Чан Кайши «Наставления» были изданы в школе *Хуанпу*, где стали «настойной книгой» курсантов нескольких поколений самого знаменитого военно-учебного заведения страны²². По инициативе Чжу Дэ «*Юйлу*» (на *байхуа*) издавались и в китайской Красной армии, причем дважды – в 1943 и 1945 гг.²³

Профессионализация офицерского корпуса вооруженных сил Китая, будучи подкрепленной боевым опытом послесиньхайских войн, достигла пика в период *хуго* и *хуфа юньдун* и к началу 1920-х гг., в связи с политической и военно-экономической дезинтеграцией страны, заместилась регрессивным процессом неспешного, но устойчивого падения уровня знаний, навыков и умений командиров, а также в целом боевой эффективности войск.

¹ Юньнаньский *цзяньутан* подготовил более 8 тыс. офицеров (300 из них стали генералами). Его воспитанники (Чжу Пэйдэ, Шэн Шицай, Фань Шишэн, Ван Цзюнь, Цзинь Ханьдин, Лун Юнь, Дун Хунсюнь, Ян Шичэн, Ян Чжэнь и др.) впоследствии заслуженно вошли в полководческую элиту национальных вооруженных сил, командовали армиями и корпусами, руководили крупными штабами и министерскими управлениями. Училище закончили маршал КНР Е Цзяньин, генерал-полковники НОАК Чжоу Баочжун и Цзэн Цзэшэн (см.: Сюй Пин, Чжан Чжицзюнь. Минцзян бэйчудэ юньнань луцзюнь цзяньутан [Юньнаньский *цзяньутан* и его известные генералы-выпускники] // Яньхуан чуньцю. 2003. № 6. С. 73-75).

² У *Дадэ*. Цин мо юньнань синьцзюнь бяньлянь юй цзюньши цзяоюй (Новая юньнаньская армия в позднецинский период: формирование и обучение) // Цзюньши лиши яньцзю. 2006. № 3. С.1 01.

-
- ³ См.: Су Иу. Ваньцин цзюньсяо цзяюй юй цзюньши цзиньдайхуа (Модернизация армии и обучения в военных школах в позднецинский период) // Цзюньши лиши яньцзю. 1994. № 3. С. 118-119; Цинмо миньчу дэ Юньнань шэхуэй. Юньнань шэн данъаньгуань цзыляо сюаньбянь (Юньнаньское общество в позднецинское время и начальный период Республики. Избранные материалы музея провинции Юньнань). Куньмин, 2005. С. 89-90.
- ⁴ Дяньси шилодэ чжухоу (Юньнаньские владыки прошлого) // Наньфан жэньу чжоукань. 2011. № 22. С. 28. Расквартированная в Юньнани 19-я дивизия несколько не уступала европейским армиям (русскую – превосходила) по качеству и количеству штатного вооружения. На оснащении дивизии находились новейшие (образца 1908 г.) винтовки *Mausер*, станковые пулеметы *Maxim* и *Colt*, 75-мм горные пушки *Krupp* и др. (In: Sutton D. Op.cit. P. 60-61).
- ⁵ У Дадэ. Указ. соч. С. 96, 98-100.
- ⁶ У Дадэ. Лунь Юньнань луцзюнь цзяньутан (О Юньнаньском училище сухопутных войск) // Сычуань лигун сюэюань сюэбао (шэхуэй кэсюэбань). 2004. № 1. С. 5.
- ⁷ Дяньси шилодэ чжухоу. С. 28-29.
- ⁸ Чжу Дэ цзышу (Чжу Дэ о себе). Пекин, 2003. С. 41, 43; У Дадэ. Лунь Юньнань луцзюнь цзяньутан. С. 7-8.
- ⁹ Чжу Дэ цзышу. С. 41.
- ¹⁰ Чжу Дэ цзышу. С. 44; Цинмо миньчу дэ Юньнань шэхуэй. С. 65.
- ¹¹ У Дадэ. Лунь Юньнань луцзюнь цзяньутан. С. 8.
- ¹² О восприятии военного искусства Германии в вооруженных силах других стран, в том числе Китая, подробнее см.: Strohn M. The German Army and the Defense of the Reich: Military Doctrine and the Conduct of the Defensive Battle. Cambridge, 2011. P. 19-36.
- ¹³ *Цзинь Юйго*. Чжунго чжаньшу ши (История китайской тактики). Пекин, 2002. С. 287-290, 293-295.
- ¹⁴ Там же. С. 286-287, 290.
- ¹⁵ Там же. С. 291.
- ¹⁶ У Дадэ. Лунь Юньнань луцзюнь цзяньутан. С.6-7; Цай Э цзи (Сочинения Цай Э). Чанша, 1983. С. 81.
- ¹⁷ Цай Э цзи. С. 84.
- ¹⁸ Там же. С. 79, 81.
- ¹⁹ Там же. С. 55-58, 60-62.
- ²⁰ Там же. С. 72-74, 65-68, 76-77.
- ²¹ Там же. С. 73.
- ²² Тогда же по просьбе Сунь Ятсена в Гуандун была откомандирована группа офицеров *Юньнань цзяньутан* во главе с Ван Болином и Хэ Инцинем, составившая преподавательское ядро школы. Программа обучения в «кузнице кадров» НРА строилась на основе методических разработок юньнаньцев и Баодинской академии, а не только и, наверное, не столько советских источников, как принято считать (См.: Ян Дунсяо. «Цзэн Ху чжибин» инсян Чжунго [Влияние «Цзэн Ху чжибин» на Китай] // Линдао вэньцуй. 2008. № 24. С. 59-

61; Sutton D. Provincial Militarism and the Chinese Republic: The Yunnan Army, 1905-25. Ann Arbor, 1980. P. 86).

²³ Ян Дунсяо. Указ. соч. С. 61.

Мельникова Н.И.
ИДВ РАН

ГУН ЛЯНБИН¹ ОБ ОБСТАНОВКЕ В ЧУНЦИНЕ ПОСЛЕ РОСПУСКА КОМИНТЕРНА

В этом районе наиболее крепкие позиции занимала антикоммунистическая группировка, возглавляемая военным министром Хэ Инцинем, который оказывал влияние на многих лидеров гоминьдановского правительства. На одном из своих заседаний (1943 г.) группа приняла решение о ликвидации Особого района, его вооруженных сил и роспуске КПК с последующим приемом вышедших из компартии членов в члены Гоминьдана (ГМД) на общих основаниях. Командный состав 8-й армии КПК от командира дивизии и выше предполагалось оставить на командных должностях в армии, но перебросить их в другие воинские части. Кроме этого, было принято решение немедленно послать в Особый район своих агентов для проведения подрывной работы среди членов ЦК КПК, ее центральных органов и других руководящих лиц. ГМД было известно о внутривластной борьбе в КПК вокруг вопроса о едином фронте против японской агрессии. Против позиции Мао выступали Ван Мин, Цинь Бансянь, Ло Фу и Чжоу Эньлай, которые отрицали необходимость сочетать тактику единого фронта с сохранением и укреплением территориальной базы и вооруженных сил КПК². При этом в решении гоминьдановских функционеров особо указывалось на необходимость столкнуть и посорить Мао Цзэдуна с Ван Мином, а также настроить массы против тех, кто жил и учился в Москве. Задача провокаторов состояла не только в том, чтобы противопоставить их друг другу и столкнуть их между собой, но и показать отрицательные стороны руководства ЦК и тем самым подор-

вать авторитет каждого руководителя в отдельности и всей организации в целом. При удачном использовании этого метода агенты ГМД постараются оторвать лидеров КПК от организации и оклеветать их перед широкими массами. В своем решении о дальнейшей подрывной деятельности против КПК ГМД возлагал большие надежды на свою широко разветвленную сеть агентуры, засылаемую в больших масштабах в Особый район. Взаимоотношения между КПК и ГМД становились все более напряженными.

После объявления решения ИККИ в 1943 г. о самороспуске, Чан Кайши и его окружение заняли выжидательную позицию. Они ожидали, какую политику займет КПК. Чан Кайши полагал, что КПК сразу после роспуска Коминтерна останется одна и будет вынуждена капитулировать перед требованиями ГМД, подкрепленными силой, состоящей из нескольких дивизий, располагающихся в Северном Китае. На одном из совещаний в Чунцине ГМД было принято решение: при разъяснении вопроса о роспуске Коминтерна восхвалять мудрость советской политики, но избегать практического стимулирования этого вопроса, разъяснять, что политика Коминтерна, рассчитанная на мировую революцию, была ошибочной, в результате чего потерпела поражение, а роспуск Коминтерна должен иметь следствием и роспуск КПК. В этой ситуации компартии рекомендовалось отказаться от имеющейся в ее распоряжении военной силы и от Особого района, а также указать, что КПК не имеет базы для самостоятельного существования. Кроме этого рекомендовалось проводить работу и среди молодежи, указывая на ошибки компартии и призывая ее к вступлению в «Союз трех народных принципов» Сунь Ятсена³.

ЦК КПК поддержал решение ИККИ о роспуске Коминтерна. На заседании ПБ ЦК КПК это решение было признано правильным и отныне компартия считала себя свободной от различных обязательств, определенных уставом Коминтерна и многократными решениями его конгрессов⁴. В своем обращении

нии, подготовленном к 7 июля 1943 г., в связи с 6-й годовщиной войны сопротивления (которое не было разрешено к опубликованию ГМД) КПК заявила о поддержке правительства в борьбе против Японии и о стремлении бороться до полного изгнания интервентов из Китая. Однако предупреждала о том, что если правительство и ГМД и дальше будут создавать ограничения и подавления в районе действия 8-й армии, то ситуация в стране не улучшится, а приведет к дальнейшим спорным вопросам, которые невозможно будет разрешить мирным путем. КПК настаивала на проведении демократических реформ, которые могли бы способствовать улучшению политического и экономического положения народа и страны в целом.

Как выяснилось впоследствии, решение группировки Хэ Инциня было принято Военным советом за основу и одобрено ГМД. Реализация ее планов рассматривалась с четырех позиций: с военной, политической, партийной и разведывательной – и преследовала единственную цель – разгромить силы КПК при помощи всех видов оружия, имеющегося в распоряжении ГМД. В этом плане на одном из первых мест стояло политическое воздействие на общественное мнение в пользу роспуска КПК и ликвидации Особого района. Одновременно с этим ГМД готовил вооруженные силы для борьбы против армии Особого района. В прессе началась кампания отправки телеграмм на имя Мао Цзэдуна с требованиями роспуска КПК и ликвидации Особого района, ликвидации его администрации и вооруженных сил. Пресса Китая как столичная, так и провинциальная, решение о роспуске Коминтерна рассматривала как явление мирового значения и, обращаясь к КПК, указывала, что дни ее сочтены, что компартия осталась одна и ей пора уже распустить все свои незаконные организации.

Одновременно ГМД готовил агентуру для подрывной работы в Особом районе как в центральных, так и в низовых партийных и общественных организациях. Согласно одного из вариантов решения, Чан Кайши официально командует в Янь-

ань одного уполномоченного для переговоров с Мао о передаче просьбы Чан Кайши посетить Чунцин для обсуждения дальнейших взаимоотношений между КПК и ГМД. Другого – командирует нелегально к прорусской группировке в ЦК КПК для организации раскола изнутри групп Мао Цзэдуна и Ван Мина, а третьего – командирует легально как представителя отделения агентства Central News для связи Особого района с Чунцином. Перед резидентом разведки ГМД ставилась задача изучить обстановку в Яньани, наблюдать за ходом развития событий, которые будут разворачиваться в Особом районе, и сообщать в Чунцин через свою радиостанцию в Яньани. В это же время ГМД подбирает агентуру и направляет ее сначала в Шэньси-Сиань, а затем по разным дорогам и под различными предложениями в Особый район для ведения подрывной работы как в центральных, так и в низовых организациях КПК. ГМД готов идти на все способы вплоть до применения военной силы, чтобы ликвидировать Особый район. В этих условиях внутриполитическая ситуация в Китае не исключала и возможность ожидания возникновения гражданской войны. Однако многое зависело от обстановки, которая сложится к тому времени в Китае и за рубежом.

За рубежом пристально наблюдали за отношениями между КПК и ГМД, но пока не рекомендовали Чан Кайши разжигать внутренние противоречия, а рекомендовали вести национальную войну против японцев. Политическое положение Китая было неустойчивое и во многом зависело от помощи и советов американцев и англичан. Устойчивость политического положения Китая зависела и от многих внутренних факторов, и в частности от тяжелого экономического положения в стране, от неустойчивости финансовой политики, от неблагоприятной ситуации в тяжелой промышленности и в других важных производствах. Все это не позволяло Китаю самостоятельно решать целый ряд вопросов как внутренне, так и международного порядка, хотя лидеры об этом не высказывались откровенно.

После роспуска ИККИ работа Чунцинской парторганизации КПК сильно осложнилась. Она велась по двум направлениям: по направлению разрешенного Чан Кайши легального представительства, руководителей КПК и ее органа «Синьхуа жибао». Все сотрудники этих организаций пользовались свободой передвижения и работали в пределах установленного разрешения. За ними наблюдали и их контролировали органы разведки ГМД, в том числе, по направлению нелегальной работы среди рабочих и служащих Чунцина и пригородов. Парторганизации Компартии проводили партийно-массовую работу в основном в нелегальных условиях. Массовой легальной работы в большом масштабе не проводилось. Она велась лишь среди узкого круга проверенных лиц – членов организации. Прием в парторганизации был прекращен во избежание проникновения в них нежелательных элементов. После роспуска ИККИ контрольные органы ГМД задерживали доставку и часто конфисковывали очередные номера «Синьхуа жибао». На заводах, фабриках, конторах были созданы так называемые Отделы кадров, которые обязывали каждого рабочего и служащего заполнить специальную анкету, содержащую данные об учебе и месте работы, а также причинах в случае перехода на другое место работы. Членам КПК стало трудно проникать и работать в органах ГМД.⁵ Если на первом этапе сразу после опубликования решения о роспуске ИККИ ГМД советовал компартии подумать и решиться на роспуск партии, Особого района, ликвидацию армии и администрации всего района, то теперь ГМД полагал, что настал момент оказания давления на КПК по всем позициям.

В 1943 г. внутренняя и внешнеполитическая ситуация в Китае была довольно сложной. Япония продолжала осуществлять отдельные операции в целях склонить правительство Чан Кайши к заключению мира. Резко обострились противоречия между чунцинским режимом, с одной стороны, и режимом, контролируемым КПК с другой. В этих условиях работа ГМД

и его органов с коммунистами и их организациями приняла несколько иную форму. Если раньше столичные газеты требовали принятия соответствующих мер к КПК, то после указаний Чан Кайши антикоммунистическая шумиха несколько утихла в центре, но продолжалась на местах в разных провинциях. 21 августа Чан Кайши на своей даче созвал совещание, на котором обсуждался вопрос о КПК. Хэ Инцинь продолжал настаивать на ликвидации Особого района вооруженным путем. Однако большинство участников совещания, в том числе и сам Чан Кайши, не согласились с ним и решили добиваться решения этого вопроса политическим путем. В целях улучшения внутреннего и международного положения Китая совещание приняло решение разработать мероприятия по введению в стране конституционного режима, а для этого было необходимо добиться политического и военного единства в стране и решить вопрос о КПК, который предполагалось обсудить на предстоящей сессии Национального политического совета (НПС). Цель этого обсуждения – показать иностранцам мнение народа о коммунистах, об особом характере КПК, которая, имея свою территорию и вооруженные силы, препятствовала процессу объединения страны, успешному наступлению против Японии и строительству государства.

¹ Псевдоним Д. Годунов. В 1920-е годы учился в Университете трудящихся им. Сунь Ятсена в Москве, в 1940-е годы работал в Китае корреспондентом ТАСС.

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Л. 19.

³ ВКП (б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны 1937-май 1943. М., 2007. С. 679.

⁴ Там же. Док. № 291.

⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Л. 10-11.

КИТАЙ В ПЕРИОД ЦИНСКОЙ ДИНАСТИИ

Неглинская М.А.

ИБ РАН

КОЛЛЕКЦИИ КИТАЙСКОГО ЭКСПОРТНОГО ИСКУССТВА XVII–XVIII СТОЛЕТИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МУЗЕЯХ И ИХ ИЗУЧЕНИЕ

Формирование европейского рынка обусловило расцвет экспортного искусства в империи Цин (1644–1911 гг.) и определило появление соответствующих коллекций на Западе и в России. Имеющее уже определенную историю изучение отечественных собраний китайского экспортного искусства XVII–XVIII вв. дало интересные результаты, но отнюдь не исчерпало возможностей темы.

Казалось бы, что (кроме решения проблем стилевой эволюции) может представлять интерес для исследователей в цинском экспортном искусстве, произведенном на юге Китая (в мастерских портового города Кантон/Гуанчжоу и других местах) в период деятельности ост-индских компаний – английской (1600–1858 гг.) и голландской (1602–1798 гг.) – и христианских миссионеров; в искусстве, объединяющем различные по формам и назначению изделия из лака, поделочного камня и шелка, живописные эмали на металле и фарфор.

Все эти произведения заслуживают внимания хотя бы по двум причинам: во-первых, экспортное искусство как таковое в любую эпоху представляет срез художественных и технологических новаций, обусловленных внешними контактами Китая и запросами иностранного рынка; и во-вторых, особенность китайского экспорта конца XVII–XVIII вв. состоит в его программной ориентации на страны Европы; именно в товарах для западных заказчиков начала складываться та художественная модель, альтернативная традиционной модели, которая эволюционирует в китайском искусстве и сегодня, и которая,

по существу, обеспечила ему участие в современном мировом художественном процессе.

Коллекции китайского экспортного искусства указанного времени, сосредоточенные в столичных музеях, отчасти изучены и опубликованы. Первым по значению считается собрание Государственного Эрмитажа (ГЭ, Санкт-Петербург), вторым – принадлежащее Государственному музею искусства народов Востока (ГМИНВ/ГМВ, Москва). Небольшие коллекции (эмалей, резного камня, фарфора и тканей) есть в музеях московского Кремля (ГИКМЗ «Московский Кремль»), Государственном историческом музее (ГИМ, Москва) и пригородных дворцах Санкт-Петербурга¹. Об аналогичных собраниях провинциальных музеев известно немного, они почти не изучены (ввиду отсутствия собственных специалистов) и мало опубликованы. Ясно, однако, что коллекции отечественных музеев уступают аналогичным западным собраниям: успешно развивавшиеся в период Цин культурные связи с Европой, посредниками в которых выступали европейские миссионеры (особенно иезуиты, состоявшие на службе при пекинском дворе), определяли приоритетное развитие торговли цинского Китая со странами западного мира в обход России².

Первенство в изучении и публикации материалов отечественных собраний принадлежит Государственному Эрмитажу, где предметы экспортного искусства XVII–XVIII вв. были выделены из общей массы европейских и китайских произведений Марианной Николаевной Кречетовой (1903–1965), которая способствовала атрибуции и пополнению этой коллекции, получившей название «ост-индской». К концу XX в. в Эрмитаже находилось около 800 образцов экспортного фарфора³, 267 предметов кантонской эмали и около 40 полотен редких шелковых обоев. Часть вещей, вероятно, поступила в качестве польских даров⁴.

Ост-индский фарфор первым привлек внимание специалистов. В 1946 г. М.Н. Кречетова защитила кандидатскую дис-

сертацию на тему «Китайский фарфор для экспорта в Европу конца XVII–XVIII вв.». Наиболее интересный аспект этого исследования связан с новациями западного происхождения в сюжетах (религиозных, мифологических, исторических; изображениях гербов, монограмм, аллегорий, пейзажей и портретов, заимствованных в европейском искусстве того времени) и технологиях росписей: надглазурной живописи по фарфору матовыми эмалевыми красками и монохромной европейской техники гризайль (grisaille)⁵. Принципиальную важность имеет замечание М.Н. Кречетовой о том, что в Европу одновременно поступал традиционный по формам и декору китайский фарфор и так называемый «иезуитский» (со сценами «Крещения» и «Распятия», служивший целям пропаганды христианства и созданный при участии миссионеров-иезуитов). Последний, по мнению исследовательницы, предназначался в большей мере для внутреннего китайского рынка и даже для пользования императора Канси (1662–1722). На материалах эрмитажной коллекции М.Н. Кречетова показала, что произошедшая в экспортном фарфоре встреча двух противоположных изобразительных систем, западной и китайской, отмеченных кардинальными различиями в мировосприятии, принадлежностью к разным историко-культурным контекстам, больше походила на их столкновение, которое все же обусловило «постепенное проникновение в китайское искусство и почти насильственное внедрение в него европейских элементов»⁶.

Вывод М.Н. Кречетовой о том, что «механическая пересадка на китайскую почву европейских приемов, несмотря на многие художественно выполненные вещи, явилась в дальнейшем одной из причин упадка росписи на китайском фарфоре»⁷, отражает популярную в отечественных работах XX в. концепцию общего регресса китайского искусства в маньчжурское время и нуждается в пересмотре.

Аналогичного взгляда придерживалась и Эмилия Павловна Стужина (1931–1974), известный специалист по китайскому

ремеслу, хотя в целом её понимание проблемы представляется более реалистичным. Отмечая наличие в фарфоре XVIII века двух полихромных техник – традиционной китайской (*уцай*, «пятицветной/зеленое семейство») и европейской росписи (*фэньцай*, «нежные краски/розовое семейство», на основе богатых оттенками непрозрачных эмалей), Э.П. Стужина констатирует, что стиль *гуанцай* («кантонские краски/многоцветье») представлял собой «уступку дурному вкусу, смешение разных стилей в одном»; свойственная последнему «ложная пышность за счет утраты былой изысканности по существу свидетельствовала о распаде [традиционного/классического китайского – М.Н.] стиля»⁸. Соображения Э.П. Стужиной интересны, однако их необходимо дифференцировать. Относительно вольные условия производства экспортного фарфора, преобладание в его декоре сочных красок в сочетании с обильным золочением, скрывавшим дефекты фарфорового черепка, действительно позволяли иногда пренебречь качеством вещей. Вместе с тем очевидно, что фарфор с росписью *гуанцай* обладал технологической и художественной новизной, характеризующей цинскую эпоху, и в этом смысле он принадлежал к новому (цинскому) стилю. Поэтому такой фарфор одновременно производился на экспорт, для внутреннего рынка и даже пекинского двора. Явное снижение качества фарфора *гуанцай* (и китайских фарфоровых изделий в целом) наблюдалось лишь приблизительно в середине XIX в., что стало одним из свидетельств системного кризиса, обострившегося к концу правления династии Цин⁹.

Как можно заметить, производство цинского фарфора в целом объективно отражает современную ему экономическую ситуацию: используя европейские новации, китайские мастера решали проблему конкурентоспособности товаров на внешнем и внутреннем рынках.

Кантонские расписные эмали на металле попали в поле зрения специалистов несколько позднее фарфора; атрибуция

этого раздела ост-индской коллекции Эрмитажа сделана в соответствующем каталоге Т.Б. Араповой, вышедшем в конце 1980-х гг.¹⁰ Исследовательница первой среди отечественных ученых отметила существование в период Цин единой терминологии для обозначения живописных эмалей на металле и современного им фарфора с росписью непрозрачными эмалевыми красками (оба вида изделий именовались *янцы* «иностранный/[для] иностранцев фарфор»).

Т.Б. Арапова выдвинула положения, позволившие отказаться от общепринятого взгляда на кантонские эмали XVIII в. как предметы исключительно экспортного назначения. Среди приведенных аргументов – неспособность цинских вещей конкурировать по качеству с аналогичной европейской продукцией; наличие в этой группе предметов сугубо китайских форм, украшенных не только традиционными сюжетами, но и каллиграфией, смысл и эстетика которой в то время не были понятны европейцам. Из сказанного следует, что кантонские эмали представляют собой выполненные для китайского внутреннего рынка имитации модного и дорогого западного металла с эмалевой росписью, однако они поступали и в Европу в период расцвета «китайского стиля»/шинуазри¹¹.

Методы атрибуции М.Н. Кречетовой и Т.Б. Араповой были использованы автором статьи при подготовке к печати работы о кантонских эмалях ГМНИВ¹².

Изучение коллекций китайского экспортного искусства в столичных музеях и теоретическое осмысление роли художественного ремесла, связанного с внешним рынком, обусловили переход к следующему этапу анализа материала. На этом этапе признано доказанным, что экспортное искусство представляет собой компромисс на основе требований разных художественных систем, однако не стоит продолжать оценивать его как свидетельство вынужденной деградации традиционного китайского искусства или как эстетический курьез. Недавние издания цинских коллекций показали, что экспортное искусство

имеет продолжение в изделиях пекинских придворных мастерских, а претворившиеся в нем европейские новации служат ключом к пониманию стиля маньчжурского времени и знаменуют не упадок, а трансформацию традиционной китайской культуры в результате сближения её с культурой западной¹³.

Сопоставление китайского экспортного и придворного искусства XVII–XVIII вв., сделанное в докторской диссертации автора, послужило основой для подготовки и публикации монографии «Шинуазри в Китае»¹⁴. Анализ экспортного и придворного искусства позволил различить две версии цинского стиля (кантонскую «европейщину/возвращенное шинуазри» и пекинскую «китайщину») и обосновать следующие выводы.

Во-первых, новациями, характеризующими эпоху, оказались затронуты, прежде всего, ремесла, наиболее востребованные в торговле Китая с Европой, причем обмен «модными» товарами в XVII–XVIII вв. перешел в обмен технологиями. В результате в Китае были адаптированы некоторые западные по происхождению виды искусства: производство механических часов, астрономических и геодезических приборов; роспись эмалевыми красками по металлу, стеклу и фарфору; гравюра на меди/офорт; живопись масляными красками. Эти западные технологии стали датирующими и определяющими признаками искусства цинской эпохи. Аналогичную роль в Европе играли основанные тогда же производства фарфора и лаковых изделий.

Во-вторых, цинский придворный стиль XVII–XVIII вв., созданный в Пекине кантонскими мастерами и католическими миссионерами, представляется методически и структурно близким как экспортному искусству (цинской «европейщине/chinoiserie in reverse»), так и существовавшей в русле классических стилей (барокко, рококо, классицизма) европейской «китайщине/chinoiserie» (последнее отражает принадлежность придворных художников-миссионеров к западной культуре).

В-третьих, продукция пекинских мастерских периода величия цинской империи (1662–1795) отмечена синтезом дос-

тижений искусства, наук и технологий, характерным для эпохи европейского Просвещения, что очевидно на примере производства механических часов. Однако для включения новаций в русло китайской традиции создававшиеся при пекинском дворе западные инструменты были введены в инвентарь государственного ритуала и тем самым наделены новым отвлеченно-символическим содержанием (*дани-гун*), альтернативным имманентному культурному и научному смыслу. Вместе с формами европейских инструментов были «ритуализированы» интеллектуальные и технологические новации и сама стилевая система западного искусства Нового времени (от Ренессанса до неоклассики), что устранило проблему дуализма европейского и китайского начал в цинской культуре.

В-четвертых, разные виды цинского искусства и ремесла отмечены неодинаковым соотношением в них традиционализма и новаций западного происхождения: пропорция произведений XVII–XVIII вв., выполненных в «традиционном» стиле и в «стиле шинуазри», составляла примерно двадцать к одному, причем последние преобладали среди вещей, созданных по европейским технологиям.

В-пятых, культурная политика периода трех правлений (Канси, Юнчжэн и Цаньлун) привела к тому, что китайское искусство при сохранении национальной идентичности превратилось в открытую систему и стало развиваться в общих ритмах с искусством западным. «Китайщина» в империи Цин не стала повсеместно признанной модой, но европейское явление шинуазри и изоморфный ему цинский стиль XVII–XVIII вв. представляются феноменами одного порядка – полярностями, образовавшими единое целое в системе современного им мирового искусства. Восприимчивость к внешним влияниям обеспечила начало процесса обновления цинского искусства: его европейская составляющая обозначила ту часть культурной программы правящей династии, которая была устремлена в будущее, к нынешней ситуации в мировом искусстве.

-
- ¹ В ряду коллекций экспортного искусства из пригородных петербургских дворцов полностью опубликовано лишь собрание Государственного музея-заповедника «Ораниенбаум», включающее около 70 китайских и 30 японских вещей, экспонировавшихся на специальной выставке 2004-2007 гг. Автор выставочного каталога М.П. Лебединская при подготовке проекта использовала консультативную помощь специалистов Государственного Эрмитажа (Т.Б. Араповой, М.Л. Меньшиковой), Государственного музея Востока (М.А. Неглинской) и Санкт-Петербургского филиала Института Востоковедения РАН (А.М. Кабанова). – См.: *Лебединская М.П.* Восточная коллекция. Каталог выставки в Государственном музее-заповеднике «Ораниенбаум». СПб., 2007.
- ² Как известно, при Канси торговые отношения между Китаем и Россией были затруднены: император предпринимал попытки перенести русско-китайскую торговлю из Пекина в пограничный город Селенгинск; в 1717 г. цинские власти насильно удалили из Пекина русский караван, не позволив ему распродать товары, а год спустя задержали на границе другой торговый караван (под началом Ф.С. Истопникова), который был допущен в цинскую столицу лишь в 1720 г., после переговоров с посольством Л.В. Измайлова (1719-1722). – См.: Русско-китайские отношения в XVIII веке (1700-1725). Т. 1, М., 1978. С. 15-21. Одним из препятствий в развитии отношений, по-видимому, была небрежная экономическая подготовка русских миссий. Так, средства, выделяемые из казны посольствам Н.Г. Спафария (1675-1677), И. Идеса и А. Бранда (1692-1695), были скудными, а меха, предназначавшиеся для богдыхана, отличались низким качеством // *Идес И, Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай (1692-1695). Вступительная статья, перевод, комментарии М.И. Казанина. М., 1967. С. 38-39, 349-350. Упущения отчасти учли при подготовке посольства Л.В. Измайлова. Перечень даров, приведенный в записках Г.И. Унферцагта – художника и гравера, сопровождавшего посла, показывает наличие предметов, высоко ценившихся при цинском дворе: механических часов; стенных зеркал с золочеными и стеклянными рамами; математических инструментов // Русско-китайские отношения в XVIII веке (1700-1725). Т. 1. С. 569-572. Среди ответных даров Канси русскому самодержцу значатся: фарфоровые изразцы белого и голубого цвета для двух печей; «множество золотых чашечек, украшенных финифтью (эмалью – М.Н.)»; изделия из фарфора; два ящика ракет для фейерверков; шелк и вышитые ткани; «шелковые весьма богатые обои для двух комнат» // Там же. С. 536-537. Известно, что китайские обои произвели на царскую чету особенно сильное впечатление. Петр демонстрировал их своим министрам и затеял спор с Апраксиным о том, можно ли изготовить подобные обои на петербургской фабрике, придерживаясь отрицательного мнения на этот счет. Екатерина, осмотрев вещи, спросила, сколько за них заплачено, и, узнав, что это дары, не поверила послу // Там же. С. 579-580.
- ³ Об изучении цинского фарфора эрмитажной коллекции см.: *Арапова Т.Б.* Китайский фарфор в собрании Эрмитажа. Конец XIV – первая треть XVIII века. Л., 1977. С. 22–29; *Она же.* Дальневосточный фарфор в Эрмитаже. Исто-

рия изучения // Сообщения Государственного Эрмитажа. Т. LXX, СПб., 2012. С. 214–219.

⁴ Пример тому – шелковые китайские обои из коллекции ГЭ, о которых уже упоминалось. Атрибуция их сделана старшей сотрудницей Эрмитажа (с 1953), кандидатом исторических наук Марией Леонидовной Рудовой-Пчелиной (выпускницей восточного факультета ЛГУ, 1949). Обои украшены редкими для этого ремесла росписями на литературные сюжеты: сценами из романов «Троецарствие» (7 полотен), «Речные заводы», «Путешествие на Запад» (5 полотен), «Возведение в ранг божеств» (6 полотен) и композициями на сюжет пьесы «Западный флигель» (6 полотен). Часть обоев происходит из помещений сгоревшего в 1926 г. деревянного одноэтажного «Екатерингофского дворца», который был заложен на невских берегах Петром I весной 1711 г. и подарен им Екатерине I. Эрмитажные обои не раз перетягивались на новые рамы и меняли свое расположение, поскольку при подготовке к экспонированию потребовали серьезной реставрации. – См.: Китайское экспортное искусство из собрания Эрмитажа. Конец XVI-XIX вв. Каталог выставки СПб., 2003. С. 174–181.

Экспортный китайский фарфор поступил в ГЭ из Зимнего дворца и национализированных после 1917 г. частных коллекций (А.С. Долгорукого, К.А. Горчакова, Е.Г. Саксен-Альтенбургской, Шуваловых, Воронцовых-Дашковых, А.П. Келлера, П. Корфа); так называемые «кантонские» (живописные) эмали на металле, создававшиеся в период Цин по европейской технологии в Кантоне/Гуанчжоу и Пекине, поступили в ГЭ из коллекций С.А. Строганова, Е.Г. Саксен-Альтенбургской, А.А. Бобринского, Ф.И. Паскевича. Пополнению обоих разделов (экспортного фарфора и кантонских эмалей на металле) способствовала передача Эрмитажу в 1923 г. музея Училища технического рисования барона А.Л. Штиглица. – См.: *Арапова Т.Б.* Китайские расписные эмали. Собрание Государственного Эрмитажа. М., 1988. С. 10; Китайское экспортное искусство из собрания Эрмитажа. Конец XVI-XIX вв. Каталог выставки СПб., 2003. С. 14-69; см. также: *Неглинская М.А.* Китайские расписные эмали в коллекции Государственного музея искусства народов Востока. Научный каталог. М., 1995.

⁵ *Кречетова М.Н.* Сюжеты росписи китайского фарфора для экспорта в Европу конца XVII-XVIII вв. // Культура Индии и стран Дальнего Востока. Л., 1975. С. 86–97. Эта статья, включающая наиболее интересные части её диссертационного исследования, подготовлена к печати кандидатом искусствоведения Т.Б. Араповой – экспертом Эрмитажа в следующем поколении. Татьяна Борисовна Арапова окончила исторический факультет ЛГУ, с 1965 г. работает в Отделе Востока ГЭ, является хранителем коллекций дальневосточного фарфора и китайского экспортного искусства // *Неглинская М.А.* Цинский стиль в китайском художественном металле и эмалях периода трех великих правлений (1662–1795): традиция и новации. Автореф. докт. диссерт. М., 2007.

⁶ Аналогичного взгляда на проблему адаптации западных влияний придерживается ведущий специалист по китайскому фарфору ГМВ, кандидат искусст-

-
- ведения Л.И. Кузьменко, напр., см.: Китайский фарфор XVII-XVIII веков. Государственный музей Востока. М., 2009. С. 145–146.
- ⁷ Кречетова М.Н. Сюжеты росписи... С. 96.
- ⁸ Стужина Э.П. Китайское ремесло в XVI-XVIII веках. М., 1970. С. 70-72.
- ⁹ Частными проявлениями кризиса явились Опиумные войны (1840-1860) и Тайпинское восстание (1850-1864) с их разрушительными последствиями, сокращением или временным прекращением некоторых видов ремесленного производства, что отмечают западные и отечественные исследователи, напр.: *Avitabile G. Vom Schatz der Drachen. Chinesisches Porzellan des 19. und 20. Jahrhunderts aus der Sammlung Weishaupt. L., 1987. P. 12–14; 27. Яковлева И.Г. Китайский фарфор эпохи поздней Цин (1796-1911) в системе национальной культуры // Горный журнал. Спецвыпуск. 2008. С. 72–80.*
- ¹⁰ Арапова Т.Б. Китайские расписные эмали. Собрание Государственного Эрмитажа. М., 1988.
- ¹¹ Там же. С. 7-8, 25-28.
- ¹² См.: *Неглинская М.А. Китайские расписные эмали в коллекции Государственного музея искусства народов Востока. Научный каталог. М., 1995. Коллекция кантонских эмалей рассматриваемого периода в ГМВ насчитывает всего 56 вещей, среди них есть редкие произведения первой трети XVIII в. (парные тарелочки с росписью, изображающей «Поклонение волхвов» и «Святое семейство»; набор чашечек с композициями на тему европейских игральные карт), которые не имеют точных аналогий в ГЭ и других собраниях. Кантонские эмали поступили в московский музей из коллекции известного мецената П.И. Щукина, музея бывшего Строгановского училища (переданы в 1919 г.), Музея новой западной живописи (1928 г.), от коллекционера Д.М. Мельникова (по завещанию 1949 г.) и Министерства культуры КНР (дар 1957 г.).*
- ¹³ Переоценка роли маньчжурской эпохи в китайской культуре происходит с 1980-х. Она сопровождается публикацией книг о жизни цинского двора, каталогов дворцового собрания произведений художественного ремесла и придворной живописи XVIII в., например: Цзыцзиньчэн (Императорский Запретный город). Пекин, 1987; Цзыцзиньчэн дихоу шэнхо (Жизнь императоров и императриц в Запретном городе). 1644-1911. Пекин, 1993; Циндайгун тиншэнхо (Жизнь цинского двора). Сянган, 1985. Публикация каталогов астрономических и геодезических инструментов, механических часов, ювелирных и эмалевых изделий ввела в научный оборот значительное число неизвестных ранее высококачественных произведений искусства маньчжурской эпохи из собрания музея Гугун, например, Цзиньшутай фаланци (Предметы из металла с эмалью). Сянган, 2002; Цингун чжунбяо чжэньцан (Сокровища собрания стальных и карманных часов цинского двора). Сянган, 1995; Цингун сиян ици (Измерительные приборы западного образца /в собрании/ цинского двора). Шанхай, 1999; Циндай хоуфэй шоуши (головные украшения цинских императриц и наложниц). Сянган, 1992.
- В недавнем прошлом за пределами Китая состоялись выставки коллекций пекинского двора, демонстрирующие произведения, созданные в период ве-

личия маньчжурской династии. – См. :Запретный город. Сокровища китайских императоров. Каталог выставки в ГИКМЗ «Московский Кремль». М. , 2007; China: the Three Emperors (1662-1795). Edited by Evelin S. Rawski and Jessica Rawson. London, 2005.

- В настоящее время в науке поддерживается высокий уровень интереса к проблемам культурного диалога между Китаем и Европой, как показывают темы докладов, прочитанных в ноябре 2011 г. на международной конференции в Национальном дворцовом музее Тайбэя. В числе сообщений: *Zhao Zhongnan* (Palace Museum in Beijing). The Royal Court Cultural Exchange in the Era of Emperor Kangxi, Louis XIV and Peter the Great; *M. Pirazzoli-t'Serstevens* (Ecole Pratique des Hautes Etudes). European Decorative Arts at the Court of Emperor Kangxi: Importations, Copies and Adaptations; *E.-B. Curtis*. French Missionary Records for the Kangxi Emperor's Glass Workshop; *Liu Hui* (Palace Museum in Beijing). Comparison between the "Imperial Portraits" of Emperor Kangxi and Louis XIV; *Yu Pei-Chin* (National Palace Museum in Taipei). Castiglione and Porcelains; *Shih Ching-fei* (National Taiwan University). The Cultural Exchanges between China and Europe: The Case of Painted Enamelware in the Qing Court; *C. von Collani* (Universitaet Wuerzburg). Joachim Bouvet, Gottfried Wilhelm Leibniz and Academy at the Chinese Imperial Court; *Ren Wan-ping* (Palace Museum in Beijing). Western Style Architectures on Two Birthday Ceremony Paintings of Qianlong Reign; *Guan Xue-ling* (Palace Museum in Beijing). The Medical Communication between China and Europe in the Reign of Emperor Kangxi; *Fung Ming-chu* (National Palace Museum in Taipei). Deliver across Time and Space: Record the Jesuits whith Mapping of the General Map in the Emperor Kangxi Era. Примечателен заложенный в концепции симпозиума широкий охват материала, релевантный как эпохе Просвещения, так и культурной программе династии Цин периода трех правлений (1662-1795).

Тема шинуазри сохраняет актуальность и в отечественных исследованиях, что подтверждают авторефераты кандидатских диссертаций (см.: *Максимова М.С.* Искусство шинуазри в контексте европейской художественной практики XVIII столетия. Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица, СПб., 2009; *Сураева Н.Г.* У истоков европейской школы живописи в Китае: художник цинских императоров Джузеппе Кастильоне (Лан Шинин). Московский государственный академический художественный институт им. В.И. Сурикова. М., 2011) и опубликованные статьи (см.: *Еремеев В.Е.* Риччи Маттео // Духовная культура Китая. Т. 5, М., 2009. С. 792–794; *Неглинская М.А.* Европейские миссионеры в Пекине XVII-XVIII вв. – творцы стиля шинуазри в китайском придворном искусстве // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства, М. 2005. № 2. С. 64–71; другие ее статьи: Европейские инструменты в цинском ритуале и ремесле // В потоке научного творчества. К 80-летию академика В.С. Мясникова. М., 2011. С. 219–234; Шинуазри в Китае: цинский стиль в китайском искусстве периода трех великих правлений (1662-1795). Монография. М., 2012; Аттире // Духовная культура Китая. Т. 6, М., 2010. С. 512–513; Жугуань // Там же. С. 584–586; Чжунбяо. С. 832–835; Шинуазри. С.

857–858; Юаньминъюань. С. 881–883; кроме того, см. статьи: *Сычев В.Л., Головачев В.Ц.* Кастильоне // *Духовная культура Китая*. Т. 6. С. 596–598; *Сураева Н.Г.* Образ Сян-фэй в истории и живописи Дж. Кастильоне // 43-я ГКОГК. Т. 1. М., 2013. С. 536–545).

¹⁴ *Неглинская М.А.* Шинуазри в Китае: цинский стиль в китайском искусстве периода трех великих правлений (1662-1795). Монография. М., 2012. Методика анализа цинского стиля, разработанная автором в докторской диссертации «Цинский стиль в китайском художественном металле и эмалях периода трех великих правлений (1662-1795): традиция и новации». (М., 2007), была творчески использована при анализе произведений позднецинского фарфора в кандидатской работе сотрудницы Эрмитажа И.Г. Яковлевой «Китайский фарфор эпохи поздняя Цин (1796-1911). Художественные традиции в культурном контексте» (СПб., 2010).

Саркисова Г.И.
ИДВ РАН

ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ И ЗАКЛЮЧЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО АКТА О ПОРЯДКЕ РУССКО-КИТАЙСКОЙ
ТОРГОВЛИ ЧЕРЕЗ КЯХТУ И ПОГРАНИЧНОМ РЕЖИМЕ
(8 февраля 1792 г.)

Кяхтинский договор о политических и экономических взаимоотношениях между Россией и Китаем (21 октября 1727 г.) оказал определяющее влияние на развитие русско-китайских отношений в XVIII в. Он установил линию прохождения русско-китайской границы по северным рубежам Монголии, восстановил караванную торговлю с Пекином, предусмотрел и открытие пограничной торговли в двух пунктах, определил порядок официальных контактов государств через Сенат (с российской стороны) и Лифаньюань (с китайской стороны), оформил статус Русской православной духовной миссии в Пекине.

Русско-китайская торговля началась еще во второй половине XVII в. Ее осуществляли преимущественно казенные караваны с пушниной из России в Пекин. После заключения Кяхтинского договора русско-китайская торговля получила заметное развитие. 4-я статья договора ограничивала количество прибывавших в Пекин из России караванов до одного (численностью не более 200 человек) один раз в три года. При

этом цинские власти ущемляли интересы караванной торговли и в другом: ограничивали контакты русских купцов с местным населением, нередко задерживали караваны в пути или в одностороннем порядке приостанавливали торговлю, в которой Россия была заинтересована больше, чем цинский Китай. Эти обстоятельства существенно влияли на изменение характера торговых отношений двух государств. Русско-китайская торговля постепенно сосредоточилась на границе, центром ее стала Кяхта (на границе с Монголией).

Торговые отношения через Кяхту играли важную роль в торгово-экономических связях России с Китаем в XVIII–XIX вв. и находилась в центре внимания русского правительства. Тем более, что в процессе своего развития кяхтинская торговля неоднократно сталкивалась с препятствиями, создававшимися китайской стороной: с 1744 г. по 1792 г. цинские власти десять раз приостанавливали взаимовыгодный торг по разным причинам¹. Одной из них, приведшей к семилетнему прерыванию (1785-1792 гг.) кяхтинской торговли, стали разногласия по поводу наказания разбойничавших на территории Цинской империи людей с российской стороны: бурятов во главе с Улалдзаем. Они были пойманы на границе и согласно 10-й статье Кяхтинского договора, определявшей меры наказания нарушителям границы, подлежали там же публичной казни. Однако иркутский губернатор лишь наказал их плетью и отправил в ссылку. 10-я статья таила в себе, по заключению В.С. Мясникова, «наибольшую возможность возникновения пограничных недоразумений и споров», поскольку по настоянию цинской стороны предусматривала «исключительно жестокие меры к перебежчикам». А в середине XVIII в. переход в русское подданство монголов-перебежчиков, по определению В.С. Мясникова, имел уже массовый характер, и для русского правительства неприемлемо было наказание их в соответствии с 10-й статьей².

Важными шагами на пути урегулирования спорных вопросов между Россией и Китаем стали соглашения 1768 и 1792 гг., дополнившие Кяхтинский договор. Дополнительная статья к Кяхтинскому трактату (18 октября 1768 г.) устанавливала режим на русско-китайской границе. По заключению Е.П. Силина, «правила нового закона являлись по-прежнему крайне суровыми, но вместе с тем более подробно останавливались на процессуальной стороне разбора пограничных дел. Они вводили в эти дела предварительное следствие, устанавливали ответственность пограничных властей и назначали поощрительные выдачи открывателям преступников»³. Но только в 1792 г. Россия и цинский Китай достигли соглашения, которое «оказалось более прочным, чем все предыдущие, оно не нарушалось обоими государствами ни разу в течение 60 лет»⁴. Этим соглашением стал Международный акт о порядке русско-китайской торговли через Кяхту и пограничном режиме (8 февраля 1792 г.).

Несмотря на несомненную важность этого документа, история его возникновения не освещена в должной мере в историографии. Наибольшей полнотой информации по этому вопросу, основанной на архивных материалах, выделяется исследование Б.Г. Курца «Русско-китайские отношения в XVI, XVII и XVIII вв.»⁵. Авторы других трудов упоминают о Международном акте о порядке русско-китайской торговли через Кяхту в связи с основными направлениями своих научных изысканий⁶. К числу наиболее ценных достижений историографии относятся публикации этого документа⁷. Его текст уместился на двух неполных архивных листах, не имеет разбивки на пункты и выделенные места и касается важных для обоих государств вопросов: об открытии торгового пункта в Кяхте и порядке его проведения, а также порядке наказания нарушителей границы.

Появлению Международного акта предшествовала довольно длительная дипломатическая борьба китайской и российской сторон. Она нашла отражение как в переписке Правительствующего сената с Лифаньюанем⁸, так и в переписке иркут-

ских губернаторов с Коллегией иностранных дел и императрицей Екатериной II. Документы Архива внешней политики Российской империи, хранящиеся в фонде «Сношения России с Китаем», позволяют воссоздать историю подготовки и заключения Международного акта о порядке русско-китайской торговли через Кяхту и пограничном режиме (8 февраля 1792 г).

Как уже отмечалось, с 1785 г. одним из главных вопросов, от решения которого зависело возобновление кяхтинской торговли, был вопрос о наказании «известного преступника» Улалдзая. Однако, еще не достигнув согласия в решении этой проблемы, цинская сторона потребовала наказания уже других восьми российских иноверцев, якобы разбойничавших в ее пределах и убивших караульного Чибака⁹. Поскольку в течение довольно долгого времени иноверцы не были пойманы, иркутский и колыванский генерал-губернатор¹⁰ генерал-поручик И.А. Пиль в своих рапортах в Коллегию иностранных дел и императрице Екатерине II выразил сомнение в достоверности происшедшего. Однако предположение иркутского генерал-губернатора о надуманности «чибакова дела» оказалось преждевременным: Дабадай Саранхаев, Хашарык Гунгеев и Мархушка Данжинов «принесли повинную в соучастии своем по делу Чибака»¹¹ и признались в непреднамеренном убийстве Чибака, угоне трех лошадей, краже двух ружей, одного копья, одной сабли, одного медного котла и двух бараньих туш¹².

Иркутский губернатор¹³ генерал-майор М.М. Арсеньев уведомил китайскую сторону о своем намерении представить иноверцев к суду на границе и просил «назначить к тому суду людей благонадежных». В заключении своего письма губернатор М.М. Арсеньев выразил надежду на то, что китайская сторона отпустит захваченных в качестве заложников российских людей и определит на предстоящий съезд «благоразумных особ о государственной пользе трактовать могущих»¹⁴.

Таковыми особами стали заргучей¹⁵ Юн и другие чиновники такого же ранга, а со стороны России – надворный советник,

подполковник Ф. Ланганс и ассессор, майор И. Зеркальев, которых генерал-губернатор И.А. Пиль снабдил «достаточными» наставлениями по «чибакову делу»¹⁶. Начавшийся 31 марта съезд лишь к 13 апрелю 1790 г. завершил свою работу, и его участники обменялись разменными письмами, закрепившими достигнутые договоренности о решении дел о Чибаке и Улалдзае в результате наказания кнутами Дабадая, Мархушки и Хашерыка.¹⁷ Выполнив все требования цинской стороны, российская сторона рассчитывала и на удовлетворение собственных претензий, изложенных в разменном письме: возвращение в Россию задержанных по «улалдзаевскому делу» российских людей Бургила и Садьбу, осуществление сдачи и принятия следов на границе «по точному предписанию в трактате постановленному», получение из Лифаньюаня разрешения не только на возобновление торговли между подданными двух государств, но и на перемену 10-го пункта Кяхтинского трактата о казни преступников¹⁸.

Однако император Цяньлун, имевший, по отзыву современников, «неслыханную» гордость и крайнюю склонность к тирании¹⁹, не был удовлетворен процедурой ведения переговоров и самостоятельным принятием решений представителями обеих сторон без предварительного оповещения Сената и Лифаньюаня, а значит и «премудрого государя». За превышение полномочий²⁰ цинский император понизил в звании возглавлявшего переговоры Сун Юна²¹: «асхань амбаньской и мейрень джангинской чин отставил и, перо сняв, велел быть в 4-й степени»²².

В связи с этим сенатский лист в Лифаньюань от 14 августа 1790 г. не только подтвердил законность принятых комиссарами решений, но и выразил надежду на то, что и Лифаньюань, со своей стороны, сможет убедить своего императора в необходимости как их признания, так и открытия взаимной торговли и назначения вновь «обоюдных комиссаров для изыятия из среды и повода к могущим впредь быть недоразумениям»²³.

Последовавшая за этим упорная дипломатическая переписка имела положительную динамику. Однако ощущение достигнутой договоренности, возникшее между обеими сторонами, вновь оказалось преждевременным из-за возникновения новой проблемы в отношениях двух государств. О ней еще до получения Правительствующим сенатом листа из Лифаньюаня написали ургинские амбани в своем письме к иркутскому губернатору М.М. Арсеньеву²⁴. По их сведениям, Тарбагатайской губернии калмык лама Габун (который прежде назывался Самайрин) из команды Церин Убашия, «следуя на караул для отводу лошадей», был захвачен хасаками²⁵ и отдан россиянам, а затем отправлен в город Омск. Здесь, по данным ургинских амбаней, «начальствующие полковник, генерал и губернатор» допросили ламу Габуна и, дав ему «за печатью российского диалекта письмо», отправили его назад для передачи российского письма его начальнику, сказав также, что «российское войско собирается в двух местах и готовится к войне для принятия калмыков-торгутов²⁶ в нынешнем году»²⁷. Церин Убаши привезенное ламой Габуном письмо передал пограничным управителям, которые доложили о нем китайскому императору, повелевшему Лифаньюаню приготовить запросный лист в Сенат.

Сенатский лист (19 августа 1791 г.) «бумагу», якобы данную в России ламе Габуно, назвал «совершенно подложною», указав на неубедительность как ее текста, так и оформления. «Мнимое письмо», по заключению Сената, было составлено «весьма нескладно и невразумительно и столь дурно по-русски, что и думать нельзя, чтоб сочинитель его был россиянин, а тем менее, кто-либо из наших чиновных особ». Кроме того, подпись генерал-майора Г.Г. Штрандмана²⁸ была сделана в письме той же рукою, которой написано все письмо, а приложенные печати вытеснены «рублевиком так, что и надпись сей монеты российской видна»²⁹. Полное разоблачение письма и ламы Габуна давало основание, как следовало из сенатского листа, не

верить и другим его извещениям, поскольку Россия не имела никакого намерения нападать на Китай и переманивать торгоутов³⁰.

6 октября 1791 г. генерал-майор Л.Т. Нагель³¹ отправил письмо о своем вступлении в должность иркутского губернатора ургинским пограничным амбаням, заверив их в том, что всемерно будет «стараться сохранить все то, что для обоих толь великих и знаменитых держав служить будет пользою»³². Ответом Пекина на лист Правительствующего сената и письмо иркутского губернатора Л. Т. Нагеля стали существенные изменения в позиции цинских властей по калмыцкому вопросу и по вопросу открытия кяхтинского торгоуа. Это нашло отражение в листе Лифаньюаня в Сенат, доставленном курьерами в декабре 1791 г., по получении которого генерал-майор Л.Т. Нагель написал ургинским амбаням о своей готовности к встрече с ними. «По многих трудностях в переговорах», начавшихся 2 февраля 1792 г. в Кяхте, как сообщил генерал-губернатор И.А. Пиль в своем рапорте в Коллегию иностранных дел 12 февраля 1792 г., генерал-майор Л.Т. Нагель³³ 8 февраля разменялся с амбанями надлежащими листами, и «чрез оное кяхтинской торгоу получил уже совершенное разрешение»³⁴. Подлинные экземпляры разменного цинского листа на маньчжурском и монгольском языках, а также копия разменного листа российской стороны были приложены к рапорту.

Согласно разменному листу с цинской стороны в переговорах участвовали три чиновника, среди которых, как и в 1790 г., главная роль принадлежала асхань и амбаню Сун Юну. Принятое постановление подтверждало действительность Кяхтинского трактата, возобновляло торговые отношения двух государств («торгоущих в Кяхте купцов повелено будет собрать и производить торговлю на прежнем основании») и несколько изменяло процедуру наказания нарушителей границы: их надо было наказывать согласно законам каждой страны и приводить в исполнение приговоры без чиновников другого государства. «После сего о решении дел таких внутри своих границ, – запи-

сано в акте, – должны обоих сторон начальники розмениваться между собою письмами, а о произшествии таких дел публиковать в каждой стороне своим подданным в оказании страха»³⁵. Кроме того, соглашение предусматривало возвращение трех человек (Бургилу, Садьбу и Михайлу) российских подданных.

Добившись включения в Международный акт основных положений, обсуждавшихся в дипломатической переписке, Россия достигла несомненного успеха и решила очень важные для себя задачи, ради которых пренебрегла унижительными в ряде случаев оборотами этого документа. Например, о том, что «великий святейший государь» «низпослал милостивый указ» «в разсуждении благосклонного прошения от российского Сената»³⁶. Подобные же проявления высокомерия с китайской стороны объяснялись тем, что маньчжурское правительство, по словам В.С. Мясникова, ставило во главу угла «соблюдение внешних форм дипломатической переписки и общения, которые должны были...подчеркивать вассальную зависимость от Китая всех остальных государств», в то время как в международных отношениях оно все дальше отходило от реальной политики³⁷. Проводя последовательно миролюбивую и дружественную политику налаживания добрососедских отношений с империей Цин, Россия, не принижая собственного достоинства, добивалась несомненных успехов на этом пути. Ярким свидетельством тому был тон ее дипломатических посланий в ответ на высокомерные листы Лифаньюаня. Например: «...Решились вы писать к нам с упреками и выражениями, которые, как видите, употреблены вами напрасно, и каковых вы не находите в наших листах, поелику употребление их между первенствующими правительствами столь великих государств почитаем мы неприличным и несообразным тому взаимному уважению и доверенности, кои к сохранению и стеснению дружбы наиболее могут способствовать»³⁸.

Таким образом, проблемы, возникшие между Россией и Китаем уже после подписания Кяхтинского договора и требо-

вавшие внесения в него некоторых изменений, привели во второй половине XVIII в. к заключению еще двух соглашений: Дополнительной статьи к Кяхтинскому трактату (1768 г.) и Международного акта о порядке русско-китайской торговли через Кяхту и пограничном режиме (1792 г.). Результатом этих соглашений явились возобновление русско-китайской торговли в Кяхте и изменения в порядке наказания нарушителей границы, что имело, несомненно, первостепенное значение для России, заинтересованной в развитии торгово-экономических связей с Китаем. Кроме того, Международный акт на длительное время (60 лет) установил определенную стабильность в отношениях двух государств.

¹ Новая история Китая. М. 1972. С. 64.

² Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII-XX вв. М. 1996. С. 207.

³ Силин Е.П. Кяхта в XVIII в. Из истории русско-китайской торговли. Иркутск, 1947. С. 79.

⁴ Силин Е.П. Указ. соч. С. 98.

⁵ Курц Б.Г. Русско-китайские отношения в XVI, XVII и XVIII вв. Днепропетровск, 1929.

⁶ Силин Е.П. Указ.соч. С.96-98. Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений: XVII – середина XIX в. Хабаровск, 1986. С.187-189. Мясников В.С. Указ. соч. С. 236.

⁷ Сборник договоров России с Китаем. 1689-1881. СПб.1889. С.93-95. Русско-китайские отношения. Официальные документы. 1689-1916. М. 1958. С.24-26. Русско-китайские договорно-правовые акты (1689-1916). М.2004. С.56-58.

⁸ Об этом учреждении см.: Мясников В.С. Лифаньюань и развитие отношений империи Цин с Россией в XVII-XVIII вв. // Восток-Запад. Историко-литературный альманах. 2009-2010. Под ред. Ак. В.С.Мясникова. С.103-111.

⁹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1789 г. Д. 1. Л. 4.

¹⁰ В 1783 г. были образованы Иркутское и Колыванское наместничества, управлявшиеся одним наместником в должности генерал-губернатора. Такое решение было принято правительством с целью объединить управление пограничными южными окраинами Сибири в одних руках.

¹¹ Ф. Сношения России с Китаем Оп. 62/3. 1789 г. Д. 1. Л. 35.

¹² Там же.

¹³ Учрежденная в 1764 г. Иркутская губерния в 1783 г. была преобразована в наместничество, состоявшее из четырех областей: Иркутской, Нерчинской, Охотской, Якутской.

¹⁴ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1789 г. Д. 1. Л. 39.

-
- ¹⁵ Цзаргучи (заргучей) (монг.) – судья, чиновник, совмещавший судебные и административные функции. Интересные факты об этом человеке привел в своем исследовании Б.Г. Курц. Сун Юн, по происхождению монгол, был, по словам Б.Г. Курца, знаменитым государственным деятелем конца XVIII в. и начала XIX в., автором записок, содержавших сведения о русско-китайских отношениях второй половины XVIII в. и опубликованных В.П. Васильевым в «Открытии Китая...». (Курц Б.Г. Указ. соч. С. 99 (прим. 26), 105-107).
- ¹⁶ Ф. Сношения России с Китаем. Оп 62/3. 1789 г. Д. 1. Л. 40.
- ¹⁷ Там же. Л. 70-71 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 72 об.-73.
- ¹⁹ Русско-китайские отношения в XVIII в. Т. 6. С 189.
- ²⁰ Дело в том, что в ходе расследования на конгрессе убийцей караульного Чибакы был признан Дабадай Саранхаев, 10 апреля подвергнутый битью кнутом. Его сообщникам Мархушке и Хашерыку была оказана милость китайского императора: их наказание он предоставил российской стороне. Однако по обоюдному согласию сторон были наказаны кнутами и помилованные сообщники Дабадая, вместо умерших к тому времени Улалдзая и его сообщников. Но «те двое братские (Хашерык и Мархушка – Г.С.), - как объяснили впоследствии ургинские пограничные управители в своем письме иркутскому губернатору М.М. Арсеньеву, - быв прощенные, и не должны умирать, да и о смерти Улалдзая с товарищи точных сведений и знаков нет». (Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1789 г. Д. 1. Л. 82-82 об.)
- ²¹ Рассказав в своих записках о наказании преступников русской стороной, Сун Юн писал: «Тогда я положил считать поконченным как старое, так и новое дело». (См. Курц Б.Г. Указ. соч. С. 107 (прим. 16))
- ²² Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1789. Д. 1. Л. 93. Асхань и амбань (маньчж.) – советник, член Совета министров. Мэйрэнь и чжангинь (маньчж.) – помощник корпусного командира. В цинском Китае чиновники делились на девять классов. В каждом чиновном классе существовало два ранга – старший и младший. К высшей бюрократии относились чины первых трех классов и соответственно первых шести рангов. (Подробнее об этом см.: Непомнин О.Е. История Китая. Эпоха Цин. XVII – нач. XX в. М. 2005. С. 243). Чиновники, относившиеся к разным классам, имели отличия в одежде. Кроме того, «отличившихся чиновников,- по словам В.Я. Сидихменова,- награждали павлиньими и вороньими перьями, которые прикреплялись сзади шапки с наклоном вниз». (См. Сидихменов В.Я. Маньчжурские правители Китая. М. 1985. С. 32). По сведениям, собранным в Пекине русским курьером В.Ф. Братищевым в 1757 г., чин асхань и амбаня соответствовал второму классу в бюрократической иерархии империи Цин. (См. Саркисова Г.И. Вольтер о Китае и становление русского китаеведения // И не распалась связь времен. К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова. М. 1993. С 121).
- ²³ Там же. Л. 117.
- ²⁴ Письмо было получено 29 апреля 1791 г.
- ²⁵ Хасаки (хасыки) – общее название карлукских племен, имевших непосредственное отношение к казахскому этногенезу. Так называли и выходцев из

-
- Киргиз-Кайсацкой орды, состоявшей из трех крупных объединений-жузов: Старшего, Среднего и Младшего.
- ²⁶ Торгоуты (торгуты) - калмыки
- ²⁷ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1789. Д. 1. Л. 156-156 об., 161, 161 об.
- ²⁸ Штрандман Густав Густавович (1742-1803), генерал-майор, командир сибирской дивизии на пограничной китайской линии в 1787-1789 гг. Затем на протяжении 13 лет в звании генерал-губернатора он осуществлял управление Сибирским краем совместно с командованием его войсками.
- ²⁹ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1789 г. Д. 1. Л. 184 об.-185.
- ³⁰ Там же. Л. 187.
- ³¹ Нагель Ларион Тимофеевич (нем.: Ludwig von Nagel) родился в первой половине XVIII столетия умер после 1807 г. – действительный тайный советник, генерал-майор, иркутский губернатор (1791-1797). За свои труды по управлению краем в 1792 г. был награжден орденом Св. Владимира 2-й степени.
- ³² Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1789. Д. 1. Л. 194.
- ³³ В переговорах также принимали участие председатель Иркутского верхнего надворного суда Неелов и ассессор Гражданской палаты Зеркалеев. – Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1789. Д.1. Л. 245.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. Л. 248.
- ³⁶ Там же. Л. 247.
- ³⁷ Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. С.236.
- ³⁸ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1789 г. Д. 1. Л. 185 об.-186.

Залесская О.В.

Благовещенский государственный педагогический ун-т

**ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ПРИСУТСТВИЯ КИТАЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ЭКСПОЗИЦИЯХ
ХЭЙХЭСКОГО МУЗЕЯ КИТАЙСКИХ МИГРАНТОВ
В РОССИИ**

Начиная со второй половины XIX в., важнейшим составляющим компонентом межрегионального и межгосударственного уровней российско-китайских отношений являются китайские мигранты на Дальнем Востоке России. После юридического оформления и закрепления в составе России Приамурья и Приморья начинается геополитическое сближение России и Китая в Дальневосточном регионе. Прибывавшие на российский Дальний Восток китайские мигранты осуществ-

ляли многостороннюю хозяйственную деятельность, участвуя в экономическом освоении дальневосточных территорий. Значительная часть китайских трудящихся приветствовала Октябрьскую революцию и приняла активное участие в гражданской войне. В 1920–1930-е гг. китайское население было вовлечено в социалистическое строительство на Дальнем Востоке.

Основные вехи присутствия китайского населения на российском Дальнем Востоке отражены в экспозициях Хэйхэского музея китайских мигрантов в России (黑河旅俄华侨纪念馆). Музей был открыт 22 сентября 2007 г. в приграничном городе Хэйхэ (провинция Хэйлунцзян) при поддержке городского партийного комитета и городской администрации г. Хэйхэ, китайской Ассоциации эмигрантов и этнических китайцев, ассоциации эмигрантов и этнических китайцев провинции Хэйлунцзян и российского филиала ассоциации китайских студентов, обучавшихся в Европе и Америке.

Музей расположен в двухэтажном здании, общая площадь выставочных залов 1600 кв.м. Вход в музей свободный. Помимо собственно экспонатов, посетителям демонстрируются документальные фильмы о встречах советских и китайских руководителей – И.В. Сталина, Н.С Хрущева с Мао Цзэдуном и др.

Экспозиции подробно иллюстрируют хозяйственную деятельность китайского населения на российской территории в конце XIX – начале XX вв., участие китайцев в гражданской войне на российском Дальнем Востоке, их вклад в победу над милитаристской Японией и т.д.

Кропотливая исследовательская работа велась в течение 5 лет, начиная с 2002 г. Собрано значительное количество исторических документов и материалов (более 900 фотографий и более 1 тыс. различных экспонатов), которые тематически разделены на шесть частей и составили шесть залов музея.

В первом зале «Годы открытия новых путей в Россию и на Дальний Восток» (闯俄国、跑远东的岁岁月月) выставлены предметы, иллюстрирующие жизненные условия китайских мигрантов в России, в т.ч. на российском Дальнем Востоке, в конце XIX – начале XX вв. Здесь представлены фотографии китайцев на строительстве железных дорог в России, на заготовках леса, добыче золота и т.д. Районы рассредоточения китайских мигрантов в России показывает специальная схема, на которой заштрихованы значительные территории Дальнего Востока и европейской части России. Подробно рассказывается об организации Союза китайских рабочих в России и деятельности его руководителя Лю Цзэжуна.

Во втором зале – «Самые надежные по оценке Ленина люди» (列宁最信赖的人) – освещается участие китайцев в гражданской войне на территории России. Китайские части в Красной армии стали формироваться в начале 1918 г. Они входили в состав 10-й, 11-й и 12-й армий на юге, 6-й и 7-й армий на севере, а также 3-й, 4-й, 5-й армий Восточного фронта. Количество китайцев в Красной Армии в годы гражданской войны определяется в 30–40 тыс. человек. Посетителям демонстрируются фотографии и вещи Жэнь Фучэня, Чжан Фужуна, Бао Циншаня, Ли Фуцина.

Экспозиция третьего зала – «Пионеры поиска революционной истины» (追求革命真理的先驱) – посвящена периоду обучения китайских революционеров в Советской России. Рассказывается о т.н. «красных каналах» (红色通道) – маршрутах, по которым китайские учащиеся отправлялись в Россию на учебу до и после создания КПК. В то время два «красных канала» из трех, проходивших через провинцию Хэйлунцзян, были проложены через китайский город Хэйхэ и российский город Благовещенск. Многие известные китайские революционеры, в т.ч. Лю Шаоци, Жэнь Биши, Сяо Цзингуан, Ло Инун, Кэ Цинши, Цао Цзинхуа, Цзян Гуанцы, Хань Чжэи, Яо Гэнь,

отправлялись в Москву по этим двум маршрутам. Зал богато иллюстрирован фотографиями китайских студентов, обучавшихся в России; впоследствии многие из них стали известными революционными и партийными деятелями. Каждая фотография снабжена биографической справкой. Особый интерес вызывают учебные тетради и дневники студентов.

В четвертом зале – «Борьба против фашизма» (为消灭法西斯而战) – представлены экспонаты, иллюстрирующие этапы противостояния китайского народа японским захватчикам, а также участие китайцев в борьбе с фашизмом: личные вещи и фотографии генерала Тан До, сына Мао Цзэдуна Мао Аньина, Чжу Дэ, Линь Боцюя, Ли Фучуня, Ма Чжаншаня, Чжао Шанчжи и др., а также бойцов 88-й отдельной стрелковой бригады. В зале также представлен стенд о «красных» разведчиках г. Хэйхэ, которые передавали советским органам секретную информацию о движении и планах японской армии.

Экспозиция пятого зала – «Надежду возлагаю на вас» (希望寄托在你们身上) – знакомит с работой советских специалистов в Китае и учебой китайских граждан в СССР в начальные периоды после образования КНР. В зале представлено значительное количество фотографий китайских студентов совместно с советской молодежью на стройках, в полях, в университетах и больницах и т.п., а также фотографии китайских руководителей (Чжоу Эньлая, Чжу Дэ, Лю Шаоци) во время встреч со студентами, обучающимися в СССР.

Шестой зал – «Хэйхэ – оазис для китайских мигрантов в России» (黑河·旅俄华侨的绿岛) – является завершающим. Его материалы призваны проиллюстрировать значимость Хэйхэ в официальной и негосударственной торговле между Китаем и Россией, его пограничный статус, а также его положение как города, через который китайские коммерсанты, разбогатевшие на торговле с Россией, переправляли свои финансы далее в глубь Китая.

В целом в музее представлены богатейшие экспонаты о партийной, политической, военной, национальной, образовательной, коммерческой и подпольной деятельности китайских мигрантов в России за более чем столетний период. К сожалению, собранные экспозиции слабо отражают межрегиональный уровень российско-китайских отношений в приграничной зоне. Так, совершенно не раскрыта тема участия китайцев в гражданской войне непосредственно на территории российского Дальнего Востока. Между тем, как и в других регионах России, на Дальнем Востоке и в Забайкалье после Октября 1917 г. китайцы начали вступать в отряды Красной гвардии и части Красной Армии. На Дальнем Востоке действовали отряды под командованием Чэнь Бочуаня, Ван Инзуна, Сунь Цзиу и др. (имена приводятся в соответствии с написанием в архивных материалах).

Обошли вниманием создатели музея и такую страницу в истории китайских мигрантов, как китайское население на Дальнем Востоке СССР в 1920–1930-е гг. Однако этот период, а конкретно 1923–1938 гг., представляет собой уникальный этап в развитии межцивилизационного российско-китайского взаимодействия. В эти годы, вплоть до масштабной депортации китайского населения с территории советского Дальнего Востока в 1938 г., осуществлялись мероприятия по реализации советской национальной политики в отношении китайских мигрантов. Китайские мигранты были включены в категорию «национальные меньшинства» (с присвоением им соответствующих прав нацменьшинства в советском государстве, что означало абсолютное изменение их социального положения в российском обществе), сохраняя, в то же время, свой правовой статус иностранцев. Была развернута система мероприятий по организации кооперативного, профсоюзного и стахановского движения, культпросветработа, реформа образования и театрального дела среди китайцев. Китайское население вовлекается в социалистическое строительство на Дальнем Востоке и

происходящие там трансформационные процессы, формируя новое общество. Воплощение в жизнь принципов советской национальной политики открыло для китайского населения совершенно новые возможности в обучении, трудовой деятельности, реализации личностных потребностей.

Однако, несмотря на отмеченные недостатки, создание и деятельность музея следует признать важнейшим шагом на пути взаимного изучения и взаимопонимания между русским и китайским народами. По решению провинциального правительства он входит в сотню мест обязательного посещения в провинции Хэйлуцзян, а китайская ассоциация эмигрантов и этнических китайцев назвала его «площадкой воспитания патриотизма у китайских эмигрантов». В настоящее время – это единственный подобный музей в Китае, и особую значимость имеет его месторасположение – в городе на границе с Россией, там, где две цивилизации разделяют лишь 800 м реки Амур. Экспонаты музея, без сомнения, будут интересны всем, изучающим историю российско-китайских отношений и историю китайских мигрантов в России.

Источники:

1. Чэнь Чжисинь. Хэйхэ люй Э хуацяо цзиняньгуань лунчжун кайгуань (Торжественное открытие Хэйхэского музея китайских мигрантов в России) [Электронный ресурс]. URL://www.heihe.gov.cn/html/2007-陈志新. 黑河旅俄华侨纪念馆隆重开馆 [Электронный ресурс]. URL: //www.heihe.gov.cn/html/2007-9/24/2007_09_24_643.html (дата обращения: 15.05.2013).
2. Гуанмин ван. Люй Э хуацяо цзиняньгуань (Музей китайских мигрантов, проживавших и получивших образование в СССР и РФ)光明网. 旅俄华侨纪念馆 (旅苏、俄留学生纪念馆) .[Электронный ресурс]. URL: //www.hljtv.com/2011/0506/18760.shtml (дата обращения: 05.05.2013).
3. Дунбэй ван. Хэйхэ люй Э хуацяо цзиняньгуань : ибу фэнфу дэ люй Э хуацяо ши (Хэйхэский музей китайских мигрантов - частичка богатейшей истории китайских мигрантов в России) [Электронный ресурс].东北网. 黑河旅俄华侨纪念馆：一部丰富的旅俄华侨史 [Электронный ресурс]. URL://www.chinanews.com/zgqj/2012/07-13/4030397.shtml (дата обращения: 15.05.2013).

Элоян М.Р.

*Азовский технологический ин-т Донского государственного технич.
ун-та, г. Ростов н/Д*

КИТАЙСКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1894–1895 гг. И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННУЮ ИСТОРИЮ

В истории Китая можно выделить две крупные вехи – до XX в. и после XX в. До XX в. история Китая – это история пяти тысячелетней замкнутой цивилизация, отчужденной от всего мира Великой китайской стеной и пренебрежительно взирающей на все окружающие народы, не нуждаясь, по большому счету, в них. Вот, как описывает Китай в последней четверти XIX в. Хрисанф: «Китай в его нынешнем состоянии представляет собой загадочное явление в истории ... Но развитие этого замечательного народа давно уже закончено и нынешний Китай весь и исключительно прошедшее. Целый век он оставался в неподвижном состоянии, до самого последнего времени упорно и сознательно отрицая всякое влияние на него других цивилизованных народов и пребывая в горделивом и самодовольном отчуждении. Эта устойчивость форм китайского быта и жизни, доходя до неподвижности, составляет выдающуюся отличительную черту китайского характера и всей истории Китая. Народ «средней империи» давно пришел к мысли, что его страна – средоточие путей во вселенной, а сам он – цвет человечества, первенец между народами, не нуждающемся в дальнейшем развитии... Словом – Китай – это какой-то автомат в истории человечества, это стародавняя формация-цивилизация, отвердевшая и окаменевшая. Это народ «кристаллизованный», как назвал его Гете в «Фаусте»¹.

Все исследователи этого периода истории Китая в один голос называют три причины, которые обеспечили ему такое замкнутое и стабильное развитие на протяжении долгого времени – это язык, религия и образование. Лингвисты, изучая специфику китайского языка и письменности, замечают, что уже сам китайский язык выступает препятствием к дальней-

шему развитию народа и к восприятию влияния других народов. Он, наряду с религией и образованием, подобен китайской стене, охраняющей национально-психологические особенности китайского народа.

Хотя относительно религии Китая у исследователей того времени существуют различные взгляды², но как бы они не различались между собой, все приходят к единому мнению – к отсутствию в китайской религии идеи творения, которая собственно и воспитывает в народе творческое воображение и способность создавать нечто новое, а не повторять старое. Эта национальная черта в полной мере проявилось у Конфуция, который был собирателем, восстановителем учений предков. В европейской традиции, где действует «запрет на плагиат» – запрет на повторение старых идей, где все ориентировано на выработку принципиально нового – новых идей и новых учений, Конфуций никогда бы не стал ученым. В Китае он – «князь мудрости», мудрость которого, в китайском смысле, как раз-таки и состояла в том, чтобы ничего не менять, а следовать традиции. Известно, что этот принцип стал основополагающим в китайской системе образования, конфуцианской по своей сути, которая сделала ставку не на развитие творческого потенциала учащихся, а на развитие памяти. «Надо также принять во внимание, что на эту своего рода интеллектуальную анемию китайцев оказывает влияние устаревшая система китайского образования, втиснутого в рамки древних традиций и самого узкого классицизма. Основной принцип этой системы гласит, что все знания уже собраны в древних книгах. Достаточно выучить их наизусть, чтобы быть хорошим ученым. Отсюда – исключительная роль памяти и бедность творческих сил интеллекта, преобладание подражательной способности, порой приобретающей у китайцев поразительную силу развития»³.

Другими словами, конфуцианская система образования, ориентирована не на понимание, а на заучивание, не на мышление, а на память, не на открытие, а на повторение, на посто-

янное возвращение к первоисточникам. И в противоположность гераклитовскому принципу – «много знания уму не научает», на основе которого выстраивалась европейская система образования, китайская система образования исповедывала принцип «много знания», ориентированный на усвоение огромного наследия прошлого, заучивание которого «уму научает». Р. Декарт, реформировавший европейскую схоластическую систему образования, по духу очень напоминающую конфуцианскую, назвал путь «много знания», или путь собирательства чужих идей, ложным способом познания, в противоположность которому он предложил истинный путь познания, требующий напряжения собственных мыслительных способностей ученого и движения мысли в определенном порядке и последовательности. Такой метод истинного познания он назвал методом дедукции, усвоение которого воспитывает у учащегося навык самостоятельного и критического мышления. «Многознайки не мыслители, а собиратели; мыслитель ищет уразумения, и самое ясное из них для него наиболее дорого, единственно ценно; собиратель ищет сведений всякого рода, и самые редкие – для него самые желанные; первый ценит выше всего ясность, второй – редкость. Чем редкостнее скарб его сведений, чем труднее добыть его, тем более значительным считает себя полигистор: он знает то, чего другие не знают, он учен, другие неучены...»⁴.

И в этом смысле Конфуций, по Р. Декарту, воплощает в себе тип ученого полигистора – собирателя, охранителя традиции, а не новатора и созидателя, а конфуцианская система образования есть система назидания, а не развития творческих способностей учащихся. Ж. Род поведал показательную в этом смысле историю, связанную с реформой высшей школы в Китае начала XX в. Решался вопрос о включении, по типу западных университетов, высшей математики в учебные планы университетского образования Китая, в котором традиционно преобладало преподавание нравственности. Тогдашний министр образования Ки-

тая, взяв в руку учебник по высшей математике, взвесив его и пересчитав небольшое, по сравнению с учебниками по нравственности, количество страниц, заявил, что для его усвоения понадобится не более трех-четырёх месяцев. Действительно, по сравнению с многотомными книгами по истории и традициям Китая, снабженных объемными комментариями, без которых понимание первоисточников невозможно не только для иностранцев, но и для самих китайцев, учебник по высшей математике произвел на министра легкомысленное впечатление. Под усвоением надо понимать заучивание – прием, который конфуцианская система образования хотела использовать для изучения математики. «Во всем этом лежит такое глубокое непонимание наших научных методов (ориентированных не на заучивание, а на понимание — М.Э.), такое безнадежное незнание сущности западной цивилизации, как результата вековых усилий, не останавливающейся в своем развитии мысли, что здесь-то и следует искать самых серьезных препятствий к действительному обновлению Китая»⁵.

Таким именно образом китайская цивилизация, охраняемая невидимой стеной языка, религии и образования, которые оказались такими же символами непреступности и закрытости Китая, как и вещественная стена, окружающая его на протяжении тысячелетий, просуществовала до начала XX в. За этот продолжительный период своей истории китайская цивилизация пережила как взлеты, так и падения. В начале XVII в. Китай был центром мировой цивилизации и вполне мог ощущать себя «первенцем среди народов мира»⁶ по реальным достижениям своей материальной культуры. Дело в том, что с I в. по XV в. Китай совершил ряд открытий и изобретений в области естествознания, которые превратили его в передовую в технологическом отношении цивилизацию тогдашнего мира, решающую проблемы человеческого существования гораздо эффективнее по сравнению с другими цивилизациями и народами, находившимися долгое время в плену китайских достижений.

Так, Европа и Япония в разное время составили себе капиталы на заимствованиях из Китая. Что касается Японии, то она и до сих пор находится в замкнутом круге китайских идей, тогда как Европа осуществила качественный скачок. На основе китайских технологий⁷ в области земледелия, металлургии, энергетики и т. д. она создала современную науку, благодаря которой из «захолустья» мировой цивилизации, которой она была еще в начале XVII в., Европа превратилась в мировые лидеры, сместив с этих позиций Китай. В свою очередь Китай с середины XVII в. переживал свое «падение», чтобы только в XXI в. развернуть ход мировой истории в свою сторону.

Первыми, кто прочувствовал «грядущее смещение вектора всемирной истории с Европы за пределы Европы», были инициаторы, как бы сейчас сказали, исследовательского проекта «Современное человечество», ставящие своей задачей рассмотреть «глубокие брожения, которые охватили неевропейские культурные народы»⁸ в начале XX в. В рамках «Современного человечества» вышла целая серия книг, в которых рассматривалось «возрождение Турции и Персии», а также «пробуждение Индии и Китая». Жан Род был тем первым европейским ученым, которому географическое общество поручило исследовать начало глобальных преобразований Китая на пороге XX в. В своей книге «Современный Китай» Ж. Род поставил вопрос, почему Китай, тысячелетиями пребывающий в состоянии неприятия всего чужого, в начале XX в. разворачивается на сто восемьдесят градусов и встает на путь заимствования из Европы и Америки достижений прогресса. Как это стало возможно: «Что скрывается за этим внезапным увлечением новшествами, к которым до сих пор сыны Ханя питали, казалось, непобедимое отвращение? Какими реальными потребностями продиктованы были все эти декреты, обещавшие в столь короткое время преобразить Небесную империю в современное цивилизованное государство?»⁹.

Ответом на этот вопрос, а значит и причиной такой резкой метаморфозы Китая, по мнению Ж. Рода, стало поражение Китая в войне с Японией, которая раньше, чем он, вступила на путь заимствования и прогресса. Для Китая это поражение, подогреваемое еще победой Японии в русско-японской войне, всколыхнувшей тогда всю Азию, стало символом его слабости и бессилия перед наступающим противником и привело к потере части его территории. На волне этого азиатского патриотизма Китай проникся совсем не свойственным ему – классической стране пацифизма, духом милитаризма, где отныне излюбленным героем «Молодых китайцев» становится Наполеон, а не Конфуций, на которого теперь возлагается вся ответственность за поражение в китайско-японской войне. На гребне этой волны даже посягнули на святое, поставив под сомнение истинность китайских идей, что привело к замешательству в стане китайского правительства, ибо это могло поколебать авторитет самой божественной власти сына Неба, провозглашенной конфуцианством. В конечном итоге китайское правительство специальным указом вынуждено было возвысить культ Конфуция до первой величины, но процесс разложения старых устоев уже было не остановить. «Еще всего несколько лет тому назад китайцы были убеждены в превосходстве своей древней цивилизации; они ничего знать не хотели о наших технических успехах, к которым, по свойственным предрассудкам, они относились с большим еще отвращением, чем к иным продуктам европейского прогресса. Мы видели, с какой непримиримой враждой отнеслись китайцы к железным дорогам. До 1895 г. Китай действительно представлял собой скалу, совершенно неприступную для западной цивилизации. Поражение, нанесенное ему Японией, было первым предостережением, заставившим задуматься над существующим положением вещей не только революционеров ... Последовавшая затем русско-японская война лишь дала новый толчок движению, к которому все уже были подготовлены¹⁰. И далее, про-

должает Жан Род: «Хотя застарелые предрассудки и не исчезли, — продолжает Ж., — хотя привычное отвращение ко всему чужеземному еще достаточно сильно, а над умами китайцев господствуют еще вековые традиции, тем не менее в настоящее время необходимость усвоения наших методов, еще недавно упорно отвергавшихся, уже всеми признается. Легко понять, что уже один только факт является очень важным новым симптомом... — над новым школьным поколением повеяло дунновение свободы; оно обнаруживает склонность к самостоятельному изучению внешнего мира и почерпнуло из знакомства с европейской наукой дух критики и свободного исследования. Увлеченная этим новым рационализмом, образованная молодежь не останавливается перед гласным обсуждением вопросов, касающихся самых священных устоев древнейшей из мировых цивилизаций»¹¹.

Все это позволило Ж. Роду провести аналогию между умственной эволюцией Китая в начале XX в. и движением французских энциклопедистов и даже сделать предположение, что Китай в результате развития духа критицизма должен был, в конечном итоге, встать на путь развития западноевропейской науки. Но специалисты возникшего в 1930-е гг. нового исследовательского направления — «науковедения», были на этот счет иного мнения. Именно ими был поставлен вопрос о том, почему современная наука является исключительным достижением западноевропейской цивилизации, или другими словами, почему современная наука возникла не в Китае, который на протяжении 1,5 тыс. лет был передовой технологической державой мира, а в Европе — технологической окраине мира. И главной причиной, не допустившей возникновения в Китае современной науки, специалисты-науковеды назвали именно конфуцианство. Современная наука, которая по сути своей является экспериментальной наукой, какой она вышла из рук Ф. Бэкона, предполагает активное вмешательство человека в природу, что было в принципе невозможно в рамках конфуциан-

ского мировоззрения с господствующим там принципом «вэнь», согласно которому все должно следовать раз навсегда установленному порядку вещей. Ведь, с точки зрения конфуцианского миропонимания, мир как воплощенный совершенный порядок не нужно изменять, а просто нужно поддерживать, к примеру, за счет развития технологий. То есть следовать именно тому пути, которому Китай и следовал тысячелетиями – развивая технологии, а не создавая науку, которая ставит своей задачей как раз противоположное – изменять мир к лучшему. Поэтому технологии Китая ставили своей задачей поддержку извечно существующего порядка мира, тогда как наука Европы – обновление и изменение этого несовершенного мира. Все это и позволило Дж. Нидаму в конечном итоге сказать: «Дело в том, что эксперимент требует слишком уж активного вмешательства, и хотя к такому вмешательству приходилось терпимо относиться в ремесле и торговле, более терпимо, даже чем в Европе, получить философскую санкцию в Китае активному вмешательству было, видимо, труднее»¹².

Если Европа в XVII в. стала центром мировой цивилизации благодаря развитию науки и техники, то Китай вернул себе лидирующие позиции в современном мире, вовсе не вследствие развития у себя экспериментальной науки. Науки, в современном значении этого термина, в Китае нет. Китай остался в рамках конфуцианской системы образования, или технологической концепции знания, ориентированной не на развитие творческого потенциала нации, а на принцип повтора, собирания огромного материала. Словом, Китай продолжает путь заимствования, а не созидания, оставаясь верным своей онтологической, отрицающей идею творчества, и гносеологической установки. Только теперь Китай встал на путь иного заимствования – не из своего прошлого, а из достижений других народов. Вот эта направленность на заимствование, а не созидания нового, сегодня определяет хозяйственную стратегию Китая, который перетащил к себе все фундаментальные достижения

Европы, США и России во всех сферах – науке, технике, спорте, и прежде всего в производстве, для которого там были созданы все необходимые условия. Речь идет о рынке высококвалифицированной рабочей силы, к массовому воспроизводству которой Китай оказался наиболее подготовленным благодаря конфуцианской системе образования. С одной стороны, она закрыла путь для развития творческих способностей учащегося, но, с другой стороны, она воспитала в нем такого специалиста и профессионала, о котором Европа могла бы только мечтать, даже в эпоху капитализма. Если Маркс на заре капитализма говорил о рынке дешевой рабочей силы как необходимой предпосылки капиталистического производства, то мы говорим о многомиллионном рынке высококвалифицированной рабочей силы, которой Китай сегодня обеспечивает все мировое производство. Об этом говорят и прогнозы Всемирной организации труда, по которым к 2020 г. в Китае будет 94 млн трудоспособных, большая часть которых – это высококвалифицированные работники. Получается, что сегодня Китай восполняет недостаток рабочих рук Европы и России для развития материального производства, так необходимого для жизнеобеспечения современного человечества. Ведь новую стоимость создает человеческий труд, сегодня в необходимом объеме сосредоточенный на Востоке. С.Ф. Поуэлл писал: «Все страны, даже самые бедные, являются в действительности богаче, чем они сами о себе думают, и проблема подъема их жизненного уровня есть в основном проблема освоения внутренних ресурсов: естественных ресурсов страны и что более важно – человеческих ресурсов. Это не столько задача создания энергии, сколько задача ее освобождения»¹³.

Таким образом, в XX в. Китай вернул себе лидирующие позиции не за счет развития экспериментальной науки, а за счет перемещения на свою территорию всего производства мира. К. Маркс оказался прав, когда говорил, что исторически выигрывают только те страны, которые обеспечивают произ-

водство материальных благ. Китай подхватил из рук раньше времени дряхлеющей Европы упавшее знамя общественного прогресса, если под общественным прогрессом понимать развитие производительных сил человечества. И сегодня только Китай своими достижениями в области производства и техники реально опровергает рожденную на Западе, антипрогрессивную и антиобщественную доктрину «золотого миллиарда» и ее идеологическую санкцию – мальтузианство.

-
- ¹ Хрисанф, архимандрит. Религии древнего мира в их отношении к христианству. В 3-х т. Т. 1. СПб., 1873. С. 88.
- ² Так Хрисанф и В. Грубе настаивают на исключительно материалистическом характере китайской религии, направленной на решение задач узкопрагматического характера, тогда как Н.Я. Бичурин и М. Мюллер, напротив, – на метафизическом характере древнекитайской религии, которая, по их мнению, является первой пантеистической системой мира.
- ³ Род Ж. Современный Китай. «Брокгауз-Ефрон», 1912. С. 203
- ⁴ Фишер К. История Новой философии. Декарт: Его жизнь, сочинения и учение. СПб., 1994. С. 304-305.
- ⁵ Род Ж. Современный Китай. С. 104.
- ⁶ Так, Шкфор и др., рассматривая начало китайской истории, на туманность которой указывал сам Конфуций, сетуя на отсутствие хороших исторических мемуаров, выдвинул гипотезу, согласно которой ковчег Ноя – прародителя современного человечества, остановился около границ Китая, а не в Армении около горы Арарат, как об этом повествует Ветхий завет. «Шкфор... предполагает, что ковчег остановился на горе около границ Китая. Он видел в китайцах потомков детей Ноя, которые родились после потопа; и умер этот патриарх в этой стране, после пребывания там 350 лет» [См. Quesnay Francois Despotism de la Chine // Oeuvres economiques et philosophiques de F.Quesnay. Paris. 1888. P. 567-568]. На этом настаивает и Фуке М., говоря о том, что китайская нация произошла во времена, близкие к потопу. Получается, что китайский народ самый древний народ в после потопной истории человечества. По свидетельству Фурмона, эту точку зрения исследователи заимствовали у миссионеров, прибывших в Китай в XIV столетии и первыми записавшими и опубликовавшими эти китайские предания.
- ⁷ «В некоторых случаях со всей убедительностью можно показать, что фундаментальные открытия и изобретения заимствованы Европой из Китая. Так: теории магнетизма, экваториальные небесные координаты, экваториальная установка инструментов для астрономических наблюдений, количественная картография, технологическое литье металла, детали возвратно-поступательного механизма паровой машины..., механические часы, стремя и конская сбруя, не говоря уже о порохе и всего, что из этого следует» [См.

Нидам Дж. Общество и наука на Востоке и на Западе // Наука о науке. М., 1966. С. 173].

⁸ Грубе В. Духовная культура Китая. «Брокгауз-Ефрон», 1912.

⁹ Род Ж. Современный Китай. С. 217.

¹⁰ Там же. С. 218.

¹¹ Там же. С. 219.

¹² Нидам Дж. Общество и наука на Востоке и на Западе. С. 171.

¹³ Поуэлл С.Ф. Первостепенные задачи науки и техники для слаборазвитых стран // Наука о науке. С. 70.

Забровская Л.В.

ИИАЭ ДВО РАН

РОЛЬ РОССИИ В ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЕ: ОЦЕНКА КИТАЙСКИХ ИСТОРИКОВ

Японо-китайская война 1894–1895 гг. оставила неизгладимый след в отношениях двух стран. Поражение Китая в войне имело необратимые последствия, приведшие его к политическому развалу и экономическому упадку. Кроме всего прочего, эта война во многом предопределила будущее Кореи и Тайваня, а также дала старт военно-политическому и экономическому возвышению Японии в XX в. Зарубежные историки ищут и находят истоки многих современных событий в этой войне¹, поэтому значение этого события дальневосточной истории не теряет актуальность и в наши дни.

Основные события японо-китайской войны

Японо-китайская война явилась следствием длительного соперничества Китая и Японии за господство на Корейском полуострове. Обострение китайско-японских противоречий произошло в период усиления военно-экономической экспансии европейских государств и США в страны Восточной Азии, приобщения этого региона к мировому экономическому рынку.

С последней четверти XIX в. в борьбу держав за «сферы влияния» включилась Япония. Так, уже в 1870-е гг. ее правительство предпринимало попытки военного захвата о-ва Тайвань, о-вов Рюкю (Окинава). В 1876 г. Япония с помощью военной силы навязала Корее первый неравноправный торговый

договор, который закрепил японскую монополию на торгово-экономические связи с этой страной. В последующие два десятилетия развивающийся быстрыми темпами японский капитализм продолжил политику военной экспансии, которая сопровождалась расширением экспорта товаров японской легкой промышленности. В конце XIX в. японский капитализм вел борьбу не только за внешние рынки, но и стремился к эксплуатации других народов, как через торговлю, так и путем открытого грабежа. Однако к концу XIX в. при всей скорости накопления капитала в Японии еще не сформировался монополистический капитализм.

Китай конца XIX в. оставался феодальным государством, где правила маньчжурская династия Цин, всеми силами стремившаяся сохранить как феодальные устои в стране, так и систему вассальной зависимости соседних государств. Цинские правители Китая объявляли своими вассалами соседние страны и на этом основании вмешивались в их внутренние дела, навязывали линию поведения на международной арене. Поэтому правомерно говорить о сходстве внешнеполитических целей цинского Китая и Японии, которые, по сути дела, планировали расширение своих территориальных владений за счет соседей, хотя и действовали различными методами.

Объектом притязаний в японо-китайской войне стала Корея, которую Китай рассматривал как своего вассала, хотя король Коджон пытался проводить самостоятельную внешнюю политику. Начав войну, стороны стремились окончательно определить международный статус Кореи: Китай надеялся упрочить контроль над Кореей как феодальным вассалом, а Япония – вывести эту страну из-под китайской опеки, рассчитывая использовать ее природные ресурсы и удобное географическое положение для дальнейшей военной экспансии на материке.

Для японского капитала результаты японо-китайской войны явились одним из главных источников первоначального накопления. Военные действия сопровождались грабежом, ис-

треблением мирных жителей, издевательствами и пытками солдат противника.

Военные планы Японии были обширны. Она намеревалась развернуть военные действия на китайской территории и, захватив Пекин, подписать там мирный договор на своих условиях. Ее правящие круги считали установление контроля над Кореей первым шагом в захватнической политике на материке. Уничтожение вассальной зависимости Кореи от Китая рассматривалось Японией как главная внешнеполитическая задача. Обострение отношений наступило в конце июля 1894 г. после того, как Китай и Япония ввели свои войска на корейскую территорию под предлогом подавления крестьянского восстания тонхаков. 1 августа стороны поставили друг друга в известность о начале военных действий.

Неподготовленный к длительным военным действиям цинский Китай терпел одно поражение за другим. Вскоре японская армия стала угрожать Пекину. Это заставило цинов пойти на подписание 17 апреля 1895 г. унижительного Симоносекского мирного договора, по которому Китай признал независимость Кореи, обязался уплатить Японии 200 млн лян контрибуции, а также уступить часть своей территории – Ляодунский полуостров, Пескадорские острова (Пэнхуледао) и Тайвань.

Военно-политические успехи Японии оказались неожиданными для западно-европейских держав и США, предполагавших, что именно Китай с его многочисленным населением одержит победу в войне. Особое недовольство обнаружили Германия, Россия и Франция, которые рассчитывали реализовать свои планы в Дальневосточном регионе: арендовать территории, полученные Японией по Симоносекскому мирному договору, получить во владение военно-морские базы.

Инициатором создания коалиции держав для совместного выступления с целью пересмотра условий Симоносекского мирного договора явилась Германия, намеревавшаяся приобрести военно-морскую базу на восточном побережье Китая.

Германское правительство считало себя обойденным, так как ни Китай, ни Япония не воспользовались его предложением о посредничестве в урегулировании конфликта. Оно выразило протест по поводу условий мирного договора, полагая, что Япония потребовала у Китая чрезмерное вознаграждение.

Германия начала поиски союзников для совместного выступления за пересмотр договора. В тот период германское правительство стремилось отвлечь внимание России от европейских проблем и направить ее деятельность на Восток. Поэтому итоги японо-китайской войны послужили для германской дипломатии желанным шансом для осуществления «восточной политики». Царское правительство было встревожено перспективой обоснования Японии на Ляодунском полуострове, считая, что это не только затруднит строительство Транссибирской магистрали, но и КВЖД в Маньчжурии, а также создаст угрозу безопасности российским границам на Дальнем Востоке. К Германии и России присоединилась Франция, которая намеревалась при пересмотре условий договора получить во владение один из китайских южных островов – Хайнань или Тайвань.

Таким образом, три европейские державы, исходя из собственных интересов, решили потребовать у Японии возвращения Ляодунского полуострова Китаю в обмен на финансовую компенсацию. Участь Тайваня державы оставили без внимания, надеясь, что овладение им отвлечет Японию от Маньчжурии и Кореи. Японии пришлось подчиниться давлению держав.

Таковы основные события японо-китайской войны, происшедшей в период перехода мирового капитализма в империалистическую стадию. Эта война является доимпериалистической, так как обе воюющие стороны преследовали военно-феодалные цели. Японский капитализм к моменту окончания войны не перерос стадию первоначального накопления, в стране сохранялись феодальные пережитки. Получив во владение Пескадорские острова и Тайвань, Япония принялась грабить их

феодалными методами, поскольку у нее еще не было возможности для вывоза капитала и проведения колониальных преобразований, подобных тем, которые осуществляли державы в других регионах Азии.

Японо-китайская война явилась одним из ключевых событий истории международных отношений на Дальнем Востоке конца XIX в. Ее итоги оказали существенное влияние на социально-экономическое и политическое развитие дальневосточных государств в последующее столетие.

Урок, полученный Японией в результате вмешательства трех держав, подталкивал ее к необходимости подготовки новой войны – уже с царской Россией. Тем более, что Япония, одержав блестящую победу в войне, значительно усилилась политически. Военная контрибуция, выплаченная после войны Цинами, превратилась для японского капитализма в живительный источник.

Не меньшее воздействие события 1894–1895 гг. оказали и на Китай, обострив до предела социально-политическое положение в стране, ускорив крах маньчжурского господства. Поражение Китая стало предвестником раздела его державами на «сферы влияния», помогло прогрессивным слоям китайского общества раскрыть гнилость феодального режима Цинов, убедило в необходимости проведения реформ и демократизации внутривнутриполитической жизни. Следствием поражения в японо-китайской войне явились рост национального самосознания китайского народа, усиление его патриотических чувств, возросло желание избавиться от иноземных завоевателей. Договорно-правовые итоги японо-китайской войны во многом преопределили специфику исторического пути развития Кореи и Тайваня, которые оказались вне сферы китайского влияния.

***Противоречивые оценки роли России
в японо-китайской войне***

Зарубежные ученые, изучая историю международной политики держав на Дальнем Востоке и, в частности, России,

уделяли пристальное внимание их действиям во время японо-китайской войны и отношению к тройственному вмешательству. Они рассматривали события того времени как поворотный момент в международных отношениях на Дальнем Востоке, важный для понимания целей российской внешней политики и причин, приведших к русско-японской войне.

Подход зарубежных историков, прежде всего китайских, к освещению этих событий неоднозначен и пережил несколько пиков роста и угасания интереса к данной проблеме. Историографию этой проблемы хронологически можно разделить на два этапа: 1920–1940-е и 1950–1980-е гг. В течение первого этапа преобладала концепция о том, что царская Россия якобы вынашивала «агрессивные планы» в отношении Китая и Кореи, лидировала в тройственном вмешательстве держав и стремилась «воспользоваться» поражением Китая в японо-китайской войне.

В 1950–1980-е гг., когда были опубликованы и переведены на европейские языки документы из кайзеровских и царских архивов, материалы которых свидетельствовали о миролюбивом характере политики России на Дальнем Востоке в конце XIX в., в зарубежных работах наметилась тенденция к пересмотру прежних концепций, выработке новых подходов. Однако в китайской историографии сохранились устаревшие трактовки о «негативной» роли царской России в японо-китайской войне и «недружественном» характере отношений с цинским Китаем во второй половине XIX в.

Для более детального изучения этого историографического вопроса проанализируем наиболее известные концепции китайских авторов.

Гоминьдановские историки не уделяли внимания исследованию политики держав во время японо-китайской войны. В 1960-е гг. тайваньские историки попытались восполнить этот пробел, проявив интерес к выяснению обстоятельств и результатов вмешательства трех держав, рассматривавшееся ими по-

ложительно, а участие в нем России как доказательство миролюбия ее политики в отношении Китая. Эта точка зрения отражена в статье тайваньца Ли Шоукун «Переговоры трех держав о возвращении Ляодуна», где дана исчерпывающая характеристика политики держав и Китая. Метания китайских политиков, их неумение выбирать союзников и наметить реально выполнимые цели – все это в конечном счете привело к тому, что, по мнению Ли Шоукун, «Китай взаимодействовал с Японией, чтобы сдерживать Россию, и прибегал к помощи России, чтобы сдерживать Японию»². Ли Шоукун осудил тактику Ли Хунчжана «использования варваров против варваров», которая не помогла Китаю урегулировать конфликт в Корее. Он полагал, что традиционные приемы китайской дипломатии потерпели фиаско еще и потому, что державы не пожелали ввязываться в конфликт на начальной стадии.

Проанализировав историю тройственного вмешательства по документам российского и германского министерств иностранных дел, Ли Шоукун пришел к выводу, что его инициатором являлась Германия, которая надеялась реализовать собственные планы – приобрести во владение порт на восточном побережье Китая для строительства военно-морской базы. Присоединение Франции он объяснял желанием получить от Китая в качестве вознаграждения какой-либо остров у берегов Вьетнама. Россия «намеревалась взять в аренду китайскую территорию на севере для строительства железной дороги»³.

Вместе с тем Ли Шоукун отмечал, что «несмотря на некоторые противоречия между этими тремя державами, они были едины в стремлении не допустить полной ревизии текста Симоносекского договора, иначе Великобритания могла вмешаться и предъявить свои права»⁴. Он полагал, что все опасения трех держав были напрасны, так как «британское правительство строго соблюдало нейтралитет». Эта уверенность основывалась на высказывании британского дипломата, который заявил японским коллегам: «Великобритания хорошо от-

носится к Японии и одновременно поддерживает дружественные отношения с Россией, Францией и Германией, а Японии лучше самой решать свои проблемы»⁵.

Наряду с этим утверждением Ли Шоукун с сожалением констатировал, что возвращение Ляодунского полуострова произошло без участия Китая, и высказался против выплаты Японии 30 млн ляннов «в качестве вознаграждения за эту уступку несмотря на то, что японская армия и так разорила полуостров»⁶. Как видно, Ли Шоукун, поддерживая вмешательство держав, хотел, чтобы державы пошли еще дальше и помогли Китаю вернуть полуостров без каких-либо компенсаций.

В 1950–1960-е гг. историки КНР также положительно оценивали вмешательство держав в целях возвращения Ляодунского полуострова, подчеркивая при этом заслуги царской России. В монографии известного историка Фань Вэньланя говорится, что Россия приняла участие в тройственном вмешательстве, так как на ее «политику оказало решающее влияние строительство железной дороги через Сибирь». Не меньшую роль сыграли и маневры германской дипломатии, которая «побуждала Россию к захватам на Дальнем Востоке, надеясь половить рыбку в мутной воде и ... ослабить силу франко-русского союза»⁷. Таким путем Германия надеялась решить свои политические и дипломатические проблемы в Европе.

Участие России в тройственном вмешательстве привело к росту русофильских настроений среди китайских сановников, прежде всего Ли Хунчжана, а также его политических противников – Лю Кунъи, Чжан Чжидуна и других. Китайские сановники начали склоняться к необходимости заключения с Россией торгово-экономических соглашений, рассчитывая, что в дальнейшем при ее поддержке можно будет «заставить японцев и других иностранцев считаться с Китаем»⁸. Фань Вэньлань, с одной стороны, положительно оценивал роль России в деле возвращения Ляодунского полуострова, но с другой, – осуждал правящие круги Китая, которых поражение в японо-

китайской войне ничему не научило: они продолжали ориентироваться во внешней политике на иностранную поддержку, а это вело к разделу страны на сферы влияния, превращению в полуколонию держав⁹.

С начала 1970-х гг. прежняя трактовка итогов тройственного вмешательства перестала удовлетворять историков КНР, которые стали толковать эту проблему с учетом состояния советско-китайских отношений того времени. Так появилась концепция о роковой роли царской России в японо-китайской войне. Хотя во многих работах правильно оценивались последствия Симонсекского договора для Китая как «предвестника наступления одного из самых печальных моментов в китайской истории, ознаменовавшего превращение страны в полуколонию», наряду с этим наблюдался и односторонний подход к освещению международной обстановки на Дальнем Востоке во время японо-китайской войны. События представлялись так, будто царская Россия тогда была наиболее «активным» среди капиталистических держав вдохновителем агрессивных планов в отношении Китая. Например, в анонимной работе «Японо-китайская война» отмечалось, что «агрессивные планы царизма возникли в результате возрастающей угрозы со стороны Японии»¹⁰. Однако авторский коллектив монографии не раскрыл смысла своего замечания, скорее всего, потому, что объяснение могло бы прийти в противоречие с их концепцией относительно позиции России на Дальнем Востоке. Фактически в этой работе ставится знак равенства между агрессивными действиями Японии и якобы столь же реальными намерениями царского правительства осуществить захват Северо-Восточного Китая и Кореи¹¹.

Подобная концепция историков КНР о роли России в тройственном вмешательстве обнаруживает сходство с точкой зрения консервативных ученых Японии, а также англоязычных авторов, от которой последние отказались еще до Второй мировой войны.

В дальнейшем историки КНР продолжили разработку концепции, заимствованной у зарубежной историографии. В статьях Ми Циюя и Чжань Фэньсяня проводилась мысль, что царская Россия «помогала Японии осуществлять агрессивную политику в отношении Китая и Кореи». Работы 1970-х гг. были насыщены специально подобранными цитатами из «Красного архива» и необоснованными выпадами против России. Ми Циюй, например, утверждал, что царское правительство, «осведомленное о слабости Китая», намеренно «подталкивало его к войне», рассчитывая в дальнейшем «вырвать у ослабленного Китая особые привилегии»¹².

В действительности архивные документы царского МИД говорят совершенно об ином, даже несколько завышенном мнении русских дипломатов о способности Китая отразить агрессию Японии. Так, за несколько дней до начала японо-китайской войны русский посланник в Токио М.А. Хитрово сообщал в свой МИД: японцы «опьянены самомнением, их отрезвит только урок, который они неминуемо получают от Китая. Успех они могут иметь разве кратковременный, в конце одолеют китайцы»¹³. На этом основывается утверждение Ми Циюя о том, что русские дипломаты «догадывались» о военных планах Японии, но «не сделали ничего, чтобы предотвратить войну». Китайский историк имел больше оснований сделать подобный упрек Великобритании, которая, как отмечалось выше, предпочла ограничиться дипломатическими рекомендациями, хотя могла бы осуществить демонстрацию военно-морских сил.

Проблема тройственного вмешательства и участие в нем царской России явилась объектом пристального изучения китайской историографии начала 1980-х гг. Точку зрения историков КНР можно рассмотреть на примере статьи Чжань Фэньсяня «О возвращении Ляодуна в результате вмешательства трех держав», в которой говорится, что «в настоящее время существует мнение о Германии как инициаторе вмешательства, но на самом деле им была Россия». При этом автор сослался на

ноту русского министра иностранных дел Б.А. Лобанова-Ростовского к германскому представителю в Петербурге, в которой выражалось согласие предпринять военный и дипломатический демарш в отношении Японии. Чжань Фэньсянь трактовал этот шаг как «продолжение ряда недружественных со стороны России жестов»¹⁴.

Кроме того, в статье китайского автора утверждалось, что занятая Россией в начале войны нейтральная позиция таила опасность для Китая, так как позволила Японии беспрепятственно оккупировать Корею и вторгнуться на китайскую территорию, осуществить контроль над Бохайским заливом. «Дело о возвращении Ляодуна, – заключал Чжань Фэньсянь, – наглядно свидетельствовало о начале нового этапа в борьбе держав за Китай. Возвращение Ляодуна не было выгодно Китаю, оно принесло пользу только державам, прежде всего России, Германии и Франции в их борьбе за сферы влияния в Китае»¹⁵. Мнение Чжань Фэньсяня противоречит тому, как трактовали эти события ученые КНР и Тайваня в 1950–1960-е годы.

С 1980-х гг. в историографии КНР стала явственной тенденция к пересмотру концепции предыдущего десятилетия. Китайские историки открыто признали утверждения Ми Циюя «неверными», так как его выводы не вытекали ни из политики России на Дальнем Востоке, ни из внешнеполитического курса Японии, не объясняли, как царское правительство могло поддерживать Японию и одновременно «организовывать тройственное вмешательство», которое напрямую нарушало японские интересы¹⁶.

Тем не менее, хотя китайские историки нового поколения и признали ошибочность выводов и предвзятость концепций своих предшественников, они настойчиво продолжали поддерживать тезис об «агрессивности» царской России в конце прошлого века уже на основе других материалов. В итоге – концепция 1980-х гг. мало отличается от той, что утверждалась в работах 1970-х гг. Ван Куйси, например, выдает проекты и

предложения русских журналистов и чиновников, содержание которых часто было довольно экстремистским и не учитывавшим реальных возможностей России, за позицию российского правительства, которая являлась намного умереннее. Основным выводом Ван Куйси состоит в том, что хотя существовало русско-японское соперничество на Дальнем Востоке, царская Россия все же вела в период японо-китайской войны политику «поддержания» и «использования» японской агрессии против Китая¹⁷.

В китайской историографии 1980-х гг. наблюдалась гиперболизация значения тройственного вмешательства держав, утверждалось, что оно полностью дестабилизировало международную жизнь Дальнего Востока. Китайские ученые продолжали приписывать России главенствующую роль в создании коалиции держав¹⁸. По мнению Ян Цундао, например, тройственное вмешательство таило далеко идущие последствия и явилось основой для подписания в 1896 г. тайного русско-китайского договора. Однако автор умалчал о том, что правящие круги цинского Китая сами шли на сближение с Россией, видя в ней надежного союзника против Японии и других держав.

Кроме того, он также полагал, что «вмешательство» лишь обострило русско-японское соперничество из-за Ляодуна и подхлестнуло другие державы к разделу Китая¹⁹. При этом, однако, Ян Цундао не упомянул о том, что тройственное вмешательство имело целью не раздел Китая, а напротив, сохранение его территориальной целостности. Поэтому, по меньшей мере, нелогично связывать это событие японо-китайской войны с последующим разделом Китая, наступившим после подавления державами восстания ихэтуаней (1898–1901 гг.).

Таким образом, в 1970–1980-е гг. китайские историки предприняли попытку пересмотра прежних взглядов и создания концепции «агрессивности» внешней политики царской России в конце XIX в., приписав ей несвойственные для того периода внешнеполитические устремления. Сознвая, однако,

их «нестыковку» с действительным ходом событий, китайские историки с середины 1980-х годов, с одной стороны, попытались смягчить наиболее одиозные формулировки, а с другой – продолжали искать малоизвестные русские документы для доказательства своего утверждения об «агрессивности» царской России в отношении Китая.

Для китайской историографии того периода времени стала типична подмена решений и действий царского правительства высказываниями и проектами рядовых чиновников, журналистов, далеких от официальных кругов людей. Тем не менее китайские ученые, отвечая политическим запросам своего правительства, предпочли некритично заимствовать устаревшие и ошибочные концепции зарубежных авторов. Подобные методы исследований нарушили историческое видение подлинных внешнеполитических целей царской России в конце XIX в.

В 1990–2000-е гг. с улучшением отношений между Российской Федерацией и Китаем тема участия царской России в тройственном вмешательстве перестала быть актуальной для китайских историков, и публикации по этому вопросу прекратились.

Заключение

Подписание Симоносекского мирного договора и вмешательство трех держав являются событиями заключительного этапа японо-китайской войны, на решение проблем которого европейцы оказали решающее влияние, постаравшись «скорректировать» итоги войны в собственных интересах. Вмешательство держав вызвало недовольство у бывших соперников. Даже Китай не был доволен его итогами. Трактовки этого события и отразились в исторических работах китайских авторов.

Анализ китайской историографии по вопросу вмешательства трех держав свидетельствует о том, что с какими бы благими намерениями оно ни проводилось, таковое всегда остается в памяти потомков как непрошенное вторжение, вносящее

еще большую путаницу в те вопросы, которые должны быть решены самостоятельно спорящими сторонами. Поэтому участие России в демарше трех держав с исторической точки зрения не является удачным внешнеполитическим шагом. Принеся некоторый тактический выигрыш, оно в перспективе не оказало позитивного влияния на российскую дальневосточную политику и не смогло предотвратить возникновение русско-японской войны 1904–1905 гг.

¹ См. подр. Забровская Л.В. Исторографические проблемы японо-китайской войны 1894-1895 гг. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1993. 124 с.

² Ли Шоукун. Саньго ганьшэ юань Ляо-чжи цзяошэ (Переговоры трех держав о возвращении Ляодунского полуострова) // Далу цзачжи. 1964. Т. 29. № 7-9. С. 12.

³ Там же. С. 12.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Там же. С. 26.

⁷ *Фань Вэньлань*. Новая история Китая. Пер. с кит. М.: Наука, 1955. С. 416.

⁸ Там же. С. 432.

⁹ Там же. С. 422.

¹⁰ Цзя-у Чжун-Жи чжаньчжэн (Японо-китайская война). Шанхай, 1973. С. 59.

¹¹ Там же. С. 3-4, 61-62.

¹² Ми Циюй. Ша-Э цзай цзя-у чжаньчжэн чжун чундан ла шэмма цзяосэ (Какова роль царской России в японо-китайской войне?) // Лиши яньцзю. 1978. № 8. С. 90.

¹³ Из эпохи японо-китайской войны 1894-1895 гг. Красный архив. М., 1932. № 50-51. С. 23.

¹⁴ *Чжань Фэньсянь*. Лунь саньго ганьшэ «хуай Ляо» (О «возвращении Ляодуна» в результате вмешательства трех держав) // Чжун-Жи гуаньси ши луньцун. Шэньян, 1982. С. 124.

¹⁵ Там же. С. 134.

¹⁶ Цзя-у чжаньчжэн цзю-ши чжоуньянь цзиньянь луньвэньцзи (90-я годовщина японо-китайской войны). Гл. ред. Ци Цичжан. Сб. статей. Цзинань, 1986. С. 298.

¹⁷ Там же. С. 311.

¹⁸ Там же. С. 316.

¹⁹ Там же. С. 325.

*Сизова А.А.
ИДВ РАН*

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИИ В МОНГОЛИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.: ЗАДАЧИ,
ОСОБЕННОСТИ И РОЛЬ ЗАГРАНИЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ МИД

Российско-монгольские отношения на протяжении многих веков характеризуются активным межкультурным диалогом. Со второй половины XIX в. – времени активизации русской торговли в Монголии и в особенности после основания в Урге первого российского консульства (1861 г.) российское культурное воздействие на соседнюю страну, чей хозяйственный и общественный строй в то время сохранял традиционные черты, приобрело более четкие очертания.

Культурный фактор традиционно играл существенную роль в продвижении российских торгово-экономических и политических интересов в степной стране. Инструментом, способствовавшим выстраиванию и поддержанию дружественных отношений с властями Монголии (в этот период входившей в состав Китая), а также реализации интересов России, являлись мероприятия, которые собирательно могут быть названы современным термином *«культурная дипломатия»*¹. В настоящее время, по мере возрастания значимости категории т.н. «мягкой силы» (soft power) в практике международных взаимодействий, изучение исторического опыта культурной дипломатии различных государств актуализируется. Механизмы и инструменты дипломатии «второй дорожки», получившие всестороннее развитие в международной деятельности государств Европы и Америки, привлекают все большее внимание как лиц, принимающих политические решения, так и исследователей по всему миру.

Стоит отметить, что в изучаемый период, характеризуемый, в основном, геополитическим подходом к рассмотрению международных взаимодействий, термины *«культурная политика»* и *«культурная дипломатия»* в их современном по-

нимании отсутствовали в лексиконе кругов, занятых в разработке и осуществлении государственной политики. Действия, направленные на популяризацию культуры одного государства среди населения другого, находились в неразрывной связи с мерами укрепления политического и экономического влияния и объединялись в рамках собирательного понятия «политика». Первоначально **«культурная политика»** относилась исключительно к внутригосударственной сфере. Однако в XX в. данный термин получил широкое распространение и применительно к международным контактам, в результате чего появились понятия **«внешняя культурная политика»** и **«международная культурная политика»** государства. Понятие «внешней культурной политики» тесно связано с использованием **«мягкой силы»²**, характеризующей способность государства добиваться желаемых внешнеполитических и экономических результатов на основе несилового взаимодействия с партнерами, в большей степени обусловленного привлекательностью образа данного государства.

Под **«внешней культурной политикой»** в данной работе мы будем понимать совокупность мер государства, направленных на защиту и распространение элементов культуры, присущей обществу, которое юридически представляет данное государство за пределами его территории, и выступающих в качестве инструмента внешней политики, укрепления влияния на территории других государств. В свою очередь, при обилии в современной политической науке подходов к пониманию термина **«культурная дипломатия»**, в настоящей статье, с учетом исторического контекста, под ним будет подразумеваться презентация национальной культуры, непосредственная деятельность уполномоченных государственных и негосударственных органов и организаций по реализации **«культурной политики»** государства в отношении других акторов международных взаимодействий.

В практике международных контактов XIX – начала XX вв. базовыми институтами культурной дипломатии были официальные заграничные представительства – посольства, миссии и консульства. В случае с Монголией, в изучаемый период входившей в состав Китая, такими институтами России в Монголии являлись императорские консульства. Российские консульские учреждения совместно с русскими поселенцами в разных городах кочевой страны в период с 1861 до 1917 гг. смогли претворить в жизнь значительное количество проектов, направленных на привлечение симпатий монгольского народа к России. Гуманитарные инициативы России в Монголии приносили пользу не только российским подданным, но и местному населению, которое получало доступ к современной медицине, образованию, социальной инфраструктуре и другим повышавшим качество его жизни достижениям цивилизованного мира. В свою очередь это во многом обусловило формирование дружеского отношения населения Монголии к «северному соседу» и оказало положительное влияние на политическую судьбу этой страны в начале XX в.

Особое внимание к идее «окультуривания» соседних азиатских народов, высокой культурно-нравственной миссии России в Азии российское правительство и общественность обратили на фоне системного кризиса в Цинской империи середины 1890-х гг. Популяризации идеологии укрепления культурного и прочего влияния России на окраинах Китая способствовали публикации «востокофилов», в первую очередь, князя Э.Э. Ухтомского³, а также иных политических, общественных деятелей и предпринимателей. Таким образом, культурная политика России в Монголии была тесно связана с представлениями властных кругов о возможности использовать культурные инструменты не только для решения конкретных политических и экономических задач в Азии, но и с более широкой гуманитарной целью – ознакомления «менее цивили-

зованных», с точки зрения европейского человека, народов с современным прогрессивным миром.

В этом контексте целью приобретающей с конца XIX в. более четкие очертания культурной политики Российской империи в Монголии как инструмента «монгольской» политики до 1917 г., было укрепление культурного влияния России и обеспечение благоприятных условий для российской торговли и жизнедеятельности колонии соотечественников в регионе. Основными же ее задачами являлись формирование позитивного имиджа России в глазах местного населения и стимулирование приобщения последнего к российским (в более широком смысле – европейским) культурно-духовным ценностям.

Суть деятельности консулов в Монголии в области культурной дипломатии формулировалась МИД в должностной инструкции на этапе постановки служебных задач и сводилась преимущественно к привлечению симпатий монголов, содействию установлению добрых отношений российских и китайских подданных на благо двусторонней торговли⁴. Данная задача могла решаться любыми способами на усмотрение консулов, следовательно, возможность их проведения в жизнь во многом зависела от инициативы самих дипломатов.

На практике деятельность официальных представителей России на «культурном» направлении включала мероприятия по приобщению монгольской духовной и светской аристократии, рядовых скотоводов-аратов к «благам цивилизации»⁵, в том числе к европейской медицине, ветеринарии, образованию, литературе и периодической печати, использованию городской инфраструктуры, а также ознакомление с элементами европейской политической культуры и военного дела. В период автономии Монголии (после 1911 г.) содержание «культурной миссии» обогатилось такими формами, как помощь в развитии книгопечатания, организация обучения монгольской молодежи в России, привлечение монгольской интеллигенции к совместным научным исследованиям. В данной статье рассмотрены

лишь некоторые аспекты деятельности российских консульств в рамках этого направления.

Консульства России в Монголии были учреждены в соответствии с российско-китайскими договорами 1851–1881 гг. Консульство в центральном городе Урге начало функционировать в 1861 г. Учреждения в Западной Монголии были открыты лишь в начале XX в.: в 1906 г. в Улясутае, в 1911 г. в Кобдо и Шара-Сумэ (в сентябре 1913 г. заработало отдельное консульство в Кобдо), в 1916 г. было создано вице-консульство в Маймачэне⁶. Перед консульской службой России в Монголии стояли задачи, проистекавшие из ключевых целей российской политики на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв., которые включали охрану status quo в региональной подсистеме международных отношений и стимулирование экономических контактов с государствами региона (в первую очередь, с Китаем). До начала XX в. консулы, наряду с посланником в Пекине, были единственными официальными представителями России в Цинской империи, принимая активное участие в решении вопросов в рамках широкого спектра аспектов отношений двух государств.

До начала 1910-х гг. правительство России не имело планомерной стратегии поддержки русской колонии и распространения культурного влияния в этой стране, и общественная жизнь российской колонии в пунктах концентрации русских – Урге, Улясутае, Кобдо – не отличалась активностью⁷. По мнению консула в Урге В.Ф. Люба, консульство за 35 лет существования реализовало слишком мало культурных инициатив, что не способствовало созданию комфортных условий пребывания русских в Монголии и «успеху цивилизаторского значения» среди местного населения⁸. Несмотря на то, что Монголия приобрела для России стратегическую значимость уже во время русско-японской войны, до 1913 г. в отношении нее российским правительством не было выработано специальной политики.

С уходом китайских конкурентов с монгольского рынка после переворота в Урге в декабре 1911 г. консульства в Урге и других городах активно призывали правительство к укреплению торгово-экономических позиций в данном регионе, в том числе, посредством улучшения инфраструктуры русской торговли и обеспечения широкого доступа монголов к благам цивилизации. В 1913 г. Особое Межведомственное совещание под председательством Иркутского генерал-губернатора Л.М. Князева 11–24 июня 1913 г. приняло программу мер содействия развитию российской торговли, которая предполагала значительные экономические и гуманитарные выгоды и для населения Монголии⁹. Наиболее интенсивная деятельность правительства России по преобразованию инфраструктуры российской торговли и ее культурного облика пришлось на начало 1912–1915 гг. Однако неблагоприятные внешние условия с конца 1914 г. привели к существенному снижению оборотов отечественной торговли в Монголии и ее глубокому кризису.

Тем не менее задолго до выработки правительством программы экономико-гуманитарного проникновения в Монголию (1911–1913), российские дипломаты прилагали усилия по «собираанию» российской колонии¹⁰, инициировали общественно-культурные проекты и участвовали в руководстве большинства из них, разъясняли коммерсантам важность культуртрегерства, внося заметный вклад в развитие социально-культурных связей России и Монголии. Выполнение «цивилизаторской» миссии консульствами в Монголии и создание положительного имиджа России как государства и очага великой культуры среди местного населения, было неразрывно связано с их деятельностью по организации общественной жизни российской колонии (большую часть которой представляли русские торговцы) и созданию элементов инфраструктуры, необходимых для привычного быта соотечественников. По мере развития торговли через границу и роста русской колонии, «островки» русской культуры появились не только в Урге, но и в Северо-Западной

Монголии, и в начале XX в. получили посильное содействие новых консульств в Улясутае, Кобдо и Шара-Сумэ.

Значительные усилия дипломаты приложили в области развития в Монголии **медицины и ветеринарии**, что являлось чрезвычайно важным для поселенцев и местного скотоводческого населения¹¹. Эпидемии чумы и других заболеваний (тифа, оспы) уносили жизни тысяч людей и домашних животных, подвергая риску торговлю скотом. С учреждением консульства в 1861 г. Урга стала знакомиться с западной медициной. Одним из первых мероприятий консула К.Н. Боборыкина в этой области было приглашение фельдшера из России. Фельдшер И. Осипов оказывал помощь и русским поселенцам и монголам, инициировал вакцинацию против оспы, готовил детрит и обучал этому местное население, проводил занятия по европейской медицине для лам¹², получив широкое признание местного населения.

Последующие консулы, по мере роста колонии в Урге, стремились организовать постоянную медицинскую помощь и периодически ходатайствовали перед МИД об открытии больницы¹³. Первые доктора, работавшие в городе на постоянной основе, прибывали в столицу Монголии вместе с военными отрядами, направленными в Китай в ходе подавления «боксерского» восстания и русско-японской войны, но оставались в Урге недолго. Только в 1903 г., когда за четыре месяца в городе умерло более 1500 монголов и около 300 китайцев, заболело множество российских подданных, 7 из которых скончались, российское правительство удовлетворило очередное ходатайство консула об учреждении должности врача¹⁴. Прием велся как для русских колонистов, так и для местных властей, китайских солдат, простых монголов. Кроме лечебной, врачи, в разное время прибывавшие в страну, вели санитарно-просветительную работу, способствовали уборке нечистот в городах, привлекая к этому русских поселенцев¹⁵. Примером отклика на призыв присоединиться к оспопрививанию монго-

лов является деятельность семьи торговца А.В. Бурдукова в Западной Монголии¹⁶.

С организацией новых консульств в середине 1900-х – начале 1910-х гг. для проблемы здравоохранения в Монголии появлялись новые решения. Консульские фельдшеры в Улясутае и Кобдо, как и их коллеги в Урге, оказывали помощь и русскому и монгольскому населению. В 1906 г. ургинский консул В.Ф. Люба смог добиться одобрения идеи лечения монголов на безвозмездной основе и выделения из казны 4 тыс. руб. на постройку лазарета, медикаменты, наем фельдшера¹⁷. Дипломат подчеркивал важность этой меры для «сближения нашего со страной и ее населением и привлечения на нашу сторону народных симпатий»¹⁸.

Постоянный врач у консульства в Урге (С. Цыбыктаров) появился только весной 1909 г. (проработал до 1921 г.)¹⁹. К консульскому врачу обращались больные из всех аймаков и округов Монголии и прилежащих к ней регионов, даже Тибета, что укрепило в сознании аратов и знати благоговение перед российской медициной. Доктор С. Цыбыктаров был приглашен для прививания оспы при ямыне маньчжурского амбана²⁰. При финансовой поддержке Русско-Китайского банка и фирмы «Коковин и Басов», С. Цыбыктаров открыл клинику с несколькими отделениями и аптеку с профессиональным провизором. С 1910 г. в медицинском учреждении на деньги Дипломатической миссии в Пекине (2000 руб. в год) существовала и бесплатная амбулатория для монголов²¹. Консульство в Урге в 1910 г. предлагало создать казенные амбулатории не только в столице, но и Заин-гэгэн-курене и Цзянь-цзюнь-ван-курене, где проживало большое количество русских²².

В Западной Монголии ситуация со здравоохранением была еще более сложной, чем в Урге. Несмотря на то, что консульство в этом регионе было открыто уже в 1909 г., постоянный врач в Улясутае появился лишь в 1913 г.

Учитывая затруднения с государственным финансированием медицинской помощи для русских за рубежом, дипломаты в Монголии поддерживали устройство частных больниц (лазареты на Иринских приисках в 1906 г., в Тологойты в 1908 г., в Кударе и Могое в 1913 г.). В 1913 г. Общественное управление в Урге организовало больницу и аптечку. В начале 1910-х годов фельдшеры и аптечки содержались в Кобдо, Улясутае, Цзаин-Шаби, Хатхыле²³.

После подписания 21 октября 1912 г. соглашения об автономии Монголии правительством России был предпринят ряд мер по улучшению медицинской помощи в разных регионах страны, организацией которой занимались чиновники МИД. В 1913 г. в Ургу и Улясутай отправлены два отряда окулистов²⁴. В 1913-1915 гг. в консульства в Улясутае и Кобдо, военный отряд в Кобдо были назначены врачи и фельдшеры. В то же время, в 1916 г. правительство отказало в выделении недостающей суммы (4-4,5 тыс. руб.) на постройку больницы, которую под руководством консульства строила колония в Улясутае²⁵. В отсутствие надлежащего медицинского обслуживания население Северо-Западной Монголии вновь оказалось беспомощным перед эпидемией оспы в январе 1916 г.²⁶

Таким образом, российская медицина, доказав свою продуктивность в привлечении симпатий кочевого населения, не была использована правительством для укрепления позиции «русского имени» в Монголии в полной мере.

Оказание ветеринарной помощи стало одним из наиболее значимых направлений российской политики по укреплению позиций в стране²⁷. Начало этой деятельности было положено в 1901 г., когда российское правительство отправило в Ургу ветеринара А.П. Свечникова для произведения прививок от очередной эпидемии чумы, свирепствовавшей в степи. Благодаря ургинскому консулу Я.П. Шишмареву появилась идея производить прививки монголам и их скоту, а в 1903 г. с помощью консула врач А.А. Дудукалов открыл первую в Монго-

лии ветеринарно-противочумную станцию²⁸. После первого опыта массового прививания монгольского скота весной-осенью 1910 г. Я.П. Шишмарев призвал правительство взять на себя расходы по организации противочумной станции в Монголии для снижения издержек в торговле сырьем и скотом²⁹. Консул поддержал идею ветврачей о пользе приготовления противочумной сыворотки в Урге и осенью 1910 г. выделил участок в 9600 кв. м между консульством и Маймаченом для скотного двора и лаборатории филиала Читинской противочумной станции³⁰, которая оказалась очень востребованной³¹.

Наряду с этим консулы в Урге, Улясутае контролировали работу российских экспедиций, прививающих животных. После подписания российско-монгольского соглашения 1912 г. обсуждалась идея прикрепления к каждому консульству в Монголии по ветеринарному врачу, а также учреждения на российские средства сети ветпунктов по всей стране. Ургинское правительство отказалось от данного предложения, расценивая его как угрозу экономической безопасности страны. В 1913 г. генконсул А.Я. Миллер поддержал ходатайство врачей Читинской станции о создании в Урге постоянного ветеринарного пункта с лабораторией и квартирами³² и способствовал распространению информации о заразных болезнях скота через столичный журнал «Шинэ-толи». А.Я. Миллер также предпринимал попытки объединения ветеринарных служб Восточной Сибири и Монголии, но и этот проект не был реализован³³, и прививание продолжалось отдельными экспедициями.

Несмотря на то, что не все проекты, предложенные правительству консульствами и русскими поселенцами в области медицины и ветеринарии, были реализованы, результатом мероприятий в этой сфере стало значительное снижение падежей скота и углубление симпатий монгольских аратов и аристократии к русским. Одним из важнейших эффектов от популяризации российской медицинской помощи в стране с точки зрения культурной дипломатии было то, что, как писал генконсул

А.А. Орлов, она способствовала эмансипации монголов от суеверий, внушаемых ламством, и отказу от «стремления населения обеспечить своим детям безбедное тунеядческое существование»³⁴.

Особое значение в ходе реализации «культурной миссии» в Монголии консульства придавали **просвещению**, ознакомлению с достижениями русской культуры не только соотечественников, но и местного населения. По согласованию с маньчжурскими властями в 1864 г., консулом Я.П. Шишмаревым была открыта школа переводчиков, которая в 1884 г. получила официальный статус. Подготовка переводчиков восточных языков была важным шагом на пути преодоления языкового барьера в коммуникации российских подданных с монгольским, китайским, тюркским населением городов китайского приграничья, развитию «зон конвергенции» во взаимодействии двух империй.

Вторым серьезным образовательным проектом консульства в Урге было создание в 1908 г. трехклассной русской школы с программой Министерства народного просвещения, в которой обучалось 20 детей. В целях популяризации российского образования, консул предлагал принимать на учебу детей влиятельных монголов³⁵, чего удалось добиться только в 1913 г. консулу А.Я. Миллеру.

В целях развития торговых контактов и «культурной миссии» в Монголии консульства предлагали государству инвестировать в обучение монгольской молодежи. Незнание монголами русского языка являлось причиной многих недоразумений в торговых отношениях³⁶. Несмотря на сопротивление ламаистской церкви светскому просвещению, еще в мае 1894 г. Я.П. Шишмарев, заручившись поддержкой ургинских амбаней, ходатайствовал через посланника перед Цзунли-ямынем об учреждении в Урге языковой школы для молодых монголов³⁷. Проект Я.П. Шишмарева был одобрен пекинскими чиновника-

ми, в том числе, Ли Хунчжаном, но не получил финансирования амбаней³⁸.

После переворота 1911 г. деятельность по созданию школы русского языка и перевода возобновилась с подачи МИД Монголии. Консульство в краткие сроки предложило Поверенному в делах в Пекине смету расходов по школе (3000 руб. на 6 учеников в год)³⁹. Реализация проекта школы началась В.Ф. Любкой и специально уполномоченным И.Я. Коростовцом⁴⁰. Летом 1912 г. интернат для шести монгольских стипендиатов и приходящих учеников был открыт. В условиях недостатка финансов МИД Монголии не раз обращался к специалистам консульской школы для организации работы первой монгольской общеобразовательной школы (основана 24 марта 1912 г.). Консульством в Урге и известным монгольским просветителем Ц.Ж. Жамцарано также предпринималась попытка отправить группу монголов в учебные заведения Иркутска, но ургинское правительство не смогло оплачивать их учебу⁴¹.

Императорские консульства служили важными центрами российско-монгольского **информационного обмена**. Получая газеты, журналы, агентские телеграммы из России, дипломаты и предприниматели знакомили с ними власти и население Монголии. Книги, журналы, альбомы, в том числе, по медицине, географии, истории, карты консул в Урге выписывал из России для самого богдо-гэгэна и других лам. До 1910-х годов администрация и население страны в информационном отношении существенно зависели от российских подданных. Например, большую часть оперативных сводок с фронтов китайско-японской войны 1894–1895 гг. амбани в Урге получали из российского консульства. Обмен информацией между русскими и монголами усилился в период освободительного движения в Монголии (1911–1915). Возрос интерес монголов к образованию, углублению знаний о соседних странах. Монгольская интеллигенция стала активно использовать прессу приграничных регионов России в целях общения с «северным соседом» –

предупреждения сибирского населения об эпидемиях и природных бедствиях в пограничной зоне, рекламы товаров.

В период автономии Монголии, благодаря стараниям консульств и русского купечества, в городах оживилась культурная жизнь, в которую интегрировались и монголы. В Урге и Улясутае на средства торговцев и при поддержке консулов А.Я. Миллера и А.А. Вальтера были организованы библиотеки-читальни⁴², которые посещало и местное население. Усовершенствовалась система доставки российской литературы и периодики в монгольские города (выписывалось более 20 наименований журналов и газет)⁴³. В это время русский клуб в Урге, открытый в 1903 г., освоил новые направления просветительской и рекреационной деятельности⁴⁴.

В 1915 г. в Урге были созданы хор певчих и оркестр струнных инструментов, проводились публичные лекции с участием чинов консульства, врачей, учителей, есаула консульского конвоя⁴⁵. Предпринималась даже попытка создать монгольский оркестр под управлением русского капельмейстера, однако проект реализовать не удалось. К 1919 г. у клуба появилось собственное двухэтажное здание⁴⁶. Управляющий консульством В.Н. Лавдовский летом 1911 г. добился разрешения на открытие в Урге кинематографа, ставшего одним из любимых развлечений русских, монголов и китайцев⁴⁷. В период работы А.Я. Миллера в Урге при консульстве имелась типография, издававшая популярные журналы на монгольском языке, в том числе журнал «Шинэ-толи» («Новое зеркало»), посредством которых не только популяризировался монгольский язык, но и оказывалось «нравственное воздействие» на монголов. Такая активная деятельность русского сообщества в Монголии имела большое культурное значение для местного населения, которое, невзирая на неодобрение ламством получения «светских» знаний, проявляло все больший интерес к достижениям европейской цивилизации.

Эффективным средством привлечения симпатий монгольского населения к России и христианским ценностям была организация консульствами **благотворительной деятельности**. Для помощи беднякам, старикам и больным консульство использовало как частные, так и государственные источники. Так, в 1896–1898 гг., отмеченные затяжными зимами и бескормицей, в Урге был организован сбор средств для покупки шуб для детей из неимущих семей, раздачи мяса и кирпичного чая в первые дни монгольского Нового года. К «благому делу» консульство привлекало всех возможных спонсоров⁴⁸. В 1897–1898 гг. консульство устроило бесплатную столовую для 40 бедняков и больных на сумму 1200 руб.⁴⁹ Финансовая поддержка монголов правительством России заключалась в оплате медицинской помощи врачом консульства, а также периодической выдаче пособий особо нуждавшимся. При консуле Я.П. Шишмареве была заведена традиция финансовой помощи монгольским казенным почтовым станциям⁵⁰, несмотря на то, что по трактатам российские чиновники могли пользоваться ими бесплатно. С 1869 г. по ходатайству консульства в Урге генерал-губернатор Восточной Сибири периодически испрашивал в Министерстве внутренних дел по 1500–1800 руб. для дополнительного вознаграждения монгольских станций (примерно по 150 руб. на каждую), что расценивалось как добродетельный поступок со стороны российского правительства и являлось определенным каналом влияния России⁵¹. В 1908 г. по ходатайству консульства в Урге Россия выделила крупную сумму на помощь монгольским станциям, пострадавшим от стихийных бедствий⁵².

Формированию положительного образа России и «русского» в глазах монголов способствовала и работа по контролю за нравственным обликом русской колонии, воспитанию у поселенцев уважения и интереса к истории, природе, традициям и обычаям страны пребывания. Дипломатические сотрудники в меру сил следили за чистоплотностью купечества, выявляя

случаи обманов монгольских покупателей, боролись с «суровыми» развлечениями, характерными для некоторых торговцев⁵³. С подачи консульских служащих многие русские торговцы увлеклись изучением Монголии, собирали коллекции древностей, поддерживали русских путешественников, знакомили монголов с русской культурой. Представители факторий в Урге, Улясутае, Кобдо, Шара-Сумэ, а также других центров русской торговли (Уланком, Ван-Хуре, Цзаин-Шаби) проявляли заботу о монголах, не только помогая в прививании населения и скота во время эпидемий, но и способствуя их трудоустройству и получению дополнительного заработка посредством найма для перевозки чая, работ на заимках и приисках. Доверительные отношения монголов и русских, сложившиеся со временем, укрепляли российское влияние в степной стране. Содержание, положительный характер этого взаимодействия и его очевидный контраст с монголо-маньчжурскими отношениями во многом, повлияли на решение монголов искать содействия «северного соседа» в решении вопроса о получении автономии в начале 1910-х годов.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. инструменты и принципы культурной дипломатии имели неопределимое значение для создания положительного образа России в Монголии и многовекторного развития российско-монгольских связей, как на официальном, так и на региональном и локальном уровнях. В изучаемый период ключевую роль в формировании привлекательного имиджа государства и российской культуры в кочевой стране сыграли дипломатические представительства России в центральной и западной частях страны, работавшие на данном направлении в тесном сотрудничестве с предпринимателями, российским приграничным населением и пограничными администрациями.

Стоит признать, что деятельность сотрудников МИД, невзирая на многочисленные трудности, сопряженные с ее реализацией (препоны цинских властей, скудное финансирование

и недооценка правительством важности гуманитарных инициатив, экзотические климатические и культурные условия службы и пр.), существенно способствовала как установлению прочных политических контактов России с Монголией, преобразованию простого товарного обмена через границу во вполне цивилизованные экономические связи с этой страной, так и проецированию на Монголию российского культурно-духовного влияния, социально-культурной конвергенции приграничных регионов двух стран, а также росту производительных сил Монголии, ее «открытию» окружающему миру. Достижения российской культурной дипломатии имели большое значение для формирования «особых» отношений России и Монголии на долгосрочную перспективу, и, как показал опыт последующих периодов, инструменты и принципы дипломатии «второй дорожки» имеют большой потенциал для укрепления взаимодействия и взаимопонимания двух стран и культур.

¹ Под «культурной дипломатией» в данной работе понимается презентация национальной культуры силами дипломатического ведомства и/или другого полномочного органа, ориентированная на решение внешнеполитических задач.

² Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y., 2004.

³ Ухтомский Э.Э. Из китайских писем. СПб., 1901. С. 27.

⁴ Русский консул в Монголии: Отчет Я.П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства / Сост., вступит. статья, примеч., библиогр. Н.Е. Единарховой. Иркутск, 2001. С. 14.

⁵ В документах изучаемого периода термины «культурный», «цивилизованный» и «европейский» часто используются как синонимы, передающие смысл «относящийся к ценностям западноевропейской культуры», «руководствующийся европейскими ценностями в повседневной практике».

⁶ Монголия // Вестник Азии. 1916. № 37. С. 125.

⁷ Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли. Экспедиция 1910 г. Томск, 1911. С. 104-113.

⁸ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 495.

⁹ Журнал Особого Междуведомственного Совещания, бывшего в С.-Петербурге под председательством Иркутского Генерал-Губернатора, Егермейстера Л.М. Князева, по русско-монгольским делам. Иркутск, 1913. С. 28-39, 45-50.

¹⁰ Лиштованный Е.И. Монголия в истории Восточной Сибири (XVII - XX вв.). Иркутск, 2001. С. 85.

-
- ¹¹ Журнал Особого Междуведомственного Совещания... С. 32-33.
- ¹² *Единархова Н.Е.* Русское консульство в Урге и Я.П. Шишмарёв. Иркутск, 2008. С. 59.
- ¹³ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 589. Л. 4-5.
- ¹⁴ Там же. Д. 563. Л. 181.
- ¹⁵ Даревская Е.М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX веков. Иркутск, 1994. С. 128.
- ¹⁶ *Бурдуков А.В.* В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. М., 1969. С. 374.
- ¹⁷ *Свечников А.П.* Русские в Монголии. СПб., 1909. С. 26-27.
- ¹⁸ *Даревская Е.М.* Указ. соч. С. 121.
- ¹⁹ Сибирский торгово-промышленный ежегодник. СПб., 1913. Отд. IV. С. 491.
- ²⁰ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 599. Л. 35.
- ²¹ Там же. Д. 566. Л. 13-19. Л. 19.
- ²² Там же. Д. 565. Л. 133.
- ²³ Даревская Е.М. Указ. соч. С. 128.
- ²⁴ Труды совещания по вопросам о развитии торговых сношений с Монголией, созванного иркутским генерал-губернатором егермейстером Л.М. Князевым в декабре 1912-январе-феврале 1913 г. Иркутск, 1913. С. 80.
- ²⁵ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 183-184, 190.
- ²⁶ Сибирская жизнь. 15 января 1916. №22. С. 1.
- ²⁷ Журнал Особого Междуведомственного Совещания... С. 32-33.
- ²⁸ *Даревская Е.М.* Указ. соч. С. 100.
- ²⁹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 119.
- ³⁰ Там же. Л. 117 об.
- ³¹ Там же. Л. 118.
- ³² *Даревская Е.М.* Указ. соч. С. 106.
- ³³ Указ. соч. С. 111.
- ³⁴ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 181 об.
- ³⁵ Там же. Д. 565. Л. 53 об.
- ³⁶ *Ровинский П.А.* Мои странствования по Монголии // Вестник Европы. № 7. 1874. С. 286-287.
- ³⁷ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 267 об.
- ³⁸ *Даревская Е.М.* Указ. соч. С. 146-147.
- ³⁹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 57-57 об.
- ⁴⁰ Директором школы был интеллигентный бурят Ц.Ж. Жамцарано, бывший преподаватель Петербургского университета, редактор первой монгольской газеты. Учителем школы также был бурят Н.Т. Данчинов. Консульскую школу оканчивал будущий лидер революции Чойбалсан.
- ⁴¹ *Коростовец И.Я.* От Чингисхана до Советской Республики. Улан-Батор, 2004. С. 218.
- ⁴² *Даревская Е.М.* Указ. соч. С. 163-164; По данным А.В. Бурдукова, в Улясутае библиотека насчитывала до 1000 томов, оформлена подписка на 30 периодических изданий / Бурдуков А.В. Указ. соч. С. 378.

-
- ⁴³ *Майский И.М.* Современная Монголия. Иркутск, 1921. С. 92; Даревская Е.М. Сибирь и Монголия. С. 158-159.
- ⁴⁴ В клубе имелась сцена, бильярд, казачий оркестр балалаечников, устраивались танцы под граммофон и любительские спектакли / АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 868. Л. 3.
- ⁴⁵ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 186.
- ⁴⁶ Даревская Е.М. Указ. соч. С. 170.
- ⁴⁷ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 23.
- ⁴⁸ Проезжавший в июне 1897 г. по Монголии князь Э.Э. Ухтомский передал для этих целей консульству более 1000 руб. / АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 561.
- ⁴⁹ Там же. Л. 561 об.-562.
- ⁵⁰ Уртонная служба являлась формой государственной повинности монголов.
- ⁵¹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 425 об.
- ⁵² Там же. Д. 565. Л. 69.
- ⁵³ Единархова. Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861-1921 гг.). Иркутск, 2003. С. 196-197.

Синецкая Э.А.
ИБ РАН

КИТАЙ НАКАНУНЕ СИНЬХАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Некий знаковый рубеж, некий символ в истории Китая, историческое событие, оказавшее непосредственное влияние на современность, конечно же, – Синьхайская революция. Во-первых, совершено национальное освобождение от маньчжурской династии (а националистические лозунги являются весьма объединяющими и знаковыми для народа). Прическа (кроме косы требовалось ещё и обривание передней части головы), навязанная маньчжурами китайским мужчинам, была настолько обязательной, что любой китаец, пойманный в несоответствующем виде, подлежал казни – «брей голову или теряй голову», так невесело шутили в народе. Китайцы, которые приняли маньчжурскую прическу, конечно же, считались лояльными, однако ощущали национальное унижение¹. И едва узнав, что цинская монархия пала, китайские мужчины поторопились отрезать косу. Некоторые, однако, косу не отрезали, а убрали под головной убор, чтобы в случае опасности, скажем, переворота, быстренько заплести косу вновь и выставить на всеобщее обо-

зрение². К тому же монархия потерпела поражение в ходе опиумных войн, а это оценивалось как национальный позор Китая, что побудило думающих людей разобраться в причинах произошедшего, осмыслить мироустройство стран-победительниц, чтобы понять суть их преимуществ и причину поражения Поднебесной. В обществе назрела мысль о необходимости реформ. Цинское правительство, сознавая необходимость реформ, предполагало концентрироваться на изучении европейских науки и техники для усиления страны путём создания собственной промышленности и развития торговли (период «Движения самоусиления» в 1860–1890-х гг. и знаменитые «100 дней реформ» лета 1898 г.). Реформу предписывалось осуществлять по так называемой доктрине усвоения «варварских дел», или «модернизации по-китайски», при которой было должно соблюдать известный охранительный идеологический постулат: «китайское учение – основное, западное учение – прикладное». Вопреки ожиданиям сторонников подобного подхода к заимствованию западных технологий, в странах (которые иногда называются странами «догоняющего развития») кардинальные изменения в материальной сфере всегда приводят к изменениям в идеологической – меняется практически вся совокупность идей относительно материального мира. (Ещё Кант говорил, что любая реформа начинается с реформы в головах³.) Модернизация вызывает «цивилизационную революцию», продолжительную во времени и затрагивающую различные общественные институты, социальную психологию, культуру», ибо модернизация – «прежде всего воспроизведение в ином историческом контексте и по иным параметрам такого процесса преодоления средневековой традиции, который впервые осуществился на европейском Западе»⁴. История общественной мысли Китая новейшего времени полно описана в немалом количестве солидных монографий. Но нельзя не повторить, что начавшаяся в Китае с конца позапрошлого столетия в полном смысле культурная революция вводила в оборот

практически все идеи, сформировавшиеся к этому времени в мировой общественной мысли, и делала их доступными (особенно после перехода на *байхуа*) для более широкого круга читателей. А революционный климат, устанавливавшийся в стране, способствовал поглощению этих идей с чрезмерным энтузиазмом. Наибольшего размаха этот процесс достиг после Синьхайской революции, особенно в период «движения 4 мая».

Но уже накануне Синьхая Китай стал открывать для себя мир и открываться миру. В страну пришла западная система образования: были созданы тысячи школ (в том числе школы для девочек); открывались вузы, молодые люди уезжали учиться за границу. В Китае появлялось всё больше людей, владеющих иностранными языками. В стране возникли типографии, специализирующиеся на издании книг по мировой истории, международному праву и прочей литературе реформаторского толка. Организовывались больницы, приюты, центры реабилитации курильщиков опиума, реабилитации слепых и глухих, помощи голодающим, создавалась современная система водоснабжения⁵. Строились предприятия, появились арсеналы и корабельные верфи, строились железные дороги; развивались средства коммуникации. В Китае возникала журналистика. Среди прочего, заговорили о правах женщин; в нарождающейся женской прессе уже осознавшие свои права женщины стремились донести до своих соотечественниц пользу образования, говоря не только о финансовой стороне вопроса, о возможности увеличить доход семьи или как о средстве добиться определённой самостоятельности, но и для большего согласия в семье⁶. Создаются первые прообразы общественных организаций, возникают многочисленные «аналитические ассоциации», организованные реформистски настроенными интеллигентами, в том числе и политического толка (например, «Союз возрождения Китая» Сунь Ятсена, учредительное собрание которого состоялось в конце ноября 1894 г.). Стоит на-

помнить, что миссионеры создали первые женские организации по образу и подобию традиционных для западного христианства – женские клубы или женские благотворительные сообщества, но это были первые организации, объединяющие именно женщин в русле определенного их женского специфического интереса. Члены некоторых клубов называли себя «девушками, повинующимися своей собственной воле»: они стремились сами выбирать себе мужей, не подчиняясь родительскому выбору. Были женские организации, которые под видом активно идущей борьбы против бинтования ног преследовали цели полной реформы семьи. Такие женские объединения могли служить информационными центрами для женщин, а возможно, и дискуссионными, где обсуждались и формулировались первые требования китайских женщин, и прежде всего – право на получение образования и профессии. Женщины делились своими знаниями, в том числе полученными при общении с иностранками, услышанной от мужей информацией, а затем по семейным каналам доносили «общественное мнение» для сведения тех же мужей – китайских функционеров⁷.

Ещё одним элементом открытости страны был выход Китая на мировую политическую арену. Британский посланник в Пекине Томас Уэйд доказал преимущества не только индустриальной модернизации, но и открытия дипломатических представительств за границей, и в 1877 г. учреждено китайское представительство в Лондоне. В стране создаётся Канцелярия по иностранным делам, затем – Министерство иностранных дел по европейскому образцу (после подавления восстания ихэтуаней). В 1906 г. наметилось изменение принципов управления страной: был обнародован указ о проведении подготовительных мероприятий для перехода к конституционному правлению, в 1908 г. публикуется «Основная программа конституции» (конечно, при незыблемости и неограниченности императорской власти). После смерти Цыси началась подго-

товка выборов провинциальных ассамблей и реформирование национальной ассамблеи⁸.

В результате всё расширялся круг людей, втягивавшихся в ознакомление, обсуждение насущных (для каждого на его уровне и в сфере его интересов) проблем, с которыми их сталкивала новая реальность в стране. То есть в определённом смысле именно человек, отдельный человек становился объектом (и в определённой степени субъектом тоже) происходящих перемен в обществе.

Первые элементы западной идеологии (что хорошо прослеживается на проникновении в Китай идей протофеминизма, если можно так сказать, – одного из идеологических концептов Запада) привнесли миссионеры вместе со словом Божиим в своих проповедях, а главное — в своих деяниях⁹. (Такой же точки зрения придерживаются и исследовательницы, скажем, феминизма в Южной Корее, утверждающие, что первые попытки раскрепощения женщин были предприняты в 80-х годах позапрошлого века христианскими миссионерами, которые пропагандировали идеи равенства человека и большую роль отводили образованию женщин¹⁰.)

Есть точка зрения, что в целом модернизация Китая неотделима от утверждения христианских ценностей (а скорее – ознакомления с ними). В Библии можно было встретить немало идей, вступающих в противоречие с многовековой семейно-клановой структурой китайского государства. «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их»¹¹. Каждый человек, прежде всего – сын Божий, и как таковой перед Богом и только перед ним ответственен. Христианство, проповедуя индивидуальные взаимоотношения человека и Бога, ставило взаимоотношения с последним значительно выше и важнее внутрисемейных отношений. В Евангелии от Матфея прочтем: «кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин меня» и только тот, «кто

будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать»¹².

Протоирей Петр Иванов приводит ряд высказываний Сунь Ятсена на тему влияния христианства в тот период в Китае. Например, во втором томе собрания сочинений Сунь Ятсена, изданного в 1982 г. в Пекине, имеется высказывание «отца нации», сделанное в 1912 г: «Истина революции по большей части почерпнута из церкви. Установление Китайской Республики совершилось не только моими силами, но и трудами церкви». В другом случае Сунь Ятсен утверждал, что «западная культура и знания, распространяемые миссионерами, в значительной степени сформировали основу для победы революции»¹³.

Представляется весьма убедительным мнение английского социолога Э.Р. Хьюза, что история влияния миссионеров должна рассматриваться как один из существенных факторов воздействия западной культуры на Китай¹⁴. История христианства в Китае не является только историей духовной и материальной экспансии Запада, но – процессом адаптации китайской культуры к вызовам западной цивилизации. К тому же проблема весьма важна, поскольку импорт/экспорт идей, в том числе выраженных в форме религии, непосредственно влияет на восприятие данным конкретным народом других наций. (О влиянии западных идеологий, говоря о японской модернизации, Т.П. Григорьева приводит обширную цитату из труда американского ученого Р. Белли. «Япония, – писал он, – не обладала собственными культурными импульсами для модернизации. Если бы не вызов Запада, то модернизации в Японии не было бы», несмотря на то, что «по своей природе общество Эдо было более, чем другие восточные общества, способно принять модернизацию»¹⁵.)

С началом реформаторского движения в Китае западная идеология проникала в страну также через литературу – специальную (философскую, социологическую, публицистическую), но не менее важно – через художественную. Западная художе-

ственная литература оценивалась многими китайскими просветителями как катализатор развития общества на Западе. Юй Дафу считал, что приход в западную литературу когорты талантов (Гете в Германии, Байрона, Китса, Шелли в Англии, Бальзака во Франции) необыкновенно активизировал интеллектуальную жизнь Европы и, изменив политический климат, вызвал Великую французскую революцию¹⁶. Не исключено, что для развития нового миропонимания и мироощущения в Китае большее значение имели художественные произведения, которые касались острых нравственных проблем и оказались особенно созвучными исканиям среди китайской думающей публики тех лет¹⁷.

Литературное произведение вооружает отдельных людей и социальные группы интересующей информацией и создаёт определенный психологический настрой. «Тот факт, что два, или несколько не знающих друг о друге людей читают одну и ту же книгу означает, что они находятся в опосредованном общении друг с другом, в их сознании имеется общий элемент (информация, идея, установка), а именно в возникновении такого рода общих для разных сознаний элементов и заключается сама идея общения. Чем больше одних и тех же книг читали эти люди, тем более общим языком они обладают, то есть, тем больше в их языке одинаковых ассоциативных цепочек, метафор и символов, а общий язык – это... важное условие взаимопонимания и взаимного общения»¹⁸.

В результате этих процессов с необыкновенной интенсивностью в стране создавалась новая идейная среда, в которой люди живут и которой они, естественно, подчинены, но «которая шире, чем та, какую мы привыкли непосредственно чувствовать кругом себя»¹⁹. К тому же, как замечает известный социолог, «идеалы, воплощенные в искусстве, становятся наглядными: их можно всем увидеть, всем понять, всем представить», а потому «они влияют на волю и сознание людей, ведут людей к действиям по изменению общества, по соз-

данию разнообразных новых ценностей»²⁰. А это – путь к созданию гражданского общества. Роман к тому же может стать «новой вдохновляющей мифологией и реабилитировать униженную человеческую личность перед лицом зловещих фантомов – Нации, Державы, Истории»²¹.

Не менее важно, что создается новая китайская литература, в которой под влиянием западной появляются новые герои, новые темы²². Самым великим достижением литературы под влиянием «Движения 4 мая» считается открытие личности, индивидуальности, внутреннего духовного мира. «Прежде человек жил для господина, для "дао", для родителей. Современный человек открыл, что он живет ради себя самого»²³. Одной из знаменательных тем новой китайской литературы были вопросы пола. Решались они весьма смело, порой с элементами, «заимствованными из гангстерско-порнографической продукции США»²⁴. И произведения этой тематики становятся бестселлерами, независимо от таланта автора, поскольку для китайской молодой интеллигенции проблемы брака, новых семейных, межличностных отношений были чрезвычайно важны. Следует отметить, что вопрос семьи и семейных отношений важен при реформировании всех обществ, учитывая роль семьи в импринтинге, в воспитании подрастающего поколения.

При этом нельзя не отметить всё более расширяющиеся контакты с иностранцами, как при поездках за границу, так и в самом Китае. Так, скажем, европейские дамы, жившие, конечно, преимущественно в Пекине и Шанхае, были не чужды идей эмансипации и женского равноправия. Видя положение своих сестёр-китаянок, они принимали активное участие в зарождении женского движения в Китае. К примеру, Алисия Литье активно участвовала в движении за запрет бинтования ног, создав в Шанхае в 1896 г. «Общество естественных ног», печаталась в местной прессе, писала записки китайскому правительству, привлекая к посредничеству членов дипломатического корпуса в Пекине²⁵,

Немало жён иностранцев, живущих в Китае, занимались благотворительностью и принимали участие в обучении китайских девочек. Потом эти девочки, в том числе и обучающиеся в миссионерских школах, вырастая, становились женами новых политиков, бизнесменов Китая. Они были подготовлены к общению с западными женщинами и учились многому, общаясь с ними, как в самом Китае, так и выезжая вместе с мужьями за границу²⁶. Жены Сунь Ятсена и Чан Кайши тоже окончили такие же школы. Были и девочки из бедных семей (вначале именно таких детей начали опекать миссионеры), окончившие миссионерские школы и вошедшие в культуру Китая тем или иным образом. Вовлечённые иностранками в общественную деятельность жёны китайских политиков и бизнесменов становились как бы референтами своих обличённых властью мужей. Так, французский журналист писал в начале века, что «пекинские министры, организуя женское образование, действуют под влиянием тех, кто с каждым днем приобретают все большую силу у их собственного очага». И «по тем же жениным советам», утверждал он, правительство начало командировать девушек в Японию для изучения медицины, художественных промыслов и искусства²⁷. Проведенная в 1901 г. в Шанхае первая в Китае женская конференция, в которой, правда, приняли участие лишь китайки, владеющие английским языком, не обошлась без участия иностранок. Обсуждались проблемы самоуправления свекровей, насильственных браков, убийств детей голодающими, продажи дочерей, бинтования ног²⁸.

Нельзя не учитывать, что после Тайпинского восстания в Шанхайских сэттльментах стали активно селиться китайцы. А с 1922 г. в Шанхай начали прибывать русские эмигранты. Иностранцы, жители сэттльментов показывали китайцам пример иного образа жизни, навыков самоорганизации, в том числе выборных органов самоуправления (в 1854 г. впервые прошло ежегодное заседание Шанхайского муниципального совета, в задачи которого входило управление иностранными сэттль-

ментами²⁹), иного взаимоотношения между людьми, в том числе и между мужчинами и женщинами³⁰. И это происходило не только в этих двух городах.

Другим примером служит Харбин с его огромной русской колонией³¹ (к 1930 г. в Харбине проживало уже около полутора миллионов русских эмигрантов и всего полмиллиона китайцев³²). Интересно в этом смысле одно произведение (малой формы) известной писательницы Сяо Хун (1911–1942) – «Весна в маленьком городе», в котором рассказано о девушке, попавшей в семью родственников, «слывших прогрессивными», в небольшом городке под Харбином (и хотелось бы это подчеркнуть. — Э.С.). Она знакомится с юношами и девушками, учащимися в школах нового западного типа в Харбине, одевающимися по-западному, от «русской колонии усвоивших западные манеры общения», что особенно заметно – манеры общения юношей с девушками (их свободное и одновременно уважительное обращение особенно потрясло героиню). И она намеревается изменить свою жизнь – просит мать отложить намеченную свадьбу (с деревенским мальчиком намного моложе её) и нанять ей учителя. Рассказ, правда, заканчивается смертью девушки от скоротечного туберкулёза. Судя по всему, автор, дорого заплатившая в своей жизни за право «жить по-новому», не видит никаких «светлых» перспектив для своей героини в её стремлении изменить свою судьбу³³.

Итак, Синьхайская революция – это крах попыток реформировать Поднебесную, не отходя от традиционалистской модели, и как говорилось в названии конференции, проведённой Отделом Китая Института востоковедения РАН в декабре прошлого года, — «это начало века революций, эволюции и модернизации» страны. Можно по-разному оценивать отдельные этапы последующего после Синьхайской революции пути КНР к настоящему моменту. И тем не менее нельзя не согласиться с А. Меликсетовым (его статья от 1976 г. перепечатана в сборнике докладов на упомянутой выше конференции, посвящённой

Синьхайской революции), что «изменения в социально-политической сфере Китая, вызванные Синьхайской революцией, оказались необратимыми»³⁴.

-
- ¹ Подчернина А. Синьхайская революция в Китае // wan-shi-ru-yi.com/istoriya-kitaya/sinhayskaya-revolyuitsiya-v-kitae.
- ² Лао Шэ. Моя жизнь // Китайская проза. Пограничный городок. СПб, 2012. С. 38.
- ³ Цит. по: <http://www.liberal.ru/seminars/cat/5847>.
- ⁴ Страда В. Россия и Европа: вчера и сегодня // Новая и новейшая истории. 2005, №3. С.74.
- ⁵ Рейн Крюгер. Китай. История страны. М.-СПб., 2008. С. 480-481. 485.
- ⁶ Заяц Т.С. Цю Цзинь. Жизнь и творчество. Владивосток, 1984. С. 51.
- ⁷ Феминизм в Китае // Вестник Азии. Харбин, 1911, № 8. С. 46.
- ⁸ // www.uris.org.ua...istoriya...prava/sto-dney-reform...kitae.
- ⁹ В настоящее время экстрарелигиозная (то есть выходящая за рамки теории и практики распространения слова Божьего) деятельность европейских миссионеров, оставшаяся ранее вне исследовательских интересов историков, приобретает все большую актуальность. Роль европейских миссионеров во «взаимодействии», или во «встрече» культур, рассмотренная непредвзято и детально, не может быть отнесена лишь к так называемым модным темам (А.С. Балезин. Европейские миссионеры и встреча культур в Африке // Новая и новейшая история. 2006, № 3, с. 222). Ныне пересматриваются многие устоявшиеся стереотипы. Так, в статье Ю.И. Семенова «Всемирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве» обращается внимание на «вторую сторону колониализма»: преодоления вековой отсталости стран, бывших колоний, приобщения их к достижениям самых развитых к тому времени обществ, то есть положительно оценивается «сила и род внешнего влияния». Автор, видя в «апологетическом» «Бремени белых» Р. Киплинга «определенное рациональное зерно», не приветствует «давно ставшей модной критику европоцентризма» (см.: *Философия и общество*, 1997, № 1. С. 205).
- ¹⁰ Ли Сан Юн. Рассказ в творчестве современных писательниц Республики Корея (Пак Вансо, Син Кёнсук и Ын Хигён). Диссертационная работа на соискание учёной степени кандидата филологических наук. СПб. 2007 (на правах рукописи). С. 9.
- ¹¹ Бытие. Гл. 1. Ст. 27.
- ¹² Матф. 10. 37; 12. 50.
- ¹³ Священник Петр Иванов. Сунь Ятсен и христианство // Революция и реформы в Китае новейшего времени: поиск парадигмы развития. М., 2004. С. 49, 52.
- ¹⁴ Huges E.R. The Invasion of China by the Western World. N.Y. 1968. P. 53 (см. также: Ломанов А.В. Христианство в Китае: История культурной адаптации. М., 1999. С. 3)
- ¹⁵ Цит. по: Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. М., 1979. С. 33.

-
- ¹⁶ *Аджимамудова В.С.* Юй Да-фу и литературное общество «Творчество». М., 1971. С. 25 (сноска).
- ¹⁷ Так же, как это было в западном мире лет за 30 до этого и многие годы после.
- ¹⁸ *Песоцкий В.А.* Основные функции художественной литературы в их философском представлении // Эл. ж. «Вестник Московского государственного областного университета» www.evestnik.mgou.ru / E-mail: e-mag@mgou.ru (2011/1/Философия) // www.evestnik-mgou.ru/vipuski/2011_1/stati/pdf/...
- ¹⁹ *Виллер Р.* Общественные учения и историческая теория XVIII и XIX вв. СПб., 1909. С. 2.
- ²⁰ *Дюркгейм Э.* Социология. М.: Канон, 1995. С. 301–302.
- ²¹ *Векслер Ю.* «Жизнь – это черновик литературы». К 85-летию писателя Бориса Хазанова // www.svoboda.org/content/article/24824472.html
- ²² Как пишет Т. Григорьева, говоря о новой японской литературе (а аналогии здесь, представляется, более чем уместны): «Новый художественный метод освоить было непросто. Японская литература знала, как доставлять наслаждение и как исправлять нравы, но не освященный веками порядок вещей. И в этом смысле европейская литература XIX в., в первую очередь, по признаку японцев, русская, произвела революцию в их умах» (Григорьева Т.П. Цит. соч. С. 35).
- ²³ *Аджимамудова В.С.* Юй Да-фу и литературное общество «Творчество». М., 1971. С. 24.
- ²⁴ *Предисловие Л. Поздеевой* к: Дин Лин. Избранное. М., 1955. С. 5.
- ²⁵ // lit.1september.ru/article.php?ID=200402909
- ²⁶ *Бородина Ф.* Женщина в Китае. М.-Л., 1928. С. 43.
- ²⁷ Цит. по: Феминизм в Китае // Вестник Азии. Харбин, 1911, № 8. С. 46.
- ²⁸ *Заяц Т.С.* Указ. соч. С. 52.
- ²⁹ // www.km.ru/referats/382DD38971EF48EDA3724E7A09E06D26.
- ³⁰ // ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A8%D0%B0%D0%BD%D1%85%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BC%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D1%81%D0%B5%D1%82%D1%82%D0%BB%D1%8C%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82.
- ³¹ // ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F3%F1%F1%EA%E8%E9_%D5%E0%F0%E1%E8%ED.
- ³² // www.centerasia.ru.
- ³³ *Лебедева Н.А.* Развитие прозы Северо-Восточного Китая в первой половине XX века: проблемы исследования региональной литературы. Владивосток, ДВГУ Минобраз. и науки РФ, 2008 (на правах рукописи).
- ³⁴ *Меликсетов А.В.* Потерпела ли поражение Синьхайская революция? // Синьхайская революция и республиканский Китай: век революций, эволюции и модернизации. Сб. статей. М., 2013. С. 38.

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И ЭКОЛОГИИ

Борох О.Н.

ИДВ РАН

ОСМЫСЛЕНИЕ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В КИТАЕ В 1930-Е ГОДЫ

Современные попытки китайских исследователей осмыслить уроки мирового экономического кризиса и найти способы ослабить его воздействие на экономику страны имеют исторический прецедент. Сходные проблемы китайские ученые обсуждали в 1930-е годы на фоне «великой депрессии» на Западе. В то время ключевой темой стал государственный контроль над экономикой, дискуссия продолжалась почти два десятилетия и завершилась вместе с образованием КНР в 1949 г. Главное место в ходе обсуждения занимал вопрос о том, какая модель экономики нужна Китаю – свободная или контролируемая. Если контроль необходим, то какими пределами он должен быть ограничен; ученые также спорили о том, потребуется ли Китаю «контролируемая экономика» после завершения Второй мировой войны.

Китайские экономисты республиканского периода уделили значительное внимание изучению зарубежного опыта государственного вмешательства в экономику. Наиболее представительные китайские исследователи той эпохи получили профессиональное образование в 1920-е гг. в ведущих университетах США. Во время учебы они познакомились, прежде всего, с идеями либерализма и свободной конкуренции, не предполагающими прямого вмешательства государства в экономику. Разочарованию китайских экономистов в англо-американской модели свободной экономики способствовала «великая депрессия». Другим существенным фактором стало военнополитическое давление со стороны Японии и осознание того,

что китайская экономика должна быть готова к военному конфликту.

В начале 1930-х гг. идеи экономического контроля и планирования обрели в Китае огромную популярность, это была главная тема исследований китайских экономистов того времени. В то время на китайский язык уже были переведены советские труды по политэкономии, появились экономические публикации китайских марксистов, хотя непосредственного участия в дискуссии о «контролируемой экономике» марксисты не принимали.

Основную роль в обсуждении играли влиятельные китайские профессиональные экономисты, получившие образование в США. В начале 1930-х гг. они выступили в поддержку государственного вмешательства. Созданное выпускниками американских университетов Китайское экономическое общество превратилось в центр по изучению и продвижению идей «контролируемой экономики»¹.

Дискуссии шли на страницах ведущих общественно-политических и экономических изданий того времени – «Дунфан цзачжи», «Дули пинлунь», «Иньхан чжоубао», «Цзинцзисюэ цзикань», «Шэньбао юэкань», «Цзинцзи цзяньшэ цзикань», «Синь цзинцзи» и др.

Появление течения «контролируемой экономики» (*тунчжи цзинцзи*) китайские авторы относят к осени 1932 г., когда это понятие впервые появилось в периодике в качестве программного лозунга.

В 1933 г. лозунг «контролируемой экономики» был принят гоминьдановскими властями. Летом 1933 г. глава Исполнительного юаня, министр финансов Сун Цзывэнь участвовал в Мировой экономической конференции в Лондоне. Он посетил ряд зарубежных стран и после возвращения на родину предложил копировать их опыт и проводить в жизнь «контролируемую экономику». Идея «контролируемой экономики»

нашла поддержку среди предпринимателей, в экономической науке она стала главенствующей.

В октябре и ноябре 1933 г. в китайских журналах были опубликованы, соответственно, 50 и 41 статья, в названиях которых присутствовало сочетание «контролируемая экономика». В 1934 г. Китайское экономическое общество провело ежегодную конференцию, посвященную созданию в Китае «контролируемой экономики»².

Первоначально участники дискуссии не имели четкого представления о том, что такое «контролируемая экономика», ее считали синонимом «плановой экономики». В октябре 1933 г. Ма Иньчу заявил, что «контролируемая экономика также называется плановой экономикой (planned economy), она происходит из советского пятилетнего плана, успехи которого значительны». По мнению ученого, «контролируемая экономика» не означает обязательного следования по пути СССР, поскольку Германия и Италия с помощью иных средств также добились успехов в спасении своих экономик от депрессии. Ма Иньчу отмечал: «Кроме политики контроля и действий по плану другого пути нет. Только значение контроля бывает широким и узким – широким как в Советской России, узким как в Англии и США. Китай не должен мечтать о российской системе... Следует знать, что советская система слишком крайняя, англо-американскую систему, не попробовав, также нельзя копировать»³.

Летом 1934 г. Чжан Суминь, получивший степень доктора экономики в университете Пенсильвании, предложил свою трактовку. Он полагал, что исходной концепцией является контролируемая, а не плановая экономика. Контролируемая экономика может быть реализована в широком или в узком смысле. Первый вариант применяется во многих капиталистических странах, второй («узкий») появился в ходе реализации советского опыта пятилетнего планирования⁴.

Тезис о фундаментальном различии между плановой и контролируемой экономикой развил в 1935 г. Чжу Цинлай. Он исходил из разграничения контроля (*тунчжи*) и управления (*гуаньли*). «Контроль» признает свободу отдельных элементов социально-экономической структуры, которым в определенных рамках разрешается действовать по собственному усмотрению. Контроль возможен и в свободной экономике, он призван обеспечить включение частных предприятий в новую организацию экономики, побудить их откликаться на политику государства. «Управление» означает, что решения, касающиеся всего общества и его отдельных частей, принимаются в соответствии с идеями правительства. Если такие методы распространяются на всю экономику и управление ведется центральными органами, где концентрируется власть – это плановая экономика. Чжу Цинлай заключил, что «контролируемая экономика» лишь ограничивает свободную конкуренцию, в то время как плановая ее уничтожает⁵.

Примерно за полтора года китайские экономисты прошли путь от смешения плана и контроля к осмысленному разделению этих понятий с учетом различий в структуре собственности и политической организации общества в разных странах. В 1934–1935 гг. они начали различать плановую и «контролируемую экономику». Это нашло отражение в уточнении используемой терминологии: «плановую экономику» (*цзихуа цзинцзи*) стали относить к советской системе с полностью государственной собственностью, а «контролируемую экономику» (*тунчжи цзинцзи*) – к капиталистическим странам с частной собственностью.

На начальном этапе дискуссии о перспективах «контролируемой экономики» в Китае возник вопрос о том, в какой очередности следует решать проблемы страны.

Известный ученый, философ и общественный деятель Дин Вэньцзян, принимавший активное участие в мировоззренческих дискуссиях 1920-х гг., заявил, что в Китае невозможно

адекватным образом применить иностранные учения, поскольку для этого нет надлежащих условий. Это относится и к «контролируемой экономике». Прежде всего, в Китае нет понастоящему единого правительства. Это может быть допустимо в условиях либеральной экономики, но при попытке введения контроля в Китае власти не смогут проводить единую политику, и тогда единая в прошлом экономика будет разрушена. Во-вторых, для обеспечения всеобщего характера экономического контроля нужно вернуть оказавшиеся в руках иностранцев концессии и отменить ограничивающие суверенитет страны неравноправные договоры с зарубежными державами. В-третьих, нужно провести полную модернизацию административной системы, обеспечить отбор честных чиновников через экзамены, дать им достойное материальное содержание, сделать работу системы более эффективной. По мнению Дин Вэньцзяна, коррупция и негибкость власти наносят свободной экономике сравнительно небольшой и косвенный ущерб, но при введении контролируемой экономики это приведет к нарушению баланса спроса и предложения, к другим негативным последствиям⁶.

Типичные ответы на эти доводы представил Ло Дуньвэй – автор публикаций о контролируемой и военной экономике, занимавший административные посты в министерстве промышленности гоминьдановского правительства. Он заявил, что Дин Вэньцзян, как и другие представители старшего поколения китайских интеллектуалов, не разобрался в том, что такое «контролируемая экономика», к тому же он вообще не обладает специальными экономическими знаниями. На деле для выхода из чрезвычайной ситуации Китаю необходимы «чрезвычайная точка зрения» и «чрезвычайные действия». В этой трактовке общественные проблемы страны, отсутствие политического единства и неспособность противостоять угнетению со стороны империалистических держав обусловлены тем, что «у национальной экономики нет основы». По мнению Ло Дуньвэя,

политическая революция проблемы народного благосостояния не решит, поэтому все усилия нужно сосредоточить на экономическом строительстве: «Оказавшимся в бурном море на разбитом судне нужно думать о том, как привести в порядок судно, чтобы оно могло справиться с волнами, а не о том, как уничтожить грозящую судну бурю»⁷. В качестве первого шага он призвал к концентрации производства, отказу от всех ненужных проектов, сосредоточению трудовых и финансовых ресурсов для строительства национальной экономики. Эти взгляды отразили позицию близких к власти экспертов на проблемы «контролируемой экономики».

Сплочение власти, интеллектуалов и предпринимателей вокруг идеи «контролируемой экономики» привело к тому, что экономические споры первой половины 1930-х гг. вели люди, занимавшие сходные или очень близкие позиции. Критических выступлений практически не было, поскольку сторонников либерализма тогда в Китае было крайне мало, марксисты в дискуссии вообще не участвовали. Современный исследователь Сунь Дацюань отметил, что отсутствие прямой полемики между представителями разных течений было специфической особенностью китайской экономической науки 1930-х гг.⁸ Сторонники полного копирования западной либеральной или советской модели не оказывали прямого воздействия на ход обсуждения. Творческий поиск путей адаптации зарубежных экономических моделей и знаний к условиям Китая осуществляли представители основного течения китайской экономической мысли, занимавшие в этот период центристские государственнические позиции.

В начале 1930-х гг. китайские исследователи проявляли повышенный интерес к плановой экономике СССР и «контролируемой экономике» Германии. Однако увлечение советским и немецким опытом не означало, что ученые стремились копировать экономические и политические системы этих стран.

Ма Иньчу перечислил препятствия, не позволяющие Китаю заимствовать советскую плановую экономику. Прежде всего, в двух странах различные идеологии – «измы». СССР придерживается коммунистического учения Маркса, там государство владеет средствами производства и распределяет прибавочный продукт. В Китае следуют «трем народным принципам», и отношение к средствам производства и производимой продукции иное, чем в СССР. Отсутствие частной собственности сдерживает частную инициативу, поэтому в СССР преобразование многих производств опирается на коллективную инициативу. Однако в Китае основой является система частной собственности, для развития национального капитала необходима поддержка индивидуальной инициативы. В СССР лишь рабочие получают вознаграждение за труд, там нет земельной ренты и процента на капитал. В Китае ситуация не позволяет ликвидировать ренту и процент. В СССР свободы мало, власти подавляют людей и призывают «думать не о своей выгоде, а о благе общества», положение рабочих сопоставимо с положением крепостных крестьян до революции. В Китае народ стремится к свободе и не может быть скован, хотя помещики и эксплуатируют крестьян-арендаторов, их положение выше, чем у крепостных. Помимо этого, в СССР внешняя торговля давно находится в руках государства, что при всем желании невозможно повторить в Китае. Для осуществления контроля в этой сфере в Китае нет ни сильного правительства, ни честных чиновников, которые были бы способны отказаться от иностранных приманок⁹.

Китайские ученые отмечали, что создаваемая в Китае экономическая система не имеет отношения к идеологии коммунизма. Обращение к опыту Германии 1930-х гг. и универсалистским идеям немецких экономистов также не означало, что китайских экономистов привлекал фашизм. Это было стремление обосновать ссылками на зарубежные взгляды собственную попытку создания концепции «контролируемой экономики»,

не опирающейся на советский марксизм. Чаще всего в китайских публикациях на тему «контролируемой экономики» можно было видеть ссылки на заветы Сунь Ятсена, его план индустриализации Китая и гоминьдановскую идеологию «трех народных принципов». Чэнь Чанхэн, к примеру, полагал, что экономическая теория «контролируемой экономики» ранее уже была четко изложена Сунь Ятсеном¹⁰.

Феномен «великой депрессии» привлек внимание экономистов разных направлений. Современный исследователь Сун Личжи отметила, что для марксистов эти события служили ярким подтверждением учения о периодических кризисах капитализма¹¹. Представитель марксистского течения Шэнь Чжюань в июне 1935 г. написал книгу «Мировой экономический кризис», в которой проанализировал специфические особенности нынешнего кризиса, выдвинул свои оценки перспектив капиталистической системы. Он считал «великую депрессию» очередным кризисом, порожденным превышением производства над спросом. Причину кризиса ученый видел во внутреннем противоречии между развивающимися производительными силами и сдерживающими это развитие узкими капиталистическими производственными отношениями¹². Вместе с тем Шэнь Чжюань не сделал вывода о неизбежности близкой гибели капитализма, подчеркнув, что капитализм постоянно ищет пути спасения – сокращает производство, монополизирует отрасли, использует политику инфляции, проводит регулирование с помощью движений за возрождение государства (*гоцзя фусин юньдун*) (так в Китае называли «Новый курс» Рузвельта) и за установление контроля (*тунчжи юньдун*)¹³. Рассуждения Шэнь Чжюаня свидетельствуют о том, что в 1930-е гг. китайские марксисты, как и представители основного течения китайской экономической мысли, внимательно следили не только за успехами плановой экономики в СССР, но и за развитием «контролируемой экономики» в капиталистических странах, прежде всего в Германии и США.

Гу Чуньфань полагал, что экономические спады и подъемы неразрывно связаны с капитализмом, поэтому «великая депрессия» завершится вместе с гибелью капитализма. Он исходил из того, что главный стимул экономической деятельности при капитализме заключается в «получении прибыли» (*моу ли*)¹⁴. Для выхода из экономической депрессии необходимо, чтобы в производстве вновь появилась прибыль, к которой можно было бы стремиться. Гу Чуньфань полагал, что перепроизводство продукции не распространяется на все население, оно существует лишь в глазах капиталистов в том случае, если у них больше нет прибыли, к которой можно было бы стремиться. Однако восстановление прибыли капиталистов путем приостановки производства или уничтожения части продукции наносит ущерб трудящимся.

Китайские ученые, ориентированные на западную экономическую науку, искали новые теоретические подходы к исследованиям кризиса. В 1935 г. в Китае вышла книга японского экономиста Йосихико Танигучи «Учение о кризисе классической школы» в переводе Чэнь Дуньчана. В предисловии переводчик разделил исследования кризиса теоретиками классической школы, школой капиталистов и школой социалистов¹⁵. Книга знакомила читателя с учением Ж.-Б. Сэя о рынках сбыта, теориями равновесия спроса и предложения Джеймса Милля, безграничного производства Д. Рикардо, общего перепроизводства Т. Мальтуса, взглядами Ж.-Ш. С. де Сисмонди, анализировала различия между взглядами Сэя и его критиков Мальтуса и Сисмонди.

Автор предисловия проследил линии развития социалистической и капиталистической теорий кризисов, отметив, что они сосуществуют и противостоят друг другу. Цель капиталистической школы – защищать и улучшать экономическое развитие капитализма, поэтому в конце XIX – начале XX вв. экономисты использовали для анализа теорию циклов и конъюнктуры, пытаясь найти пути преодоления кризиса в рамках

капиталистической системы. Социалисты разработали собственную теорию кризисов. По мнению Чэнь Дуньчана, она включает в себя не только взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса, но и теорию кризисов М.И. Туган-Барановского, ревизионизм Э. Бернштейна, его полемику с К. Каутским, взгляды Р. Люксембург и Н.И. Бухарина. В качестве наиболее современного результата развития марксистской теории кризиса переводчик упомянул работы советских ученых, исследовавших кризис в послевоенной Европе и углубление мирового кризиса после депрессии 1929 г. В предисловии отмечалось, что в книге излагаются лишь взгляды представителей классической школы, но «как было показано в приведенной выше классификации, помимо этого, существуют самые разные теории кризиса, нам нужно продолжать усилия к работе по ознакомлению с ними и их исследованию»¹⁶.

Чжан Лянжэнь, обучавшийся в Германии и получивший степень доктора политологии в Берлинском университете, с опорой на исторический материал выявил особенности депрессии на разных этапах развития капиталистических стран, обобщив теоретические взгляды Т. Мальтуса, Д. Рикардо, К. Маркса. Он указывал, что депрессия – это часть экономического цикла (*сюньхуань*), поэтому обособленное исследование депрессии будет односторонним, требуется изучать экономический цикл в целом. Чжан Лянжэнь выступил за обновление теоретических взглядов, указывая, что к подъему и депрессии нужно относиться как к нормальным состояниям экономики¹⁷.

В Китае были и другие исследования экономической депрессии, показывающие, что ученые использовали различные подходы к проблеме. Например, Су Цзицан исследовал особенности ситуации в различных капиталистических странах в период мирового кризиса¹⁸.

Обсуждение в Китае трудностей в западной экономике стало частью общего процесса поисков пути развития страны. Недоверие к либеральной экономике невмешательства подкре-

плялось в 1930-е гг. осознанием того, что она не может дать Китаю пример быстрого преодоления экономической отсталости и создания военного потенциала для противостояния внешнему врагу. По мнению Сун Личжи, когда в Китае развернулось обсуждение «великой депрессии», экономика развитых стран уже встала на путь восстановления. Первоначально многие ученые отрицательно относились к политике Рузвельта: к примеру, марксист Сюй Дисинь полагал, что она приведет к усилению эксплуатации трудящихся¹⁹. Однако интерес к американским антикризисным мерам возрастал по мере улучшения ситуации в США. В частности, в 1937 г. была опубликована книга Сунь Муцзя «Политика экономического возрождения в США», содержащая предложение заимствовать американский опыт²⁰. Сун Личжи отмечает, что с началом войны с Японией внимание исследователей переключилось на проблемы создания военной экономики, вопросы «великой депрессии» и развития мировой экономики ушли на задний план. Хотя в целом рассуждения китайских экономистов о кризисе были «пассивными» и они не предлагали своих рецептов оздоровления мировой экономики, для китайских экономистов «это был первый редкий шанс поучиться у мира»²¹.

В 1940-е гг. в китайском экономическом сообществе влияние идеологии государственного контроля заметно ослабло. Среди многих причин этой перемены можно указать на подъем интереса к экономической политике США, сумевших преодолеть «великую депрессию» и одержать победу в войне с Японией. Не менее важным стимулом стало стремление сформулировать всеобъемлющую стратегию послевоенного развития китайской экономики, предполагающую широкое использование частного предпринимательства. В выступлениях экономистов стала проводиться мысль об ослаблении роли государства после завершения войны.

В начальный период войны (1937–1940 гг.) экономические дискуссии сводились к обсуждению использования методов

«контролируемой экономики» немецкого образца и советской плановой экономики для укрепления обороноспособности страны и развития хозяйства в тыловых районах. В 1942–1943 гг. увеличилось число сторонников смешанной экономики, сочетающей элементы плана, контроля и свободного рынка. Происходило постепенное преодоление порожденного кризисом 1930-х гг. недоверия к свободной экономике. Исследователи проявляли все больше интереса к экономике США, показавшей свою жизнеспособность в период войны.

Глубокое переосмысление плановой экономики началось в Китае в 1943 г. Среди ученых развернулась дискуссия о том, на какую модель экономики следует ориентироваться после войны, должна ли это быть свободная экономика или «экономика вмешательства». Идея государственного вмешательства в экономику стала менее популярной, а исследователи все чаще высказывались в поддержку развития частной экономики в условиях свободной конкуренции американского типа.

После 1943 г. в Америку отправились многие китайские исследователи – У Цзинчао, Ли Чжюминь, У Дае, Гу Чуньфань. Изучение ситуации в экономике США приводило ученых к резким переменам в идеях: от уклона в сторону моделей вмешательства в экономику образца СССР и Германии они повернулись к признанию американской модели свободной экономики²².

Хотя война еще продолжалась, экономисты смотрели в будущее с большим оптимизмом, полагая, что после разгрома Японии у Китая не будет необходимости тратить драгоценные ресурсы на увеличение оборонного потенциала, а партнерство с США откроет путь к получению инвестиций и расширению внешней торговли. Пример СССР по-прежнему вызывал большое уважение, однако китайские экономисты все чаще относили плановые методы хозяйства к переходному периоду. Это означало, что по мере развития экономики плановый контроль должен быть ослаблен, а государство должно отступить.

После увлечения теориями плана и контроля в 1930-е гг., в 1940-е ученые вернулись к идеям свободной экономики, которые они впитали во время обучения на Западе в 1920-е гг. Однако публикации 1945–1948 гг. показывают, что они пришли к пониманию проблемы на более высоком уровне. С опорой на опыт, накопленный за два десятилетия, ученые пытались найти оптимальное соотношение функций рынка и государства с учетом специфики своей страны. За несколько десятилетий в научных кругах возникло понимание того, что копированию иностранных моделей мешают институциональные и культурные барьеры, поэтому единственный путь – это создание собственной китайской модели развития с опорой на иностранный опыт.

Дискуссия о «контролируемой экономике» 1930–1940-х годов расширила представления китайских ученых о роли государства в экономике. В ее завершающий период в преддверии образования КНР господствующая точка зрения сводилась к тому, что регулируемая экономика носит смешанный характер и должна быть основана на сочетании государственной и частной собственности. Несмотря на существенное изменение социально-политического контекста развития Китая, эти взгляды вполне могут быть сопоставлены с нынешними программами развития страны.

¹ *Сунь Дацюань*. Чжунго цзинцзисюэ дэ чэнчжан – Чжунго цзинцзи сюэшэ яньцзю. 1923–1953) (Рост китайской экономической науки – Исследование китайского экономического общества. 1923–1953). Шанхай: Шанхай саньяньшудянь, 2006. С. 250.

² Там же. С. 249.

³ *Ма Иньчу*. Тунчжи цзинцзи вэньти (Проблемы контролируемой экономики) // Ма Иньчу цюаньцзи. (Полное собрание сочинений Ма Иньчу). Т. 6. Ханчжоу: Чжэцзян жэньминь чубаньшэ, 1999. С. 459–460.

⁴ *Чжан Суминь*. Тунчжи цзинцзи дэ ии (Цзай Дася дасюэ яньцзян гао) (Значение контролируемой экономики. набросок лекции в Университете Дася) // Цзинцзисюэ цзикань. Т. 5. № 2. Август 1934 г. С. 52–56.

⁵ *Чжу Цинлай*. Тунчжи цзинцзи юй Чжунго (Контролируемая экономика и Китай) // Цзинцзисюэ цзикань. Т. 5. № 4. Март 1935 г. С. 73–74.

-
- ⁶ *Дин Вэньцзян*. Шисин тунчжи цзинци дэ тьяоцзянь (Условия для введения контролируемой экономики) // Дули пинлунь. № 108. 8 июля 1934 г. / *Чэнь Чжун, Ли Юй* (ред.). Чжиду сьоньцзун. Гунсы чжиду цзюань (Поиск институтов. Том Институт компании). Шанхай: Шанхай цайцин дасюэ чубаньшэ, 2009. С. 265-267.
- ⁷ *Ло Дуньвэй*. Чжунго тунчжи цзинци лунь (Теория контролируемой экономики в Китае). Шанхай: Синь шэнмин шуцзюй, 1935. С. 4 предисловия.
- ⁸ *Сунь Дацюань*. Миньго шици дэ Чжунго цзинцзисюэ юй цзинци сысян (Экономическая наука и экономическая мысль республиканского периода) // Гуйчжоу цайцин сюэюань сюэбао. 2011. № 6 (155). С. 69.
- ⁹ *Ма Иньчу*. Чжунго цзинци гайцао (Преобразование экономики Китая). Шанхай: Шаньу иньшугуань, 1935. С. 199-201.
- ¹⁰ *Чэнь Чанхэн*. Миньшэнчжуй чжи цзихуа цзинци юй тунчжи цзинци (Плановая экономика принципа народного благосостояния и контролируемая экономика) // Цзинцзисюэ цзикань. Т.5. № 4. Март 1935 г. С. 84.
- ¹¹ *Сун Личжи*. 20 шици 30 няньдай да сяотяо дэ дунфан хуэйин (Отклик на Востоке на Великую депрессию в экономике в 30-е годы XX-го века) // Цзинцзисюэ дунтай. 2011. № 7. С. 89.
- ¹² *Шэнь Чжюань*. Шицзе цзинци вэйци (Мировой экономический кризис). Шанхай: Чжунхуа шуцзюй, 1935. С. 75.
- ¹³ Там же. С. 273.
- ¹⁴ *Гу Чуньфань*. Шицзе цзинци шуайшэнь дэ поуси (Анализ спада в мировой экономике). Шанхай: Каймин шудянь, 1933. С. 129.
- ¹⁵ *Гукоу Цзиянь* чжу. *Чэнь Дунчан* и *(Йосихико Танигучи*. Пер. Чэнь Дунчана). Гудянь сюэпай дэ кунхуан сюэшо (Учение о кризисе классической школы). Шанхай: Шаньу иньшугуань, 1934. С. 6 предисловия.
- ¹⁶ Там же. С. 8 предисловия.
- ¹⁷ *Чжан Лянжэнь*. Цзинци сюэ (Учение о конъюнктуре). Шанхай: Шаньу иньшугуань, 1934.
- ¹⁸ *Су Цицан*. Шицзе вэйци дэ фэньси (Анализ мирового кризиса). Пекин: Шэхуэй кэсюэ яньцзюхуэй, 1934.
- ¹⁹ *Сюй Дисинь*. Мэйго фусин юньдун юй цзыбэньчжуй чжи цянью (Американское движение возрождения и перспективы капитализма) // Дунфан цзачжи. Т. 30. № 19. 1933. 1 октября. С. 70-71.
- ²⁰ *Сунь Муцзя*. Мэйго цзинци фусин чжэнцэ (Американская политика возрождения экономики). Нанкин: Чжунчжэн шуцзюй, 1937.
- ²¹ *Сун Личжи*. Указ. соч. С. 93.
- ²² *Янь Шуцинь*. Гоцзя юй цзинци: Канчжань шици чжишицзе гуаньюй Чжунго цзинци фачжань даолу дэ чжэнлунь (Государство и экономика: споры интеллигенции о пути развития китайской экономики в период войны сопротивления Японии). Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2010. С. 275.

Балакин В.И.
ИДВ РАН

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ КНР ДЛЯ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В 2002–2012 гг. Китай предпринимал значительные усилия в направлении формирования собственной концепции восточноазиатской интеграции. Названная проблема стала актуальной для «четвертого поколения» китайского руководства в связи с нараставшими процессами глобализации, что грозило Пекину утратой ведущих позиций в регионе Восточной Азии, который в КНР всегда рассматривали территорией своего традиционного влияния¹. Рост совокупной государственной мощи Китая стимулировал поиск правительством страны возможных вариантов восточноазиатских интеграционных программ. Предстояло практически решить многочисленные проблемы, связанные с трансграничным сотрудничеством, а также определить допустимые пределы допуска на внутренний китайский рынок товаров из других восточноазиатских государств. Только либерализация допуска могла принести Китаю реальное конкурентное преимущество по сравнению со всеми другими региональными интеграционными проектами, в частности, предлагавшимися Японией и Республикой Корея.

Чтобы добиться намеченных целей, Китаю было необходимо решить вопрос о последовательном переходе от широко провозглашенной интеграции *de jure* к экономической интеграции *de facto*. Это означало последовательное развитие межгосударственного регионализма в направлении широкой регионализации экономических связей между локальными восточноазиатскими сообществами. Китаю удалось воспользоваться стремлением таких постиндустриальных экономик, как Япония, Республика Корея, Сингапур и Тайвань перевести трудоемкие производства на китайскую территорию с целью существенного понижения издержек. В результате, названные

постиндустриальные государства и государственные образования оказались по многим направлениям в серьезной зависимости от Китая и практически помимо своей воли должны были присоединиться к китайской парадигме региональной экономической интеграции. Значительные объемы прямых инвестиций, вложенных в китайскую экономику, фактически сделали инвесторов заложниками восточноазиатской интеграционной программы КНР².

Причиной существенного интереса Китая к интеграции в Восточной Азии послужили объективные характеристики региона, а именно тот факт, что это крупнейший региональный рынок мира с населением более 2 млрд человек. Кроме того, Восточная Азия уже давно является самым быстро растущим регионом на земном шаре с ежегодным приростом экономики в 7% при среднемировых темпах в 5%. Восточная Азия на протяжении длительного времени показывала самый высокий уровень сбережений – около 45%. В 2012 г. восточноазиатские страны продемонстрировали высочайший уровень накопленных валютных резервов, достигших 2 трлн долл. Таким образом, Восточная Азия с началом XXI в. выросла в крупнейший экономически интегрированный регион планеты³.

Идея доминирования в восточноазиатском регионе всегда была основополагающей для Китая. Главным средством достижения этой цели до сих пор остается зарубежная китайская диаспора, которая служит Пекину в качестве важнейшего экономического и финансового ресурса. По оценке специалистов, восточноазиатские китайские общины представляют собой ключевой фактор в реализации интеграционного проекта правительства КНР для Восточной Азии. С началом XXI в. использование китайскими властями восточноазиатской диаспоры приобрело характер эффективной синергии, когда мощные финансовые потоки оформились в единое целое и уже трудно стало разделять государственные и частные инвестиции⁴. По сути дела, произошла некая конвергенция, приведшая в на-

стоящее время к последовательному, а главное, естественному формированию интегрированного экономического пространства Восточной Азии, в основе которого действует единая интегрированная восточноазиатская китайская диаспора.

По мере возрастания комплексной государственной мощи КНР параллельно происходит трансформация восточноазиатского экономического пространства. Пекин оказался перед нелегким выбором путей и методов решения проблемы реализации своей интеграционной программы для Восточной Азии. Выбор был сделан в пользу многовекторной региональной дипломатии, учитывающей особенности сложившихся взаимоотношений Китая с каждой отдельной страной региона. Специальный акцент Китай сделал на создание интеграционного пространства с государствами АСЕАН, что с 1 января 2010 г. приобрело реальное воплощение в виде единого таможенного пространства. Следующим шагом стало стремление КНР снизить влияние в восточноазиатском регионе Соединенных Штатов Америки прежде всего за счет сконцентрированных усилий в направлении постепенного отделения от союзнических обязательств в отношениях с США Республики Корея и Японии⁵.

Логика китайской интеграционной программы для Восточной Азии состоит в регионализации экономического сотрудничества отдельных провинций КНР со всеми без исключения государствами региона. Более того, китайское правительство создает соответствующие условия для того, чтобы провинциальные рынки страны могли организовать реальную конкуренцию для инвесторов из восточноазиатских стран. Это происходит вполне естественно уже в силу того, что Китай постепенно становится единственным «локомотивом» экономического роста в Восточной Азии. В Японии и Республике Корея признают очевидный факт сохранения устойчивости своего экономического развития исключительно за счет наращивания экспорта в Китай. Стабильность китайского рынка в период кризиса 2008 г. фактически уберегла экономики Восточной

Азии от серьезных потрясений, что в свою очередь придало дополнительные шансы на успех реализации региональной интеграционной программы КНР⁶.

Многие эксперты усматривают в китайской интеграционной программе для Восточной Азии элементы применения «мягкой силы». Традиционное культурное, политическое и экономическое влияние Китая в регионе позволяет ему «убеждать» восточноазиатские государства в фактическом отсутствии у них альтернативы в отношении интеграционных предложений Пекина. Важным «убеждающим» элементом китайской «мягкой силы» становится растущий военный потенциал страны, заставляющий восточноазиатские страны со всей серьезностью относиться к любым изменениям в региональной политике КНР⁷. Вместе с тем диалектика реализации китайского интеграционного проекта состоит в противоречивом единстве снятия старых и появления новых препятствий на пути к формированию общего восточноазиатского пространства. Несмотря на позитивное отношение к расширению доступа восточноазиатским странам на внутренний китайский рынок, следует отметить устойчивое негативное восприятие любых инициатив Пекина, содержащих всего лишь намеки на политические ограничения национальных суверенитетов.

Регионализацию внешнеполитической активности КНР можно рассматривать как вполне успешную и прежде всего за счет применения так называемой мягкой силы. Тем не менее у многих соседей китайская интеграционная активность в Восточной Азии вызывает нарастающую настороженность, что объективно стимулирует стремление небольших государств заручиться поддержкой со стороны США, которые только и способны сбалансировать китайский внешнеполитический натиск. В Пекине осознают названную проблему и пытаются сделать ставку на нейтрализацию растущих опасений предоставлением привлекательных экономических выгод. В этом плане весьма показателен пример Тайваня: отказавшись от

тактики его прямого военного запугивания, правительство КНР способствовало приходу к власти на острове вполне договороспособного Гоминьдана. Между Пекином и Тайбэем был подписан целый ряд долгосрочных экономических соглашений, предоставляющих национальный режим тайваньским компаниям, работающим на материке.

Деловые контакты между Китаем и Тайванем в последние годы расширились в геометрической прогрессии, чему не в малой степени способствовало открытие в 2008 г. прямых авиарейсов между китайскими и тайваньскими городами. О политическом воссоединении пока говорить рано, но по крайней мере обе стороны ясно заявляют о необходимости последовательно идти по пути воссоединения нации. Тайваньский пример вдохновил и другие восточноазиатские страны вступить с КНР в активный экономический диалог, оставляя за скобками острые политические проблемы. С 1 января 2010 г. начало действовать соглашение о зоне свободной торговли между Китаем и АСЕАН, кроме того Китай стал крупнейшим торговым партнером для Республики Корея, Японии и России. Пекин заметно преуспел в своих отношениях с КНДР, которая фактически выживает за счет поставок топлива и продовольствия из Китая, что позволяло ему играть ключевую роль в шестисторонних переговорах по северокорейской ядерной программе.

В целом международная роль КНР в восточноазиатской интеграции сегодня не подвергается сомнению, однако Китай вряд ли можно считать гарантом стабильности экономических процессов в регионе. Слабым звеном китайской внешней политики остается, по мнению международных экспертов, неготовность, а порой и откровенное нежелание достигать компромиссов. Новое «пятое поколение» китайских руководителей уверено, что сила внешней политики КНР состоит в умении работать на перспективу, а также оппортунизм при выборе целей и методов их достижения. При таком подходе любой ком-

промисс выглядит как поражение, чего китайское руководство не может допустить в принципе. КНР постепенно нащупывает методом проб и ошибок самую оптимальную стратегию внешнеполитического поведения, но предпринимаемые шаги всегда абсолютно выверены с точки зрения общей логики выстраивания национальных приоритетов.

Региональная линия поведения Китая сегодня прежде всего направлена на улучшение его репутации среди непосредственно окружающих государств. Фактически Пекин стремится сформировать в Восточной Азии «китаецентричный» порядок, но с помощью так называемой мягкой силы. КНР старается вести себя с восточноазиатскими странами не как с «верными подданными», а как с уважаемыми прагматичными партнерами, разделяющими общие интересы региональной интеграции. Например, национализм государств АСЕАН оказался как нельзя кстати Пекину, так как предотвратил их переход на антикитайские позиции, несмотря на усиленное стимулирование названного процесса со стороны Запада. Пропагандируемая Китаем «азиатская специфика» была поддержана странами ЮВА и, более того, она стала неременным атрибутом региональных интеграционных программ КНР.

Доказать реальность нового подхода к отношениям с соседями помог Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. Правительство КНР не пошло тогда на девальвацию юаня и стало осуществлять широкомасштабную товарную экспансию с целью захвата рынков восточноазиатских государств, пострадавших от кризиса⁸. Дополнительно Китай предложил им финансовую помощь в виде низкопроцентных займов. Позитивный фон был создан – поведение Китая разительно отличалось на тот момент от предельно жесткой позиции Международного валютного фонда и западных кредиторов из числа стран «большой семерки». В 2003 г. КНР реально перешла к реализации собственной стратегии восточноазиатской интеграции, присоединившись к договору АСЕАН о дружбе и сотрудничестве.

стве и подписав совместную декларацию о стратегическом партнерстве ради мира и процветания.

В этот же период изменился подход Китая к проблемам Корейского полуострова. Ранее КНР всегда оправдывала действия северокорейского руководства, стремившегося добиться собственных целей за счет проведения все более вызывающей политики ядерного шантажа. Летом 2003 г. Китай стал пытаться включить КНДР в процесс восточноазиатской интеграции помимо воли самого Пхеньяна. Были приостановлены нефтяные поставки как практический сигнал того, что китайская поддержка КНДР не безусловна и потребует учета внешнеполитических интересов Пекина. Однако КНР не встала на позицию Вашингтона в американо-северокорейском споре, хотя и систематически воздействовала на Северную Корею, понуждая ее к разумной гибкости, что наглядно показало преобладающее влияние Пекина на этот главный вопрос восточноазиатской безопасности⁹.

После 2006 г. Китай стал создавать собственную версию восточноазиатской интеграции. Он старался заполнить своим присутствием любые открывавшиеся «ниши» в регионе прежде, чем они могли быть заполнены США. Китайское руководство взяло курс на уплотнение восточноазиатского регионального пространства, не позволяя этому пространству стать «раздробленным» и опасаясь, что Вашингтон попытается приобрести в нем новые позиции. Многие международные эксперты характеризуют региональную политику Китая того периода как «зеркальное отражение» политики США в отношении Китая. КНР сделала все возможное и невозможное, чтобы Соединенные Штаты Америки не были приглашены в декабре 2005 г. к участию в учредительном саммите Восточноазиатского сообщества, поскольку Вашингтон уклонился от подписания Договора о дружбе и сотрудничестве с АСЕАН, являвшийся обязательным условием для участия.

Практически все страны восточноазиатского региона не оказывают никакого сопротивления внешней политике КНР, обреченно понимая, что это не приведет ни к каким позитивным результатам, но, напротив, может вызвать жесткую негативную реакцию Пекина. Те же государства Юго-Восточной Азии начинают свыкаться с мыслью о том, что экономический подъем Китая сулит им в реальности серьезные экономические выгоды, а какие-то возможные угрозы со стороны КНР пока практически отсутствуют. Сегодня в Восточной Азии никто не рискует «безоглядно» поддержать какие-либо антикитайские шаги со стороны Вашингтона и, наоборот, никто не готов пока сделать выбор между КНР и США. Самому Китаю даже выгоден американский «гегемонизм», поскольку, как он считает, было бы совсем неплохо, если Вашингтон взвалит на себя дополнительный груз ответственности в других регионах мира. Судя по всему, китайское руководство в последнее время пришло к выводу относительно того, что задачи экономического развития в среднесрочной перспективе важнее задачи «воссоединения родины», тем более, что Тайвань и так последовательно притягивается к материку, побуждаемый значительными выгодами от сотрудничества с КНР¹⁰.

На основании уже сделанных Председателем КНР Си Цзиньпином заявлений в целом можно выстроить основные направления восточноазиатской интеграционной политики, которые скорее всего станет осуществлять «пятое поколение» китайских руководителей. На первом месте с высокой долей вероятности будет обеспечение условий для сохранения внутривосточной стабильности, выражающееся в формировании единого восточноазиатского рынка, структурированного под прямые инвестиции из КНР. Следующей по значимости задачей наверняка станет мирное воссоединение с Тайванем, в результате которого объединенный Китай начнет единолично определять все интеграционные процессы в Восточной Азии. Не исключено, что будет реализован курс на содействие эко-

номическому росту соседних государств, включая Россию, а это, безусловно, обеспечит китайским корпорациям приоритетные позиции на их рынках. Также, видимо, состоится окончательный выбор Китая в пользу Восточноазиатского экономического сообщества, но без какого-либо участия в нем так называемой англосаксонской группы в составе США, Канады, Австралии и Новой Зеландии, отношения с каждым из участников которой затем будут выстраиваться на двусторонней основе.

По сути дела, все вышеназванные приоритетные направления восточноазиатской интеграции есть не что иное, как китайский ответ на вызов в связи с объективным возрастанием глобальной роли самого региона Восточной Азии. С приходом «пятого поколения» китайских руководителей Пекин, похоже, в полной мере освоился с ролью «ответственной» великой державы, избавившись как от комплексов «жертвы несправедливостей», так и от «тяньаньмэньского синдрома». В настоящее время КНР уверенно выстраивает отношения с великими державами и региональными партнерами, относительно легко уступая последним по непринципиальным вопросам и даже идя навстречу им в открытии собственного внутреннего рынка. Реализуя концепцию восточноазиатской интеграции, КНР стремится стать «нормальным государством», действия которого гарантируют региональные объединительные процессы, учитывающие к тому же мнения всех без исключения государств Восточной Азии, если, конечно, эти мнения не противоречат долгосрочным целям Китая. КНР называет себя «ответственной развивающейся великой державой», концентрируя все имеющиеся ресурсы на дипломатии, прежде всего, регионального масштаба.

¹ *Kerr, David.* Greater China and East Asian Integration // *East Asia Journal.* Spring 2004. Vol/27. № 2. P. 75-92.

² *Dee, Philippa.* East Asian Economic Integration and its Impact on Future Growth // *The World Economy.* 2007. P. 408.

-
- ³ *Kawai, Masahiro*. Regional Economic Integration in East Asia // Institute of Social Science. University of Tokyo. 2004. P. 8.
- ⁴ *Webster, Timothy*. Paradoxes of East Asian Integration // Berkeley Journal of International Law. Vol.25. Issue 3. 2012. P. 443.
- ⁵ *Li Xing, Zhang Shengjun*. China and Regional Integration in East Asia // Center of Comparative Integration Studies. Aalborg University. Denmark. 2009. P.4.
- ⁶ *Satoshi, Amako*. China as a “Great Power” of East Asia // East Asia Forum. Waseda University. 2010. P. 2.
- ⁷ *Li Dongmin*. China and East Asia Strategic Dynamics // Nanyang Technological University. Singapore. 2010. P. 10.
- ⁸ *Hu Angang*. Zhongguo: xin fazhanguan (Китай: новый взгляд на стратегию развития) // Hanzhou. Zhejiang zhenmin chubanshe. 2004. P. 199.
- ⁹ *Wu Xinbo*. Contradictions Constaining China’s Foreign Policy Behavior // New York: East Gate Book. 2004. P. 57.
- ¹⁰ *Men Honghuo*. Guojian Zhongguo de Zhanliue de kuangjia (Формирование контуров большой стратегии Китая) // Beijing daxue chubanshe. 2012. P. 17.

Афонасьева А.В.
ИДВ РАН

ЗАРУБЕЖНЫЙ КИТАЙСКИЙ БИЗНЕС В РЕГИОНАХ КНР: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Зарубежная китайская диаспора, насчитывающая по разным оценкам от 35 млн¹ до 87 млн² человек и накопившая за рубежом примерно 1,5–2 трлн долл. США³, стала важным аспектом развития экономики Китая с началом реформ. В настоящее время более 60%⁴ накопленных прямых иностранных инвестиций и более половины всех иностранных компаний в КНР приходится на долю зарубежных китайцев.

В статье представлен аналитический обзор хозяйственной деятельности предприятий зарубежных китайцев (*хуацяо*) в приморских районах, в дельте реки Янцзы, в районе кольца Бохайского залива, в центральных и западных районах КНР.

На *приморские районы*, представленные провинциями Гуандун, Фуцзянь и Хайнань (более 90% зарубежных китайцев являются выходцами из этих провинций, все три провинции считаются малой родиной китайских эмигрантов) приходится 31% прямых иностранных инвестиций (ПИИ), 54% всех ком-

паний и 39,59% наиболее успешных компаний зарубежных китайцев в КНР (табл. 1 и 2).

Таблица 1

Распределение компаний хуацяо по регионам КНР в 2008 г., %

Приморские районы		Дельта реки Янцзы		Район кольца Бохайского залива		Центральные районы		Западные районы	
Всего:	54	Всего:	25	Всего:	10	Всего:	7	Всего:	4
<i>из них</i> Гуандун	39,9	<i>из них</i> Шанхай	11	<i>из них</i> Ляонин	1,9	<i>из них</i> Аньхой	1,3
Фуцзянь	13	Цзянсу	7,2	Шаньдун	2,7
Хайнань	0,65	Чжэцзян	5	Пекин	4
...	Тяньцзинь	1,4

Составлено по: Чжунго цяоцзы цие фачжань нянду баогао – 2008: [Годовой доклад по развитию компаний с капиталом зарубежных китайцев в КНР – 2008]. Пекин, 2009. С. 126-127.

Таблица 2

Распределение наиболее успешных компаний хуацяо по регионам КНР, %

Приморские районы		Дельта реки Янцзы		Район кольца Бохайского залива		Центральные районы		Западные районы	
Всего:	39,59	Всего:	18,3	Всего:	16,03	Всего:	10,98	Всего:	15,1
<i>из них</i> Гуандун	22,88	<i>из них</i> Шанхай	7,32	<i>из них</i> Ляонин	4,58	<i>из них</i> Аньхой	2,29	<i>из них</i> Чунцин	4,8
Фуцзянь	16,02	Цзянсу	6,4	Шаньдун	4,12	Юньнань	3,2
Хайнань	0,69	Чжэцзян	4,58	Пекин	5,5	ГЧАР*	2,29
...	Тяньцзинь	1,83	Шэньси	0,69
...	СУАР*	0,69
...	АРВМ*	0,46

* Примечание: ГЧАР – Гуанси-Чжуанский АР, СУАР – Синьцзян-Уйгурский АР, АРВМ – АР Внутренняя Монголия.

Составлено по: Чжунго цяоцзы цие фачжань нянду баогао – 2008: [Годовой доклад по развитию компаний с капиталом зарубежных китайцев в КНР – 2008]. Пекин, 2009. С. 132-152.

Абсолютное большинство наиболее успешных компаний *хуацяо* в этих провинциях занято в обрабатывающей промышленности (табл. 3). Причем, несмотря на наметившуюся после кризиса 2009 г. тенденцию перехода ряда компаний от трудоемкой к капиталоемкой, а затем и к наукоемкой промышленности, удельный вес высокотехнологичного сектора в обрабатывающей промышленности меньше чем у иностранных компаний: 23% – Гуандун, 18% – Фуцзянь, 0% – Хайнань.

Таблица 3

Отраслевые предпочтения наиболее успешных компаний *хуацяо* в приморских районах Китая, %

	Гуандун	Фуцзянь	Хайнань
Обрабатывающая промышленность в том числе высокотехнологичный сектор	89	88	100
	23	18	0
Недвижимость	4	10	0
Торговля	2	0	0
Консалтинг	2	0	0
Сельское хозяйство	1	1	0
Электроэнергетика	1	1	0
Транспорт и складское хозяйство	1	0	0

Составлено по: Чжунго цяоцзы цие фачжань няньду баогао – 2008: [Годовой доклад по развитию компаний с капиталом зарубежных китайцев в КНР – 2008]. Пекин, 2009. С. 135, 137, 139.

К другим отраслевым предпочтениям *хуацяо* относятся: в Гуандуне – недвижимость – 4%, торговля – 2%, консалтинг – 2%, и по 1% на с/х, электроэнергетику, транспорт и складское хозяйство; в Фуцзяни: недвижимость – 10%, по 1% на с/х и электроэнергетику (табл. 3). Данные показывают, что отраслевые предпочтения *хуацяо* в Гуандуне шире, чем в Фуцзяни и тем более на Хайнане. 5% предприятий *хуацяо* в Гуандуне занято в сфере услуг (торговля, консалтинг, транспорт и складское хозяйство), что связано с большей степенью развитости

экономики пров. Гуандун относительно других провинций данной группы.

89% инвестиций хуацяо в пров. Гуандун поступают из Гонконга, около 5% из Виргинских о-вов (Брит.), остальные из Макао, Сингапура, Малайзии, Бермудских о-вов, Японии, Нидерландов и Канады. В пров. Фуцзянь 68% инвестиций хуацяо поступают из Гонконга, около 10% – из Сингапура, 5% – из США, 5% – из Индонезии, 5% – с Филиппин, остальные из Венгрии, Макао, Канады, Японии, Виргинских о-вов, Малайзии. В пров. Хайнань 77% инвестиций хуацяо поступают из Гонконга, остальные из Сингапура, Малайзии, Таиланда, Японии, США и Канады⁵. Это соответствует географии размещения хуацяо за рубежом.

На *дельту реки Янцзы* представленную Шанхаем, пров. Цзянсу и Чжэцзян, приходится 30,8% всех ПИИ, 24,82% всех компаний и 18,3% наиболее успешных компаний хуацяо (табл. 1 и 2).

Удельный вес компаний, занятых в обрабатывающей промышленности, ниже, чем в приморских районах, в Цзянсу – 72%, в Шанхае – 60%, Чжэцзян – 90%. В пров. Цзянсу доля компаний, занятых в высокотехнологичном секторе, очень низкая – около 6%, 25% компаний занято в сфере услуг (из них 13% приходится на сектор недвижимости). Для Шанхая характерно снижение доли компаний хуацяо в обрабатывающей промышленности в пользу сферы услуг, удельный вес которой составляет 40%, причем на сектор недвижимости приходится 21% компаний. В пров. Чжэцзян (ее также относят с *цяосян*) удельный вес компаний, занятых в высокотехнологичной промышленности, составляет – 17%, на сферу услуг приходится 10% компаний хуацяо (табл. 4).

Таблица 4

Отраслевые предпочтения наиболее успешных компаний хуацяо в дельте реки Янцзы, %

	Шанхай	Цзянсу	Чжэцзян
--	--------	--------	---------

Обрабатывающая промышленность	60	72	90
<i>в том числе высокотехнологичный сектор</i>	...	6	17
Сфера услуг	40	25	10
<i>в том числе недвижимость</i>	21	13	...
Прочее	0	3	0

Составлено по: Чжунго цяоцзы цие фачжань няньду баогао – 2008: [Годовой доклад по развитию компаний с капиталом зарубежных китайцев в КНР – 2008]. Пекин, 2009. С. 141-143.

Для Шанхая характерно постепенное уменьшение инвестиций из Гонконга, Макао и Тайваня, наращивание инвестиций из США, Японии, Германии, Англии и Франции, заметная тенденция роста инвестиций из Сингапура и Южной Кореи. Доля зарубежных китайских инвестиций из Гонконга в пров. Чжэцзян остается высокой – более 60%⁶.

На район *кольца Бохайского залива*, представленный пров. Ляонин, Шаньдун, г. Пекин и Тяньцзинь, приходится 22,3% ПИИ, 10% всех компаний хуацяо, 16,03% наиболее успешных компаний хуацяо в КНР (табл. 1 и 2).

В среднем удельный вес компаний хуацяо в обрабатывающей промышленности в районе кольца Бохайского залива ниже, чем в других рассматриваемых нами районах. В пров. Ляонин в обрабатывающей промышленности занято 38% предприятий, Шаньдун – 55%, Тяньцзинь – 62,5%. У пров. *Ляонин* отсутствуют региональные преимущества для развития обрабатывающей промышленности, но это компенсируется отличными возможностями для развития коммерческой торговли и туризма, что способствует росту сферы услуг и особенно сектора недвижимости, доля которого составляет 26%. В пров. *Шаньдун* предприятия *хуацяо*, занятые в обрабатывающей промышленности, делают упор на производстве продуктов питания и переработке с/х продукции (т.е. очень близкое взаимодействие 1-й и 2-й сферы экономики), что связано с особенностью пров. *Шаньдун*, специализирующейся на отраслях сельского хозяй-

ства, а не на высокотехнологичной продукции. Для компаний хуацяо в Пекине характерен относительно высокий процент занятости в высокотехнологичном секторе обрабатывающей промышленности – 21,3%, высокий процент занятости в сфере услуг – 30% (на сектор недвижимости пришлось 11,4%)⁷. В Тяньцзине, кроме обрабатывающей промышленности, компании хуацяо также заняты в сфере транспорта и коммуникаций, что связано с географическим положением города, тесного соседства с Пекином, по отношению к которому Тяньцзинь играет дополняющую роль, обеспечивая транспортную поддержку (эксплуатация скоростных магистралей).

На **центральные районы** приходится 8,34% ПИИ, 7% всех компаний, из них на пров. Аньхой – 1,29%, 10,98% наиболее успешных компаний зарубежных китайцев, из них 2,29% на пров. Аньхой (табл. 1 и 2).

Доля компаний, занятых в обрабатывающей промышленности, высокая, в пров. Аньхой составила 80%. 37,5% компаний приходится на фармацевтическую промышленность, 62,2% – на традиционные отрасли промышленности, при этом отсутствуют компании занятые в высокотехнологичном секторе обрабатывающей промышленности⁸. Отметим, что в пров. Аньхой имеются хорошие перспективы для развития бизнеса хуацяо, т.к. она имеет тесные экономические связи с дельтой реки Янцзы (межпровинциальные рамочные соглашения о сотрудничестве, соглашения о сотрудничестве в сфере энергетики, туризма, с/х, рабочей силы), т.е. Аньхой становится экономически завязанной на дельту р. Янцзы.

На **западные районы** приходится 6,05% ПИИ, 4% всех компаний, 15,1% наиболее успешных компаний хуацяо (табл. 1 и 2).

Отраслевые предпочтения наиболее успешных компаний зарубежных китайцев в западных районах Китая имеют существенные различия (табл. 5).

Таблица 5

Отраслевые предпочтения наиболее успешных компаний хуацяо в западных районах КНР, %

	Чунцин	Юньнань	ГЧАР*	СУАР*	АРВМ*	Шэньси
Первая сфера экономики	0	0	0	67	100	0
Обрабатывающая промышленность	67	85,7	70	0	0	100
в том числе высокотехнологичный сектор	...	0	...	0	0	100
Сфера услуг	33	33	0	0
в том числе недвижимость	33	0	0
Прочее	0	14,3	30	0	0	0

* Примечание: ГЧАР – Гуанси-Чжуанский АР, СУАР – Синьцзян-Уйгурский АР, АРВМ – АР Внутренняя Монголия.

Составлено по: Чжунго цяоцзы цие фачжань няньду баогао – 2008: [Годовой доклад по развитию компаний с капиталом зарубежных китайцев в КНР – 2008]. Пекин, 2009. С. 148-152.

В Чунцине в обрабатывающей промышленности занято 67% компаний хуацяо, 33% компаний занято в сфере услуг, в дальнейшем можно будет наблюдать рост доли занятых в сфере услуг и ее сокращение в обрабатывающей промышленности.

В пров. Юньнань 85,7% компаний хуацяо занято в обрабатывающей промышленности. Нет высокотехнологичных компаний хуацяо, большинство компаний сосредоточено на табачной, фармацевтической, пищевой, ликероводочной, нефтяной промышленности и др. Т.е. развиваются, используя богатые природные ресурсы и климатические условия данного региона.

В Гуанси-Чжуанском АР в обрабатывающей промышленности занято 70% компаний хуацяо, практически все они заняты переработкой сырья и сельскохозяйственной продукции. Этому способствуют богатые запасы природных ресурсов и выгодное географическое положение (соседство с ЮВА превратило ГЧАР в канал для связи восточных центральных и западных районов КНР с ЮВА).

В *Синьцзян-Уйгурском АР* практически все компании хуацяо заняты в первичном секторе экономики – выращивание хлопка, добыча нефти и природного газа. Некоторая часть компаний занята в сфере недвижимости.

В *АР Внутренняя Монголия* компании хуацяо также отдают предпочтение отраслям первичного сектора экономики – животноводство, сельское и лесное хозяйство, горное дело.

В пров. *Шэньси* все компании хуацяо заняты производством наукоемкой и высокотехнологичной продукции и сосредоточены преимущественно в г. Сиань. Несмотря на то, что пров. Шэньси относится к слабо развитым западным районам Китая, наукоемкое и высокотехнологичное производство является особенностью г. Сиань. Это связано с тем, что на ранних этапах строительства национальной обороны г. Сиань был специально создан как важный научно-технический центр северо-западных регионов, т.е. в Сиане мощная научно-исследовательская база, много вузов и НИИ, богатые научно-технические ресурсы. В первые годы реформ экономика города, как и в целом северо-западных районов, ослабла, но научно-исследовательский потенциал сохранился. Стратегия освоения западных районов вновь превратила город в важный научно-технический центр. Этими условиями грамотно воспользовались зарубежные китайские предприниматели, не только создавшие здесь компании, но и открывшие представительства этих компаний за рубежом, например представительство сианьской зоны освоения новых и высоких технологий в Кремниевой долине в США, которое фактически рекламировало научно-технические, отраслевые, кадровые преимущества и преимущества окружающей среды г. Сиань. Это способствовало повышению интереса в промышленных и коммерческих кругах США к г. Сиань, что позволило привлечь высококвалифицированных специалистов, новейшие научные разработки, технологии, проекты и крупных венчурных инвесторов.

В заключении подчеркнем основные моменты, которые характерны для хозяйственной деятельности зарубежных китайцев в регионах КНР:

– территориальное размещение компаний зарубежных китайцев расширяется от их малой родины (Гуандун, Фуцзянь, Хайнань), где были открыты первые СЭЗ, на север страны к дельте реки Янцзы, крупным городам вдоль берегов реки Янцзы (Чунцин, Юэян, Ухань, Цзюцзян, Уху), району кольца Бохайского залива и центральным регионам страны, в западные регионы страны инвестиции пока идут медленно;

– практически во всех рассмотренных районах компании зарубежных китайцев заняты в обрабатывающей промышленности, далеко не во всех регионах компании заняты в высокотехнологичном секторе (Гуандун, Фуцзянь, дельта Янцзы, Пекин, Чунцин, Шэньси), их доля в обрабатывающей промышленности составляет от 6 до 23%, исключением является г. Сиань (Шэньси) – 100%.

– зарубежные китайские предприниматели эффективно приспосабливаются к природным, историческим и экономическим особенностям конкретного региона, удачно встраиваются в отраслевую структуру экономики.

В связи с отменой в 2008 г. в развитых районах страны налоговых льгот для иностранных и зарубежных китайских компаний, занятых трудоемким производством экспортной продукции, 13% – льготная ставка налога против 25% (для высокотехнологичных компаний, а также для компаний в слаборазвитых районах льготы были сохранены), удорожанием рабочей силы, новым курсом на охрану окружающей среды, расширением внутреннего спроса, *главными тенденциями* регионального развития компаний зарубежных китайцев в КНР будут:

- рост доли компаний, занятых в высокотехнологичном секторе обрабатывающей промышленности в приморских районах, крупных городах (Пекин, Шанхай, Чунцин);
- рост миграции компаний из развитых приморских районов и крупных городов в слабо развитые центральные и западные районы страны;
- большая ориентация компаний хуацяо на внутренний рынок и сферу услуг.

¹ //cicdatabank.library.ohiou.edu/opac/population.php

² Чжу Вэньчжун, Цзя Хайтао. 20 шиззи 80 няньдай илай хайвай хуажэнь тоуцзы чжунго далу дэ цзинци инсянли фэньси: [Анализ экономического влияния инвестиций зарубежных китайцев в КНР с 1980-х годов] / Сюэшу яньцзю: [Научные исследования]. Гуанчжоу. 2006, № 12. С. 64.

³ //www.omnilogos.com/2011/11/14/the-overseas-chinese-a-driving-force/

⁴ Афонасьева А.В. Зарубежные китайцы – бизнес в КНР: экономическая деятельность зарубежных китайцев и реэмигрантов в КНР в ходе реформ (1979-2010 гг.). Москва, 2013. С. 3.

⁵ Чжунго цяоцзы цие фачжань няньду баогао – 2008: [Годовой доклад по развитию компаний с капиталом зарубежных китайцев в КНР – 2008]. Пекин, 2009. С. 135, 138-139.

⁶ Там же. С. 143.

⁷ Там же. С. 145-148.

⁸ Там же. С. 150.

Прохорова Н.В.

ИДВ РАН

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ВОДОРАСПРЕДЕЛЕНИЯ В КИТАЕ

Китай является страной, где чрезвычайно остро стоит проблема локального дефицита воды. Например, такая ситуация наблюдается в Тибете, где находятся верховья крупнейших рек юго-восточной Азии – Меконга, Салуина, Брахмапутры и других рек. Даже граничащие с Россией провинции Хэйлунцзян и Цзилинь, при наличии в регионе полноводных трансграничных рек, вынуждены использовать подземные воды. На границе Китая и Казахстана, располагающей 23 трансграничными водотоками, ситуация еще более сложная. Во всех из упомяну-

тых китайских окраин идет активное гидро-техническое строительство с целью переброски и эффективного распределения вод трансграничных водотоков между внутренними территориями провинций.

Во внутренних районах страны ситуация еще более тяжелая. Так, в бассейне реки Хуанхэ нехватка воды наблюдается практически во всех провинциях, особенно в провинциях Шэньси и Шаньси, где осуществляются самые смелые проекты по водораспределению в современном Китае.

Для эффективного управления водными ресурсами территория Китая подразделяется на десять бассейновых объединений – рек Сунгари и Уссури; Хайхэ; Ялюцзян и Ляохэ; Хуайхэ; а также юго-западных рек; Чжуцзян; бассейнов Внутренних рек и Иртыша; бассейнов юго-восточных рек; бассейна Янцзы; бассейна Хуанхэ.

Проблема водораспределения для Китая решается по пути создания инженерной, рыночной и законодательной структуры, позволяющей в масштабах всей страны эффективно распределять воду, предотвращая дефицит водного ресурса на уровне местного водоснабжения, и квот на водопользование для предприятий.

Формирование законодательной базы по данному направлению задерживается вследствие несогласованности между собой пилотных проектов, реализуемых в различных местностях. В особенности проблема несогласованности сказывается в сфере водопользования на трансграничных реках КНР, поскольку в данном случае китайские власти склонны опираться на опыт регулирования водопользования на внутренних реках страны.

В то же время наиболее актуальными становятся рыночные механизмы поставок воды (и сделок с водой), способные обеспечить эффективное функционирование гидро-технических проектов и операций по обмену правами на воду.

Первичное право на воду (*чуши шуццюань*) издавна осуществлялось в сельскохозяйственном секторе еще в императорском Китае, когда крестьяне сообщали в водохозяйственную организацию размеры фактически засеваемых площадей, обосновывая тем самым квоты на орошение. Однако даже во времена Гоминьдана в большинстве местностей выделяемый объем воды не был гарантированным, определялась только очередность и количество отведенного времени на орошение. Лишь с образованием КНР, когда началось активное ирригационное строительство, в сельскохозяйственном секторе начался переход к плановому выделению фиксированных объемов воды для фактически засеваемых площадей. Если в порядке очереди её не хватало, то недостающее количество воды старались восполнить. Фактически это означало переход к водопользованию по принципу необходимого объема воды для каждой территории.

По мере развития административно-бассейновой системы управления водными объектами возникло деление на бассейновое и районное право на воду. Современные правовые подходы базируются, прежде всего, на соотношении спроса на воду и возможностей водоснабжения, на основании чего составляются комплексные планы по водным ресурсам для конкретных местностей. Водный кодекс 1988 г. утвердил положение о распределении объемов воды, однако на практике распределение первичных прав на воду между территориями в массовом порядке было проведено только к моменту конца Второй всеобщей государственной оценки водных ресурсов – в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Причем первичные права на воду устанавливались только на основе оценок, учитывающих спрос на воду и возможности водоснабжения в пределах конкретных местностей. Экологические показатели при расчете индикаторов для определения прав на воду не учитывались.

В настоящее время организация системы водораспределения на базе не только имеющихся объемов, но и качества вод-

ных ресурсов – проблема сегодняшнего дня. Пилотные проекты этого направления в настоящее время разворачиваются в провинции Гуандун. При этом стандартная процедура определения первичных прав на воду базируется на экономических индикаторах, когда в соответствии с размером земельных площадей, экономической развитостью района и количеством населения выделяется необходимый для каждой территории объем воды.

В 2008 г. Министерство водных ресурсов опубликовало документ, открывающий возможность совершения рыночных сделок с правом на воду «Временное положение о распределении объемов воды» (*шуйлян фэньпэй цзаньсин баньфа*), содержащий 17 статей. В первую очередь речь идёт о переброске вод между провинциями, административными районами и городами центрального подчинения. На трансграничные реки действие этого закона не распространяется. Основным принципом является межтерриториальное распределение воды, минуя административные границы. Основной территориальной единицей является бассейн, охватывающий несколько административных областей с разной потребностью в воде, и соответственно, с различными первичными правами на воду¹. Данный документ дополняет вышедшие в 2006 г. «Правила управления лицензированием водозабора и сбором платежей».

Работы по установлению режима водопользования вошли в 11-й пятилетний план. В плане конкретизирована роль государства, которое должно осуществлять верховный контроль для поддержания общественной справедливости в сфере водопользования. В то же время были предусмотрены меры контроля и над государством, как основным собственником водных ресурсов².

Таким образом, ответственность за распределение водных ресурсов несет государство, но конкретные мероприятия осуществляют бассейновые структуры, распределяя воду, в свою очередь, в города и уезды. Бассейновые структуры разрабаты-

вают планы переброски воды, которые должны быть согласованы с администрациями местностей и пройти экспертизу, в результате которой определяется общий объём воды в бассейне и оцениваются его потенциальные возможности, определяются первичные права на воду за определенный (годовой) период. В ходе разработки оцениваются такие показатели, как минимальная потребность бассейна в воде, объем систем водопользования, потенциал водосбережения, демографические и экономические условия местности.

После утверждения планов административные округа подписывают соглашения о распределении первичных прав на воду.

В рамках плана у местностей появляется значительный потенциал в межрегиональных уступках воды друг другу. В 2000 г. состоялся первый прецедент по сделке с правом на воду между двумя городами Дуньян и Иу. В 2000 г. город Иу провинции Чжэцзян заявил о покупке права на воду у Дуньянского водохранилища Хуанцзинь по цене 4 юаня за каждый кубометр. Окончательно покупка была официально оформлена в 2005 г. после завершения строительства ирригационного сооружения, необходимого для завершения сделки. С тех пор распределение и обмен прав на воду становится частой практикой. Так, Нинся-Хуэйский автономный район и автономный район Внутренняя Монголия в 2003 г. также провели эксперимент по взаимообмену правами на воду на реке Хуанхэ³.

В 2001 г. был принят закон по реке Тарим «Правила обуздания в короткие сроки реки Тарим», которые разрешали вопрос регулирования споров за водные объемы между верхним, средним и нижним течением реки, а также между инфраструктурами территорий в притоках и главным течением реки.

В 2003 г. город Шаосин провинции Чжэцзян подписал соглашение с городом Цичи об уступке права пользования водой. Согласно его условиям, с 2005 по 2020 гг. водохранилище Танпу города Шаосин уступает городу Цичи право на воду по цене поставки 0,4 юаня за кубометр.

В 2004 г. в бассейне рек Сунгари и Ляо ирригационный Комитет развернул пилотный проект по определению первоначальных (первичных) прав на воду на территориях бассейнов этих рек⁴.

Распределение прав на воду проведено в 2007 на реках Хуолинь и Далин в зоне водохранилища Гуаньтин. Ирригационный Комитет по реке Хайхэ совместно с правительствами провинций Хэбэй и Шаньси разработали проект по распределению воды в главном течении реки Юндин, который стал базовым документом для контроля уровня и объемов воды в бассейне.

В настоящее время практика уступки прав на воду получает в Китае все более широкое применение, и в отличие от начала 2000-х годов, когда начинал осваиваться механизм уступки прав между территориями и отраслями экономики, в оборот входит практика уступок и обмена правами на воду между более мелкими единицами – предприятиями.

Так, если в ходе экспертизы выясняется, что используемый предприятием объем воды превышает показатели разработанных для этого района индикаторов, водозабор строго ограничивается. Путем ограничения предприятий, расходующих много воды, и поощрением предприятий с малым расходом стимулируется высокая эффективность использования воды при низкой ее затратности. В основном используются административные способы воздействия, но в то же время идет поиск и экономических мер, стимулирующих экономное распределение водных ресурсов и их защиту. Например, если старое предприятие не достигло допустимого показателя забора воды, а новое предприятие на данный момент израсходовало свою квоту, и в то же время весь район уже превысил допустимый уровень водозабора, что влечет за собой временное прекращение или ограничение водозабора, то в этом случае поощряется передача прав на воду между двумя предприятиями.

Каждая местность характеризуется индивидуальными условиями и спецификой действия рыночных механизмов. Пока еще преждевременно говорить о слаженном функционировании водораспределительных систем или подведении единой законодательной базы под описываемые процессы. На местном уровне законодательная инициатива реализуется в обеспечении гидротехнических проектов, из которых наиболее масштабным является Проект по переброски вод с юга на север.

По итогам осуществления проекта переброски вод с юга на север каждая провинция должна получить права на воду в соответствии с её инвестициями. После пуска воды ее потребление должно осуществляться по двум тарифам. Одна цена определяется в зависимости от купленного водопотребителем объема прав на воду, а другая — исчисляется в зависимости от фактически израсходованного объема воды.

Реализация данного Проекта началась в 2002 г. строительством Восточного луча. Отметим, что по Восточному лучу проекта планируется переброска вод из низовья реки Янцзы в восточные территории, находящиеся в бассейнах рек Хуанхэ, Хуайхэ и Хайхэ.

Строительство среднего луча Проекта по переброске воды с юга на север началось в 2003 г. Главным источником водозабора служит водохранилище Данцзянкоу в бассейне реки Ханьцзян, являющейся притоком Янцзы, а конечный пункт транспортировки — города Пекин и Тяньцзинь.

Строительство западной ветки Проекта, имеющего целью обеспечение водой северо-западных районов страны, пока еще находится на стадии технического обоснования.

Ни одна из линий проекта пока еще не введена в строй, но столкновение интересов различных групп и территориальных объединений вокруг реализации этого проекта уже началось⁵.

Противники Проекта высказывают мнение, что данная гидротехническая сеть будет перекачивать слишком мало воды, и не оправдает колоссальные средства, вложенные в ее

строительство. Однако администрации крупных регионов Китая с нетерпением ждут ввода в строй линий данного проекта, который позволит снизить возложенную на них нагрузку в водоснабжении столичного округа – Пекина и Тяньцзиня.

В 1987 г. Госсоветом был принят Проект водораспределения «7–8». На основании реально используемых объемов воды по данным на 1980 г. был предложен комплексный план распределения воды на орошение прибрежных районов провинций, увеличение водопользования в городах и на промышленные нужды. В проекте водораспределения «7–8» особо указано, что он по сути является проектом распределения водных объемов на Хуанхэ до ввода в строй Проекта переброски вод с юга на север.

В 1999 г. Госсовет КНР одобрил Проект единого распределения водных объёмов, в том числе и в бассейне реки Хуанхэ. Данный проект можно рассматривать как первообраз «распределения прав районов на воду». К недостаткам проекта можно отнести недоработку вопросов распределения воды в притоках Хуанхэ и подземных источниках.

Сток реки Хуанхэ составляет всего лишь 2% от общего стока рек в стране. Если говорить о постоянно испытывающих засуху районах провинций северо-западных рек, то отрезок от Ланьчжоу до Санмэнь в верхнем и среднем течении Хуанхэ испытывает наиболее серьезную нехватку воды, а объем водных ресурсов, приходящийся на человека, составляет в среднем 1/8 от общегосударственного. В то же время на территории бассейна Хуанхэ находится 15% пахотных площадей страны, 12% населения. Кроме того, на бассейн возложена обязанность по водоснабжению больших и малых городов. Это делает вопрос о правах на воду в этом регионе еще более чувствительным и сложным.

В настоящее время самое большое внимание привлекает тема распределения 20 млрд куб. м воды из Хуанхэ в Тяньцзинь и провинцию Хэбэй. Для этой цели специально осущест-

влено строительство водозаборных сооружений для помощи Тяньцзиню и провинции Хэбэй.

Со стороны администраций провинций, расположенных в бассейне Хуанхэ, все чаще звучат призывы к Комитету водного хозяйства по р. Хуанхэ, в преддверии скорого запуска Проекта переброски воды с юга на север, пересмотреть распределение водных ресурсов, предназначенных для Тяньцзиня и Хэбэя, в пользу запада страны.

Однако Хэбэй и Тяньцзинь не согласны с перераспределением, поскольку цена за ныне существующую переброску воды намного ниже стоимости воды после реализации Проекта переброски вод с юга на север.

Занятые в энергетической отрасли север провинции Шаньси и восток Нинся-Хуэйского автономного района столкнулись с аналогичными трудностями. К 2020 г. дефицит воды для энергетической базы на севере провинции Шаньси составит 1 млрд куб. м.

Для разрешения проблемы нехватки воды для производства энергии на севере провинции Шаньси, провинция выдвинула локальный проект переброски воды «с юга на север» внутри провинции. Речь идет о переброске воды из реки Хань в реку Вэй. Т.е. из верхнего течения Хань южного Шаньси вода вводится в бассейн Вэй, восполняя объем воды в Вэй, впадающей в Хуанхэ. Таким образом, становится возможным возмещение объема водных ресурсов на севере Шаньси – в реке Хуанхэ, используемой для строительства энергетической базы на севере провинции.

Уже в течение 2-х лет Шаньси активно ищет поддержку, призывая включить гидротехнические сооружения по транспортировке воды из реки Хань в реку Вэй в Средний луч Проекта переброски вод с юга на север и одобрить просьбу по «возмещению» объемов воды в Хуанхэ.

Деление воды – это деление денег. Независимо от того, стоит ли вопрос о вододелении или трансбассейновой переброс-

ске воды – все это касается перспектив длительного развития региона.

Проект вододеления «7–8» осуществляется уже 25 лет. В экономической ситуации произошли серьезные изменения. А противоречия между спросом и предложением на воду только обостряются. Если не производить пересмотр проекта распределения воды «7–8» и не производить никаких изменений в расстановке приоритетов, то существует только два способа решения проблемы. Первый – ожидать запуска проекта Западного луча переброски вод с юга на север. Второй – использовать внутренний потенциал за счет водосберегающего орошения.

На стадии развития энергетической базы провинция Шаньси нуждалась в более чем 50-процентном увеличении объема используемой воды. Однако эффективному использованию воды в Шаньси препятствуют высокие горы. Так, из отведенных в свое время для Шаньси 4,31 млрд куб. м до сегодняшнего дня удалось израсходовать 1,5 млрд куб. м, что составляет 1/3 от показателя распределения. В 2012 г. провинция развернула проект «Два вдоль, десять поперек», объединив шесть рек в большую водную сеть. Из десяти гидротехнических сооружений проекта пять забирали воду из Хуанхэ.

Усиливающаяся индустриализация диктует возросшую потребность в воде. Начиная с 2003 г. министерство водного хозяйства в Нинся-Хуэйском автономном районе и автономном районе Внутренняя Монголия начало осуществлять обмен прав на воду, и поддержало инвестирование местных предприятий в орошение, водосберегающее водопользование, в развитие производства.

Начиная с 2010 г. Внутренняя Монголия ходатайствовала об обмене прав на воду в г. Куамэн. Комитет по реке Хуанхэ отвел два года на наблюдение. Предполагалось, что если в течение этих двух лет уровень водопользования на р. Хуанхэ не будет превышен, то эксперимент должен был быть разрешен.

Два года наблюдательного периода уже истекли. Внутренняя Монголия не превысила квоты на использование воды, и в данное время планирует еще более масштабный обмен прав на воду – передать право на использование сельскохозяйственных вод еще четырем другим городам.

На основании опубликованных в 2006 г. «Правил по распределению водных ресурсов Хуанхэ», комитет по реке Хуанхэ обязался применять к районам, имеющим перерасход воды, ограничительные санкции. На данный момент крупными водопользователями, имеющими значительный перерасход, являются провинция Шаньдун и Внутренняя Монголия.

С другой стороны, провинции Шаньдун и Шаньси имеют неизрасходованные квоты воды, но из-за быстрого экономического развития они вскоре могут быть превышены.

Огромное значение для эффективной эксплуатации и сбережения водных ресурсов имеет поддержание экоструктуры водного бассейна. Так, за счет восстановления берегов Хуанхэ можно повысить эффективность борьбы с наводнениями и выведением песка, усилить контроль над заиливанием русла. Однако в Хуанхэ слишком много песка, и борьба с ним представляет сложную гидротехническую проблему. В связи с этим основной задачей становятся меры, предотвращающие поднятие русла. Из годового природного стока Хуанхэ в 58 млрд куб. м, 37 млрд куб. м приходится на потребление девятью районами провинций вместе с Хэбэем и Тяньцзинем. Остальные 21 млрд куб. м расходуются на выгон песка, из которых, как считается, часть может быть использована на полезные нужды.

Помимо проблем с вододелением между провинциями Проект по вододелению «7–8» подвергается критике со стороны общественности в связи с тем, что в угоду экономическому развитию северо-западных регионов игнорируется потребность экосистем в воде. Отмечается, что существующий проект по водораспределению на р. Хуанхэ надо пересмотреть в первую очередь в сторону увеличения расходов воды на экологическое

строительство, улучшение ситуации в районах, имеющих тенденцию к опустыниванию.

На фоне нехватки водных ресурсов особенно выделяются экологические проблемы некоторых районов Китая. Так, на территорию Внутренней Монголии наступает пустыня, что требует распределения большего объема воды для данной провинции. Провинция Цинхай в Китае является истоком трех рек – Янцзы, Хуанхэ и Ланцаньцзян, и районом стратегических запасов водных ресурсов, а также экраном, защищающим восточную часть Китая от приходящих с запада песчаных бурь. В 2011 г. Госсовет официально признал цинхайский район трёхречья экспериментальным районом по защите экологии.

Однако в проекте «7–8» Цинхай незаслуженно обделен по отведенному для него объему водопользования. В то время как провинция снабжает Хуанхэ водой более чем на половину, ей самой выделяется для использования всего лишь 1,41 млрд куб. м. Предполагается, что к 2020 г. уровень нехватки воды в Цинхае достигнет 1 млрд куб. м. Принимая во внимание, что провинция является для всего Китая краном, испускающим воду, очевидно, что ей самой необходимо выделять больше воды. Однако в привязке к существующим индикаторам водораспределения, приходится только смотреть, как вода утекает.

По данным последней оценки водных ресурсов, природный сток Хуанхэ уменьшился и в настоящее время составляет всего лишь 53,5 млрд куб. м. Объём возможных поставок воды также уменьшился. Таким образом, распределение водных ресурсов на реке Хуанхэ в данный момент является сложной задачей. Существует мнение, что ныне действующий проект распределения воды возможно не оптимальный, но точно самый осуществимый⁶.

В заключение отметим, что покрытие Китая сетью водораспределительных систем и слаженное функционирование этих сетей безусловно является целью государственной политики водораспределения. Однако осуществление этой задачи

еще далеко до его завершающего этапа. В настоящее время реализация водораспределительных проектов находится на стадии тестирования и внедрения определенных рыночных механизмов, необходимых для успешного функционирования данных систем.

¹水量分配暂行办法. Шуйлян фэньпэй цзаньсин баньфа. Временные положения о распределении объемов воды прав.

²中国可持续发展总大纲. 第四卷. Чжунго кэчисюй фачжан цзун даган. Ди сы цзюань. Программа устойчивого развития Китая, Т. 4, Пекин, 2007 г.

³中国可持续发展总大纲. 第四卷. Чжунго кэчисюй фачжан цзун даган. Ди сы цзюань. Программа устойчивого развития Китая, Т. 4, Пекин, 2007.

⁴中国可持续发展总大纲. 第四卷. Чжунго кэчисюй фачжан цзун даган. Ди сы цзюань. Программа устойчивого развития Китая. Т. 4. Пекин, 2007.

⁵ //zh.wikipedia.org/wiki

⁶ //www.eeo.com.cn/2013/0105/238352.shtml

Подписано к печати 20.11.2013 г.
Печ.л. 22,6. Тираж — 135 экз. Заказ № 32
Печатно-множительная лаборатория
Института Дальнего Востока РАН.
Москва, 117997, ГСП–7, Нахимовский пр-т, 32.
www.ifes-ras.ru